Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. АВГУСТЪ. 1901 годъ.

BIBLIOTHEK

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера. (Окончаніе). . . . 225—238
II. Выговоръ императора Павла I генералъ-аудиторіату. Сообщилъ профессоръ Лузановъ. . . . 239—240
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. . . . . 241—266
IV. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Ѳоминъ. . . . . 267—283
V. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 285—320
VI. Памяти Ивана Петровича Корнилова. Ал. Савельева. . . . . 321—322
VII. Россія и папскій престолъ. П. Пирлинга. 323—359
VIII. А. С. Шишковъ—защитникъ Россійской Академіи. 361—366
IX. Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разсказы объ отцѣ. Ив. Захарьина (Якунина). . . . . 367—389
X. Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. 391—393
XI. Цензура въ царствованіе императора Николая I. . 395—404
XII. Записки генерала В. И. Левенштерна . . . . . 405—425
XIII. Изъ архива И. Е. Великопольскаго. Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій. . 427—435
XIV. Къ біографіи Я. Ѳ. Головацкаго. Сообщилъ. И. П. Корниловъ. . . . . 437—439
XV. Церемоніалъ бракосочетанія в. к. Константина Павловича въ 1796 году. Сообщ. П. Парійскій. . 441—448
XVI. Записная книжка „Русской Старины“: Крестьянинъ вольнодумецъ (стр. 284).— Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной. Сообщ. Алексѣй Мердеръ (360). — Барклай-де-Толли при вступленіи его въ должность военн. министра (390). — Императорскій цензоръ.— Высочайшее повелѣніе о камеръ-юнкерѣ Танѣевѣ (394).— О непечатаніи масонскихъ пѣсенъ (426).— Высочайшій рескриптъ генералъ-поручицѣ Рахмановой съ замѣчаніемъ объ излишности ея совѣтовъ (436). — О доставленіи списка книгъ, напечатанныхъ Синодальною типографіею съ 1801 по 1806 г. (440).
XVII Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Марины Мнишекъ. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

1901

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1901 г.

Библіографическій листокъ.

Н. Орловъ. Забайкальцы въ Манчжуріи въ 1900 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. Орлова въ въ Китаѣ въ 1900 г. Съ картою и планами. С.-Петербургъ 1901.

Раздоры при императорскомъ дворѣ въ Пекинѣ, усиленная дѣятельность тайныхъ обществъ, которыми постоянно кишитъ Китай, назойливыя притязанія католическихъ миссіонеровъ, отчасти неловкіе, отчасти своекорыстные шаги европейской дипломатіи,—все это привело весной 1900 г. къ мятежному взрыву въ Китаѣ, къ столкновенію китайцевъ съ иностранцами, въ давленію со стороны вооруженной силы европейцевъ, къ бомбардированію, штурму и занятію Таку и, наконецъ, къ безумному рѣшенію со стороны китайцевъ — объявленію вражды всѣмъ иностранцамъ, какіе только находятся въ Китаѣ.

«Русское правительство, въ виду пожара, охватившаго весь Китай, на огромное разстояніе соприкасающійся съ Россіей своей сѣверной границей, вынуждено было объявить мобилизацію Приамурскаго края, затѣмъ сформировать нѣсколько отрядовъ, чтобы вторгнуться въ Манчжурію со всѣхъ сторонъ, и, кромѣ того, послать отрядъ на самую чувствительную точку Китая, по направленію къ Пекину».

Книга генерала Н. А. Орлова, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, состоитъ изъ 14 очерковъ, обрисовывающихъ дѣятельность Хайларскаго отряда въ 1900 г.

Прежде всего авторъ говоритъ о состояніи Хайларскаго отряда передъ походомъ въ Манчжурію. На сформированіе этого отряда было первоначально назначено: 2 пѣшихъ казачьихъ батальона, одна конная батарея и четыре конныхъ сотни, впослѣдствіи составъ увеличился. Всѣ эти части были импровизованы, созданы, такъ сказать, въ послѣднюю минуту изъ казаковъ, получившихъ, однако, обученіе. Забайкальскіе казаки—хорошіе стрѣлки. Оказался большой недостатокъ въ офицерахъ; для укомплектованія оберъ-офицерскихъ вакансій въ пѣшихъ баталіонахъ прислали 22 офицера изъ Казанскаго округа. Штаба у отряда вначалѣ не было. Изъ Хабаровска отъ высшаго начальства пришло такое увѣдомленіе, чтобы штаба не формировать, а достаточно одного офицера генеральнаго штаба. Такъ какъ такого офицера во всемъ Забайкальѣ не было, то отрядъ оказался бы безъ штаба. Но обходиться совсѣмъ безъ него невозможно; необходимы распоряженія для боевыхъ дѣйствій, нужна была переписка и по части хозяйственной, инспекторской. За нѣсколько мѣсяцевъ похода набралось 2.000 исходящихъ номеровъ; значитъ, нужны были и писаря, чтобы исписать такую уйму бумаги. Тогда наказной атаманъ, генералъ Маціевскій, уступилъ въ отрядъ лучшаго своего офицера, старшаго адъютанта областнаго штаба по хозяйственной части, подполковника Воложанинова, который исправлялъ во все время похода должность начальника штаба Хайларскаго отряда. Тыловыя учрежденія подошли уже потомъ. Полевая хлѣбопекарня, посланная изъ Виленскаго военнаго округа, пришла въ Хайларъ, когда отрядъ возвращался, окончивъ походъ, и только тогда воспользовался хлѣбомъ изъ хлѣбопекарни. Медицинская часть оставляла желать многаго. Медикаментовъ было очень мало. Послѣ нѣкотораго времени похода уже не оказалось ничего, такъ что даже касторовато масла и хинина не хватало; нечѣмъ было лѣчить больныхъ. Въ доказательство печальнаго состоянія медицинской части, генералъ Орловъ приводитъ слѣдующій случай. Съ однимъ тифознымъ, котораго надо было усыпить, потому что онъ не могъ спать, врачъ прибѣгъ къ особенному средству — далъ ему бѣлый порошокъ и сказалъ: «послѣ этого бѣлаго порошка ты долженъ непремѣнно заснуть»,—и больной заснулъ. Порошокъ оказался содой.

Отдѣленіе Краснаго Креста имени Ея Императорскаго Величества Александры Ѳеодоровны прибыло уже въ самомъ концѣ похода. Летучій артиллерійскій паркъ, въ которомъ была крайняя потребность съ самаго начала похода, пришелъ къ отряду только въ августѣ, т. е. когда были уже одержаны двѣ большихъ побѣды. Инженерный паркъ былъ сформированъ изъ 19 человѣкъ.

О занятіи Хайлара мы узнаемъ изъ частнаго письма генерала Орлова отъ 22-го іюля 1900 г.

Театръ военныхъ дѣйствій, обширный по своему пространству, представлялъ очень много особенностей, но въ общемъ былъ благопріятенъ. Бомбардированіе Благовѣщенска и разгромъ китайцами строящейся Манчжурской желѣзной дороги вызвалъ быстрое сформированіе Хайларскаго отряда, который сосредоточился у русской границы, у поселка Абагайтуя, уже 11-го іюля, между тѣмъ какъ первоначально сосредоточеніе это предположено было окончить къ 1-му августа.

Въ первомъ сраженіи при Онгуни, 17-го іюля, было болѣе 10.000 китайцевъ, а русскій отрядъ едва насчитывалъ 2.500 человѣкъ. Десять часовъ русскіе находились на позиціи подъ частымъ и непрерывнымъ огнемъ непріятеля; затѣмъ забайкальцы перешли въ общее наступленіе, разбили на-голову противника и преслѣдовали на разстояніи 18 верстъ. На полѣ сраженія было зарыто 800—900 китайскихъ труповъ; взято два орудія, два знамени, много оружія и патроновъ. Потери русскихъ оказались, сравнительно, незначительными: всего 8 убитыхъ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. спб., 24 июля 1901 г. тип. тов. „общ. польза", б. подъяч., д. 39.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

Великій князь Николай Павловичъ

съ 1814 по 1822 годъ.

19 г.
25134.

V [1]).

Двадцатаго августа (1-го сентября) 1817 года императоръ Александръ принялся опять путешествовать; государь отправился сначала въ Витебскъ, а затѣмъ и далѣе для осмотра войскъ первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли. Тогда же рѣшено было, что весь дворъ осенью переселится въ Москву, гдѣ предполагалось провести всю зиму и весну.

18-го (30-го) сентября великій князь Николай Павловичъ съ супругою выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Король Прусскій разрѣшилъ принцу Вильгельму продлить свое пребываніе въ Россіи и сопутствовать сестрѣ во время ея путешествія; принца по-прежнему сопровождалъ генералъ Натцмеръ. Положеніе, въ которомъ находилась великая княгиня, препятствовало быстрому переѣзду; поэтому путешественники пробыли въ дорогѣ 12 дней.

Во время пути Натцмеръ имѣлъ случай убѣдиться, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчается въ Россіи введеніе военныхъ поселеній. На пути отъ Новгорода въ Крестцы собралась толпа крестьянъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, вышедшихъ изъ лѣса, для принесенія великому князю жалобы по поводу расквартированія у нихъ въ деревняхъ гренадер-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 года.

скаго имени графа Аракчеева полка; они заявили, что у нихъ все отбираютъ, выгоняютъ изъ домовъ и что они уже нѣсколько недѣль не видѣли своихъ жилищъ. «Русскіе говорятъ», пишетъ Натцмеръ, «что въ то время, какъ мы стараемся превратить нашихъ крестьянъ въ солдатъ, у нихъ наоборотъ изъ солдатъ хотятъ сдѣлать крестьянъ. Вообще недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно».

«Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незваныхъ прибавлю)», замѣчаетъ современникъ въ своихъ запискахъ, «они всѣ бросаются на колѣна, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли primo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный разительный примѣръ пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи [1])».

Крестьяне не довольствовались этимъ протестомъ. Они также остановили императрицу Марію Ѳеодоровну во время проѣзда ея въ Москву, прося ее о защитѣ и милости. Сверхъ сего они снарядили еще депутацію въ Варшаву, къ цесаревичу Константину Павловичу, чтобы умолять его о заступничествѣ. Но всѣ эти протесты не привели ни къ чему, и крестьянамъ, обреченнымъ на нежданное благополучіе войти въ составъ военныхъ поселеній, оставался только одинъ исходъ: покориться постигшей ихъ печальной участи. Императоръ Александръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи насильно облагодѣтельствовать русскій народъ и сказалъ, что военныя поселенія будутъ «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова»

30-го сентября (12-го октября) вся царская семья съѣхалась на послѣдней станціи передъ Москвою, за исключеніемъ великаго князя Михаила Павловича, который еще путешествовалъ по Россіи [2]). Торжественнаго въ ѣзда въ столицу не было; каждый пріѣхалъ туда самъ по себѣ. На слѣдующее утро Александра Ѳеодоровна, подойдя къ окну,

---

[1]) Записки Александра Ивановича Мартоса. „Русскій Архивъ“ 1893 года Книга 2-я стр. 585. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны читаемъ: „En chemin nous avons trouvé par ci par là les habitants de quelques villages à genoux pour implorer, qu'on ne changeât pas leur sort“ *).

*) По дорогѣ намъ попадались тамъ и сямъ жители нѣсколькихъ деревень, умолявшихъ на колѣняхъ, чтобы не мѣняли ихъ судьбу.

[2]) 1-го (13-го) ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, по окончаніи путешествія по Россіи, также пріѣхалъ въ Москву, въ сопровожденіи своего ментора генерала Паскевича. Императоръ Александръ назначилъ тогда Паскевича начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; но Ивану Ѳедоровичу еще не скоро пришлось вступить въ командованіе гвардейскими войсками. Въ мартѣ 1818 года началось заграничное путешествіе великаго князя, окончившееся только въ слѣдующемъ году; Паскевичъ снова ему сопутствовалъ.

увидѣла передъ собою впервые Москву, которая, подобно панорамѣ, разстилалась у ногъ ея. «Сердце мое забилось: я поняла Россію, я гордилась тѣмъ, что принадлежу ей!»—вотъ въ какихъ выраженіяхъ великая княгиня записала свои впечатлѣнія.

1-го (13-го) октября великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ первый разъ участвовала въ выходѣ въ Успенскій соборъ и положила, какъ она пишетъ, 18 земныхъ поклоновъ передъ образами и раками святыхъ. «Колѣнопреклоненія дотого утомили мои ноги», признается она, «что я едва могла двигать ими».

12-го (24-го) октября происходила закладка храма во имя Спасителя Христа, на Воробьевыхъ горахъ, на которой присутствовалъ также великій князь Николай Павловичъ, равно какъ и принцъ Вильгельмъ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна отсутствовала.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, великій князь Николай Павловичъ окончательно разошелся со своимъ гофмаршаломъ Кириллomъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Взаимныя отношенія обострились до того, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна увидѣла себя вынужденною настоять на удаленіи Нарышкина; по ея мнѣнію, отъ рѣшенія этого вопроса зависѣли миръ и спокойствіе въ велико-княжескомъ домѣ [1]).

На мѣсто Нарышкина великій князь избралъ графа Гаврилу Францовича Модена. Извѣщая 26-го декабря 1817 года графа Модена объ утвержденіи государемъ его назначенія, Николай Павловичъ прибавилъ: «Soyez à moi, comme je suis à vous pour la vie et de coeur et d'âme» [2]). Дѣйствительно, между великимъ княземъ и графомъ Моденомъ установились наилучшія отношенія, продолжавшіяся и послѣ воцаренія Николая Павловича.

Александра Ѳеодоровна оставила въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характеристику графа Модена: «Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами старинnаго версальскаго двора, держалъ себя съ достоинствомъ, даже когда шутилъ, былъ услужливъ безъ низкопоклонства и устраивалъ все какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть только въ нѣкоторой обидчивости».

15-го (27-го) декабря 1817 года принцъ Вильгельмъ покинулъ Москву, направляясь черезъ Варшаву въ Берлинъ; императоръ Александръ разстался съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, тщетно ста-

[1]) Натцмеръ въ своемъ дневникѣ отъ 29-го октября (10-го ноября) пишетъ, что распространились разсказы, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не достаточно внимательна къ императрицѣ-матери; онъ прямо приписываетъ подобныя сплетни Нарышкину.

[2]) Будьте моимъ такъ же, какъ я вашъ на всю жизнь сердцемъ и душою

раясь удерживать его еще болѣе при своемъ дворѣ. На сколько огорчена была этимъ отъѣздомъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея воспоминаній: «Я проводила его съ такою грустью, что почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцомъ, братьями и сестрами; это была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, я почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ моей новой родинѣ, и его нѣжность совершенно вознаградила меня за все то, что я потеряла. Мы читали вмѣстѣ, и я вспоминаю съ наслажденіемъ объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ».

Прощаясь съ генераломъ Натцмеромъ, императоръ Александръ поручилъ ему передать королю выраженія своихъ дружескихъ чувствъ, прибавивъ, что онъ, его армія и вся страна его во всякое время готовы къ услугамъ Фридриха-Вильгельма.

Въ январѣ 1818 года императоръ Александръ отправился на непродолжительное время въ Петербургъ; возвратившись 2-го (14-го) февраля въ Москву, государь снова выѣхалъ 21-го февраля (5-го марта), направляясь въ Варшаву для открытія перваго польскаго сейма.

Великій князь Николай Павловичъ также вынужденъ былъ на короткое время побывать въ Петербургѣ, чтобы вступить въ управленіе инженернымъ корпусомъ по званію генералъ-инспектора по инженерной части. Это важное для русскаго инженернаго дѣла событіе совершилось 20-го января (1-го февраля) 1818 года.

Вступая въ должность генералъ-инспектора Николай Павловичъ издалъ собственноручный приказъ, подлинникъ котораго хранится и по нынѣ въ Главномъ инженерномъ управленіи, въ кабинетѣ, гдѣ занимался впослѣдствіи великій князь. Въ приказѣ этомъ сказано:

«По высочайшей волѣ государя императора вступилъ я 20-го числа сего января въ должность генералъ-инспектора по инженерной части. Давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ о пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ, всякій заслужитъ государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицомъ его величества. Но въ противномъ случаѣ, за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ, ожидаю имѣть всегдашнее удовольствіе, и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость государеву, сдѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса. 20-го января 1818 г. генералъ-инспекторъ по инженерной части Николай».

2-го (14-го) февраля великій князь прибылъ обратно въ Москву.

Однообразно и тихо проходило время въ Москвѣ, въ ожиданіи великаго событія. 21-го февраля императоръ Александръ уѣхалъ въ Варшаву. Наступилъ великій постъ. «Мы выѣзжали очень мало», пишетъ Александра Ѳеодоровна; «при дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновено у матушки въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ оставались въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, это такъ наскучило мнѣ въ сравненіи съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, играли и особенно веселились, что я съ трудомъ могла скрыть свою тоску. Общество на этихъ собраніяхъ ужасно отзывало стариною. Старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи временъ императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!»

17-го (29-го) апрѣля во время свѣтлой недѣли совершилось великое событіе: въ исходѣ одиннадцатаго часа утра родился будущій царь-освободитель, великій князь Александръ Николаевичъ.

«Въ 11 часовъ», пишетъ императрица Александра Ѳеодоровна, «я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка. Никсъ цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная еще, даровалъ ли онъ намъ сына или дочь, когда матушка, подойдя къ намъ, сказала: — «это сынъ». Счастіе наше удвоилось, однако, я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будетъ современемъ императоромъ»!

Какъ нѣкогда Державинъ привѣтствовалъ рожденіе Александра I-го, такъ и Жуковскій воспѣлъ рожденіе будущаго Александра II-го вдохновенными стихами, въ которыхъ вниманіе читателя невольно останавливается на строкахъ:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать.
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать,—
Вотъ правила царей великихъ внуку! [1]).

Другой поэтъ Рылѣевъ, нѣсколько позже, также привѣтствовалъ царственнаго отрока не менѣе пророческими стихами:

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ не благородный,
Неправосудье—истреби.

[1]) „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича въ Москвѣ".

Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари [1]).

Одинъ русскій писатель по поводу стиховъ Рылѣева справедливо замѣчаетъ: «Чудесное происходитъ явленіе. Упоенная славою Россія, ничего не желавшая тогда, кромѣ мира, навѣваетъ на дѣтскую душу отрока свое дыханіе времени, и, при строгомъ, желѣзномъ по волѣ отцѣ, влагаетъ въ юнаго сына нѣгу кроткаго сердца, чувствительность въ самыхъ тонкихъ проявленіяхъ и оттѣнкахъ, любовь къ счастію человѣка, безконечное смиреніе и природное миролюбіе» [2]).

Крещеніе великаго князя Александра Николаевича совершено было 5-го (17-го) мая въ церкви Чудова монастыря въ присутствіи императрицъ Елизаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны, духовникомъ ихъ величествъ Криницкимъ. Воспріемниками были императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго король Фридрихъ-Вильгельмъ III. «Это былъ прелестнѣйшій маленькій ребенокъ, бѣленькій, пухленькій, съ большими темносиними глазами; онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль», пишетъ Александра Ѳеодоровна о новорожденномъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Императоръ Александръ узналъ о рожденіи племянника при проѣздѣ черезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи; государь тотчасъ же назначилъ великаго князя Александра Николаевича шефомъ л. гв. гусарскаго полка.

1-го (13-го) іюня императоръ Александръ возвратился въ Москву изъ своей поѣздки по южнымъ областямъ Россіи, для встрѣчи короля прусскаго, обѣщавшаго навѣстить свою дочь и видѣть своего перваго

---

[1]) „Видѣніе“, ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

[2]) Князь Мещерскій: Исторія царствованія императора Александра II. С. Петербургъ 1882.

внука. Къ этому времени прибылъ также изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

4-го (16-го) іюня состоялся торжественный въѣздъ Прусскаго короля въ Москву; его сопровождалъ наслѣдный принцъ, старшій братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны. Король оставался въ Москвѣ одиннадцать дней. Прогулка по городу и окрестностямъ, обѣды, балы и иллюминаціи слѣдовали другъ за другомъ съ такою быстротою, что дамы едва успѣвали переодѣваться. Къ 19-му іюня (1-му іюля) весь дворъ собрался въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 22-го іюня (4-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

«Все дотого походило на мой прошлогодній въѣздъ», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна, «что я была какъ бы во снѣ. Только проѣзжая мимо Аничкова дворца и увидѣвъ въ одномъ изъ оконъ на рукахъ у няни нашего маленькаго Сашу, настоящее дало себя знать самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. Выходя изъ экипажа у Казанскаго Собора, императоръ предложилъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо: «этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, такъ какъ они должны быть пріятны Господу».

Въ Петербургѣ, по примѣру Москвы, также начались нескончаемыя празднества: смотры, парады, пріемы, балы, катанье по островамъ, посѣщенія институтовъ. По словамъ Александры Ѳеодоровны, «послѣднія заняли много времени, такъ какъ императрицѣ доставляло удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю что̀ и почему. Она шла подъ руку съ моимъ отцомъ, императрица Елисавета Алексѣевна съ наслѣднымъ принцемъ, а я обыкновенно доставалась на долю императора, который казался въ восторгѣ отъ этого и говорилъ по этому поводу тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ для меня вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ во время этихъ празднествъ и удовольствій, въ одинъ прекрасный день, мой Николай захворалъ послѣ парада и возвратился домой дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, почти совершенно обезсиленный. Я испугалась; его уложили въ кровать, и на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обыкновеннымъ путемъ. Я ухаживала, за нимъ, но, однако, время отъ времени появлялась на празднествахъ.

«Петергофскій праздникъ, справлявшійся всегда 22-го іюля, былъ отпразднованъ въ этомъ году 1-го іюля, по случаю пребыванія короля, моего отца... Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ; мы провожали его до Гатчины... Едва возвратившись въ Аничковъ

дворецъ, у меня оказалась корь... Нашего малютку удалили; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, подъ покровительствомъ императрицы-матери».

Наслѣдный принцъ прусскій пробылъ еще въ Петербургѣ до 24-го іюля (5-го августа).

Петербургъ вскорѣ опустѣлъ. 27-го августа (8-го сентября) императоръ Александръ отправился на конгрессъ въ Ахенъ. Обѣ императрицы также выѣхали за границу, такъ что великій князь Николай Павловичъ съ супругою оставались до конца года единственными представителями царской семьи въ столицѣ. До сихъ поръ Николай Павловичъ занималъ только должность генералъ-инспектора по инженерной части; приказомъ отъ 27-го іюля 1818 года, онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи (полки л.-гв. Измайловскій и Егерскій). Эту скромную должность великій князь Николай Павловичъ занималъ до 1825 года.

Согласно данной великокняжеской четѣ инструкціи, что дѣлать въ праздничные дни, Николай Павловичъ съ супругою присутствовали, 30-го августа, на торжественномъ богослуженіи въ Невской Лаврѣ, въ день тезоименитства императора Александра. «Это было настоящее испытаніе для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ для того, чтобы стоять во время церковныхъ церемоній; помню, что я испугалась, смотря на себя, по возвращеніи съ этого утомительнаго выѣзда! Волосы мои, которые были завиты, совсѣмъ распустились; я была блѣдна, какъ мертвецъ, и вовсе не интересна въ моемъ розовомъ глазетовомъ платьѣ, съ кокошникомъ, шитымъ серебромъ на головѣ».

Теперь, послѣ всѣхъ путешествій и отъѣзда большаго двора за границу, великій князь Николай Павловичъ могъ, наконецъ, предаться радостямъ тихой семейной жизни въ Аничковскомъ дворцѣ—жизни, къ которой онъ давно уже стремился и не переставалъ мечтать. Надежды его осуществились въ полной мѣрѣ, и онъ имѣлъ справедливое основаніе сказать своей супругѣ:

— Если кто-нибудь спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе, пошли его въ аничковскій рай.

По словамъ Жуковскаго, опредѣленнаго къ молодой великой княгинѣ преподавателемъ русскаго языка, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими.

Императрица Марія Ѳеодоровна разрѣшила Николаю Павловичу провести нѣсколько дней для охоты въ Гатчинѣ. Онъ съ радостью вос-

пользовался этимъ позволеніемъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ самомъ тѣсномъ избранномъ кругу. «Всѣ были веселы, любезны, каждый по-своему и разговорчивы; всѣ разстались довольные другъ другомъ», пишетъ Александра Ѳеодоровна.

Въ городѣ сезонъ баловъ начался рано и былъ открытъ баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 30-го октября. По разсказу Александры Ѳеодоровны, «это было событіе для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ намъ предстояло въ первый разъ принимать у себя петербургское общество и меня увидѣли впервые исполняющей обязанности хозяйки дома! Къ намъ отнеслись снисходительно; очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу привѣтливость и подобнымъ поощреніемъ возбудили въ насъ желаніе принимать и веселить общество у себя. Когда человѣкъ молодъ и красивъ, когда сама любишь танцовать, легко всѣмъ угодить безъ особенныхъ усилій».

22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) императоръ Александръ возвратился изъ-за границы въ Царское Село. 25-го декабря состоялся большой выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день императоръ Александръ обѣдалъ у Николая Павловича въ Аничковскомъ дворцѣ. «Государь», по свидѣтельству Александры Ѳеодоровны, «былъ братски добръ къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени любопытны».

Императрица Марія Ѳеодоровна возвратилась въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія наканунѣ новаго года, что̀ ей однако не помѣшало быть на выходѣ и въ церкви 1-го января. «Она признавалась, что чувствуетъ себя нѣсколько утомленною», пишетъ Александра Ѳеодоровна, «но ей никогда не дѣлалось дурно», какъ намъ, бѣднымъ слабымъ женщинамъ.

Разсчитывали веселиться зимою, какъ внезапная кончина королевы Виртембергской Екатерины Павловны повергла все царское семейство въ горе и трауръ. Императоръ Александръ былъ крайне опечаленъ потерею любимой сестры.

VI.

13-го (25-го) іюля 1819 года, императоръ Александръ присутствовалъ въ Красномъ Селѣ на линейномъ ученіи 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, которою командовалъ великій князь Николай Павловичъ. Государь остался доволенъ войсками и былъ чрезвычайно милостивъ къ

своему брату. Послѣ ученія императоръ съ братомъ и великой княгиней Александрой Ѳеодоровной обѣдали втроемъ.

Обѣдъ сопровождался разговоромъ, получившимъ историческое значеніе.

По разсказу Александры Ѳеодоровны, императоръ Александръ, сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, началъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался доволенъ утромъ тѣмъ, какъ братъ исполняетъ свои обязанности, какъ начальника бригады, что онъ вдвойнѣ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Николая, такъ какъ на немъ будетъ лежать современемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него какъ на своего замѣстителя (remplaçant) и что это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагаютъ, а именно еще при жизни его, императора. «Мы сидѣли какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Государь продолжалъ: «кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время. Я полагаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, назначивъ на свое мѣсто Фрица».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мнѣ мрачнымъ и недоступнымъ для счастія. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Не смотря на этотъ разговоръ, служебное положеніе великаго князя Николая Павловича нисколько не измѣнилось и въ послѣдующіе годы; онъ продолжалъ съ обычнымъ рвеніемъ исполнять свои скромныя обязанности бригаднаго командира и по-прежнему находился въ сторонѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ [1]).

---

[1]) Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 годъ есть одно довольно странное указаніе. Онъ пишетъ: „Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра, при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ“.

Нѣсколько большая сфера дѣятельности открывалась Николаю Павловичу, какъ генералъ-инспектору по инженерной части,—должность, которая въ сущности плохо согласовалась съ званіемъ бригаднаго командира, въ которомъ будущій замѣститель (remplaçant) императора Александра пробылъ почти восемь лѣтъ. Безспорно, подобное распоряженіе представляетъ собою довольно оригинальный способъ приготовленія къ царственному поприщу избраннаго наслѣдника престола.

Николай Павловичъ, при всей своей безпритязательности, самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ, какъ видно изъ разсказа, записаннаго княземъ А. С. Меншиковымъ въ дневникѣ за 1823 годъ, отъ 15-го ноября. Генералъ-адъютантъ А. Ѳ. Орловъ, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, сказалъ, что ему желательно отдѣлаться отъ командованія бригадой; Николай Павловичъ, покраснѣвъ, воскликнулъ: «Ты Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я Николай Павловичъ, между нами есть разница и ежели тебѣ тошна бригада, каково же мнѣ командовать бригадою, имѣя подъ своимъ начальствомъ инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника».

Дѣятельность Николая Павловича какъ генералъ-инспектора была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и благотворная; она принесла великую пользу государству, вызвавъ къ жизни русскій инженерный корпусъ. Для достиженія этой цѣли великій князь призналъ необходимымъ безотлагательно учредить спеціальное инженерное училище. Это важное государственное дѣло осуществилось 24-го ноября 1819 года, когда императоръ Александръ утвердилъ докладъ генералъ-инспектора объ учрежденіи Главнаго инженернаго училища съ кондукторскими и офицерскими классами. Начальникомъ училища великій князь избралъ графа Егора Карловича Сиверса. Торжественное открытіе училища послѣдовало 16-го марта 1820 года; оно было помѣщено въ зданіи бывшаго Михайловскаго замка, названнаго Инженернымъ замкомъ [1]).

Еще другое училище, также военное, хотя и не спеціальное, обязано было своимъ возникновеніемъ просвѣщенной заботливости Николая Павловича.

Когда великій князь съ гвардіею находился въ 1822 году, въ Вильнѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ гвардейскіе подпрапорщики, оказывались совершенно несвѣдущими

Эти слова Данилевскаго не подтверждаются никакими другими современными свидѣтельствами; Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ также не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, которое онъ едва-ли обошелъ бы молчаніемъ.

[1]) До окончательнаго приспособленія покоевъ инженернаго замка для своего новаго предназначенія, училище помѣщалось въ одномъ изъ такъ называемыхъ павильоновъ.

въ военныхъ наукахъ. Желая отстранить этотъ недостатокъ, онъ повелѣлъ собрать подпрапорщиковъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ бригадную квартиру и организовалъ соотвѣтственное ихъ обученіе подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Этотъ опытъ привелъ къ тому, что, по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, великій князь представилъ проектъ объ учрежденіи постоянной Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, утвержденный императоромъ Александромъ 9-го мая 1823 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣлъ состоять этой школѣ подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича.

Лѣтомъ 1819 года возвратился изъ заграничнаго путешествія великій князь Михаилъ Павловичъ, а вмѣстѣ съ нимъ появился въ Петербургѣ и генералъ Паскевичъ. Онъ не вступилъ, однако, въ командованіе данной ему еще въ 1818 году, 2-й гвардейской пѣхотной дивизіею, которая была ввѣрена генералъ-маіору барону Бистрому. Паскевичу же, вмѣсто самостоятельнаго командованія, повелѣно было состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна опасалась оставить своего сына безъ опытнаго руководителя. Михаилъ Павловичъ вступилъ тогда въ командованіе 1-й бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Только 11-го мая 1821 года, генералъ Паскевичъ освободился, наконецъ, отъ своего неопредѣленнаго положенія негласнаго совѣтника и руководителя совершеннолѣтняго великаго князя, получивъ начальство надъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Съ этого времени Ивану Ѳедоровичу Паскевичу суждено было сдѣлаться «отцомъ-командиромъ» великаго князя Николая Павловича.

Въ апрѣлѣ 1821 года, императоръ Александръ повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса выступить въ походъ къ Вильнѣ; они расположились въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ сентябрѣ государь предполагалъ произвести гвардіи смотръ и маневры. Для этой цѣли войска сосредоточились къ Бѣшенковичамъ. Во время царскихъ смотровъ оба великіе князья принимали дѣятельное участіе въ упражненіяхъ своихъ бригадъ [1]). Государь остался доволенъ гвардіею, но не разрѣшилъ ей возвратиться въ Петербургъ; соображенія политическаго свойства, связанныя съ воспоминаніемъ о семеновской исторіи 1820 года, побу-

---

[1]) Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Витебскъ 12-го (24-го) сентября 1821 года, а великій князь Николай Павловичъ, послѣдовалъ за государемъ 13-го сентября. Замѣтимъ здѣсь, что Николай Павловичъ возвратился изъ-за границы 10-го (22-го) сентября, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи съ великою княгинею Александрой Ѳеодоровною.

дили императора Александра продлить еще опалу гвардіи, удержавъ ее вдали отъ столицы. Въ связи съ этими соображеніями находилось также послѣдовавшее тогда увольненіе генералъ-адъютанта Васильчикова отъ командованія гвардейскимъ корпусомъ; онъ былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ Ѳ. П. Уваровымъ, который однако остался въ Петербургѣ, почему генералъ Паскевичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе гвардіею. Тогда, въ свою очередь, Паскевичъ предложилъ великому князю Николаю Павловичу вступить въ командованіе 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Паскевичъ расположился въ Минскѣ, а Николай Павловичъ поселился въ Вильнѣ.

Время командованія здѣсь Николая Павловича ознаменовано было непріятною исторіею съ офицерами л.-гв. Егерскаго полка, вызванною требовательностью и рѣзкостью выговоровъ со стороны великаго князя. Паскевичъ немедленно поскакалъ въ Вильну, чтобы разобрать дѣло; по его совѣту, Николай Павловичъ отправился въ Петербургъ, для личнаго доклада случившагося дѣла государю. Все обошлось, сравнительно, довольно благополучно, переводомъ въ армію нѣсколькихъ офицеровъ тѣми же чинами.

Весною гвардія начала готовиться къ новому царскому смотру. Въ Вильну явился наконецъ генералъ-адъютантъ Уваровъ, и великій князь Николай Павловичъ снова вступилъ въ управленіе своей бригадою. Начальство принялось усердно учить войска, и труды ихъ увѣнчались успѣхомъ; 22-го мая 1822 года состоялся парадъ въ Вильнѣ, въ присутствіи императора Александра, а затѣмъ гвардія выступила въ обратный походъ въ Петербургъ.

Здѣсь гвардейская служба пошла обычнымъ порядкомъ, при чемъ генералу Паскевичу представился не разъ случай сдерживать чрезмѣрное усердіе своего бригаднаго начальника. Паскевичъ по-прежнему не сочувствовалъ господствовавшей тогда утонченности маршировки и выправки войскъ и въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ пишетъ: «Регулярство въ арміи необходимо, но о немъ можно сказать то, что говорятъ про иныхъ, которые лбы себѣ разбиваютъ Богу молясь. Оно хорошо только въ мѣру, а градусъ этой мѣры—знаніе войны, указываетъ, а то изъ регулярства выходитъ акробатство. Не разъ возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставкѣ вполнѣ предаться семейной жизни; но я почувствовалъ, что скоро понадоблюсь для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны и скорой войны не обойдется. Волненіе въ Греціи—это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны и турки изъ Европы не уйдутъ, и европейцы ихъ не пустятъ, — слѣдовательно, быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время» [1]).

[1]) Князь Щербатовъ: Генер.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. 1-й, стр. 376.

Это время приближалось и наступало быстрѣе, чѣмъ предполагалъ тогда Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

12-го (24-го) февраля 1825 года, Паскевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а 27-го числа того же мѣсяца (11-го марта) командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Паскевичъ переселился въ Митаву, а великій князь Николай Павловичъ сдѣланъ былъ наконецъ начальникомъ дивизіи.

Н. К. Шильдеръ.

Выговоръ Императора Павла I Генералъ-Аудиторіату.

1.

Изъ кригерехта держаннаго при гарнизонномъ генерала-маіора князя Долгорукова полку.

Упоминаемаго полка подпорудчикъ Шубинъ сужденъ по всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію въ нижеслѣдующихъ преступленіяхъ: 1) во время стоянія ево Шубина въ караулѣ былъ пьянъ, съ проходящихъ людей срывалъ шляпы и безъ всякой причины билъ обывателей. 2) когда за сіи поступки велѣно было ево Шубина съ караула смѣнить, то онъ Шубинъ, не имѣя о семъ письменнаго приказа, присланнаго для смѣны ево прапорщика Шалимова до того не допустилъ и, наконецъ, 3) когда дежурный маіоръ Орловской приказалъ взять ево Шубина подъ арестъ, то противъ посланныхъ обнажилъ онъ шпагу.

Подпорудчикъ Шубинъ въ судѣ показалъ, что онъ во время стоянія его въ караулѣ пьянъ не былъ, съ проходящихъ же въ нѣмецкомъ платьѣ людей круглыя шляпы снималъ, соображаясь съ высочайшимъ отъ вашего императорскаго величества о не ношеніи таковыхъ шляпъ воспрещеніемъ, которыя и обратно тѣмъ людямъ возвращалъ. Пришедшаго для смѣны ево прапорщика Шалимова не допустилъ до того потому, что онъ ему никакого о томъ

По сентенціи приговорено: онаго Шубина по силѣ указа 775-го года апрѣля 28-го дня, воинскаго сухопутнаго устава 36-го, 41-го, 43-го и морскаго устава же 30-го артикуловъ и дворянской грамоты 6-й статьи лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, казнить смертію, аркибузировать. Которой и содержится на гоубтвахтѣ скованный.

Генералъ - лейтенантъ Воеводской уважая молодыя онаго Шубина лѣта, мнѣніемъ полагаетъ, чтобъ ево яко недостойнаго быть въ службѣ изъ оной исключить.

письменнаго повелѣнія не объявилъ, шпаги же ни противъ кого онъ Шубинъ не обнажалъ.

Во всѣхъ сихъ преступленіяхъ изобличаютъ ево Шубина пять человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Сверхъ сего присланные въ судъ разнаго званія четыре человѣка утвердили, что подпорудчикъ Шубинъ при снятіи съ нихъ круглыхъ шляпъ былъ пьянъ и мѣщанина Рыжинова билъ изъ своихъ рукъ. Сей мѣщанинъ за отлучкою ево по своимъ надобностямъ не спрашиванъ; по призывѣ же онаго Шубина въ военный судъ, для очной съ уличающими ево людьми ставки усмотрѣнъ онъ пьянымъ, былъ въ безобразномъ видѣ и имѣлъ оцарапанное лицо.

Въ службѣ онъ Шубинъ состоитъ съ 789-го года изъ дворянъ, въ настоящемъ чинѣ съ 798-го года, въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ находился, въ штрафахъ не бывалъ, отъ роду ему 27 лѣтъ.

Генералъ-аудиторъ, князь Иванъ Шаховской.

Октября 20-го дня 1798 г.

Генералъ-аудиторъ со мнѣніемъ генералалейтенанта Воеводскаго согласенъ. Въ прочемъ всеподданнѣйше предаетъ во всевысочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе.

2.

Записка генералъ-адъютанта Ливена князю Шаховскому.

26-го октября 1798 г.

Государь императоръ соизволилъ указать возвратить къ вашему сіятельству приложенной при семъ судъ, произведенной гарнизоннаго князя Долгорукаго полка, надъ подпорутчикомъ Шубинымъ за несправедливое обвиненіе въ поступкахъ его, которые его величествомъ найдены достойными похвалы.

3.

Высочайшій приказъ 26-го октября 1798 года.

«Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ Генералъ-Аудиторіату за пустое обвиненіе гарнизоннаго князя Долгорукова полка подпорудчика Шубина, коего поступокъ его величество похваляетъ».

Сообщ. Профессоръ **Лузановъ.**

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

IX [1]).

Графъ Путятинъ въ Стутгартѣ.—Студенческіе безпорядки въ Петербургѣ.—Характеристика духовенства, сдѣланная самими духовными лицами.—Вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній.—Вечеръ въ Думѣ въ пользу бѣдныхъ литераторовъ и музыкантовъ.—Рѣчь Павлова: „Тысячелѣтіе Россіи".—Князь Гр. М. Щербатовъ.—Священ. Ключаревъ и его журналъ „Душеполезное чтеніе" —Священ. Гумилевскій.—Н. И. Пироговъ.—Поѣздка въ Петербургъ.

25/134

Къ зиму 1861—1862 года въ Канштатѣ, близъ Стутгарта, поселился на долгое время графъ Е. В. Путятинъ. Послѣ исторіи съ матрикулами онъ долженъ былъ оставить свой министерскій постъ, на которомъ онъ былъ замѣненъ Головнинымъ, и уѣхалъ за границу. Еще осенью 1861 года онъ прибылъ въ Стутгартъ, чтобы пріискать квартиру для своего семейства, и явился ко мнѣ. Странно было это явленіе. Мнѣ докладываютъ, что какой-то бѣдный человѣкъ желаетъ меня видѣть. Привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, я даже не поспѣшилъ выйти къ обычному для меня просителю. Наконецъ, выхожу и вижу: въ корридорѣ стоитъ, прижавшись къ дверя, человѣкъ въ поношенномъ пальто съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ и съ непокрытою головою. Обратившись къ нему съ вопросомъ по-нѣмецки, я къ своему изумленію узналъ передъ собою того самаго графа Путятина, у котораго я недавно былъ въ Петербургѣ просителемъ въ его министерской квартирѣ. Такъ много было смиренія и самоуничиженія у этого замѣчательнаго человѣка, изъ

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1901 г.

простыхъ мелкихъ дворянъ достигшаго своими трудами и самоотверженіемъ на службѣ до графскаго достоинства и министерскаго портфеля. Помогши графу найти требовавшуюся для него квартиру,—а ему понадобился цѣлый домъ для его большаго семейства,—я разстался съ нимъ въ надеждѣ увидѣться и познакомиться съ его семействомъ черезъ нѣсколько недѣль, когда нанятая квартира будетъ устроена на зиму, въ ожиданіи чего графъ Путятинъ отправился въ Гейдельбергъ. Но не прошло и трехъ дней, какъ онъ является ко мнѣ снова блѣдный, разстроенный, съ трясущимися губами. Что случилось? Въ Гейдельбергѣ въ это время собралось множество русскихъ студентовъ, особенно изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ, бывшихъ при графѣ Путятинѣ. Вотъ эти-то господа, узнавъ о прибытіи его въ Гейдельбергъ, вздумали устроить ему тамъ Katzenmusik. Подговоривъ, конечно, для этого и сочувствовавшихъ имъ Commilitiones изъ иностранцевъ, они собрались большою толпою передъ гостиницею, въ которой остановились Путятины, и начали бросать въ окна гнилыя яблоки и картофель съ неистовыми криками pereat, сопровождаемыми завываніями по-кошачьи и по-собачьи. Конечно, скандалъ этотъ былъ прекращенъ мѣстною полиціею, но графъ Путятинъ былъ такъ напуганъ этимъ, что онъ пріѣхалъ спросить у меня совѣта, не опасно ли ему будетъ поселиться въ Канштатѣ въ такой близости отъ Гейдельберга—всего въ 3-хъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ? Я, конечно, его успокоилъ, объяснивъ, что это была только демонстрація буйной молодежи противъ его оффиціальнаго положенія, а не покушеніе на его личность, и что студенты въ Германіи не имѣютъ привычки дѣлать подобныя демонстраціи внѣ университетскихъ городовъ, и потому онъ можетъ быть совершенно безопасенъ въ Канштатѣ. Послушавшись моего совѣта, онъ не возвращался болѣе въ Гейдельбергъ, а выписалъ скоро оттуда свое семейство. Обласканные великою княгинею Ольгою Николаевною и принятые любезно какъ посольствомъ, такъ и русскими, проживавшими въ Стутгартѣ и Канштатѣ, Путятины скоро вздохнули спокойно на новомъ мѣстожительствѣ и остались въ немъ надолго.

Въ это время въ Россіи, особенно въ Петербургѣ происходило броженіе умовъ и поразительные безпорядки, особенно среди юношества. Имѣя старшаго сына въ Петербургской семинаріи, я получалъ отъ него свѣжія извѣстія обо всемъ происходившемъ вокругъ и около него. Такъ въ январѣ 1862 года онъ между прочимъ писалъ мнѣ: «А въ семинаріи нашей теперь происходятъ странныя дѣла. На Рождествѣ, какъ вы уже знаете, было исключено около 50 человѣкъ и между ними одинъ П—овъ. Но у него есть дядя въ Синодѣ, и этотъ дядя пожаловался кому слѣдуетъ, вслѣдствіе чего П—овъ былъ опять принятъ. Вчера, говорятъ, митрополитъ далъ

инспектору сильный нагоняй за безпорядки въ семинаріи и за распущенность воспитанниковъ. Поэтому онъ воротился въ ужасно раздраженномъ состояніи и пошелъ прямо въ занятные классы. Это было около 6 часовъ вечера. Подошедъ къ одному и видя, что читаетъ «Современникъ», сталъ бранить его, зачѣмъ онъ читаетъ такія глупости. Въ это время вбѣгаетъ другой воспитанникъ также съ «Современникомъ» въ рукахъ. На него и напалъ инспекторъ: Гдѣ ты былъ? что дѣлалъ? да какъ смѣешь?—Тотъ несчастный сробѣлъ и старался найти какое-нибудь извиненіе, но по своему обыкновенію только заикался и не могъ ничего выговорить. Тутъ инспекторъ размахнулся и влѣпилъ ему двѣ пощечины и затѣмъ поставилъ его на колѣни».—Этотъ фактъ пощечины монахомъ духовному воспитаннику такъ возмутилъ меня, такъ поднялъ со дна души моей всѣ передуманныя думы о плачевномъ состояніи родной церкви, что я принялся опять писать съ негодованіемъ и энергіею противъ закоснѣлой старины бурсы и Домостроя. По этому поводу я писалъ и къ Бажанову, и кн. Урусову, и И. В. Рождественскому. Бажановъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ довелъ до свѣдѣнія митрополита объ этомъ грубомъ поступкѣ, и тотъ обѣщалъ ему удалить инспектора семинаріи, назначивъ его ректоромъ въ какую-то другую семинарію.

Но самымъ горячимъ сочувствіемъ отозвался на мои сѣтованія мой дядюшка-пессимистъ, И. В. Рождественскій. Вотъ его письмо ко мнѣ:

9-го марта 1862 года. С.-Петербургъ.

«Любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ. Письмо ваше, на дняхъ полученное, произвело на меня сильную тревогу. Хотя я не воспиталъ ни одного изъ своихъ дѣтей, но отцомъ былъ, и заботамъ родительскимъ сочувствовать умѣю. Поэтому мнѣ понятно ваше негодованіе на педагоговъ нашего мелководнаго и мутнаго Обводнаго канала, понятно ваше опасеніе за сына, который, живя въ вашемъ домѣ до 15-ти-лѣтняго возраста, видалъ много четвероногихъ, а о пощечинахъ, вѣроятно, и въ сказкахъ не читывалъ; понятна ваша заботливость обо всемъ духовномъ юношествѣ, которому назначена, можетъ быть, иная судьба, чѣмъ наша, и которое чѣмъ раньше мы облагородили бы, тѣмъ вѣрнѣе могли бы достигаться и великія цѣли государственнаго преобразованія; понятно, наконецъ, и ваше рвеніе—повернуть наше сословіе бѣлою стороною на лицо... Когда могъ и какъ умѣлъ, я всегда выражалъ и выражаю предъ всѣми свои мнѣнія въ вашемъ духѣ, можетъ быть, даже менѣе благоразумно, чѣмъ какъ слѣдовало бы въ моемъ скромномъ положеніи. И не я одинъ здѣсь раздѣляю вашъ образъ мыслей; за лучшими стремленіями вѣка слѣдятъ нѣкоторые, особенно изъ людей нестарыхъ (слишкомъ молодыхъ я мало знаю). Кажется, есть уже кое-какіе зачатки и добрыхъ

плодовъ на нашей запущенной нивѣ. Но—какъ скоро сорвалось съ языка слово нива, невольно приходится мнѣ охлаждать ваши пылкія желанія и если не спорить съ вами, то по крайней мѣрѣ не во всемъ соглашаться. Извѣстенъ простой и непреложный законъ: чѣмъ больше и глубже испорчена почва, тѣмъ медленнѣе и труднѣе поправляется. Какой-нибудь одинъ чертополохъ легко вырвать съ корнемъ и одною рукою. Но когда этимъ плодовитымъ снадобьемъ пропитаны цѣлые милліоны квадратныхъ верстъ,—что вы сдѣлаете въ какія-нибудь пять—шесть лѣтъ, съ нѣсколькими сотнями рабочихъ рукъ, да еще такихъ, изъ которыхъ многія покрыты мозолями отъ подписыванія пустыхъ бумагъ, другія съ слабыми мускулами отъ изнѣженнаго воспитанія, третьи—съ кривыми пальцами отъ кривыхъ дѣлъ? Васъ возмущаетъ мысль, какимъ образомъ въ нынѣшнее время, въ Петербургѣ, въ образцовомъ училищѣ, явился такой педагогъ, которому прилично было бы процвѣтать только въ эпоху Беркаевъ, Тохтамышей, Батыевъ и другихъ знаменитыхъ хановъ Золотой орды? Согласенъ, что возмутительно, но какъ же и не быть такому явленію, когда этотъ педагогъ принадлежитъ еще къ тому поколѣнію, въ которомъ многіе и на свѣтъ поторопились явиться потому больше, что кулаки дражайшихъ родителей вытѣснили ихъ изъ утробы матерней? Вамъ кажется, что этого варвара сегодня же надо судить, осудить, выбросить вонъ. Хорошо, но кто его станетъ судить? Разумѣется, старшіе. А эти старшіе, лѣтъ десять назадъ, сами были точно такими же педагогами, и потомъ, сдѣлавшись старшими, повторяли привычную расправу уже не надъ школьниками, а надъ посѣдѣлыми служителями алтаря Господня. Но положимъ, что судить другихъ легче, чѣмъ себя; этого осудили, выбросили; кѣмъ же замѣнить его? По-вашему бѣлымъ. И мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайнему моему разумѣнію, признаюсь вамъ, что въ большинствѣ случаевъ такая замѣна, въ настоящую пору, была бы едва-ли лучше, а иногда, вѣроятно, еще хуже. Не удивляйтесь, и въ насъ течетъ та же испорченная кровь отцовъ и дѣдовъ. Если служба не пріучаетъ насъ къ деспотизму, а семейная жизнь—къ безчувственности,—это не значитъ еще, что мы неспособны быть деспотами и жестокосердыми. И вы, и я хорошо знаемъ одного представителя нашего сословія, который, будучи не архіереемъ и отцомъ большой семьи, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ съ самою строгою систематическою послѣдовательностью отстаивалъ всѣ деспотическія мѣры, даже вопреки инымъ архіереямъ, и съ дѣтьми своими всегда обращался такъ дурно, какъ немногіе монахи-инспекторы семинарій. Отчего это? Конечно, не отъ одного личнаго характера, потому что это явленіе не одинаковое у насъ. Знаете ли вы, хотя по слухамъ, нашихъ архіереевъ изъ вдовыхъ священниковъ? Исключите изъ нихъ

одного Иннокентія Камчатскаго и затѣмъ — всѣхъ Наѳанаиловъ, Александровъ, Христофоровъ и пр., сравнивайте съ какимъ угодно Варлаамомъ, Іустиномъ и др.,—не порадуетесь за бѣлое духовенство. Мнѣ довольно близко извѣстны всѣ лучшіе протоіереи и священники Петербурга; но если бы кто предложилъ выбрать изъ нихъ по совѣсти не только архіерея, а хоть бы ректора семинаріи,—право, я задумался бы серьезно. Многіе хорошіе люди хороши именно только для своихъ мѣстъ: исправно совершаютъ десятки лѣтъ стереотипные уроки о потопѣ, о возвращеніи изъ плѣна, о богатомъ и Лазарѣ, о разныхъ членахъ, прошеніяхъ, заповѣдяхъ, говорятъ изрѣдка длинныя проповѣди, толкуютъ съ грѣхомъ пополамъ въ свѣтскомъ обществѣ о назидательныхъ предметахъ, вѣжливо принимаютъ и провожаютъ приходящихъ къ нимъ, радушно здороваются и прощаются съ своими Лизами, Петями, Вѣрочками,—и только. Зато на обратной сторонѣ медали у нихъ: отсталость отъ книжнаго дѣла, погруженіе во всякія житейскія мелочи и дрязги, привычка за каждый шагъ ожидать подачи, склонность чтить каждое благородіе титуломъ боярина, расположеніе кланяться всякому толстому карману, непобѣдимая зависть, а иногда и ненависть ко всякому товарищу, у котораго есть лишніе два-три знакомые погреба, или двѣ-три духовныя дочери и пр. и пр. Ну куда мы годимся съ такими качествами? Вы скажете, ужели же сидѣть сложа руки по уши въ болотѣ и любоваться, какъ коршуны летаютъ вокругъ и ходятъ выклевывать намъ глаза?—Зачѣмъ сидѣть. Но и выскочить изъ болота вдругъ нельзя. Надобно терпѣливо барахтаться на берегъ, пусть не воображаетъ, что болотный плъ скоро отстанетъ отъ него, можетъ быть, вонючій запахъ его у этого счастливца останется на весь его вѣкъ, а завидная доля чистоты достанется только его потомкамъ, болѣе или менѣе близкимъ. Это уродливое подобіе опять возвращаетъ мою мысль къ воспитанію. Положимъ, что вамъ удалось бы замѣнить ненавистнаго педагога Обводнаго канала кѣмъ - нибудь болѣе достойнымъ,—скажу для шутки—хотя моею гуманною и довольно опытною особою. Думаете ли вы, что я въ состояніи былъ бы вести всю массу семинаристовъ съ тою же деликатностью, съ какою умѣлъ бы вести вашего сына и немногихъ другихъ? Увѣряю васъ, это рѣшительно невозможно. Гуманность у насъ теперь—любимый конекъ и единственно вѣрная примѣта передовыхъ людей. Шагу не сдѣлаешь, чтобы не наткнуться на нее; печатнаго листа не прочитаешь, чтобы не встрѣтить ее десять разъ. Въ воскресныхъ школахъ всѣхъ уличныхъ ребятишекъ принято величать вы; о розгахъ и пикнуть никто не смѣетъ. Самъ великій Пироговъ, родоначальникъ нашихъ педагогическихъ реформъ, едва не подвергся проклятію на всѣхъ журнальныхъ сборищахъ, когда въ одномъ циркулярѣ своемъ обмолвился, упомянувши, что розги, хоть скверная вещь,

но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть употребляемы. Такъ вотъ какое вводится у насъ галантерейное обращеніе. А результатъ? Результатъ, покамѣстъ, только тотъ, что ученики учатся мало, а насмѣхаются надъ своими учителями много, нѣкоторыхъ изъ нихъ отрѣшаютъ собственнымъ приговоромъ, другихъ—просто выталкиваютъ изъ классовъ, и—творятъ, что хотятъ. Университетскія исторіи, конечно, дошли до васъ, хотя въ искаженномъ видѣ. Теперь дѣло подвигается дальше. Вотъ небольшой образчикъ: на первой недѣлѣ нынѣшняго поста, въ церкви одной изъ здѣшнихъ гимназій, когда священникъ читалъ среди церкви великій канонъ, нѣсколько его питомцевъ забрались въ алтарь, выпили бывшее тамъ вино, нарядились въ облаченія, какое кому попало, посадили одного изъ среды себя на престолъ и—воздавали ему поклоненіе. Что бы вы сдѣлали, если бы вамъ довелось въ эту минуту войти въ алтарь, въ званіи духовнаго отца и наставника этихъ благородныхъ юношей? Можно прибавить еще, что законоучитель этой гимназіи—одинъ изъ лучшихъ, и по образованію, и по характеру, и по добросовѣстности исполненія своего долга. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? спросите вы. По мнѣнію моему, одно изъ двухъ: или нынѣшнее поколѣніе дѣтей не годится еще для гуманнаго обращенія, какъ пропитанное горькимъ наслѣдіемъ отъ своихъ предковъ, или—гуманность не должна исключать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, строгія, даже суровыя мѣры. Путь любви и терпѣливаго убѣжденія, разумѣется, самый лучшій—при исправленіи не только дѣтей, но и взрослыхъ; однако же не безъ основанія Англія и Франція, идеалы современной цивилизаціи, доселѣ продолжаютъ сокрушать выи грѣшниковъ петлею и топоромъ. Больно смотрѣть, какъ наша распущенность послѣ деспотизма быстро ведетъ насъ къ деспотизму еще худшему,—къ безумному преобладанію своеволія и къ дерзкому поруганію надъ всякимъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Не думайте, пожалуйста, что я защитникъ обскурантизма, оплеухъ, словаря толкучаго рынка, или пошлыхъ личностей, въ какихъ бы онѣ ни были костюмахъ. Нѣтъ, я на сторонѣ всего свѣтлаго и живаго, всякаго прогресса,—но прогресса воздержнаго, устойчиваго и терпѣливаго. Я хотѣлъ только высказать вамъ, что вдругъ намъ переродиться нельзя, безъ особеннаго чуда, что долго еще придется намъ сносить разныя уродливости въ нашемъ быту, что двигаться впередъ надобно обдуманно, не торопясь, безъ вражды между сословіями, безъ непріязни къ убѣжденіямъ, чтобы царство, раздѣлившееся на ся, совсѣмъ не опустѣло. Если я не успѣлъ убѣдить васъ,—увѣрьтесь, по крайней мѣрѣ, изъ этого длиннаго письма, стопившаго мнѣ, при сильномъ головокруженіи, цѣлаго длиннаго утра,—увѣрьтесь въ томъ, что ваши горячія слова я принялъ близко къ сердцу.

«Саша, спасибо ему, бываетъ у меня, хоть изрѣдка. Говорятъ, что онъ учится и ведетъ себя хорошо. Мои дѣла тянутся, какъ и вся жизнь, кое-какъ. Здоровье плохо. Все наскучиваетъ. Часто фантазирую объ отставкѣ, или инвалидномъ домѣ. Михаилу Измайловичу передалъ вашъ поклонъ и показалъ ваше письмо. Искренно васъ любящій и почитающій І. Рождественскій».

Мнѣ приходится нерѣдко заносить въ свои воспоминанія письма ко мнѣ современныхъ дѣятелей. Я дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ личностей, конечно, будутъ принадлежать исторіи, и будущимъ ихъ біографамъ будетъ очень интересно заглянуть въ ихъ переписку по вопросамъ, занимавшимъ въ ихъ время общество или по крайней мѣрѣ людей мыслящихъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ ко мнѣ изъ Висбадена о. Янышева, нынѣ протопресвитера и духовника ихъ величествъ. Оно писано въ самомъ началѣ 1862 года, въ то время, когда всѣхъ насъ занимала только-что пробудившаяся дѣятельность по нашей богословной литературѣ и когда мы задумывали основать свой собственный журналъ за границею, а пока обрадовались появленію «Духа христіанина» о. Гумилевскаго, которому я особенно сочувствовалъ въ главной его идеѣ, обозначенной самымъ наименованіемъ журнала. Вотъ по этому-то поводу мнѣ и писалъ о. Янышевъ слѣдующее:

«Слова и намѣренія ваши на счетъ «Духа христіанина», идея журнала Василія Петровича съ его программою, возбужденіе меня къ сотрудничеству,—все это такъ электрически дѣйствуетъ на меня и всякій разъ, при подобныхъ возбужденіяхъ, заставляетъ жалѣть, что Висбаденъ—такое суетливое для меня мѣсто служенія и подвижное, не дающее возможности на два дня сосредоточиться въ какихъ-нибудь, того требующихъ, занятіяхъ. Коренныя истины христіанства, въ свѣтѣ ума, науки, исторіи и современной практической жизни, поле привлекательное, но требующее отличнаго знакомства съ исторіею философіи и государственною наукою, зрѣлости и устойчивости собственнаго взгляда и, конечно, проникновенія духомъ этихъ истинъ до раздѣленія души же и духа: иначе это будетъ полемъ логомахіи, бездѣйственнаго вліянія на современное и ни на какое другое поколѣніе; это служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, требующее своего «освященнаго алтаря», своихъ и большихъ жертвъ и своихъ жрецовъ. Въ качествѣ послѣдняго изъ левитовъ, я отъ души готовъ и обѣщаніемъ, и дѣломъ отвѣчать на вашъ вызовъ; но такъ какъ я вѣрю безусловно и вашей твердости въ принятыхъ намѣреніяхъ, и вашему болѣе опытному, особенно при настоящихъ вашихъ отношеніяхъ къ ученому люду и у себя въ Штутгартѣ, и въ Россіи,—пониманію и нашихъ потребностей, то и прошу идти дѣйствительно впереди насъ, вами приглашаемыхъ, дѣломъ и словомъ, и не оставлять, по крайней мѣрѣ меня, вашимъ совѣтомъ и

поощреніемъ, особенно потому, что ежедневныя заботы иногда невольно заставляютъ бросить все, мало-мальски отлагаемое. Съ своей стороны, одно могу на первый разъ выставить особенно на видъ будущимъ дѣятелямъ въ пользу церкви,—это то, что современное поколѣніе проникается болѣе и болѣе философіею и, слѣдовательно, требуетъ и отъ насъ философскаго образованія, которое бы чувствовалось въ самой простой, повидимому, и безупречной христіанской статьѣ. Много ли найдется такихъ дѣятелей нашего поколѣнія? Вотъ почему я никогда не вѣрилъ во вліяніе «Странника» на образованное и прогрессивное общество,—признаюсь—боюсь, сомнѣваюсь въ успѣхѣ «Духа христіанина», если ему не подмогутъ статьи, въ родѣ статьи о. Репловскаго, и сотрудники, въ родѣ Н. Л. Зайцева, которому я очень желалъ счастья познакомиться съ Стутгартомъ и который, кажется, внялъ моему совѣту. Не философское невѣріе намъ, конечно, нужно, но философское развитіе, которымъ такъ сильны люди невѣрующіе, хотя они-то и должны были бы быть немощными предъ «Духомъ христіанина». И законоучители гимназій—даже съ В. П—мъ во главѣ—не будутъ много полезны собственно невѣрующему поколѣнію, и все оттого, что не будутъ понимать другъ друга. «Православное обозрѣніе» по справедливости выше всѣхъ современныхъ духовныхъ журналовъ относительно современной пользы; но не замѣчали ли и вы, что оно или на переводныхъ статьяхъ выѣзжаетъ, или на оригинальныхъ,—но юнѣйшаго поколѣнія. Гдѣ же надежда?—въ семъ послѣднемъ. А намъ, если хотимъ значить что-нибудь для литературной современности и точно явиться съ «истиннымъ христіанствомъ» на аренѣ свѣта и не уронить его, а поставить на подобающую высоту сравнительно со всѣмъ, что есть на землѣ,—нужно изрыть этотъ свѣтъ въ его, по крайней мѣрѣ, главныхъ направленіяхъ, überwinden ихъ въ себѣ самихъ, и потомъ уже явиться «учителями» на подобіе Единаго Учителя. А то вѣдь истины христіанства извѣстны, и исторія догматовъ по-своему объяснена господами литераторами, а съ этимъ и всякая христіанская личность и событіе вѣры—имъ не въ диковину. Изволили ли вы прочитать «Сущность христіанства» Фейербаха въ оригиналѣ или лондонскомъ русскомъ переводѣ? Наука трудно побѣждается и самою наукою, потому что кто же самъ себѣ врагъ? Одна современная психологія губитъ всякій зародышъ вѣры въ «откровенное христіанство» въ исторіи и въ жизни; какая геркулесовская сила нужна, или лучше — благодать пророка, чтобы двигать горами невѣрія? И западные отцы не совсѣмъ-то успѣваютъ въ этихъ чудесахъ вѣры».

«Съ «Духомъ христіанина» или съ авторомъ его я вошелъ въ тѣсныя сношенія особенно потому, что въ о. Гумилевскомъ я видѣлъ настоящаго піонера по части оживленія нашей церкви. Онъ первый пробудилъ дремавшую дотолѣ нашу іерархію, стараясь направить духовенство

наше на практическую пастырскую дѣятельность. Слишкомъ рьяный по характеру, иногда рѣзкій, по молодости, иногда слишкомъ увлекавшійся, онъ съ энергіею и самопожертвованіемъ преслѣдовалъ свои цѣли и наконецъ добился добрыхъ результатовъ, пожертвовавъ, можетъ быть, за это своею жизнью. Издали я старался ему помочь, чѣмъ могъ, не щадя даже совѣтовъ, не всегда ему пріятныхъ. Изъ прилагаемыхъ здѣсь двухъ писемъ его ко мнѣ въ началѣ 1862 года видно, какъ онъ страдалъ за свое дѣло, какъ боролся со встрѣчавшимися ему на пути препятствіями и какъ раздражался противъ иногда только мнимыхъ враговъ своихъ. Вотъ эти два письма его ко мнѣ:

1) «Первое слово—простите. Простите, что поздно и коротко пишу. Изнемогъ среди дѣлъ. Нѣтъ времени,—нѣтъ силъ,—а требуются тысячи силъ для дѣла борьбы и жизни.—Семинарская исторія вѣрна. Не горячитесь. Это зло вездѣ и преслѣдовать оное въ журналѣ въ настоящее время не могу. Все противъ меня,—за меня одни простые люди.—Братство затѣялъ въ Петербургѣ, является братство—въ Черниговѣ. Лучшая награда для меня.—Возстановленіе діакониссъ провозгласилъ и теперь... готовъ умереть. Это слово тоже не замретъ. Жизнь дошла до рѣшенія этого вопроса.—Ваша прекрасная статья, съ которою я вполнѣ, вполнѣ, всѣмъ сердцемъ согласенъ—будетъ помѣщена, вѣроятно, въ майской книжкѣ.—Затѣвайте духовный журналъ за границею—у насъ ничего нельзя теперь сдѣлать. Въ руки взяли,—исходу нѣтъ; но я радъ, что двѣ мои идеи живыя прошли. Больше мнѣ ничего не нужно. Моя приходская воскресная школа въ нынѣшнемъ посту преобразилась вполнѣ въ народную.—Матери съ дѣтьми сидятъ за скамьями и слушаютъ, что я имъ говорю.—Пишу немного. Утомленъ цѣлодневнымъ трудомъ, а завтра вставать надо, служить надо.—Проложилъ дорогу къ религіозному роману. Моя «Настасья», или по поправкѣ цензуры «Анастасья», печатается въ числѣ 10.000 экземпляровъ для простаго народа. Наконецъ-то пускаюсь въ народъ съ открытымъ моимъ словомъ. Пусть судятъ меня фарисеи, пусть хоть ссылаютъ меня эти лицемѣры,—мнѣ ничто теперь не страшно. Христосъ со мною—мнѣ ли унывать? Вашъ собратъ св. А. Гумилевскій».

2) «Прежде всего позвольте принести вамъ мою искреннюю благодарность за дѣятельное сочувствіе къ братству, заводимому мною. Теперь это уже не мечта, а дѣло живое, фактъ почти уже свершившійся. Скоро примусь за составленіе устава православнаго братства. Объ немъ уже начинаютъ поговаривать даже и въ свѣтскихъ журналахъ. Помолитесь за успѣхъ этого начинанія, а я теперь примусь уже за дѣло о діакониссахъ. Сочиненіе о діакониссахъ печатается уже на страницахъ нашего журнала, но надобно старое прилагать къ нашему времени. Въ мартовской книжкѣ я дѣлаю первый шагъ къ этому. Что выйдетъ—не

знаю, а говорить надобно. Діакониссы должны быть у насъ непремѣнно. Журнала нашего не запретили. Этимъ мы обязаны владыкѣ нашему. Онъ твердо сталъ за наше дѣло, и теперь мы можемъ трудиться, не опасаясь смерти; а то вѣдь Богъ знаетъ, что ужъ задумали? Поговаривали, что недурно было бы рясы снять съ насъ. Но теперь все, кажется, оставили. Толстой сходитъ съ поля брани; спутникъ его—Аскоченскій, бичующій насъ въ каждомъ номерѣ, тоже прижимаетъ хвостъ,—заря занимается, хотя и много еще темныхъ облаковъ.—Уповаю на Господа. Благодарю васъ за искренній отзывъ о моихъ фельетонахъ. Не вы одни высказываете мнѣ это, многіе бранятъ меня за это и въ печати и въ жизни, а я все-таки хочу держаться легкаго фельетона. Не думайте, чтобы я дѣйствовалъ такъ безъ цѣли, нѣтъ,—это даетъ мнѣ возможность подъ видомъ шутки смѣло высказывать мысли, необходимыя для жизни нашей. Сила отъ этого не только не утрачивается, а удваивается и слова мои обращаются въ дѣла. — Вопросъ о благочинныхъ рѣшенъ уже въ Кіевѣ фактически. Простите, добрый о. протоіерей, болтуна-лѣтописца, глубоко почитающаго васъ священника А. Гумилевскаго».

Гумилевскій подозрѣвалъ въ недоброжелательствѣ къ себѣ ревельскаго епископа Леонтія и по своему обыкновенію рѣзко отзывался объ немъ. Напротивъ того, этотъ епископъ, одинъ изъ немногихъ, принадлежалъ къ молодой партіи и сочувствовалъ ея стремленіямъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ (отъ 26-го февраля 1862 г.) на мое ходатайство передъ нимъ за журналъ Гумилевскаго, онъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Письмо ваше я перечитывалъ не разъ и вполнѣ соглашаюсь съ мыслями вашими; но, къ сожалѣнію, я не могу быть редакторомъ журнала statu quo. Правда, наблюденіе главное можно бы взять на себя, но навязываться не хочу. Вамъ извѣстно, что я желалъ давать направленіе «Духу христіанина» и указалъ Гумилевскому тонъ; но гг. редакторы взялись за направленіе отрицательное, и въ первыхъ книжкахъ дѣло испортили. Поднялась война; чуть не запретили журналъ; послѣднія книжки осторожнѣе, но все-таки прорывается по мѣстамъ безтактность. Одна изъ причинъ этому то, что нѣтъ одного главнаго редактора. Впрочемъ, журналъ идетъ хорошо по числу подписчиковъ и свою пользу приноситъ. Въ немъ есть живое слово и есть статьи дѣльныя. Ошибки на первыхъ порахъ неизбѣжны. Мнѣ особенно не понравилась статья «О недостаткахъ вѣры въ русскомъ народѣ» (2-я статья). Раздѣленіе вѣры неосновательно; главная мысль худо обставлена, и анекдоты есть весьма непріятные. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что духовная журналистика начала разрабатывать вопросы живые, близкіе къ современному быту нашему. «Православное обозрѣніе» и «Труды кіевской академіи» въ этомъ отношеніи идутъ твердо и настойчиво.

«Странникъ» тоже, думаю, получаете. И онъ приноситъ пользу массѣ. Очень я радъ, что у васъ теперь причтъ разумный, пусть работаютъ для общаго блага. О. Репловскому передайте мое благословеніе. Его статьи читаются съ удовольствіемъ. Дай Богъ, чтобы съ вашей легкой руки и при другихъ нашихъ заграничныхъ церквахъ были ученые псаломщики. Какъ бы желалось, чтобы вы заняли должность ректора сперва хоть С.-Петербургской семинаріи, а потомъ академіи. Не оставляйте этой мысли. Жаль, если запасъ педагогическихъ свѣдѣній останется безъ полнаго приложенія, а педагоговъ у насъ такъ мало. Проектъ преобразованія нашихъ духовныхъ училищъ конченъ и представленъ въ Св. Синодъ; теперь хотятъ напечатать его и разослать къ архіереямъ для окончательнаго потомъ рѣшенія. Дѣло опять замедляется, а нужда настоитъ крайняя въ перемѣнѣ стараго. Мы живемъ въ такое время, что прежніе годы дѣятельности считаются нынѣ недѣлями. Подъ-часъ, право, страшно становится».

Вотъ еще одно изъ писемъ ко мнѣ преосвященнаго Леонтія, изъ котораго также видно, что этотъ архипастырь не отставалъ отъ вѣка:

Мая 7-го, 1862 г.

«Весьма благодаренъ за ваше любезное письмо и за присылку извѣстныхъ листковъ. Хотѣлъ я отвѣчать вамъ съ Горчаковымъ, отправлявшимся въ Стутгартъ на свою должность, но не успѣлъ. Съ вашими мыслями относительно реформы въ нашихъ заведеніяхъ духовно-учебныхъ я согласенъ во многомъ; и, конечно, рано или поздно многое исполнится само собою по естественному теченію дѣлъ. Составленный комитетомъ проектъ о преобразованіи нашихъ учебно-духовныхъ заведеній скоро будетъ напечатанъ и разосланъ извѣстнымъ лицамъ для обсужденія. Конечно, вы будете имѣть экземпляръ; тогда можно судить многостороннѣе. Что касается до меня, то я забочусь о томъ, чтобы какъ-нибудь пріучиться — быть полезнымъ пастыремъ церкви; учоба ушла уже отъ меня — оффиціально, хотя дома я занимаюсь въ свободное время литературой. Къ сожалѣнію, формальность нашего дѣлопроизводства много поглощаетъ драгоцѣннаго времени; впрочемъ, проектъ о сокращеніи переписки и по нашему вѣдомству готовъ; если онъ приведенъ будетъ въ исполненіе Св. Синодомъ, дѣло значительно упростится и механизмъ дѣлопроизводства облегчится. Я читалъ весь проектъ (бралъ у владыки), составленный особымъ комитетомъ, и мнѣ онъ понравился. Потребность преобразованія нашихъ духовныхъ заведеній сознается всѣми, и всѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, но не скоро дождутся. Правда — лучше поздно, чѣмъ никогда, лучше не скоро, да споро; но люди обыкновенно нетерпѣливы. Главный недостатокъ у насъ въ педагогіи, а она доселѣ не преподается въ нашихъ даже академіяхъ. Хорошо бы написать

какое-либо на первый разъ руководство. Вамъ это довольно удобно; да не скоро можно провести въ печать. Нутка, возьмитесь начертить педагогику.

«Если найдете приличнымъ, передайте мое глубокое почтеніе ея высочеству великой княгинѣ».

Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ это время происходила страшная неурядица. Молодежь, взбудораженная новыми реформами, не знала удержу и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы заявить свой протестъ и неуваженіе къ авторитету власти. Хороши были, впрочемъ, и сами авторитеты, выступавшіе поборниками этого новаго направленія юношества. Вотъ одна изъ картинокъ, хорошо иллюстрирующая тогдашнее время. Заимствую ее изъ письма моего сына ко мнѣ, который былъ личнымъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ. «На прошлой недѣлѣ,—писалъ онъ мнѣ отъ 8-го марта 1862 года,—я былъ на вечерѣ въ пользу бѣдныхъ литераторовъ и музыкантовъ. Меня соблазнило то, что за рубль можно было послушать и повидать всѣ здѣшнія знаменитости, какъ, напримѣръ, Рубинштейна, Венявскаго, Некрасова и т. п. Между прочимъ въ программѣ было показано, что Павловъ будетъ читать «Тысячелѣтіе Россіи». Я думалъ, что это статья изъ мѣсяцеслова, и потому сначала не обращалъ большаго вниманія на его слова; слышалъ только, что онъ говорилъ о началѣ и развитіи цивилизаціи. Но вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ руками и съ сжатыми кулаками закричалъ громкимъ голосомъ, дѣлая сильное удареніе на подчеркнутыхъ словахъ: «Не прельщайтесь блестящею мишурою побѣдъ и тріумфовъ. Наше отечество находится въ самомъ жалкомъ положеніи». Тутъ его прервали самыя неистовыя рукоплесканія и самыя бѣшеныя браво. Когда, наконецъ, буря утихла, онъ продолжалъ съ тѣмъ же остервенѣніемъ: «Манифестъ 19-го февраля раздѣлилъ наше настоящее отъ прошлаго бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезѣ, и каждый попятный шагъ можетъ низвергнуть ихъ стремглавъ въ эту страшную пропасть, каждый попятный шагъ можетъ навлечь на отечество наше ужасное несчастіе. Единственное средство избѣгнуть этого—сближеніе съ народомъ. Наше молодое поколѣніе должно пожертвовать для достиженія этой цѣли тѣми незначительными преимуществами, какими оно пользуется нынѣ. Имѣяй уши слышати да слышитъ». Я не все понялъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ кричалъ на всю залу, а въ нѣкоторыхъ говорилъ слишкомъ тихо. Но вся послѣдняя часть его рѣчи была ежесекундно прерываема криками и рукоплесканіями, а по окончаніи ея онъ былъ нѣсколько разъ вызываемъ. На другой день нашъ профессоръ Люперсольскій разсказывалъ намъ о рѣчи Павлова въ классѣ и о томъ пафосѣ, съ которымъ говорилъ Павловъ, обыкновенно читающій свои лекціи вяло и монотонно».

А вотъ и эпилогъ къ этой исторіи. Отъ 16-го марта мой сынъ писалъ мнѣ: «На 3-ій день послѣ рѣчи Павлова, его взяли и на 4-ый отправили въ Ветлугу. Профессоры рѣшились прекратить свои лекціи въ Думѣ. Костомаровъ однако же продолжалъ, и вотъ на его лекціи произошла страшная путаница. Онъ сказалъ, что онъ врагъ всякихъ безполезныхъ демонстрацій или что-то въ родѣ того. Тутъ стали шикать и апплодировать—все вмѣстѣ. Особенно шикала одна дѣвица, по имени Зайцева, которую знаетъ Ольга К., встрѣчающаяся съ нею въ рисовальной школѣ, гдѣ она проповѣдуетъ разныя эмансипированныя идеи, какъ, напримѣръ, что не надо слушаться родителей, что нынѣ не такой вѣкъ и проч. На этой лекціи Костомарова произошелъ ужасный безпорядокъ. Въ различныхъ концахъ залы, различные ораторы вставали на стулья, кричали, шумѣли и, наконецъ, кончили тѣмъ, что составили адресъ съ жалобой на то, что Павлова сослали безъ суда. Адресъ подписали около 3.000 мужчинъ и дамъ».

Пробуя свое литературное участіе во вновь появлявшихся тогда духовныхъ журналахъ, я посылалъ свои статьи и въ Москву въ издававшійся тамъ подъ редакторствомъ о. Ключарева журналъ «Душеполезное чтеніе». Но потому ли, что я издали не попадалъ въ тонъ текущей русской жизни, или потому, что взглядъ мой на потребности читающей публики былъ невѣренъ, статьи мои не проходили въ свѣтъ, задержанныя на пути или цензурою или самою редакціею. Вотъ, напримѣръ, отвѣтъ на одну изъ такихъ попытокъ редактора «Душеполезнаго чтенія», въ то время скромнаго приходскаго священника, а впослѣдствіи знаменитаго архипастыря Амвросія:

Іюля 16-го, 1862 г.

«Не знаю, чѣмъ и начать письмо мое къ вамъ: такъ мнѣ стыдно передъ вами за свое невѣжество. Цѣлые полгода я не отвѣчалъ вамъ на доброе и прямое письмо ваше. Простите меня ради Бога, и да не повредитъ вина моя нашимъ добрымъ отношеніямъ, которыя только-что начались было. Я сердцемъ чувствую, что вы человѣкъ добрый и снисходительный, и какъ-то надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ прощеніи—христіанскомъ.

«Первая причина моей медленности въ отвѣтѣ была въ-томъ, что вы задѣли меня за живое своими замѣчаніями о моемъ журналѣ, и мнѣ хотѣлось многое сказать вамъ по поводу этихъ замѣчаній. Собираясь писать много, я ждалъ для этого свободнаго времени, чтобы подѣлиться съ вами на просторѣ своими мыслями и ощущеніями, но его-то, свободнаго времени—и не оказывалось. Каждый день приносилъ новыя заботы и неизбѣжныя развлеченія. Набросать кое-что мнѣ не хотѣлось,—и вотъ незамѣтно дней пропущенныхъ для письма къ вамъ накопилось полгода, и я оказался въ томъ фальшивомъ и тяжеломъ положеніи, изъ

котораго прошу васъ вывести меня христіанскимъ прощеніемъ. Жизнь московскаго приходскаго священника, осажденнаго множествомъ знакомыхъ, да еще и журналиста—сложная и суетливая жизнь. Для серьезнаго дѣла мнѣ остается только свободное отъ службы и при томъ раннее утро. Прибавьте къ этому, что я уже три года страдаю болѣзнью глазъ, отъ которой два, а иногда и три дня въ недѣлю (въ которые глаза мои прижигаются ляписомъ) и всѣ вечера безъ исключенія я не могу ни читать, ни писать. Отъ этого и теперь мнѣ все-таки приходится сказать вамъ кое-что и наскоро.

«Я сказалъ, что вы задѣли меня за живое своими замѣчаніями о «Душеполезномъ чтеніи». Это не значитъ, что вы зацѣпили мое самолюбіе, а что коснулись предмета, наиболѣе меня занимающаго и озабочивающаго, о которомъ у меня, говоря по-русски, болитъ сердце. Большая часть вашихъ замѣчаній такого рода, что я отвѣчалъ на нихъ про себя: «правда, но что прикажете дѣлать?». Моя главная задача, мое искреннѣйшее желаніе при началѣ изданія было—послужить нашему простому, въ собственномъ смыслѣ, народу и вообще всѣмъ сословіямъ, невѣжественнымъ въ дѣлѣ вѣры, общепонятнымъ и сердечнымъ изложеніемъ христіанскаго, душеполезнаго ученія во всѣхъ его видахъ. Это было наше знамя, вы такъ его и поняли. Но мы, говорите вы, невѣрны своему знамени, какъ и другіе наши духовные журналы. Совершенная правда. Отчего это?—Не говоря о другихъ духовныхъ изданіяхъ и ихъ издателяхъ, я скажу вамъ о своемъ и о себѣ, насколько я самъ понимаю дѣло.

«Съ перваго года нашего изданія опытъ показалъ намъ, что мы съ своимъ знаменемъ очутились на той несчастной роковой чертѣ, которая отдѣляетъ нашъ простой народъ отъ полуобразованнаго общества. Люди изъ простаго народа, до которыхъ достигали наши книжки, принимали ихъ съ любовью, полуобразованные оглянулись на нихъ съ улыбкою. «Что это, говорили они, насъ хотятъ грамотѣ учить? Это несовременно». Но такъ какъ простой народъ нашъ доселѣ почти никакихъ книгъ (кромѣ чисто церковныхъ) еще не покупаетъ, а о журналахъ и понятія еще не имѣетъ, то мы рисковали остаться безъ подписчиковъ. Сельское духовенство по предписаніямъ нѣкоторыхъ архіереевъ стало было порядочнымъ проводникомъ нашего журнала въ народъ если не для покупки, то по крайней мѣрѣ для чтенія; но безъ повторенія консисторскихъ указовъ о выпискѣ журнала на церковный счетъ и эти проводники начали намъ измѣнять. Что оставалось дѣлать? Надобно было съ измѣной своей задачѣ прилаживаться къ понятіямъ людей съ претензіями на образованность и на современность. И мы съ своей точки зрѣнія стали касаться вопросовъ современныхъ, которые могли интересовать свѣтское общество и самое духовенство. И я отъ души жалѣю объ этой

измѣнѣ нашей первоначальной мысли. Оказалось труднымъ и излагать одно ученіе. Простой народъ скоро устаетъ на чтеніи учительныхъ статей, потому что не привыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, свѣтскіе люди ими скучаютъ, потому что у нихъ испорченъ вкусъ легкимъ журнальнымъ чтеніемъ. Таковы-то плоды нашего просвѣщенія. Вотъ почему мы помѣщаемъ охотно разсказы и анекдоты.

«Прибавьте къ этому второе, весьма важное обстоятельство. Передовые изъ нашего духовенства (молодежь, какъ вы говорите) какъ сначала взглянули, такъ и теперь продолжаютъ смотрѣть на наше дѣло съ совершеннымъ презрѣніемъ. Такой трудъ для нихъ кажется мелочью, дѣломъ ребячьимъ. Ихъ интересуютъ великіе вопросы литературнаго кружка; милліоны православнаго народа для нихъ не стоятъ вниманія. Вы, можетъ быть, думаете, что мы завалены статьями, что намъ остается только выбирать и что дурной вкусъ нашъ причиною дурнаго выбора статей. Увы! Лучшіе наши таланты смотрятъ по верхамъ, большинство нашего магистерства спитъ непробуднымъ сномъ лѣни, и въ статьяхъ, отъ него получаемыхъ, царствуетъ школьная формальность, отвлеченность и сухость. Даровитыхъ охотниковъ потрудиться надъ тѣмъ, чтобы высвободить догматическое ученіе и даже нравственное изъ школьныхъ формъ и научнаго языка, въ который у насъ его запутали, приблизить его къ пониманію народа, выработать для него новую, живую и ясную рѣчь—пока еще нѣтъ. Самое лучшее для насъ было бы въ настоящее время—это разсказы изъ библейской и церковной исторіи, одушевленные и пересыпанные слегка догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ. Вотъ почему я просилъ васъ объ нихъ. А пока—до времени намъ остается успокоиться на той мысли, что какъ бы Христосъ ни проповѣдывался, только бы проповѣдывался.

«Видите, я совершенно согласенъ съ вами. Въ вашихъ замѣчаніяхъ я нашелъ то, о чемъ самъ думаю постоянно, но, какъ видите, внѣшнія причины мѣшаютъ нашему журналу быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Помогите намъ въ этомъ. Сказавши, что невѣріе проникаетъ въ наше общество, вы выразились слабо; оно систематически въ немъ распространяется и при томъ такими дѣятелями, которые забираютъ въ руки власть. Сильнаго противодѣйствія ему не видится; народъ съ своею любимою святою вѣрою остается беззащитнымъ. Въ него врываются просвѣтители и учители съ ожесточеннымъ невѣріемъ, и нѣтъ пастуха, который бы отогналъ этихъ зубастыхъ волковъ отъ брошеннаго стада. Время критическое. Въ народѣ открывается многое множество школъ, а читать ему нечего. По мѣрѣ распространенія въ немъ грамотности, книжные промышленники не замедлятъ снабдить его всякою литературною мерзостью, а мы все будемъ думать, что это вопросъ несовремен-

ный. Вы далеко отъ отечества, многаго не видите, что мы видимъ и отчего намъ плакать хочется.

«Не безъ стѣсненія сердца перехожу я къ слову о присланной вами статьѣ и признаюсь вамъ, что отчасти она была причиною моей медленности въ отвѣтѣ на письмо ваше. Но я скажу вамъ о ней свое мнѣніе съ такою же откровенностью, съ какою вы говорили о моемъ журналѣ. Я затрудняюсь ее печатать потому: 1) что она катехизическаго характера, а у насъ ужъ печатаются катехизическія поученія преосвященнаго Евсевія, хотя, по правдѣ сказать, плохія, но излагающія ученіе по плану и порядку. По всей вѣроятности, ваша статья совпадетъ съ его бесѣдами по содержанію. А вѣдь она одна. 2) Въ ней несмотря на небольшой объемъ ея, слишкомъ много захвачено истинъ, относящихся къ ученію о лицѣ Іисуса Христа, и оттого многое не раскрыто съ тою ясностью, какая нужна для простыхъ читателей. 3) Принявши за особенный способъ изъясненія новозавѣтныхъ истинъ сопоставленіе ихъ съ прообразами ветхаго завѣта, вы не могли избѣгнуть важнаго неудобства: то въ ветхозавѣтной картинѣ, то въ ученіи новозавѣтномъ безпрестанно выступаютъ черты, требующія свѣтлыхъ красокъ, т. е. длинныхъ, дополнительныхъ толкованій, совершенно необходимыхъ для читателей незнакомыхъ съ богословіемъ. Я по опыту знаю, что догматическое ученіе можно излагать съ пользою для простыхъ, только взявши предметъ частный, одну мысль и изъясняя ее всѣми способами, выводами, приложеніями, примѣрами, сравненіями и т. п., какъ дѣлалъ св. Тихонъ Воронежскій—единственный народный учитель нашъ. Не посѣтуйте на меня за это откровенное объясненіе. Потому-то и нѣтъ у насъ догматическихъ статей, что, по моему мнѣнію, это дѣло чрезвычайно трудное, требующее особеннаго подвига ученаго богослова. Жаль, что вы не принялись за прощаніе Моисея съ народомъ. Теперешній характеръ своего изданія я считаю случайнымъ. Я буду биться изо всѣхъ силъ, чтобы сдѣлать его популярнымъ. Если это не удастся—брошу его.

«Забылъ я сказать свое мнѣніе на вашу замѣтку объ аскетическихъ сочиненіяхъ. Они, по-моему, полезны для монастырей, изъ которыхъ весьма многіе выписываютъ нашъ журналъ. Да судя по себѣ, я заключаю, что они хорошо расшевеливаютъ засыпающую совѣсть и пристыжаютъ лѣность и мірянина.

«Конецъ слова: глаза очень устали. Простите всѣ мои прегрѣшенія и возмогайте о Господѣ.

«Съ искреннимъ уваженіемъ и нелицемѣрною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою свящ. А. Ключаревъ».

А въ то же время редакторъ «Духа христіанина», рьяный поборникъ всего новаго и живаго, находилъ способъ не пропущенныя петербургскою цензурою мои статьи и замѣтки проводить въ свѣтъ безпрепят-

ственно въ московскихъ журналахъ подъ тамошнею цензурою, которая была снисходительнѣе петербургской, изъ чего слѣдуетъ, что цензура вообще слѣдовала не положительнымъ правиламъ, даннымъ ей въ руководство, а личнымъ взглядамъ или расположенію духа каждаго цензора въ отдѣльности. Это мнѣ очень напоминаетъ цензора начала 50-хъ годовъ, покойнаго протоіерея Окунева, который не хотѣлъ пропустить мой первый тогда литературный трудъ на томъ основаніи, что ему тогда оставался одинъ только годъ до полученія пенсіи за цензурство и потому онъ не пропускалъ болѣе ничего въ печать, боясь за какой-нибудь промахъ или изъ-за придирки высшей цензуры лишиться мѣста и не получить ожидаемой пенсіи. А придирки того времени, какъ онъ объяснилъ мнѣ, могли быть такого рода.

— Вотъ вы,—говорилъ онъ мнѣ,—употребляете слово: д у р н о й примѣръ. Скажутъ, какъ это священникъ, да еще въ назидательной книжкѣ, употребляетъ такое вульгарное слово, которое напоминаетъ собою и д у р е н ь и, пожалуй, д у р а к ъ. И чего это смотрѣлъ цензоръ, пропустившій эту книжку. Дать ему за это отставку.

Не мудрено, что подобная этому цензура въ 60-хъ годахъ, когда пробудилась живая мысль, приводила въ отчаяніе.

При наступленіи лѣтнихъ каникулъ, я желалъ имѣть моего старшаго сына, находившагося въ С.-Петербургской семинаріи, при себѣ, чтобы провѣрить при личномъ свиданіи съ нимъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него годъ жизни въ Россіи при тогдашней обстановкѣ и въ какой степени я могъ надѣяться на исполненіе моихъ надеждъ и желаній видѣть въ старшемъ сынѣ моемъ достойнаго пастыря церкви. Для этого я обратился съ просьбою къ оберъ-прокурору о дозволеніи моему сыну поѣздки за границу на каникулярное время. Но процедура того времени и особенно необычайность вопроса объ увольненіи воспитанника семинаріи за границу такъ затянули это дѣло, что я опасался неудачи въ моемъ ходатайствѣ объ этомъ, какъ вдругъ уже въ іюнѣ самъ государь, заинтересованный въ этомъ письмомъ великой княгини Ольги Николаевны, спросилъ у оберъ-прокурора, данъ ли сыну Базарова отпускъ за границу, и—на другой же день у него былъ паспортъ въ рукахъ.

По этому поводу князь Урусовъ писалъ мнѣ:

С.-Петербургъ. 10-го 22-го (7) іюня 1862 г.

«Спѣшу васъ увѣдомить, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что отпускъ вашего сына разрѣшенъ, согласно съ вашимъ желаніемъ.

«О псаломщикахъ А. П. Ахматовъ пишетъ съ этимъ же курьеромъ Николаю Ѳедоровичу. Вы изволите видѣть, что мы съ радостью и готовностью исполняемъ порученія Стутгартской духовной миссіи.

«Въ послѣднее время мы были встревожены пожарами. Несчастіе—

ужасное, разразившееся надъ тысячами бѣдняковъ—имѣло однако то благодатное вліяніе, что обнаружило во всей силѣ—преданность истинно - русскаго народа къ вѣрѣ и приверженность его къ государю. Я самъ видѣлъ въ то ужасное время, какъ народъ молился, и самъ слышалъ, какъ онъ тронутъ былъ присутствіемъ на пожарѣ и печалію своего царя. Государыня изволила быть на-дняхъ на мѣстѣ опустошенія; меня тутъ не было, но единогласно мнѣ сказывали, что, при видѣ ея величества, восторгъ погорѣвшихъ былъ неописанный. Но сколько, съ одной стороны, возбуждено въ народѣ чувство любви, столь же сильно въ немъ чувство омерзѣнія къ врагамъ церкви и власти. Глубоко обманулись тѣ, которые надѣялись, что найдутъ опору въ народѣ при усиліяхъ колебать все, что имѣетъ только нѣкоторый авторитетъ. Нельзя не признать, что постоянныя журнальныя разсужденія о недостаткахъ существующаго порядка вещей, желчныя осужденія всѣхъ безъ изъятія предметовъ народнаго уваженія, нападки на всѣ явленія, исходящія отъ какой бы то ни было законной власти—увлекли нашу молодежь, неопытную, впечатлительную—и сдѣлали ее недовольною, несчастною и нетерпѣливо переносящею всякую дисциплину и всѣ требованія порядка. Будемъ надѣяться, что грустныя послѣдствія такой разнузданности будутъ дѣйствительнымъ урокомъ и для руководителей и для руководимыхъ.

«Не сѣтуйте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, на растянутость моего письма; вы въ немъ увидите выраженіе господствующихъ у насъ мыслей.

«Испросивъ вашего благословенія, остаюсь преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ вашимъ слугою Урусовъ».

Съ наступленіемъ зимы я снова принялся за свою кабинетную работу, большая часть которой отдавалась на переписку по поводу занимавшихъ тогда всѣхъ вопросовъ по преобразованію духовнаго воспитанія. Можетъ быть, эта самая ревность моя по этому предмету подала поводъ къ тому, что въ Петербургѣ стали думать о назначеніи меня ректоромъ семинаріи или даже академіи. Но самъ я былъ далекъ отъ этой мысли, какъ по совершенной неподготовкѣ къ подобному занятію, такъ и вообще потому, что начиналъ уже терять надежду на возможность моего возвращенія на службу въ Россію. Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ, по порядку воспоминаній моихъ, а теперь я не могу ничѣмъ лучшимъ закончить воспоминанія 1862 года, какъ прилагаемымъ при семъ письмомъ ко мнѣ князя С. Н. Урусова, полнымъ живаго интереса для тогдашняго и даже настоящаго времени. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ, 27-го октября (8-го ноября) 1862 года.

«Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ. Сегодня получилъ я ваше письмо и книгу о духовныхъ училищахъ; спѣшу васъ благодарить и отвѣчать.

Книга уже была мнѣ извѣстна. Вы обязательною присылкою предварили исполненіе нашего требованія. Мы съ вами довольно долго говорили объ этомъ животрепещущемъ предметѣ, чтобы у васъ осталось какое-либо сомнѣніе въ душевномъ моемъ воззрѣніи на нашъ духовно-учебный міръ. Посылаю вамъ тему циркуляра (секретнаго), который разосланъ къ преосвященнымъ. Вы увидите, что мы не впали въ прелесть. Сознавая всю неудовлетворительность, всю безотрадность нашего положенія, мы однако должны добраться до корня зла. Не спорю,—преобладаніе формы, исключительность направленія, вліяніе извѣстнаго, неодушевленнаго элемента составляютъ органическіе недостатки учрежденія. Но утѣшительнѣе ли вамъ представится другая не духовная среда, гдѣ совершается движеніе, извѣстное подъ приторнымъ именемъ прогресса? Спросите у родителей, которые образуютъ своихъ дѣтей въ свѣтскихъ заведеніяхъ. Это сказано мною не для извиненія духовнаго воспитанія, а указана другая причина зла. Хорошо отворить окно, когда можно впустить свѣжій воздухъ, но если въ полу-развалившуюся лачугу проникаютъ міазмы,—то какъ ее ни строй, ни чини, нельзя ее оградить отъ гнилой мѣстности. Россія имѣетъ дѣло съ двумя поколѣніями: одно—отжившее, безжизненное; другое—полу-испорченное, самоувѣренное, помышляющее только о ломкѣ; извольте изъ того и другаго строя выбирать орудія для созданія чего-либо прочнаго. Добросовѣстный голосъ опыта, указывающій на злоупотребленія,—достоинъ уваженія. А когда цѣлая партія кричитъ молодежи: «Вы загнаны, вы истерзаны, вы забиты деспотизмомъ»,—удивительно ли, что молодежь волнуется, увлекается и вступаетъ въ борьбу не съ личностями, а съ коренными принципами. И молодежь, не только учащаяся, но и учащая,—наставники, разбросанные повсѣмъ концамъ Россіи и подготовляющіе будущихъ учителей. Конечно, есть заведенія, гдѣ ученики боятся начальниковъ, но есть и такія заведенія, гдѣ начальники дрожатъ передъ учениками. Намъ скажутъ: «перемѣните начальниковъ». А мы отвѣтимъ: «Кѣмъ? укажите». И кромѣ того, надо платить, надо одѣвать, надо кормить, надо строить. Свѣтскія заведенія берутъ деньги за ученье и щедро вознаграждаютъ учителей. Естественно, что лучшіе люди изъ духовнаго званія переходятъ на свѣтское поприще. У насъ остается, положимъ, бѣлое духовенство. Недавнее назначеніе протоіерея Горскаго ректоромъ Московской академіи есть знаменательное явленіе. Но при всемъ моемъ уваженіи къ бѣлому духовенству,—смѣю спросить: развѣ оно много сдѣлало для духовныхъ училищъ, состоящихъ большею частію подъ его управленіемъ? Развѣ примѣры жестокости, корыстолюбія, небрежности не встрѣчаются въ ректорахъ уѣздныхъ училищъ? Безъ людей ничего не сдѣлаешь. Надо ихъ готовить, но и для приготовленія нужны люди, и не малое

*

число, когда вопросъ рѣшается объ участи 54.000 учащихся. Впрочемъ, не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что, подъ вліяніемъ тяжкаго впечатлѣнія, начертана мною такая мрачная картина. Въ Россіи нѣкоторые умѣютъ еще молиться. Въ теченіе этого мѣсяца, мнѣ случалось быть нѣсколько разъ въ храмѣ съ одной особой, которая умѣетъ молиться за русскій народъ. При молитвѣ вѣрующихъ, мы не пропадемъ. Со стороны дѣятелей нужно самоотверженіе; со стороны тѣхъ, которые ихъ судятъ,—нужно терпѣніе и сознаніе трудностей. Можно мигомъ разобрать зданіе, когда матеріалы для новаго сооруженія подъ рукою; въ Россіи еще надо дѣлать кирпичи, и, пока они не сдѣланы, нельзя не поступать осмотрительно. Кончаю это длинное, несвязное писаніе (въ 3 часа ночи), обративъ просвѣщенное ваше вниманіе на утѣшительную дѣятельность кіевскаго духовенства: возьмите ихъ журналы, какъ-то: «Труды академіи», «Руководство для сельскихъ пастырей», «Воскресное чтеніе», «Епархіальныя вѣдомости»— и тогда вы можете мнѣ возразить, что я къ вамъ писалъ въ припадкѣ ипохондріи.

«Прошу вашего благословенія и молитвъ. Ваше сочувствіе мнѣ всегда дорого. Искренно преданный кн. С. Урусовъ».

Въ зиму 1862—63 года мнѣ привелось испытать первое неудобство съ моими учеными псаломщиками, на которое я сначала не обратилъ вниманія, радуясь только тому, что я имѣю теперь сослуживцами богословски образованныхъ людей, съ которыми можно было вести бесѣду и которые достойно представляли за границею причтъ русской церкви какъ передъ русскими, такъ и передъ иностранцами. Дѣло въ томъ, что наша высшая духовная школа, давая своимъ воспитанникамъ солидное богословское образованіе, упускаетъ изъ виду ихъ прямое и главное назначеніе быть пастырями церкви, священнослужителями, умѣющими исправлять церковныя требы. Тѣмъ же недостаткомъ грѣшатъ и наши семинаріи. Вслѣдствіе этого изъ нашихъ разсадниковъ духовенства, какъ высшихъ, такъ и среднихъ, выходятъ кандидаты на священство не только безъ знанія церковнаго устава, но даже безъ знакомства съ самыми обыкновенными пріемами при совершеніи богослуженія. Особенно этимъ пренебрегаютъ наши академисты, считая ниже своего достоинства знать дьячковскую и пономарскую службу, какъ бы забывая или не желая знать, что и генераломъ нельзя быть, не прошедши службы простаго солдата, хотя бы то было въ кадетскомъ корпусѣ. Такимъ образомъ, первые, поступившіе ко мнѣ псаломщиками кандидаты богословія не только не знали устава церковнаго, но даже самыхъ простыхъ церковныхъ напѣвовъ. И вотъ что случилось. Въ Ульмѣ, недалеко отстоящемъ отъ Стутгарта, городѣ Виртембергскаго королевства, умеръ одинъ бѣдный ремесленникъ, родомъ сербъ и слѣдо-

вательно православнаго вѣроисповѣданія. Городское управленіе Ульма взяло на себя похороны этого бѣдняка и просило прислать русскаго священника для погребенія. Получивъ это приглашеніе и зная, что расходы на эту поѣздку придется поставить на церковный счетъ, я взялъ съ собою одного только псаломщика. Прибывши въ Ульмъ, мы отправились прямо въ городскую больницу, гдѣ умеръ этотъ сербъ. Тамъ въ тѣсной комнатѣ мы совершили надъ гробомъ кое-какъ отпѣваніе, то читкомъ, то вполголоса, такъ какъ мой кандидатъ богословія не умѣлъ пропѣть порядочно даже «Господи, помилуй». Но каково же было наше изумленіе и даже испугъ, когда, прибывши съ тѣломъ на кладбище, мы нашли тамъ толпы народа, передъ которыми намъ приходилось пропѣть литію и вѣчную память. Жители Ульма, узнавъ о погребеніи серба по русскому обряду, стеклись со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на это невиданное зрѣлище. Когда мы начали литію, мой псаломщикъ запѣлъ «Со духи праведныхъ скончавшихся» на такой ладъ, что я не могъ никакъ попасть въ тонъ, чтобы навести его на настоящій напѣвъ, и предпочелъ оставить его одного пѣть, успокоивая себя тѣмъ, что здѣсь никого не было, кромѣ нѣмцевъ, которые все равно никогда не слыхали нашихъ церковныхъ напѣвовъ. И дѣйствительно, на другой день мы читаемъ въ мѣстныхъ газетахъ описаніе этого погребенія, при чемъ корреспондентъ, возвеличивая нашъ обрядъ, особенно восхищался пѣніемъ псаломщика, которое собственно было ни на что не похоже, не имѣя ни тѣни подобія нашихъ погребальныхъ напѣвовъ.

Въ эту зиму мнѣ удалось познакомиться въ Стутгартѣ съ нашимъ знаменитымъ хирургомъ-педагогомъ Пироговымъ. Онъ находился въ это время въ Гейдельбергѣ, гдѣ ему поручено было руководить нашу ученую молодежь, собравшуюся туда учиться послѣ студенческихъ исторій и временнаго закрытія Петербургскаго университета. Мнѣ тѣмъ интереснѣе было взглянуть на этого замѣчательнаго человѣка въ его новомъ званіи педагога, послѣ того, какъ я видѣлъ его въ Петербургѣ въ фартукѣ хирурга. Тогда, еще бывши студентомъ академіи, я воспользовался приглашеніемъ своихъ земляковъ студентовъ Медицинской академіи, чтобы присутствовать при его практическихъ чтеніяхъ въ клиникѣ. Какъ теперь помню его угрюмую фигуру, съ руками, заложенными въ фартукъ, передъ кроватью одного оперированнаго больнаго, какъ онъ ровнымъ и твердымъ голосомъ объяснялъ своимъ столпившимся тутъ же вокругъ кровати больнаго ходъ послѣ операціоннаго срастанія жилъ, какъ тутъ же съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ онъ полоснулъ по отрѣзанной по колѣно ногѣ больнаго имѣвшимся у него за пазухой фартука ножемъ и какъ при отчаянномъ крикѣ несчастнаго онъ перешелъ съ своими студентами къ слѣдующей кровати, не измѣнивъ

своего хладнокровія ни въ голосѣ, ни въ манерѣ демонстрацій. У меня тогда пробѣжалъ морозъ по кожѣ и отъ этого крика оперированнаго, и отъ этого хладнокровія оператора. Теперь въ кабинетѣ нашего посланника В. П. Титова я видѣлъ передъ собою—правда—ту же угрюмую фигуру, но скорѣе уже спокойнаго человѣка не съ ланцетомъ въ рукахъ, а съ перомъ мыслителя. Въ разговорѣ онъ не былъ особенно сообщителенъ, но интересовался всѣмъ, что̀ касается педагогическаго устройства нѣмецкихъ учебныхъ заведеній.

Весною этого года мой сосѣдъ по службѣ, о. Янышевъ отправился съ семьею на побывку въ Россію, предоставивъ мнѣ свой висбаденскій приходъ, вслѣдствіе чего я не разъ долженъ былъ ѣздить туда для совершенія разныхъ требъ и богослуженія. Очень любопытно было то впечатлѣніе, какое произвела на о. Янышева, какъ свѣжаго человѣка, обновившаяся въ это время Россія. Въ прилагаемомъ здѣсь письмѣ его ко мнѣ видно чувство человѣка, удаленнаго судьбою и долгомъ службы отъ родины, и вмѣстѣ радость при видѣ перерождающагося отечества. Вотъ это письмо:

«Достоуважаемый и достолюбезнѣйшій отецъ Іоаннъ Іоанновичъ.

«Возвратившись изъ С.-Петербурга въ прошлый понедѣльникъ, первымъ долгомъ считаю я немедленно выразить вамъ глубочайшую благодарность за неоставленіе паствы моей въ мое отсутствіе и за посѣщеніе Висбадена по дѣламъ служенія.

«Не знаю, какъ вы себя чувствовали въ Россіи въ послѣднее пребываніе тамъ, а меня просто охватило тамъ чувство радости и, можно сказать, блаженства со всѣхъ сторонъ. Какъ родившагося въ деревнѣ и до 20-ти лѣтняго возраста прожившаго въ провинціи, прежде всего интересовало меня освобожденіе крестьянъ, и мнѣ хотѣлось убѣдиться, истинно ли оно и сознано ли самими крестьянами? Промыслъ послалъ мнѣ встрѣтить въ Питерѣ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ—калужанъ, и разсказы ихъ заставляли возвращаться съ слезами благодарности къ Богу и восторга о счастіи этихъ бывшихъ невольниковъ, болѣе же всего о томъ, что они в п о л н ѣ сознаютъ сами это счастіе, съ крестнымъ знаменіемъ разсказываютъ о немъ, и—если бы вы послушали—какъ они обожаютъ виновника его. И скота-то у нихъ стало больше, и хлѣбъ-то родится лучше, и ребятишки-то родятся здоровѣе, и храмы-то и въ малые праздники полны, и священники-то стали больше имъ любы и больше о нихъ заботятся и больше получаютъ; а оброкъ-то заплатить, говорятъ они, теперь намъ п л е в к а стоитъ: заработки на каждомъ шагу; и порядка въ деревняхъ больше, потому что сами лучше умѣютъ расправиться съ недобрыми людьми. При всемъ этомъ у нихъ не замѣтно и тѣни озлобленія или мести противъ бывшихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ о добрыхъ съ признательностью вспоминаютъ, а о худыхъ

говорятъ: «Господь съ ними, Онъ имъ Судья!». О томъ, какъ они фотографическій портретъ государя ставили въ церквахъ, вы, безъ сомнѣнія, слыхали, такъ какъ тутъ не обходилось безъ вмѣшательства В. Б. Бажанова, посылавшаго взамѣнъ этихъ карточекъ образъ Св. Александра Невскаго.

«Въ низшемъ духовенствѣ, т. е. нашей братіи—священникахъ съ притчами—также показалось мнѣ много перемѣны на лучшее; о картахъ почти не слышно, а слышно непрестанно о благоустройствѣ приходовъ, объ училищахъ, о благочиніи богослуженія, о призрѣніи бѣдныхъ и больныхъ; замѣтно очень болѣе свободное, хотя отнюдь не революціонное отношеніе къ епархіальному начальству; въ приходскомъ духовенствѣ почти и не видно жажды къ отличіямъ и наградамъ, а напротивъ въ комитетѣ объ улучшеніи духовенства цѣлая партія предлагала совсѣмъ отмѣнить всякіе ордена и внѣшніе знаки отличія. Въ церквахъ Питера и Москвы—значительное усиленіе доходовъ, благолѣпія въ лучшемъ вкусѣ, опрятности въ содержаніи, хотя и недостаточно еще той чинности при богослуженіи и сосредоточенности вниманія, какія господствуютъ у строгихъ протестантовъ. Словомъ, благочестіе въ массѣ народной, по всей вѣроятности, растетъ, а не умаляется, какъ этого хотѣлось бы необузданной молодежи.

«Но и эта молодежь, по замѣчаніямъ о. В. П. Полисадова и о. Сергіевскаго, становится сдержаннѣе и благоразумнѣе въ своихъ требованіяхъ, хотя и не освободилась отъ вліянія (стыдно сказать!) Бюхнера и Фогта. Здѣсь, какъ и вообще въ университетскихъ наставникахъ, нужна твердая и просвѣщенная реакція, нужны люди съ характерами и солидною ученостію. Авось и ихъ Богъ пошлетъ. А теперь, кажется, ихъ скорѣе, чѣмъ прежде, послушали бы и, можетъ быть, послушались бы.

«Въ старцахъ-іерархахъ, да и не въ старцахъ то же, что̀ и прежде: недовѣрчивость, крайняя опасливость и страхъ предъ всякою новизною, хотя бы эта новизна была старѣе ихъ прадѣдовъ; но видно однакожъ болѣе снисходительности къ низшимъ, доступности для всѣхъ и желанія быть популярнымъ. Бесѣдуя съ ними, къ чему Богъ посылалъ мнѣ много случаевъ, такъ и чувствуется, что эти добрые люди слишкомъ высоко сидятъ и не могутъ чувствовать того, что движетъ сердцами ихъ подчиненныхъ; хотя и здѣсь высокопреосвященный Исидоръ, по своей относительной молодости и отличному здоровью, а высокопреосвященный Филаретъ, по уму и опытности, достойно занимаютъ каждый въ своей средѣ первенствующія мѣста и смотрятъ и видятъ шире и глубже, чѣмъ ихъ ближайшіе сотрудники. Владыка московскій, ужъ Богъ знаетъ по какому внушенію, почтилъ меня даже предложеніемъ—чего бы вы думали?—быть ректоромъ духовной академіи, и на мое возраженіе—даже то, что я женатъ и имѣю малыхъ дѣтей, отвѣчалъ новымъ насто-

яніемъ послужить церкви на этомъ поприщѣ, хотя впослѣдствіи, убѣдившись, что мы за границею не для удовольствія живемъ и не совсѣмъ праздно, сказалъ: «ну и это есть дѣло Божье».

«Міръ чиновный погруженъ въ проектахъ, редакціяхъ и заботахъ по внутреннимъ преобразованіямъ и по приготовленіямъ къ войнѣ, которую тамъ неминуемо ожидаютъ и къ которой съ жаркимъ энтузіазмомъ готовятся.

«Признаюсь, какъ ни мимолетно было пребываніе мое на родинѣ, но на этотъ разъ удалось рѣшительно окунуться съ головою въ Русь святую,—и я благодарю Бога и добрыхъ людей, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе въ этой поѣздкѣ. Нечего уже и говорить, какъ счастливы была дома среди своихъ Александра Ефимовна и дѣти, весьма неохотно разстававшіяся снова съ С.-Петербургомъ. Еще вамъ усерднѣйшій поклонъ и почтеніе отъ преосвященнаго Леонтія, котораго владыка митрополитъ никакъ не хочетъ отпустить отъ себя въ епархію....

«Всей душой вашъ преданный и покорнѣйшій слуга протоіерей Іоаннъ Янышевъ. 10—22 мая 1863 года. Висбаденъ».

Между тѣмъ, у меня самого была забота на счетъ сына моего, оставшагося по моему совѣту еще на годъ въ семинаріи. Не теряя еще надежды воспитать его для духовнаго званія, я рѣшился самъ поѣхать въ Петербургъ, чтобы лично убѣдиться въ его настроеніи и попытать уговорить его окончить курсъ семинаріи. Прибывъ для этого въ началѣ августа въ Петербургъ, я отправился въ домъ Горизонтова, у котораго въ семействѣ жилъ мой сынъ. На мои разспросы о немъ о. Горизонтовъ, вмѣсто всякаго отвѣта, повелъ меня въ комнату, занимаемую моимъ сыномъ, и указалъ мнѣ протоптанную имъ дорожку отъ одного угла комнаты въ другой, которую онъ продѣлалъ, какъ маленькій узникъ, ходя взадъ и впередъ съ своими думами. Этого было довольно, чтобы убѣдиться въ неблагоразуміи долѣе насиловать волю молодаго человѣка, и я долженъ былъ разстаться съ своей мечтою сохранить своего старшаго сына въ духовномъ званіи, пожалѣвъ, что не удержалъ его при себѣ за границею до академіи. Тогда, можетъ быть, не видя безобразія тогдашней семинарщины, онъ скорѣе свыкся бы съ духовною атмосферою въ болѣе упорядоченной обстановкѣ. Но теперь было поздно, и я далъ ему свое согласіе на поступленіе въ университетъ, куда онъ и былъ принятъ съ дополнительнымъ только экзаменомъ по математикѣ и новѣйшимъ языкамъ.

Оставаясь въ Петербургѣ весь августъ и сентябрь, я, между прочимъ, хотѣлъ показать сыну моему празднество Александрова дня, который въ этотъ годъ справлялся особенно торжественно, въ присутствіи государя и всей царской фамиліи. Для этого отправляясь въ лавру передъ самымъ прибытіемъ туда крестнаго хода, я поручилъ ему нести за мною

камилавку, въ качествѣ причетника, иначе его не пропустили бы туда. Прошедши первыя ворота, я остановился здѣсь съ нимъ, чтобы видѣть встрѣчу государя митрополитомъ съ крестнымъ ходомъ изъ лавры. Когда, спѣшившись съ коней, на которыхъ они сопровождали крестный ходъ до лавры, государь, окруженный великими князьями и свитою, вступилъ на мостъ, ведущій къ главнымъ воротамъ лавры, его величество замѣтилъ меня стоящимъ у перилъ моста и подозвалъ къ себѣ. Не останавливаясь въ шествіи, я долженъ былъ пройти нѣсколько шаговъ рядомъ съ государемъ, при чемъ его величество изволилъ поздравить меня съ днемъ рожденія великой княгини Ольги Николаевны, празднующимся также 30-го августа, прибавивъ: «я получилъ сегодня отъ Ольги Николаевны телеграмму. Она здорова», и съ этими словами отпустилъ меня. Но кто бывалъ при дворѣ, тотъ знаетъ, что когда государь, какъ солнце, освѣтитъ кого, то сейчасъ и луна, и звѣзды преклоняются передъ этимъ счастливцемъ. Такъ было и здѣсь со мною. Лишь только я отступилъ на шагъ отъ государя, какъ всѣ слѣдовавшіе за нимъ стали протягивать мнѣ руки, здороваясь со мною, а за ними и вся свита, изъ которой я большую половину вовсе не зналъ лично, стала тѣсниться вокругъ меня съ привѣтствіями. Въ заключеніе же всего, когда государь, приложившись ко кресту, прошелъ со всею свитою вслѣдъ за митрополитомъ въ соборъ и народъ уже устремился по мостику въ лавру, я вижу, что сквозь эту толпу пробивается иподіаконъ въ облаченіи по направленію ко мнѣ. Запыхавшись, онъ едва успѣлъ выговорить: «его высокопреосвященство проситъ ваше высокопреподобіе на завтракъ къ высочайшему столу», какъ насъ захватила толпа и потащила своимъ теченіемъ въ лавру къ собору. Здѣсь одинъ какой-то мѣщанинъ, вѣроятно видѣвшій всю эту сцену, протискался ко мнѣ съ вопросомъ: «позвольте узнать, кто вы такой будете?» и на мой отвѣтъ, что я заграничный священникъ, онъ прибавилъ: «а этотъ молодецъ, указывая на моего сына, не сынокъ ли вамъ будетъ?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ самонадѣянно замѣтилъ: «то-то я говорю. Это видно сейчасъ по портрету».—Пробравшись вмѣстѣ съ сыномъ въ алтарь собора, я тамъ неожиданно для себя очутился въ цѣлой толпѣ своихъ заграничныхъ сослуживцевъ. Здѣсь были: протоіерей Поповъ изъ Лондона, о. Васильевъ изъ Парижа, о. Полисадовъ изъ Берлина и о. Раевскій изъ Вѣны, такъ что, стоя въ кучкѣ въ алтарѣ, мы обратили на себя вниманіе городскаго духовенства, собирающагося въ этотъ день въ соборъ, особенно нашими подстриженными волосами, а о. Поповъ бритою бородою, и многіе подходили къ намъ, чтобы освѣдомиться, кто мы такіе? По окончаніи обѣдни я поспѣшилъ на приглашенный завтракъ къ митрополиту. Въ эту минуту тамъ ожидали прибытія изъ собора государя, и у подъѣзда стоялъ тогдашній генералъ-губернаторъ

петербургскій, князь Суворовъ. Завидѣвъ меня подходящимъ къ подъѣзду, онъ устремился ко мнѣ на встрѣчу съ латинскимъ привѣтствіемъ. Извѣстно, что князь Суворовъ воспитывался въ Швейцаріи въ школѣ іезуитовъ и оттуда вынесъ латынь свою. Но я, забитый нѣмецкимъ языкомъ, не могъ отвѣтить ему ни однимъ словомъ по-латыни, хотя тоже въ свое время въ семинаріи объяснялся на латинскомъ языкѣ, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ въ семинаріяхъ всѣ главные предметы, словесность, философія и даже богословіе изучались по латинскимъ руководствамъ, а въ философскомъ классѣ какъ объясненія профессора, такъ и отвѣты учениковъ велись по-латыни. Здѣсь же, у подъѣзда митрополита на привѣтствія латиниста князя Суворова я не могъ даже сказать: «gratias ago», языкъ только поворачивался на «danke Ihnen» и вмѣсто «Domine» произносилъ: «mein Herr!» Князь Суворовъ это замѣтилъ и съ шуткою сказалъ: «А что! совсѣмъ ужъ онѣмечился». При этомъ случаѣ я припоминаю разсказъ князя, какъ онъ отвѣчалъ покойному государю Николаю Павловичу на допросѣ по поводу бунта 14-го декабря, въ которомъ Суворовъ тоже былъ замѣшанъ. «Когда меня ввели въ кабинетъ государя,—разсказывалъ онъ,—онъ обратился ко мнѣ со словами: «И ты, Суворовъ, противъ меня». На что я отвѣчалъ: «государь! вы сами виноваты въ томъ, оставивъ меня воспитываться въ республиканской Швейцаріи, да еще въ іезуитской школѣ». Этотъ отвѣтъ, прямой и откровенный, такъ поразилъ государя, что онъ тутъ же обнялъ меня и съ словами: «не забывай же, что ты—Суворовъ!» отпустилъ меня». Все наказаніе князю Суворову ограничилось тѣмъ, что онъ не смѣлъ являться 14-го декабря во дворецъ на молебенъ, справлявшійся до самой кончины государя Николая Павловича въ воспоминаніе подавленія крамолы. Но и эта опала снята была съ него въ 50-мъ году по совершеніи 25-тилѣтія царствованія государя, и съ тѣхъ поръ Суворовъ сталъ своимъ домашнимъ человѣкомъ въ царской семьѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНІИ.

Въ майской книжкѣ «Русской Старины» (№ 5, стр. 235—275) были напечатаны письма Н. И. Тургенева къ братьямъ. Въ письмахъ этихъ онъ упоминаетъ объ оправдательной запискѣ по обвиненію его въ участіи въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ Декабристовъ. Записка эта написана на французскомъ языкѣ и озаглавлена: «Notes d'un des accusés (Nicolas Tourgueneff) sur le rapport de la commission d'Enquête, a être publiées après la mort» (Замѣчанія одного изъ обвиняемыхъ [Николая Тургенева] на донесеніе слѣдственной коммиссіи должны быть напечатаны послѣ его смерти). Свое оправданіе Н. И. излагаетъ параллельно съ «Донесеніемъ», а потому въ помѣщаемой ниже статьѣ текстъ «Донесенія» напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ. Ред.

Magna est veritas... et pravalebit.

«Вашему величеству, при самомъ назначеніи коммиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія, коммиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія[1]); но съ другой стороны не теряла изъ вида возло-

---

[1]) Напечатанное съ разрядкою подчеркнуто Н. И. Тургеневымъ въ печатномъ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи.

женной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ престолу и закону».

Мы увидимъ далѣе, придерживалась ли слѣдственная коммиссія и верховный уголовный судъ этого принципа мудрости и великодушія.

...«Основаніемъ своихъ заключеній (коммиссія) почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ или бумаги, ими писанныя».

Мною не было сдѣлано никакого сознанія, и въ дѣлѣ не имѣется никакихъ бумагъ, писанныхъ мною собственноручно. Слѣдовательно, по отношенію ко мнѣ не существовало тѣхъ доводовъ, на которыхъ коммиссія основывала свои заключенія.

...«Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; но коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами, вашимъ величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ розысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призваны къ допросу лишь тѣ даже изъ членовъ тайныхъ обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могуть еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ у сего подносимомъ спискѣ, какъ несовершенно знавшихъ цѣль тайнаго общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей, коммиссія положила только довести до высочайшаго вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію вашего императорскаго величества. Но всѣ, по изложеннымъ причинамъ, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе коммиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію [1]): отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу тайнаго общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны» [2]).

[1]) Недопрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

[2]) Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались или непринадлежащими къ злоумышленнымъ тайнымъ обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

Если бы коммиссія дѣйствительно потребовала арестованія только тѣхъ, коихъ можно считать, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, причастными къ самымъ преступнымъ замысламъ и если бы она придерживалась въ этомъ случаѣ принципа, указаннаго его императорскимъ величествомъ, то мнѣ никогда не было бы предъявлено требованія явиться въ судъ, по обвиненію въ государственномъ преступленіи, ибо не только не существуетъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя давали право смотрѣть на меня какъ на человѣка причастнаго самымъ преступнымъ замысламъ, но не было и вовсе никакихъ показаній, коими я обвинялся бы въ какихъ бы то ни было преступныхъ намѣреніяхъ. Я говорю это, предполагая, что редакторъ «Донесенія» слѣдственной коммиссіи вполнѣ ясно понималъ смыслъ, который законъ придаетъ слову свидѣтельское показаніе, и что слѣдовательно подъ этимъ не подразумѣваются отвѣты, данные на лукавые вопросы, или заявленія опровергаемыя фактами или датами. Доказательствомъ того, что редакторъ понималъ это слово въ томъ именно смыслѣ, какъ я, служитъ то обстоятельство, что сама коммиссія не приняла этихъ противорѣчивыхъ и бездоказательныхъ показаній; было бы очень трудно осудить меня, если бы верховный уголовный судъ держался этого правила, или, лучше сказать, если бы онъ не уклонился отъ предписаннаго ему закономъ пути судить только на основаніи фактовъ, доказанныхъ слѣдственной коммиссіей, и не основалъ бы свой приговоръ на томъ именно обвиненіи противъ меня, которое было устранено слѣдственной коммиссіей. Слѣдовательно, я въ правѣ заключить, что если бы коммиссія дѣйствовала согласно съ вышеприведенными словами и сообразно съ ея собственнымъ заключеніемъ относительно взведенныхъ на меня обвиненій, однимъ словомъ, если бы она осталась вѣрна самой себѣ, то мнѣ никогда не было бы предъявлено требованіе явиться въ судъ.

Хотя я не принадлежу къ числу лицъ, которыя вышли изъ общества, по словамъ коммиссіи, сознавъ свою вину, и хотя я не могъ быть причисленъ къ этому разряду, такъ какъ я никогда не придавалъ означенному обществу никакого значенія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что я вышелъ изъ общества, не только по причинѣ моего отъѣзда изъ Россіи приблизительно за два года до возстанія 14-го декабря 1825 г., но гораздо раньше. Слѣдовательно, я долженъ былъ по всѣмъ правиламъ быть причисленъ къ разряду тѣхъ лицъ, относительно которыхъ коммиссія ограничилась перечисленіемъ ихъ именъ въ особомъ спискѣ, поданномъ его величеству.

Мы увидимъ далѣе, что на основаніи вышеупомянутыхъ принциповъ, принятыхъ коммиссіей, а именно въ виду отсутствія досто-

вѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній и доказательства существованія самыхъ преступныхъ замысловъ, меня не могли вызвать въ судъ. Въ вызовѣ было сказано, что я принималъ участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. и что я обвиняюсь въ государственномъ преступленіи. Я отвѣчалъ, что за нѣсколько дней до полученія этого вызова, я уже послалъ въ Петербургъ оправдательную записку по обвиненію меня въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ; и я твердо былъ убѣжденъ въ то время, что она будетъ признана достаточною, чтобы снять съ меня обвиненіе въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя мнѣ были приписаны, и что здоровье не позволяетъ мнѣ предпринять поѣздку въ Россію. Не стараясь никоимъ образомъ оправдать свой отказъ явиться въ судъ, я былъ убѣжденъ, что этой записки будетъ вполнѣ достаточно, чтобы оправдать меня отъ всѣхъ обвиненій, которыя могли быть предъявлены мнѣ на законномъ основаніи.

...«Побужденія ихъ (членовъ тайнаго общества), какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемыя ими средства, никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута [1]); что существованіе такого сообщества было беззаконно и противно нравственности [2]); что слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ членовъ, долженствовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства» [3]).

Хотя основаніе общества меня не касается, но справедливость требуетъ замѣтить, что о каждомъ обществѣ и о цѣляхъ, какія преслѣдуются его членами, можно судить только по уставу общества или по личнымъ заявленіямъ его членовъ. Уставъ общества, къ которому я принадлежалъ, извѣстенъ и касается всѣхъ членовъ вообще; личныя цѣли, которыя они преслѣдовали, составляли ихъ личное дѣло. Разумѣется, нельзя оспаривать того факта, что замыслы нѣкоторыхъ членовъ общества, о коихъ не только не было упомянуто въ уставѣ, но кои скрывались отъ прочихъ членовъ, не могли никоимъ образомъ быть приписаны этимъ послѣднимъ, ибо каждый, само собою разумѣется, долженъ отвѣчать только за себя. Если это такъ, то, просматривая уставъ общества, членомъ

---

[1]) Слова Александра Муравьева.
[2]) Слова Никиты Муравьева.
[3]) Слова князя Сергѣя Трубецкаго.

коего я состоялъ, совершенно немыслимо найти въ немъ что-либо противное законамъ общественной нравственности (исключая тайны, которая соблюдалась точно также масонами, коимъ не возбранялось тогда пребываніе въ Россіи); еще менѣе можно найти въ этомъ уставѣ задатковъ преступленій и бѣдствій, угрожающихъ государству. Если лица, учреждая какое бы то ни было общество, предвидятъ тѣ бѣдствія, о коихъ тутъ говорится, слѣдовательно, у нихъ имѣются заднія мысли, допустить которыя въ данномъ случаѣ невозможно. Впрочемъ, это первоначальное общество меня не касается.

«Они (члены общества) тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго передъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ, вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ, завести другое общество подъ названіемъ Русскихъ рыцарей. На совѣщаніяхъ между ими и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое общество и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генералъ-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился, и, общество имъ предполагаемое, не составилось».

Такова ли была цѣль этого общества или нѣтъ, это меня не касается. Я не только не принадлежалъ къ нему, но даже узналъ о его существованіи только изъ «Донесенія» слѣдственной коммиссіи.

Генералъ Орловъ показалъ мнѣ ритуалъ двухъ масонскихъ степеней и далъ мнѣ съ нихъ копію; мнѣ кажется, что онѣ не были выдуманы имъ самимъ, но заимствованы изъ какого-нибудь устава стариннаго масонскаго общества, существовавшаго въ Москвѣ. Я не былъ, сколько помнится, занятъ въ то время основаніемъ этого втораго общества, которое, судя по свойствамъ этихъ двухъ степеней, имѣло характеръ не политическаго, а скорѣе мистическаго общества; да и въ настоящее время мнѣ трудно представить себѣ, что я былъ занятъ въ то время основаніемъ общества, совмѣстно съ двумя лицами, изъ коихъ одного (графа Мамонова) я не видалъ никогда въ жизни. До чтенія этого «Донесенія» мнѣ также не было извѣстно объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Александромъ Муравьевымъ и генераломъ Орловымъ.

Намѣренія, выраженныя генераломъ, не могутъ меня касаться, такъ какъ мнѣ ихъ никогда не сообщали.

Впрочемъ, общество, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, какъ видно, вовсе не было основано, и о немъ далѣе не упоминается.

«Общество вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михаиломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ».

Коммиссія упоминаетъ тутъ впервые объ обществѣ, къ которому я принадлежалъ. Все, предшествовавшее учрежденію этого общества, какъ-то: уставы, грамоты, а равно и тайныя цѣли его основателей отнюдь меня не касаются. Тѣ, коимъ все это было совершенно неизвѣстно, не могутъ быть отвѣтственны за гнусныя и преступныя намѣренія тѣхъ лицъ, кои признаютъ себя во всемъ этомъ виновными. Повторяю еще разъ, что всякій отвѣчаетъ за самого себя.

Тутъ надобно замѣтить, что такъ какъ временемъ основанія другаго общества (Союза Спасенія) названъ февраль мѣсяцъ 1817 г., то принявъ во вниманіе все происшедшее вслѣдъ за тѣмъ, до основанія Союза Благоденствія, учрежденіе этого послѣдняго можетъ быть отнесено только къ концу 1817 г. или къ началу 1818 г.

О характерѣ вновь возникшаго общества, именуемаго Союзомъ Благоденствія, можно судить главнымъ образомъ по его уставу, касающемуся одинаково всѣхъ членовъ, коихъ связываетъ взаимная отвѣтственность. Никакой второй части этого устава никогда не существовало, по крайней мѣрѣ мнѣ это не было извѣстно; съ этимъ согласна и слѣдственная коммиссія (см. ниже).

Теперь попрошу читателей прослѣдить содержаніе этого устава.

«Сочинители (устава), именемъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрываетъ своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ. Они дѣлили членовъ на четыре разряда, или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство

оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія, или усовершенствованія. Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію».

Благо отечества—единственная цѣль общества, которое предлагало даже свои услуги правительству, чтобы дѣлать добро: предложеніе быть можетъ излишнее и главное непрошенное, но по крайней мѣрѣ въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго.

Необходимость соблюдать тайну объяснялась въ данномъ случаѣ необходимостью не подвергать труды общества недоброжелательнымъ и злонамѣреннымъ истолкованіямъ.

Не будучи, по своему характеру, вообще говоря, поклонникомъ секретныхъ дѣлъ и поступковъ, я долженъ однако замѣтить, что соблюденіе тайны въ этомъ обществѣ было положительно необходимо, если только оно хотѣло что-нибудь дѣлать. Недоброжелательство старается всегда истолковать въ дурную сторону самые честные и обыденные поступки; въ Россіи недоброжелательство еще дѣятельнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ гдѣ-либо.

Я помню, что во время голода, свирѣпствовавшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Имперіи, нѣкоторыя лица предлагали открыть всенародную подписку въ пользу голодающихъ; со стороны властей тотчасъ послѣдовало запрещеніе или, лучше сказать, отказъ на просьбу открыть эту подписку; лицамъ же, выступившимъ съ этимъ предложеніемъ, былъ данъ совѣтъ оставить эту благотворительную затѣю, такъ какъ на нее могутъ взглянуть какъ на заговоръ или злоумышленіе или что-то въ этомъ родѣ; пришлось собирать пожертвованія тайно.

Филантропія и воспитаніе—таковы были предметы занятій двухъ первыхъ отдѣловъ общества: трудно отгадать, что имѣлъ въ виду доброжелательный редакторъ, подчеркнувъ слова: «и съ цѣлію общества сообразныя»; такъ какъ эта цѣль была уже указана, то само собою разумѣется, что воспитаніе должно было клониться ко благу отечества.

«Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выбо-

рамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи; стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ... Вѣроятно, что для сего въ особенности, нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласіе покойнаго императора на учрежденіе ихъ общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами».

Правосудіе въ судахъ, политическая экономія—таковы были предметы занятій двухъ другихъ отдѣловъ.

Если могло возникнуть какое-либо сомнѣніе относительно искренности цѣлей и намѣреній общества, если можно было заподозрѣть, что у него была какая-нибудь посторонняя цѣль, помимо указанной въ уставѣ,—а редакторъ видимо имѣлъ это подозрѣніе, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ напечатать курсивомъ фразу: «и съ цѣлію общества сообразныя»,—то это сомнѣніе или это подозрѣніе, разумѣется, должны были исчезнуть, видя, что нѣкоторые члены общества предлагали ходатайствовать объ утвержденіи его императоромъ. Если обратить вниманіе на это обстоятельство, то приходится убѣдиться, что подобное предложеніе отнюдь не совмѣстимо съ какими бы то ни было преступными замыслами членовъ общества. Кому они это говорили? Кому они предлагали это? Они не обращались къ постороннимъ, они говорили объ этомъ между собою; имъ нечего было въ то время скрывать другъ отъ друга, слѣдовательно, у нихъ не могло быть никакого повода обманывать себя, а изъ этого вытекаетъ, что это предложеніе было сдѣлано искренно, а въ такомъ случаѣ ясно, что не только въ уставѣ общества, но и въ намѣреніяхъ его членовъ не было ничего преступнаго. Но, могутъ мнѣ возразить, что эти самые люди нѣсколько времени передъ тѣмъ обсуждали, однако, или, по крайней мѣрѣ, говорили о преступленіи, о цареубійствѣ и т. п.

Боже мой! я въ этомъ именно и вижу доказательство ихъ искренности и отсутствія всего преступнаго въ ихъ намѣреніяхъ въ то время, когда они учреждали новое общество.

Не ясно ли изъ этого, что они убѣдились на опытѣ, что всѣ ихъ тайные происки не привели ровно ни къ чему? Не эта ли именно не-

удача заставила ихъ оставить преступный и избрать честный путь? Не утверждая даже, что они стали дѣйствовать иначе, вслѣдствіе совершившагося въ нихъ нравственнаго возрожденія, не ясно ли, что простой здравый смыслъ долженъ былъ внушить имъ мысль попытаться дѣйствовать невинными средствами, коль скоро преступныя средства оказались недѣйствительны? Нельзя ли въ такомъ случаѣ считать доказаннымъ, что если они избрали невинный и нравственный путь и, если хотите, были вынуждены избрать его, то, слѣдовательно, общество не имѣло никакихъ иныхъ цѣлей сверхъ указанныхъ въ уставѣ? Настаивать на этомъ подозрѣніи было бы не только противно всѣмъ правиламъ самой простой справедливости, это было бы противно простой очевидности, это значило бы, говоря вульгарно, искать вчерашняго дня.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе, коммиссіи было бы справедливо остановиться и разсмотрѣть самый характеръ и свойство этого общества. Выше было уже доказано, что общество, въ моментъ своего основанія, не преслѣдовало никакой преступной цѣли, и что даже учредители его не имѣли и не могли имѣть никакихъ преступныхъ умысловъ. Справедливость требуетъ не терять изъ вида этой характерной черты отсутствія въ обществѣ всякихъ преступныхъ цѣлей въ моментъ его основанія. Мы увидимъ далѣе, что общество сохранило это отличительное свойство, составлявшее его основной принципъ, до того момента, когда оно было распущено; нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ обществу проявили впослѣдствіи совершенно иныя цѣли и намѣренія; но справедливость требуетъ, чтобы отвѣтственности были подвергнуты въ такомъ случаѣ только тѣ лица, кои высказывали или раздѣляли эти намѣренія. Тѣ члены, которые никогда не переступали принципа, выраженнаго въ уставѣ общества, отвѣтственны только за этотъ принципъ. Взаимная отвѣтственность членовъ далѣе этого не идетъ. Внѣ обязательствъ, налагаемыхъ уставомъ общества, каждый членъ отвѣтственъ только за себя лично.

Если читатель убѣдится въ томъ, что общество не преслѣдовало въ моментъ своего основанія никакихъ преступныхъ цѣлей, и прослѣдитъ внимательно все то, въ чемъ обвиняли меня лично, то онъ увидитъ, что вся моя вина состояла только въ томъ, что я принадлежалъ къ этому не преступному обществу, не преслѣдовавшему никакихъ преступныхъ цѣлей.

«Образованіе онаго (общества) было слѣдующее: старѣйшіе члены, основатели общества, или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренной Союзъ; изъ него избирали Совѣтъ Кореннаго Союза, т. е. Блюстителя и

пять засѣдателей, изъ коихъ одинъ прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ предсѣдатели и тогда именовался Главою Союза; каждые четыре мѣсяца выходили изъ совѣта два засѣдателя и на мѣсто ихъ поступали другіе; Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены Коренпаго Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Коренной Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа—законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію Кореннаго Союза; Управа назначала еще Временную Законодательную Палату, для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сіи, Палатою сочиненные законы должны были съ одобренія Управы имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился».

Дѣйствительно, я былъ членомъ упомянутаго тайнаго общества, но, читая этотъ пунктъ «Донесенія», я не могъ припомнить всей процедуры, его организаціи и управленія; самыя слова Коренной Союзъ, коренная Управа и проч. совершенно ускользаютъ изъ моей памяти. Причина тому весьма простая, и именно, что на самомъ дѣлѣ никогда не существовало ни Кореннаго Союза, ни Коренной Управы, ни Временной Законодательной Палаты, никакого раздѣленія власти, ни ассесоровъ, ни измѣненій правилъ и цѣлей общества. Я нахожу въ концѣ того-же пункта «Донесенія» доказательство, что этого фантастическаго законодательства никогда не существовало. Въ этомъ пунктѣ говорится, что правила Временной Палаты должны были утверждаться какимъ-то верховнымъ правленіемъ, которое могло быть организовано не прежде окончательнаго составленія Союза. А такъ какъ въ «Донесеніи» не сказано, что онъ состоялся или что это какое-то верховное правленіе было организовано (а это доказываетъ, что Союзъ не былъ окончательно учрежденъ), то изъ этого слѣдуетъ, что организація, о которой здѣсь идетъ рѣчь, фактически никогда не существовала и Союзъ не былъ учрежденъ окончательно. Посмотримъ, какія заключенія выводитъ изъ этого редакторъ «Донесенія»?

«Изъ всего сказаннаго очевидно, говоритъ онъ, что всѣ распоряженія въ семъ тайномъ обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или Коренныхъ Членовъ».

Что можетъ быть болѣе очевидно и доказано слѣдствіемъ, какъ не то

обстоятельство, что этотъ писанный уставъ общества никогда не былъ осуществленъ на дѣлѣ [1])?

Въ «Донесеніи» говорится и далѣе о томъ, что правленія созывались; что Центральный Союзъ имѣлъ преимущество; что въ каждомъ правленіи былъ Совѣтъ; что дѣла рѣшались по большинству голосовъ; что постановленія принимались такимъ же образомъ; упоминается о почетной и позорной книгѣ. Все это существуетъ, быть можетъ, на бумагѣ, но болѣе нигдѣ, и редакторъ былъ обязанъ указать на это, изъ уваженія къ истинѣ и въ особенности ради точности, какой по закону долженъ отличаться всякій судебный актъ. Найдутся читатели, которые вообразятъ, что все перечисленное здѣсь существовало, а между тѣмъ это чистѣйшая выдумка. Гдѣ эти рѣшеныя дѣла, эти преимущества, коими пользовалось общество, эти почетныя и позорныя книги?

Говоритъ же редакторъ, упоминая о сборахъ, какими облагались члены, что это правило соблюдалось рѣдко. Справедливость требовала сказать то же самое и объ остальныхъ правилахъ. Не видя, чтобы правила, изложенныя въ уставѣ, соблюдались на практикѣ, редакторъ, какъ честный человѣкъ, обязанъ сказать изъ уваженія къ правильности уголовнаго судопроизводства, что это общество существовало скорѣе на бумагѣ, нежели фактически.

«Таковы были, объявленныя въ 1-й части устава, цѣль и правила Союза Благоденствія.—Вторая часть не была сочинена, или по крайней мѣрѣ не была одобрена Коренным Союзомъ, ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году.—Но объ оной упоминали, и, можетъ быть, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство когда-нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія осно-

[1]) Трудно представить себѣ что-нибудь гнуснѣе того намека, который дѣлаетъ тутъ редакторъ. Самый злостный инквизиторъ не вывелъ бы изъ всего имъ же сказаннаго объ обществѣ иного заключенія, какъ то, что общество это не имѣло никакой организаціи и что оно не было учреждено окончательно, какъ это высказалъ, быть можетъ, нечаянно самъ редакторъ. Тѣмъ не менѣе, противорѣча самъ себѣ, онъ говоритъ, что очевидно учредитель общества имѣлъ право вести его къ извѣстной цѣли. Пусть всякій добросовѣстный человѣкъ скажетъ, можно ли говорить недобросовѣстно, можно ли доводить до такой степени коварство, хитрость и ложь въ судебномъ актѣ? Очевидно, редакторъ хотѣлъ во что бы то ни стало доказать, что общество имѣло извѣстную цѣль! Не найдя на это нигдѣ никакихъ намековъ, онъ далъ волю своему воображенію, чтобы создать эту цѣль и представить ее на строгій судъ судей и вызвать злобу читателей доклада. Поступая такимъ образомъ, онъ какъ нельзя лучше выдаетъ цѣль, которую онъ самъ преслѣдовалъ. Примѣч. Н. И. Тургенева.

вателей общества [1]).—Они не строго и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными.—При заведеніи управъ рѣдко былъ наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который, послѣ отставки своей, жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-я подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Шаховскаго; обѣ существовали не долго; въ Петербургѣ также двѣ: у л. гв. Егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурцова».

Въ этомъ пунктѣ впервые упоминается въ «Донесеніи» о б ъ и с т и н н ы х ъ ц ѣ л я х ъ о с н о в а т е л е й о б щ е с т в а.

Грустно видѣть, что о столь важномъ обстоятельствѣ упомянуто, такъ сказать, вскользь, и говорится болѣе подробно въ примѣчаніи. Что касается меня, то я не могу отнестись такъ легко къ изложенію, имѣющему такое огромное значеніе для моего оправданія. Поэтому скажу на это примѣчаніе слѣдующее:

Секретарь общества Семеновъ показалъ, что цѣлью общества было измѣнить государственный строй и что эта цѣль была извѣстна въ началѣ главнымъ членамъ, а затѣмъ о ней узнали и остальные.

Весьма возможно, что секретарь сказалъ это, но доказалъ ли онъ справедливость своихъ словъ? Что касается меня, интересно знать, принадлежалъ ли я къ числу тѣхъ лицъ, коимъ эта цѣль была извѣстна, или кои о ней догадывались? Намѣренія людей проявляются только въ ихъ поступкахъ. Человѣческіе законы могутъ карать только за поступки. Одинъ Богъ имѣетъ право и, что̀ еще важнѣе, власть и возможность судить за намѣренія.

Надобно ли говорить въ странѣ мало мальски цивилизованной, что всякое намѣреніе, не сопровождаемое дѣйствіемъ, не можетъ и не должно подвергаться суду и уголовному наказанію? Если бы было иначе, то къ какой казни пришлось бы приговорить несчастнаго баварскаго крестьянина, который, разсердившись на кого-то, рѣшилъ извести его молитвою (Ihn todt zu beten).

Что касается способовъ къ достиженію цѣли, указанныхъ тутъ секретаремъ (общества), то нельзя видѣть ничего преступнаго въ желаніи распространять политическія знанія и вліять на общественное мнѣніе. Въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь также объ однихъ н а м ѣ р е н і я х ъ и болѣе ни о

---

[1]) Сіе намѣреніе не долго хранилось въ тайнѣ: „сначала,—говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества,—знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлію Союза было измѣненіе государственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики.

чемъ, ибо нѣтъ доказательствъ, что общество съ успѣхомъ распространяло политическія свѣдѣнія (это было довольно трудно, принимая во вниманіе тѣ знанія, какими обладали въ этомъ отношеніи сами члены общества) или что оно съ успѣхомъ вліяло на общественное мнѣніе.

Изъ этого слѣдуетъ, что изъ заявленія, сдѣланнаго секретаремъ, можно вывести одно единственное заключеніе, что нѣкоторые члены, изъ его друзей, имѣли поползновеніе измѣнить существующій порядокъ вещей въ Россіи, но что это поползновеніе не могло быть цѣлью общества и что въ то же время они желали учиться и поучать другихъ въ разныхъ отрасляхъ политическихъ наукъ. Что касается общества, самого по себѣ, то справедливо ли будетъ приписать ему это желаніе измѣнить существующій порядокъ и видѣть въ этомъ цѣль общества, по той лишь причинѣ, что лица, имѣвшія это желаніе, были членами общества? Развѣ въ Россіи нѣтъ, какъ и во всякой иной странѣ, людей, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, начиная отъ коронованныхъ особъ до самыхъ скромныхъ читателей газетъ, которые не желали бы видѣть въ чемъ-нибудь перемѣны? Что касается Россіи въ частности, то развѣ не позволительно было желать преобразованій, коль скоро они совершались ежедневно со временъ Петра I и когда самъ покойный императоръ объявилъ о возможности кореннаго преобразованія существующаго порядка вещей? (См. рѣчь его величества на польскомъ сеймѣ).

Какъ бы неосновательно ни было это обвиненіе общества и какъ бы мимоходомъ ни упомянулъ объ этомъ редакторъ, все-таки надобно замѣтить, что это обвиненіе, въ томъ именно видѣ, въ какомъ упоминаетъ онъ о немъ, встрѣчается тутъ въ «Донесеніи» впервые.

Поэтому его надобно принять во вниманіе. Въ переводѣ на юридическій языкъ это обвиненіе сводится къ слѣдующему: секретарь общества заявилъ, не подтвердивъ свои слова никакими доказательствами и въ противорѣчіе письменнымъ документамъ, приложеннымъ къ слѣдственному дѣлу, что общество имѣло цѣлью измѣнить государственный строй, при чемъ не указано, въ чемъ именно это измѣненіе должно было состоять и что средствомъ для достиженія этой цѣли должно было служить распространеніе политическихъ свѣдѣній и вліяніе на общественное мнѣніе, при чемъ не сказано, что эти средства были пущены въ ходъ или имѣли какой-либо успѣхъ.

Таковъ первый пунктъ обвиненія противъ общества. Мы постараемся восполнить отсутствіе системы въ изложеніи редактора, упомянувъ при этомъ пунктѣ все то, что можетъ быть отнесено къ нему.

Въ «Донесеніи» говорится, что учредители общества не подчинялись въ точности правиламъ устава: вѣрнѣе было бы сказать, что этотъ уставъ вовсе не соблюдался.

Два правленія, существовавшія въ Москвѣ, были учреждены, вѣроятно, до моего вступленія въ общество, ибо, ставъ его членомъ, я слышалъ, что Александръ Муравьевъ и князь Шаховской уже не состояли въ правленіи.

Я не былъ знакомъ съ членами обоихъ петербургскихъ управъ точно такъ же, какъ и съ московскими. Я познакомился лично съ однимъ изъ названныхъ здѣсь предсѣдателей, съ Бурцовымъ, гораздо позже, въ Москвѣ, въ то время, когда общество распалось. Истина того, что я говорю, легко можетъ быть доказана провѣркою датъ.

«Впрочемъ, дѣятельность сего тайнаго общества (Общества Зеленой книги), какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы [1])».

Такъ какъ въ примѣчаніи сказано, что я вступилъ въ это общество, то я полагаю, что я вступилъ въ него именно въ то время. Я не могу въ точности припомнить это.

«Однако же, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ извѣтами допрошенныхъ, составлявшіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе, изданіемъ особаго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ и хотѣли для этого имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицы деревнѣ [2])».

Вотъ этимъ-то именно даннымъ и не слѣдуетъ довѣрять, когда дѣло разбирается въ уголовномъ порядкѣ съ величайшей строгостью и точностью [3]).

---

[1]) Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое общество, вступили въ Союзъ Благоденствія.

[2]) Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго императора, бывшій, какъ видно, членомъ Союза Благоденствія.—Изданіе журнала предпринималъ дѣйст. ст. сов. Николай Тургеневъ: есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и можетъ быть распускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайнаго общества, того нельзя сказать утвердительно.

[3]) Я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на авторитетъ покойнаго императора, который не повѣрилъ, повидимому, всѣмъ даннымъ, которыя редакторъ привелъ и постарался представить въ своемъ собственномъ освѣщеніи; по крайней мѣрѣ не замѣтно, чтобы императоръ воспользовался этой замѣткой. Она, найденная въ бумагахъ покойнаго императора, подтверждаетъ высказанное мною въ приложеніи къ моимъ замѣткамъ предположеніе, что его величеству не только было извѣстно о существованіи тайнаго общества, но было извѣстно и то обстоятельство, что я принадлежалъ къ этому обществу.

Ежедневныя газеты, промышляющія скандальной хроникой, позволяютъ себѣ прибѣгать къ подобнаго рода ораторскимъ пріемамъ, но это не спасаетъ ихъ отъ приговора суда, когда ихъ обвиняютъ въ диффамаціи.

И что это за данныя, сообщенныя частными лицами? Они не подтверждены показаніями обвиненныхъ; да, разумѣется, они не подтверждены, но въ такомъ случаѣ къ чему говорить о нихъ? Эти обороты рѣчи, которые были бы невинны въ литературномъ произведеніи, производятъ пагубное впечатлѣніе на умы тѣхъ лицъ, которыя должны произнести свой приговоръ, руководствуясь «Донесеніемъ».

Въ этихъ, не подтвержденныхъ, свидѣтелями данныхъ говорилось о журналѣ, пѣсняхъ и т. д. и т. д.

Въ примѣчаніи сказано, что я взялъ на себя изданіе журнала. Неизвѣстный авторъ неизвѣстной замѣтки донесъ на меня, будто я имѣлъ намѣреніе издавать журналъ. «Издавать», сказано въ «Донесеніи», значитъ представляя журналъ предварительно на утвержденіе цензуры! Еще разъ, къ чему же упоминать объ этомъ доносѣ, въ которомъ ровно ничего не доносится, и объ изданіи журнала, который никогда не издавался?

Существуютъ возмутительнаго свойства пѣсни, которыя, быть можетъ, распространялись... но которыя не могутъ однако быть приписаны обществу. Ну такъ что же изъ этого слѣдуетъ? Редакторъ могъ бы съ еще бо̀льшимъ основаніемъ сказать, что существовали эпиграммы, быть можетъ, возмутительнаго свойства, остроты возмутительнаго свойства, которыя онъ, конечно, не подумаетъ приписать этому обществу. Мнѣ извинительно употреблять выраженіе быть можетъ, такъ какъ я не обвиняю другихъ, а только защищаюсь.

Что касается самого редактора, то ему надлежало бы знать, что въ дѣлахъ уголовныхъ слово быть можетъ никогда не должно осквернять

Редакторъ, видѣвшій, вѣроятно, упомянутую замѣтку, говоритъ, что авторъ ея видимо былъ членомъ Союза Благоденствія. Надобно полагать, что въ его замѣткѣ заключалось не мало фактическихъ подробностей, такъ какъ въ ней говорится даже о существовавшемъ намѣреніи издавать журналъ, а равно сообщается много подробностей о личностяхъ, и я названъ въ ней однимъ изъ редакторовъ этого журнала. Задолго до моего выѣзда изъ Россіи я былъ убѣжденъ въ томъ, что покойному императору было подробно извѣстно о всѣхъ существовавшихъ въ то время тайныхъ обществахъ и что онъ зналъ и о моемъ участіи въ нихъ. Вышеупомянутая замѣтка подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія; я не считаю себя въ правѣ приводить по этому поводу какія-либо иныя доказательства, прошу только читателя припомнить это обстоятельство въ то время, какъ онъ будетъ читать въ „приложеніи“ то, что я говорю о милостивомъ отношеніи ко мнѣ императора передъ моимъ отъѣздомъ. Примѣч. Н. И. Тургенева.

уста и перо обвинителя. Весь духъ, въ коемъ написана эта достопримѣчательная замѣтка, свидѣтельствуетъ скорѣе всего о добродушіи адвоката, который старается всѣми возможными и невозможными средствами заставить восторжествовать свое дѣло; добродушіе, которое вошло въ пословицу точно такъ же, какъ безпристрастіе и умѣренность какого-нибудь законовѣда, излагающаго факты единственно съ цѣлью удовлетворить правосудіе и исполнить долгъ честнаго человѣка.

Какъ ни незначительно само по себѣ обвиненіе въ томъ, что я имѣлъ намѣреніе издавать журналъ, но, не желая пропускать ничего касающагося меня въ этомъ «Донесеніи», я скажу, что дѣйствительно я имѣлъ однажды намѣреніе издавать журналъ; но авторъ найденной замѣтки напрасно говоритъ, что я бралъ на себя эту обязанность или принималъ на себя передъ кѣмъ бы то ни было подобное обязательство. Мое намѣреніе издавать журналъ не имѣло ничего общаго съ Обществомъ. Я припоминаю, что мною было написано съ этой цѣлью объявленіе и роздано нѣкоторымъ лицамъ, разумѣется, не однимъ только членамъ общества, коихъ литературные таланты едва-ли были достаточны, чтобы пополнить страницы журнала. Я долженъ присовокупить, что я разсчитывалъ въ то время украсить предполагаемый журналъ нѣсколькими произведеніями остроумнаго редактора «Донесенія» [1]), литературнымъ дарованіемъ коего я нѣкогда восхищался; нынѣ же это дарованіе сдѣлалось пагубнымъ для меня и, смѣю сказать, и для него, ибо, не довольствуясь составленіемъ «Донесенія», просто на основаніи показаній, данныхъ обвиненными, и обстоятельствъ, подтвержденныхъ слѣдствіемъ, при чемъ оно было бы, разумѣется, не такъ стройно и полно, но болѣе правдиво, болѣе согласно съ сущностью изложеннаго дѣла, онъ увлекся своими литературными пріемами и старался представить читателямъ (какъ онъ думалъ,—но это были судьи!) стройное и цѣльное произведеніе (между тѣмъ какъ данныя, обнаруженныя слѣдствіемъ, не представляли ничего цѣльнаго и яснаго) и описать факты, въ стройной связи съ ихъ причинами и неизбѣжными послѣдствіями, тогда какъ они представлялись ему разрозненными, безсвязными. Желая придать набросанной имъ картинѣ связность и стройную гармонію, онъ обобщалъ то, что долженъ былъ представить, какъ частный случай, изображалъ дѣйствія массы людей, тогда какъ онъ долженъ былъ показать только поступки отдѣльныхъ лицъ; онъ разсчитывалъ произвести бо̀льшее впечатлѣніе своимъ повѣствованіемъ, дополняя его воображеніемъ вмѣсто того, чтобы придерживаться точнаго изложенія представленныхъ ему фактовъ. Это несчастное желаніе заставило его исказить «Донесеніе» выраженіями въ родѣ нижеслѣдующихъ:

[1]) Извѣстно, что составителемъ „Донесенія“ былъ Д. Н. Блудовъ.

«быть можетъ, чего нельзя утверждать, но которыя не были подтверждены и т. д., и т. д.

Пріятное для самолюбія редакторское искусство можетъ быть умѣстно въ ученическихъ сочиненіяхъ или, самое бо̀льшее, въ дипломатическихъ нотахъ; но, разумѣется, не въ актахъ уголовнаго судопроизводства. Уголовное право воспрещаетъ не только украшать показанія, излагаемыя для судей, но предписываетъ даже излагать всѣ обстоятельства дѣла въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представляются въ тождественныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ показаній, данныхъ обвиняемыми добровольно, и въ особенности предписываетъ ограничиваться только передачею тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя вполнѣ выяснены и доказаны, не позво̀ляя себѣ не только высказывать какія-либо неосновательныя предположенія, но даже приводить соображенія, бездоказательныя и неправдоподобныя, не относящіяся къ дѣлу. Уголовныя дѣла ведутся для торжества истины, но не для того, чтобы угождать вкусамъ. Да не скажетъ читатель, что я преувѣличиваю вліяніе, какое можетъ имѣть докладчикъ, на исходъ дѣла; я самъ достаточно опытенъ въ подобнаго рода трудахъ, и поэтому могу утверждать, что все сказанное мною о впечатлѣніи, которое должно было произвести это «Донесеніе», ничуть не преувеличено.

Сообщ. А. А. Ѳоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крестьянинъ вольнодумецъ.

Всеподданнѣйшее письмо Алексѣя Чемеровцова.

14-го мая 1814 г. Парижъ.

Алексѣй Ивановъ Чемеровцовъ музыкантъ, принадлежащій помѣщицѣ Елисаветѣ Семеновнѣ Синявиной, проданный ею графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, выѣхалъ съ нимъ изъ Россіи въ 1796 году, оставилъ его въ нѣмецкой землѣ, пропитывался въ теченіе осьмнадцати лѣтъ музыкою, давая концерты на флейтѣ въ знаменитыхъ городахъ Германіи и Франціи, и обученіемъ нѣмецкому, французскому и русскому языкамъ, женатъ на француженкѣ.

Бывъ обученъ нѣсколько исторіи, географіи, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, имѣя отъ самаго юношества непреоборимое желаніе быть полезнымъ отечеству моему, я не могъ снести безчеловѣчныхъ поступковъ съ родителями моими вышеупомянутой сей помѣщицы, но долгъ мнѣ повелѣваетъ предать оные вѣчному умолчанію.

Несносно терзаемъ состояніемъ невиннаго отца моего и имѣя можетъ быть разсудокъ мой разсѣяннымъ, я рѣшился оставить графа Алексѣя Григорьевича Орлова, намѣреваясь подать просьбу милостивому моему монарху; но случай отдалялъ меня далѣе и далѣе отъ моего отечества, какъ вдругъ благословенное мгновеніе Франціи и всей Европы настало, и въ день Святыя Троицы, торжествуемый вашимъ императорскимъ величествомъ въ Парижѣ, жена моя осмѣлилась вручить самимъ вамъ челобитную мою, въ которой я рабски просилъ милостиваго прощенія въ моемъ преступленіи и высочайшаго позволенія поселиться съ фамиліею моею въ окружностяхъ Саратова, или удостоиться счастія быть музыкантомъ въ капеллѣ благотворнаго моего государя.

Теперь еще, по совѣту господина Лагарпа, дерзаю возобновить сію просьбу; или, если вашему императорскому величеству разсудится за благо требовать отъ меня какой другой либо службы, то я съ восхищеніемъ готовъ посвятить нѣкоторыя пріобрѣтенныя познанія для благосостоянія отечества моего. Средства, коими я могу оному быть полезнымъ, суть слѣдующія:

1) Земледѣльческая экономія россійскія короны.

2) Способъ умножить число россійскаго народа.

Подробности сихъ средствъ я никому иначе не открою, какъ лично самому Богомъ данному мнѣ монарху, къ которому любовь и преданность моя суть безпредѣльны.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXII [1]).

Житье-бытье во время постройки Николаевской желѣзной дороги.—Сосѣдніе помѣщики.—Семейство Квашининыхъ-Самариныхъ—Дѣвица-отшельница.—Ея братъ, пропавшій безъ вѣсти.—Моя женитьба на дѣвицѣ Мельгуновой, племянницѣ отшельницы.

Теперь разскажу о нашемъ житьѣ-бытьѣ на 6-мъ участкѣ, внѣ служебныхъ обязанностей, во время постройки Николаевской дороги. Я уже сказалъ, что я съ братомъ поселились въ деревнѣ Кузнецовѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ участка Семичевымъ, и что въ той же деревнѣ жилъ товарищъ Поземковскій [2]). Кромѣ нихъ были еще товарищи: баронъ Черкасовъ, Шашковъ, жившіе въ другихъ деревняхъ, и Миклуха-Маклай, который былъ гораздо старше насъ, уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Въ это-то время и подросталъ будущій извѣстный герой Гвинеи. Миклуха жилъ верстахъ въ 25 отъ центра, т. е. отъ Кузнецова, и пріѣзжалъ туда рѣдко. Всѣ же остальные офицеры нашего 6-го участка безпрерывно видѣлись другъ съ другомъ, жили дружно и составляли какъ-бы одну семью.

Сначала, около трехъ лѣтъ, мы вообще жили по окрестнымъ деревнямъ; но впослѣдствіи, при развитіи работъ, правительство разрѣшило

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1901 годъ.

[2]) Впослѣдствіи, въ чинѣ тайнаго совѣтника, членъ Совѣта Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

постройку домовъ для насъ, т. е. для производителей работъ. Стоимость этихъ домовъ, по даннымъ чертежамъ, была исчислена по 2.500 руб. Этотъ расходъ былъ признанъ большимъ, и потому правительство отпустило офицерамъ по 1.600 руб. съ разрѣшеніемъ строить дома по усмотрѣнію каждаго, безъ опредѣленнаго плана. За эту цѣну, вслѣдствіе случайной дешевизны лѣса, мнѣ удалось построить довольно большой домикъ, а именно въ 6 саж. дл. и 6 саж. шир., съ мезониномъ, и онъ былъ больше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Я сошелся дружески съ Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской ж. д.). Это былъ человѣкъ очень умный, серьезный и хотя не имѣлъ совсѣмъ свѣтскаго образованія, но былъ человѣкъ развитой, такъ что бесѣды съ нимъ не могли быть скучными, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ русскую литературу. Характера онъ былъ однако мрачнаго, очень твердаго и несообщительнаго, не менѣе того, во взглядахъ на жизнь и людей, мы во многомъ сходились.

Семичева нѣтъ уже на свѣтѣ, нѣтъ и другаго нашего товарища, барона Ивана Ивановича Черкасова. Это былъ одинъ изъ самыхъ милѣйшихъ, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни. Съ свѣтской точки зрѣнія, онъ былъ весьма образованъ, но былъ человѣкъ не вполнѣ развитой вслѣдствіе особеннаго рода воспитанія. И потому, въ его характерѣ было необыкновенно много оригинальнаго, типичнаго, заслуживающаго, быть можетъ, описанія; но это завекло бы меня далеко. Всѣ, кто только зналъ Черкасова, были преисполнены уваженія къ этому человѣку, и я очень любилъ его. Впослѣдствіи онъ былъ бѣлевскимъ дворянскимъ предводителемъ, отказавшись отъ званія губернскаго преводителя, потому, что желалъ жить въ своей деревнѣ, лежащей близко къ городу Бѣлеву.

Всѣ остальные наши товарищи еще живы, и о нихъ я долженъ умолчать; но если бы и пришлось что-либо сказать, то кромѣ самаго хорошаго я не могъ бы ничего сказать объ этихъ людяхъ.

Когда мы построили на отпущенныя намъ деньги дома, каждый на своей дистанціи, тогда, само собою разумѣется, наша совмѣстная жизнь прекратилась. Я построилъ себѣ домъ на самомъ берегу р. Шегринки, у окраины лѣса, въ удаленіи отъ всякаго жилья. Рѣчка Шегринка славилась необыкновенной величины форелями, достигавшими до 5 фут., отличалась быстрымъ теченіемъ и кристальной водой, съ температурой, никогда не превышающей 12° въ сильныя жары. Кромѣ того, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ ней находили не мало раковинъ, заключавшихъ въ себѣ жемчужины, но очень мелкія. Не мало такихъ жемчужинъ хранилось въ семействѣ Квашнина-Самарина, во владѣніи котораго находилась Шегринка почти на всемъ протяженіи ея теченія.

У моей тещи, урожденной Квашниной-Самариной, было даже ожерелье изъ этихъ жемчужинъ.

Когда я, въ 1847 году, переѣхалъ на житье въ свой домъ, я не былъ одинокъ во время лѣта, потому что тогда пріѣзжала ко мнѣ матушка съ своими племянницами; но по зимамъ я оставался одинъ-одинешенекъ. Первую зиму съ 1847 на 1848 годъ, я взялъ отпускъ и провелъ ее въ Петербургѣ. Въ это время, разразилась во Франціи революція, и я тотчасъ же подписался на газету «La Presse», издававшуюся знаменитымъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ Емилемъ Жирарденомъ, считавшимся человѣкомъ преданнымъ Россіи, и потому его журналъ былъ допущенъ у насъ.

Получая эту газету, я уже не испытывалъ одиночества въ зимнее время. Чтеніе ея не только съ излишкомъ наполняло свободное отъ занятій время, но доставляло неисчерпаемый источникъ наслажденія.

Чтобы повѣрить этому, надо вспомнить и перенестись въ ту эпоху, когда вся Европа подумала, что она перерождается къ иной жизни. И сколько политическаго и соціальнаго интереса представляла тогда одна Франція.

Провозглашеніе республики, майскіе дни, когда великій ораторъ усмиряетъ безъ выстрѣла двухсоттысячную толпу; іюньскіе дни и диктаторъ Кавеньякъ, уложившій до 25.000 людей и тѣмъ обратившій Сену, буквально, въ кровавый потокъ, затѣмъ разстрѣлявшій, безъ суда и слѣдствія, нѣсколько тысячъ людей, захваченныхъ на баррикадахъ и выведенныхъ на казнь какъ стадо барановъ, безъ знанія даже именъ этихъ людей. Затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи, относящіеся до состоянія конституціи, при чемъ газета помѣщала полные стенографическіе отчеты всѣхъ рѣчей.

Въ то время выступали такіе ораторы, какъ Ламартинъ, Ледрю-Роленъ, Одильонъ-Баро, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Тьеръ, Жюль-Фавръ, и проч. Нынѣ нѣтъ и помину о подобныхъ ораторахъ. Одно время, Жирарденъ, выпущенный изъ тюрьмы, открылъ войну противъ Кавеньяка за его подвиги въ іюньскіе дни. Гражданское побіеніе Кавеньяка и избраніе въ президенты Луи-Наполеона, который, исключительно, обязанъ побѣдой въ избирательной войнѣ Жирардену,—таковъ былъ громадный интересъ чтенія, въ первый годъ послѣ февральской революціи, излагаемаго, сверхъ того, въ органѣ, дирижируемомъ такимъ публицистомъ, какъ Жирарденъ. Понятно, что такое чтеніе поглощало и время и умъ.

Послѣ того, Жирарденъ сталъ публиковать свои проекты относительно политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ реформъ, а равно указывалъ дорогу для иностранной политики. Всѣ вопросы онъ ставилъ

категорически, съ необыкновенною ясностью, безъ всякихъ колебаній и никакихъ компромиссовъ не терпѣлъ.

Органъ Жирардена былъ воспитательнымъ органомъ для политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ дѣятелей, т. е., короче сказать, былъ воспитательнымъ органомъ для государственныхъ людей.

Не было почти ни одного дня, чтобы Жирарденъ не помѣщалъ свои передовыя статьи, полныя самыхъ опредѣленныхъ, здравыхъ и практическихъ взглядовъ. Его статьи отличались и по самой формѣ относительно редакціи ихъ: никогда лишнихъ словъ, размазыванія, длинныхъ періодовъ и предложеній. Словомъ сказать, всегда излагалъ все коротко и ясно.

У меня твердо врѣзались въ памяти два капитальныхъ проекта Жирардена: о государственномъ налогѣ и объ организаціи государственной администраціи.

Относительно налога онъ предлагалъ заимствовать идею изъ процвѣтавшей нѣкогда Флорентійской республики, а именно изъ той эпохи, которая именуется въ исторіи Золотымъ вѣкомъ. Онъ свелъ все къ одному прямому налогу въ формѣ страхованія, налогу самому справедливому, уравнительному, самому легкому при оцѣнкѣ и охотно всѣми платимому, какъ платятъ всѣ страхующіе свои имущества. Кромѣ того, онъ видѣлъ въ такомъ налогѣ самую сильную узду, налагаемую на соціальную болѣзнь вѣка, т. е. на непомѣрное развитіе роскоши, отвлекающей рабочій людъ отъ дѣйствительно-производительнаго труда. Независимо отъ этого, съ такимъ налогомъ онъ связывалъ превосходно паспортную систему.

Проектъ Жирардена о налогѣ можетъ показаться невыполнимымъ, но надо прочесть весь его трактатъ, могущій занять добрую книгу, въ которомъ онъ развилъ вопросъ детально и показалъ всю практичность своей идеи.

Я храню у себя полные экземпляры «La Presse» Жирардена не только за тѣ времена, но и за послѣдующіе годы и всѣ органы, въ разное время имъ издававшіеся, а именно: «La Presse», «La Liberté» и «La France». Къ Жирардену я возвращусь еще далѣе, когда я познакомился съ нимъ впослѣдствіи.

Чтеніе газеты, относящейся ко времени, послѣдовавшему за Февральской революціей, послужило мнѣ просвѣтлѣніемъ моихъ взглядовъ.

Въ то время множество людей представляли себѣ, что Французская республика поведетъ къ возрожденію общества и къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ въ благотворномъ для людей смыслѣ.

Но вотъ появляются іюньскіе дни, разрѣшившіеся неслыханной катастрофой; затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи рельефно обрисовали общественный строй и господствующія въ немъ идеи. Повязка

мало-по-малу спадывала съ глазъ, и иллюзія рушилась. Все живое, все истинное, все правдивое и возвышенное безпощадно давилось въ этомъ Собраніи.

Тогда я вздумалъ написать весьма объемистую статью для «Современника», въ которой старался очертить все зло, вытекающее изъ парламентскаго режима и изъ пресловутой политической теоріи бо́льшинства. Эта рукопись хранится у меня до сихъ поръ. Однако, статью эту цензура не пропустила; но впослѣдствіи я проводилъ сложившіяся еще тогда у меня идеи въ моихъ французскихъ и русскихъ брошюрахъ, печатавшихся за границей, а равно, позже того, и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ. Понятно, что, при означенныхъ условіяхъ, живя по зимамъ, одинъ-одинохонекъ, въ своемъ домикѣ, удаленномъ отъ всякаго жилья и заносимомъ сугробами снѣга, я одиночества не испытывалъ.

Итакъ, мы жили дружно, часто съѣзжались, время проводили между собой весело, но не за картами, о которыхъ у насъ и помину не было.

Изрѣдка мы гуртомъ ѣздили къ сосѣдямъ, которыхъ было немного, и они, по большей части, жили далеко.

Въ лѣтнее время проживало около насъ семейство Козиныхъ, въ превосходно устроенной усадьбѣ, Михайловскомъ, лежащемъ въ двухъ верстахъ отъ станціи Валдайки. Это имѣніе принадлежитъ теперь одному изъ моихъ братьевъ, Кроніду. Семейству Козиныхъ я посвятилъ уже цѣлую главу. Понятно, что эти сосѣди представляли хорошее развлеченіе, особенно мнѣ и брату, какъ прежнимъ близкимъ имъ знакомымъ. Сашенька, вышедшая уже замужъ, пріѣзжала тоже на лѣто въ Михайловское и осталась такой же веселой, умной и острой, какой была и въ дѣвушкахъ.

У Семичева былъ товарищъ въ Институту путей сообщенія, инженеръ Щербаковъ. Онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дочку одного года [1]). Г-жа Щербакова была особенно хороша собою, съ римскимъ профилемъ, нѣсколько смугловата, но съ мягкимъ, живымъ румянцемъ.

Она была молода, весела, умна, привѣтлива и до крайности внимательная хозяйка; къ тому же—талантливая музыкантша, положительно виртуозка. Это былъ сильный магнитъ, тянувшій насъ въ семейство Щербаковыхъ.

---

[1]) Эта дочка выросла на нашихъ глазахъ, была прелестнымъ ребенкомъ, вышла замужъ за Эртеля, скоро овдовѣла и потомъ была начальницей Варшавскаго института, пріобрѣтя извѣстность, какъ особенно благоразумная и сердечная воспитательница юношества.

Такъ какъ Щербаковы жили въ Ямѣ Яжелбицѣ, слишкомъ за 60 верстъ отъ насъ, то мы не могли ѣздить туда часто, и ѣздили только по большимъ праздникамъ, на Рождество, масленицу, Пасху и на именины хозяина или хозяйки; но ѣздили съ тѣмъ, чтобы оставаться у нихъ по 3 или по 4 дня.

Соберемся, бывало, всѣ въ Кузнецовѣ и покатимъ на четырехъ тройкахъ, гуртомъ. Доѣдемъ до Зимогорья (почтовая станція на шоссе въ предмѣстьѣ Валдая) и остановимся на ночлегъ. Зимогорская почтовая станція славилась между путешествующими не какою-либо спеціальностью, какъ Померанія — вафлями, Яжелбица — форелью, Едрово—рябчиками, Торжокъ—пожарскими котлетами (мѣсто ихъ рожденія), а вообще возможностью отлично поѣсть, вслѣдствіе случайно пріобрѣтеннаго хозяиномъ гостиницы великолѣпнаго, тонкаго повара. Кто изъ путешественниковъ зналъ это, тотъ непремѣнно останавливался часа на два или на три въ Зимогорьѣ и заказывалъ обѣдъ спеціально.

Пріѣхавши въ Зимогорье, мы, конечно, заказывали ужинъ, который послѣ нашей скудной пищи въ глуши, гдѣ ни у кого изъ насъ не было повара, являлся тѣмъ болѣе превосходнымъ. На другой день, мы отправлялись на своихъ тройкахъ въ Яжелбицы, и тутъ же по хорошей дорогѣ, по шоссе, начиналась перегонка. Поземковскій держалъ превосходныхъ лошадей, такъ какъ онъ имѣлъ большой конный заводъ на Битюгѣ. У Черкасова были тоже прекрасныя лошади со своего завода рысистой породы. У насъ съ братомъ была тройка небольшаго роста лошадей — казанокъ, которую подарилъ намъ братъ Аркадій, извѣстный знатокъ лошадей, изучавшій ихъ всю жизнь. Кореннымъ въ нашей тройкѣ былъ настоящій иноходецъ, необыкновенной быстроты, никогда не сбивавшійся съ хода, но необходимо было, чтобы везли пристяжныя, а онъ только бѣжалъ. Обыкновенно наша тройка оставляла далеко за собой рысистыхъ рослыхъ лошадей. Впослѣдствіи знаменитый живописецъ лошадей, Сверчковъ, нарисовалъ эту тройку, и эта картина находится у меня.

Въ Яжелбицахъ Щербаковъ занималъ двѣ двухъэтажныя избы, принадлежащія священнику, соединилъ ихъ, передѣлалъ и оклеилъ, конечно, обоями. Комнаты были маленькія, но тамъ было уютно и симпатично. Мы пріѣзжали обыкновенно къ первому праздничному дню.

Въ этотъ день пріѣзжали къ Щербаковымъ знакомые помѣщики съ семействами, въ числѣ барышенъ были двѣ, замѣчательно хорошенькія: одну звали Софьею, другую—Екатериною, и потому явились двѣ партіи, которыя г-жа Щербакова назвала Софистами[1]) и Катистами; эта кличка распространилась по всей окрестности.

[1]) Софья сдѣлалась впослѣдствіи моей женой.

Обыкновенно, послѣ обѣда, Щербакова услаждала гостей своей превосходной артистической игрой на отличномъ роялѣ, потомъ, несмотря на маленькую комнату, принимались за танцы, и вечеръ кончался petit jeu и ужиномъ. Словомъ сказать, всегда было очень весело.

На другой день, когда уѣзжала большая часть постороннихъ гостей, Щербаковъ, до страсти любившій играть въ карты, усаживалъ насъ за зеленые столы, и игра длилась съ утра до вечера, все время, пока мы оставались у него. Только послѣ обѣда, жена его восхищала насъ своей игрой, а передъ ужиномъ составлялся хоръ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ и романсовъ, при чемъ г-жа Щербакова аккомпанировала и сама подпѣвала.

По поводу карточной игры, не могу упомянуть здѣсь объ оригинальности характера Черкасова. Онъ сначала не принималъ въ ней участія, считая, по внушенному ему, при его воспитаніи, взгляду, такое времяпрепровожденіе—грѣхомъ. Но однако не выдержалъ и, послѣ перваго раза, она ему очень понравилась, какъ вообще особенно нравятся запрещенные плоды. Несмотря на то, что мы были у Щербаковыхъ, какъ свои люди, пріѣзжали туда, чтобы оставаться нѣсколько дней, чему хозяева были очень рады, Черкасовъ не могъ отдѣлаться отъ извѣстной церемоніальности. На другой день, послѣ праздничнаго дня, утромъ, подъѣзжала къ крыльцу тройка, и Черкасовъ бралъ шапку, чтобы проститься съ хозяевами. Какъ они ни старались уговорить его, онъ не соглашался, отзывался необходимостью занятій, какихъ, въ сущности, вовсе не настояло, и проч. Во время этихъ разговариваній, обыкновенно, кто-нибудь распорядится развернуть скорѣе зеленый столъ и предложитъ Черкасову карту.

— Ну, пожалуй, одну пульку сыграю,—скажетъ онъ и сядетъ за карты.

— Такъ приказать отпречь лошадей?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я только одну пульку.

За первой пулькой слѣдуетъ вторая и третья. Всякій разъ его спросятъ, не отпречь ли лошадей, но онъ никакъ не позволялъ. Когда дѣло подойдетъ уже къ обѣду, кто-нибудь изъ насъ, жалѣя кучера и лошадей, распорядится отпречь лошадей, и вотъ Черкасовъ остается играть до ночи и ночуетъ. И такая процедура повторялась каждый день до тѣхъ поръ, пока и мы не соберемся уѣхать обратно гуртомъ.

Жена Щербакова была урожденная Лонгинова. Отецъ и мать съ семействомъ жили въ деревнѣ. Лонгиновъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баринъ. Его усадьба, Горничное, стояла на берегу огромнаго озера—Боровно; передъ большимъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ простирался большой паркъ съ тѣнистыми аллеями, протянутыми къ озеру. Домъ былъ отдѣланъ такъ, какъ только можно отдѣлывать богатыя квар-

*

тиры въ столицѣ: съ бархатными обоями, всюду блестѣло золото, и вообще превосходно меблированъ, въ такой мѣрѣ, что я не помню, чтобы встрѣчалъ подобную обстановку въ другихъ богатыхъ деревенскихъ усадьбахъ. Эта усадьба походила на самую роскошную дачу въ окрестностяхъ Петербурга. Самыя надворныя строенія, рѣшетки и проч., были окрашены, какъ игрушечки.

Щербаковъ, конечно, повезъ насъ познакомить съ семействомъ своего тестя. Мы отправились, по обыкновенію, гуртомъ, съѣхались у Черкасова, отъ котораго Горничное лежало верстахъ въ 25-ти; но можно было попасть туда по озеру изъ деревни съ противоположной стороны, и тогда приходилось проѣхать лишь 10 верстъ. Когда мы пріѣхали въ эту деревню, намъ выслали большой баркасъ и шесть гребцовъ, одѣтыхъ, какъ матросы. Пріѣхавъ въ Горничное, мы немало были удивлены обстановкой, подобной которой, какъ я уже сказалъ, въ деревняхъ никогда не встрѣчали. За столомъ служили люди во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, и шампанское разливалось. Мы, конечно, остались ночевать, и каждому была отведена особая комната съ фарфоровыми рукомойниками и всѣми принадлежностями для умыванія, всѣмъ были положены новыя зубныя щеточки, новые порошки и новое мыло. Постели были покрыты штофными одѣялами; все бѣлье было голландское; приготовлены были даже халаты и туфли, очевидно, державшіеся спеціально для гостей. На другой день обѣдъ, и опять разливное море шампанскаго. Впослѣдствіи, мы пріѣзжали въ Горничное всегда, когда Щербаковы давали знать, что они ѣдутъ туда.

Употребивъ капиталы на отдѣлку усадьбы и на широкую, роскошную монтировку дома и роскошничая не по карману, Лонгиновъ не могъ долго держаться; рессурсы его истощились, тянулся, сколько могъ, и вскорѣ умеръ во-время, не испытавъ перемѣны образа жизни.

Послѣ его смерти, сосѣднее имѣніе Горы, на томъ же живописномъ озерѣ Боровно, досталось Щербаковой, гдѣ мы тоже проводили время весело. Щербаковъ вздумалъ устраивать имѣніе Горы и завести раціональное хозяйство. Онъ построилъ на свой счетъ каменные дома для крестьянъ, раздѣленные на два помѣщенія для двухъ семей, какъ въ оныя времена были устраиваемы Новгородскія военныя поселенія. Крестьяне должны были отправляться на работы по звонку, по звонку же отдыхать, ѣсть и проч. Подобныхъ условій русскій крестьянинъ не терпитъ.

Извѣстно, какъ трагически кончился огромный опытъ военныхъ поселеній; нѣчто подобное разыгрывалось и у Щербакова, съ тою разницею, что въ военныхъ поселеніяхъ игралъ роль барабанъ, а у Щербакова звонокъ. Владѣлецъ долго упорствовалъ измѣнить условія жизни крестьянъ, и, несмотря на свои добрыя намѣренія, они возненавидѣли его

въ такой мѣрѣ, что онъ не ѣздилъ уже въ деревню, опасаясь за безопасность своей жизни. Независимо отъ этого, Щербаковъ принялся за осушеніе и корчеваніе болотъ, которое обходилось ему рублей до 50-ти за десятину. Конечно, это было благодѣтельно для будущаго, но тогда, когда можно было имѣть сѣно по 4 или 5 коп. за пудъ, его траты были не раціональны съ экономической стороны. Капиталъ былъ истраченъ, имѣніе не приносило дохода и было продано г-жѣ Громовой, которая, пользуясь живописнымъ мѣстомъ, устроила цѣлую колонію, дворецъ для себя и шоссе отъ Горъ до станціи Окуловки.

По близости той деревни, гдѣ жилъ Черкасовъ, проживало семейство Козляниновыхъ въ своемъ имѣніи «Петровскомъ»; семейство состояло изъ мужа и жены, людей очень пожилыхъ, одного сына, гвардейскаго офицера, одного изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ героевъ, перераненнаго и перестрѣленнаго, какъ рѣшето. Онъ жилъ у родителей въ отпуску, для поправленія здоровья, но службы не оставилъ и впослѣдствіи достигъ очень скоро самой высокой, на военной іерархической лѣстницѣ ступени. Затѣмъ была дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти, очень красивая, видная, представительная и прекрасно образованная.

Мы рѣдко бывали тамъ потому, что старикъ не былъ человѣкомъ общительнымъ; но Черкасовъ, заинтересовавшись дѣвушкой, посѣщалъ это семейство довольно часто. Когда, въ этомъ отношеніи, сердце зашевелится нѣсколько серьезно, то обыкновенно человѣкъ не бываетъ вполнѣ откровененъ; не менѣе того, пошли слухи, что Черкасовъ намѣренъ сдѣлать предложеніе. Между тѣмъ, онъ колебался, да и не могъ рѣшиться на подобный шагъ, безъ одобренія матери; его же мать-старуха жила въ Петербургѣ, семейство Козляниновыхъ никогда не видала, а оно не ѣздило туда. Такъ прошло года два. Вдругъ неожиданно для Черкасова, дѣвушка была объявлена невѣстой инженера Поссе, моего сосѣда по мѣсту работъ. Эта новость сильно покоробила Черкасова. Мы, его товарищи, конечно, замѣтили ему, что въ этихъ обстоятельствахъ долго раздумывать не годится.

Когда онъ нѣсколько поуспокоился, кто-то изъ насъ затѣялъ пошутить съ Черкасовымъ. Всѣ его товарищи собрались и поѣхали къ нему гуртомъ. Онъ подумалъ, что пріѣхали къ нему, чтобы ѣхать куда-нибудь въ гости.

— Куда вы выдумали тащить меня?—спросилъ онъ.

— Никуда, мы пріѣхали спеціально къ тебѣ; мы имѣемъ отъ г-жи NN достовѣрныя свѣдѣнія, что Елисавета Яковлевна (имя дѣвушки) дала слово Поссе по принужденію отца. А если это такъ, то дѣло поправить можно. Увези Елисавету Яковлевну. Поѣзжай туда, послѣ обѣда, подъ вечерокъ, предложи ей прогуляться въ паркѣ, объясни ей твое намѣреніе, она, вѣроятно, согласится; за паркомъ будетъ стоять

твоя тройка; садитесь и катите; мы же будемъ находиться съ нашими тройками въ овражкѣ, близъ дороги; пустимся за тобой прямо въ церковь, явимся свидѣтелями, окрутимъ, а изъ церкви ты съ молодой и мы всѣ покатимъ къ отцу съ повинными головами. Онъ старикъ добрый, страшно любитъ дочь; а мать будетъ за тебя. Конечно, старикъ проститъ, и все кончится наиблагополучнѣйшимъ образомъ.

Видя, что планъ этотъ серьезно улыбнулся Черкасову, и онъ сталъ какъ бы что-то обдумывать; мы, чтобы прекратить мистификацію, захохотали, объявили, что наврали, никакихъ свѣдѣній г-жа NN намъ не передавала, что мы пошутили и пріѣхали къ нему просто для того, чтобы сыграть нѣсколько пулекъ. Черкасовъ обозвалъ насъ негодными школьниками и сѣлъ за пульку.

Все это происходило между нами; но, вѣроятно, кто-нибудь изъ насъ разсказалъ гдѣ-нибудь нашу шутку, и пошли слухи, что Черкасовъ пытался увезти Елисавету Яковлевну, но ему не удалось и что между нимъ и Поссе состоится дуэль. Такъ какъ все это былъ вздоръ, то распущенные слухи не имѣли и не могли имѣть никакихъ послѣдствій. Черкасовъ, по окончаніи постройки Николаевской желѣзной дороги, женился на княжнѣ Оболенской и поселился въ своемъ имѣніи Бѣлевскаго уѣзда.

Поссе, конечно, благополучно женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, способный и былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Института путей сообщенія. Онъ давно уже умеръ, но оставилъ сына, нынѣ знаменитаго профессора математики, обучающаго юношество въ университетѣ и въ Институтѣ путей сообщенія, гдѣ обучался и его отецъ.

Мы имѣли еще одно знакомое семейство Гордѣевыхъ въ самомъ Валдаѣ. Семейство это состояло изъ мужа, жены и двухъ дѣтей юношескаго возраста. Гордѣевъ былъ довольно богатый помѣщикъ, служилъ прежде въ гвардіи, потомъ былъ предводителемъ дворянства и по зимамъ жилъ въ городѣ, въ собственномъ большомъ домѣ, и жилъ очень открыто. Въ Валдаѣ стояла артиллерійская бригада, и потому въ городѣ жило много офицеровъ, быть можетъ, человѣкъ болѣе 30-ти, которые, какъ артиллеристы, были людьми образованными. У Гордѣева въ домѣ, въ большой залѣ стоялъ всегда огромный столъ, съ котораго не сходила скатерть. Утромъ чай, за которымъ всегда можно было встрѣтить офицеровъ; а въ 2 часа обѣдъ, накрывавшійся персонъ на 25, къ которому являлись безъ зова, иногда придетъ человѣка 3—4, а иногда десятокъ и болѣе; вечеромъ ежедневно карточная игра на нѣсколькихъ столахъ. При первой возможности устраивались танцы; ничѣмъ не стѣснялись, и всѣ находили развлеченіе. О такихъ условіяхъ жизни, нѣтъ, кажется, теперь и помину. Хозяйка была чрезвычайно умная и очень добрая

женщина. Семейство Гордѣевыхъ случайно играло роль въ моей женитьбѣ, а потому объ немъ будетъ упомянуто нѣсколько словъ дальше.

Еще было одно семейство Фроловскихъ, проживавшихъ всего ближе къ мѣсту моего жительства, въ селѣ Новотроицкомъ. Оно состояло изъ мужа, жены и двухъ маленькихъ дѣтей. Это были люди богатые, но разсчетливые. Хозяинъ, прослуживши недолго въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, вышелъ въ отставку и женился на богатой дѣвушкѣ Квашниной-Самариной, имѣя, впрочемъ, и самъ хорошее состояніе.

Я остановлюсь нѣсколько на фамиліи Квашниныхъ-Самариныхъ. Отецъ дѣвушки, вышедшей замужъ за Фроловскаго, былъ очень богатъ и женатъ на Чириковой, тоже очень богатой, такъ что они владѣли почти всѣми имѣніями, лежащими между Валдайскимъ озеромъ и городомъ Боровичи, и далѣе, т. е. ихъ владѣнія простирались сплошь болѣе, чѣмъ на 50 верстъ. Кромѣ того, они имѣли имѣнія и въ Петербургской губерніи. Нѣсколько имѣній Квашнина-Самарина, Боровичскаго уѣзда, лежали въ сосѣдствѣ съ владѣніями фельдмаршала Суворова, съ которымъ Самаринъ былъ очень друженъ, служилъ съ нимъ, и они были на «ты». Одно очень маленькое имѣніе Квашнина-Самарина, изъ числа прилегавшихъ къ имѣнію Суворова, принадлежитъ и до сихъ поръ моей женѣ. У меня было много собственноручныхъ писемъ Суворова въ конвертахъ съ печатью свѣтлѣйшаго, адресованныхъ на имя Квашнина-Самарина, относящихся ко времени ссылки фельдмаршала въ боровичское имѣніе, которыя видѣли у меня многіе мои знакомые. Но, къ величайшему сожалѣнію, эти письма пропали вмѣстѣ съ украденной у меня шкатулкой.

Жена Квашнина-Самарина, урожденная Чирикова, была, судя по портретамъ, очень хороша собою и принадлежала къ самому высшему свѣтскому обществу.

У Александра Петровича Квашнина-Самарина было два сына и три дочери. Старшій Петръ, бывшій владѣтель извѣстнаго въ окрестностяхъ Петербурга имѣнія Таицы, являлся нѣкогда въ высшемъ петербургскомъ обществѣ выдающимся джентльменомъ, потомъ женился и имѣлъ уже взрослую дочь, которую страстно любилъ, но она померла отъ холеры, а вскорѣ и онъ заболѣлъ какою-то странною болѣзнью и умеръ отъ помѣшательства. Второй сынъ, Александръ, имѣя уже около 10 лѣтъ, пропалъ безъ вѣсти. Старшая дочь, Анна, вышла за Мельгунова — и имѣла дочь, сдѣлавшуюся впослѣдствіи моей женою, вторая, Наталья, вышла за Фроловскаго, а третья, Софья, осталась дѣвушкой. Будучи молода, очень хороша собой, талантлива, страстная музыкантша и, получивши высокое образованіе, въ одинъ прекрасный день она удалилась изъ дому и поселилась въ избушкѣ въ лѣсу, гдѣ и прожила лѣтъ до 60-ти, сохранивъ, повидимому, полный разсудокъ.

Причина такого поступка и такого образа жизни остались тайной для всѣхъ; ибо, разъ удалившись, она не допускала къ себѣ родныхъ.

Воспитаніе въ домѣ Квашнина-Самарина производилось на французскій ладъ, начала нынѣшняго столѣтія. Все поручалось иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, такъ что тѣ лица, которыхъ я зналъ, писали исключительно на французскомъ языкѣ потому, что не только затруднялись писать по-русски, но и употреблять русскую рѣчь въ разговорахъ. Къ этому присоединялось требованіе строжайшаго до мелочей соблюденія свѣтскихъ приличій,—что придавало всѣмъ, до конца жизни, какую-то въ характерахъ натянутость и ненатуральность, имѣвшія видъ какъ бы неоткровенности, хотя таковой, быть можетъ, и не было въ дѣйствительности.

Такъ какъ отшельница, дѣвица Софья Квашнина-Самарина представляетъ рѣдкое психическое явленіе, то я полагаю небезъинтереснымъ отвести ей особенно нѣсколько страницъ; для чего и помѣщу здѣсь разсказъ моей жены, племянницы отшельницы, которую жена моя знала въ дѣтствѣ и юности; разсказъ написанъ ею въ ея воспоминаніяхъ для нашихъ дѣтей.

Вотъ этотъ разсказъ:

Мы часто, особенно лѣтомъ, живали у бабушки, въ Новотроицкомъ. Отецъ уѣзжалъ, пріѣзжалъ, опять уѣзжалъ, а маменька, съ нами, дѣтьми, проводила цѣлые мѣсяца въ большомъ Новотроицкомъ домѣ, который я такъ любила. Привольно жилось мнѣ тамъ въ высокихъ комнатахъ, въ тѣнистыхъ садахъ, наполненныхъ цвѣтами и фруктами.

Съ бабушкой жили тогда двѣ, меньшія, незамужнія ея дочери: Наталья Александровна и Софья Александровна, а также воспитанница—Марья Антоновна и десятилѣтній мальчикъ Павушка, сынъ какого-то бѣднаго родственника. Кромѣ названныхъ мною лицъ, около бабушки толпилось всегда много разнаго люда, знакомыхъ, родныхъ, пріѣзжающихъ по дѣламъ, просящихъ помощи и благодѣянія.

Бывало, только-что няня одѣнетъ и умоетъ меня, какъ мы съ ней сейчасъ же спускаемся внизъ. Въ парадныхъ комнатахъ идетъ дѣятельная уборка: натираютъ полы, вытряхиваютъ ковры, стираютъ пыль, и весь этотъ занятой людъ встрѣчаетъ меня привѣтомъ и улыбками. Въ маленькой чайной, за круглымъ столомъ, Марья Антоновна разливаетъ чай; передъ ней, съ подносомъ въ рукахъ, стоитъ казачекъ Петя; я знаю, что онъ ждетъ чашку чаю, серебряный молочникъ съ кипяченными сливками и корзинку съ булочками, чтобы все это нести къ бабушкѣ, въ кабинетъ. Подлѣ Марьи Антоновны я почти всегда видѣла ея жениха, доктора Сперанскаго. Не знаю, когда онъ лѣчилъ больныхъ своихъ, но въ Новотроицкомъ онъ жилъ почти постоянно. Марья Антоновна

всегда ловила меня, когда я пробѣгала мимо, цѣловала и звала пить чай съ собой, за круглый столъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я къ бабушкѣ пойду!—кричала я, барахтаясь въ объятіяхъ Марьи Антоновны и, ухватя крѣпко няню за руку, тащила ее далѣе.

Въ угловой мы останавливались, и няня, а за нею и я, клали поклоны передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго, передъ которымъ всегда горѣла лампадка. Далѣе проходили мы черезъ темноватую бабушкину спальную, съ большимъ трюмо между двухъ оконъ. Въ огромномъ зеркалѣ я видѣла себя съ головы до ногъ: маленькую дѣвочку, съ открытыми руками и шеей и темною, коротко обстриженной головой. Вотъ бабушкина уборная, а вотъ и кабинетъ.

Бабушка сидитъ у письменнаго стола въ большомъ креслѣ. На ней чепчикъ съ широкою оборкой и шелковый капотъ, расходящійся спереди на вышитой юбкѣ.

— Здравствуй, Соня!

Она протягиваетъ мнѣ руки, я бросаюсь къ ней на шею. Потомъ мы вмѣстѣ пьемъ чай, весело разговаривая. Послѣ чаю я играю фарфоровымъ м о п с и к о м ъ, служащимъ бабушкѣ пресс-папье, а бабушка продолжаетъ заниматься дѣлами: читаетъ какія-то бумаги, пишетъ, считаетъ. Приходитъ прикащикъ, ключница, буфетчикъ, скотница, горничныя, лакеи и какіе-то дворовые, не рѣдко появляется Марья Антоновна, а потомъ начинаютъ сходиться и прочіе члены семьи.

Павушка придетъ, неловко раскланяется и объявитъ, что взялъ у батюшки урокъ, и покажетъ заслуженную имъ отмѣтку.

Придетъ тетя Наталія, небольшаго роста, худенькая брюнетка, очень тщательно и всегда по модѣ одѣтая. Она тоже, какъ-то особенно тщательно, выговариваетъ свое французское привѣтствіе, цѣлуя руку матери. Бабушка цѣлуетъ ее, оглядываетъ и улыбается, спрашивая о ея здоровьи.

— А Сошенька что? (Сошенькой звали въ семьѣ Софью Александровну)—робко спрашиваетъ бабушка.

Тетя Натали отвѣтитъ, что дѣлаетъ Сошенька, и уйдетъ пить чай въ столовую.

Маменька появлялась въ кабинетѣ всегда попозже, въ капотѣ и въ чепчикѣ. Она всегда долго цѣловала и обнимала бабушку, говорила, что она дурно спала, что Васенька всю ночь плакалъ, а Катенька, кажется, хуже, что отъ Мишеля нѣтъ извѣстій. Бабушка утѣшала ее, успокоивала и опять робко спрашивала:

— А Сошенька что?

И онѣ, вздыхая, начинали говорить о Сошенькѣ, которая, если она

въ духѣ, весело вбѣгала въ комнату и смѣясь начинала болтать о всякой всячинѣ.

Она тоже была небольшаго роста, но полная, бѣлая, съ ярко розовыми щеками и широкою короной темныхъ волосъ. Она не такъ тщательно одѣвалась, какъ тетя Натали, но всегда была туго зашнурована, и все, на ней надѣтое, было красиво. Уйдя отъ бабушки, она запиралась въ большой гостиной и играла на роялѣ и пѣла. Тогда весь домъ ходилъ на цыпочкахъ и говорилъ шопотомъ.

Въ свои хорошіе дни, тетя Сошенька была очень весела. Бывало она по цѣлымъ часамъ играла со мной; зазоветъ меня къ себѣ въ комнату, дверь запретъ на ключъ, надаетъ мнѣ ягодъ, фруктъ, конфектъ, которыя у нея не переводились, даетъ книгъ съ картинками, а сама, говоря со мной, ходитъ по комнатѣ, то выдвинетъ ящикъ комода, то присядетъ къ письменному столу, то заглянетъ въ книгу, то займется цвѣтами, заставлявшими ея окна и балконъ и красующимися во всевозможныхъ вазахъ, вездѣ, гдѣ только можно было ихъ поставить.

Маменька и папенька очень не любили, когда Софья Александровна такъ завладѣвала мною.

— Сошенька, Соня у тебя?—послышится за дверью голосъ меменьки.

— Да, у меня!

— Пусти ее, она мнѣ нужна.

— Она мнѣ самой нужна,—отвѣчаетъ тетя Сошенька.

— Сонѣ нездорово сидѣть въ комнатѣ,—ей надо гулять,—продолжаетъ маменька.

— У меня окна и балконъ открыты, и здѣсь воздуху довольно,—возражаетъ тетя, посмѣиваясь и подмигивая мнѣ.

— Mais c'est ma fille, Sophie, je veux qu'elle se promène! [1])—возвышаетъ тонъ маменька, и въ ея голосѣ слышно раздраженіе.

— Je ne la laisserais pas [1]),—посмѣивается тетя.

Я слышу, что за дверью маменька бранитъ няню, зачѣмъ она не увела меня гулять. Няня плачетъ, громко сморкаясь. Тогда я тоже начинаю плакать и кричать.

Тетя Сошенька зажимаетъ мнѣ ротъ, трясетъ меня, суетъ мнѣ конфекты, картинки, но это ничего не помогаетъ, и я кричу все больше и все громче; смятеніе за дверью увеличивается. Тогда тетя съ шумомъ растворяетъ дверь и сильнымъ толчкомъ выбрасываетъ меня изъ своей комнаты. Если бы не протягивались ко мнѣ нѣсколько рукъ, готовыхъ поддержать меня, то вѣрно, я бы всякій разъ больно расшибалась отъ

---

[1]) Но это моя дочь, я желаю, чтобы она гуляла.

[2]) Я не отпущу ее.

этого толчка. Тетя Сошенька тоже очень любила часто гостившихъ у насъ трехъ дѣвочекъ Базановыхъ. Она играла съ ними, говорила, надѣляла лакомствами. Отецъ этихъ дѣвочекъ былъ управителемъ у моего дѣдушки, Александра Петровича Квашнина-Самарина, и много разъ доказалъ свою преданность семьѣ. Онъ былъ, говорятъ, честенъ и уменъ, и всѣ, и старшіе и низшіе, его любили и уважали. Онъ умеръ уже долго спустя послѣ дѣдушки, а его жена съ многочисленной своей семьей жила въ небольшомъ своемъ имѣніи, подаренномъ имъ бабушкой.

— Дѣти,—часто говорила тетя Сошенька Базановымъ,—помните вашего отца, чтите его память, онъ былъ рѣдкій человѣкъ, такъ же, какъ и мой отецъ, о которомъ я до сихъ поръ плачу.

Тетѣ Сошенькѣ было около семи лѣтъ, когда она потеряла отца, слѣдовательно, не могла, когда ей было за двадцать лѣтъ, такъ о немъ сокрушаться; но было одно обстоятельство, которое заставляло ее такъ говорить, а именно: нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бабушка чуть не вышла вторично замужъ за человѣка бѣднаго, не дворянина, хотя очень образованнаго. Этого-то Софья Александровна никогда не могла простить матери.

Одинъ случай врѣзался мнѣ въ память со всѣми мельчайшими подробностями и такъ живо рисуется мнѣ, точно это было вчера.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, я играла на островкѣ. Островкомъ называлась одна часть сада, примыкавшая къ озеру, на которомъ была устроена пристань для лодокъ. Эта часть сада отдѣлялась съ трехъ сторонъ отъ его аллей и рощъ прокопанной широкой, какъ маленькая рѣчка, канавой, а съ четвертой она примыкала къ озеру; такимъ образомъ, образовался небольшой островокъ. Онъ весь былъ усаженъ шиповникомъ и сиренью. Желтыя дорожки капризно извивались между клумбами цвѣтовъ; подъ плакучими березами стояли скамейки и столики. Это было мое любимое мѣсто. Прилегающій къ водѣ берегъ былъ отлогій, покрытый тонкимъ бѣлымъ пескомъ, камушками и ракушками; въ водѣ, около берега, играли стаи рыбокъ, и я съ восхищеніемъ засматривалась на ихъ рѣзвыя игры. Вотъ и теперь я стояла на берегу, бросая рыбкамъ крошки хлѣба, и разсказывала нянѣ, какъ онѣ бросаются и рыщутъ на солнцѣ, а няня сидѣла, работая, на ступенькахъ пристани. Няня моя была не крѣпостная; ее наняли для меня въ Петербургѣ; она была дочь дьякона и немного говорила по-нѣмецки; ее звали Анной Ивановной. Еще съ нами, въ этотъ день, на островкѣ былъ Павушка; онъ удилъ рыбу.

Вдругъ, видимъ мы, съ горы, по тѣнистой дорожкѣ, спускается къ намъ тетя Сошенька. Она, по своему обыкновенію, шла очень скоро, что-то напѣвая. Пришедъ на островокъ, она стала отвязывать одну изъ лодокъ. Тетя любила всякій спортъ. Она каталась верхомъ, на лодкѣ,

гуляла очень много и всегда одна, что́ было необычайнымъ явленіемъ въ то время, когда благородныхъ барышенъ ни на шагъ изъ дому не пускали однѣхъ.

— Соня, хочешь со мной кататься въ лодочкѣ?— спросила она меня.

— Хочу, хочу!—закричала я, протягивая къ тетѣ руки.

Не успѣла няня вскочить на ноги и подбѣжать ко мнѣ, какъ тетя подняла меня, посадила и отчалила отъ берега. А на пристани, вижу, поднялась суматоха: Павушка бросился бѣжать къ дому, няня неистово кричитъ и машетъ руками. Все это меня страшно перепугало, и я начала тоже вопить благимъ матомъ и биться въ лодкѣ.

— Пусти меня къ нянѣ, я къ нянѣ хочу!—кричала я.

Тетя Сошенька должна была одной рукой править весломъ, а другой держать меня; поэтому наша лодка начала кружиться на мѣстѣ и качаться, что́ еще болѣе пугало меня. Тетя посадила меня на дно лодки и начала грести обоими веслами, но не къ пристани, а къ противоположному берегу. Однако, все это взяло довольно времени и когда наша лодка была уже близко отъ своей цѣли, насъ окружило нѣсколько лодокъ и кутекъ (кутьками называютъ у насъ челноки, выдолбленные въ цѣломъ деревѣ, наподобіе пиро́гъ дикихъ). Онѣ намъ мѣшали пристать къ берегу и на вопросъ тети:—«Что вамъ нужно?»—сидящіе въ нихъ отвѣчали, что Михайло Васильевичъ требуетъ маленькую барышню. А между тѣмъ, отецъ, а за нимъ и толпа домашнихъ, прибѣжали на пристань. Отецъ сейча́съ же вскочилъ въ лодку, а мы, задержанныя цѣлой флотиліей суденышекъ, стояли и ждали его. Черезъ нѣсколько минутъ я была на рукахъ отца, въ его лодкѣ, и мы всѣ направились къ островку. Когда мы вышли на берегъ, то насъ окружила толпа прибѣжавшихъ изъ дому. Тутъ была тетя Натали, Марья Антоновна со своимъ Сперанскимъ, горничныя, лакеи, садовники, жители погоста, которые, по первой тревогѣ, поднятой Павушкой, выѣхали остановить лодку тети Сошеньки. Дѣло въ томъ, что папенька строго-на-строго запретилъ мнѣ и дѣвочкамъ Базановымъ кататься въ лодкѣ съ тетей Сошенькой, боясь оставить съ нею на водѣ однихъ дѣтей, не подозрѣвающихъ всей опасности плаванія. Людямъ тоже было приказано препятствовать катанію по озеру дѣтей. Я въ первый разъ испытывала это удовольствіе, а дѣвочекъ Базановыхъ тетя увозила съ собою часто, и одна изъ нихъ разъ упала изъ лодки въ воду, потому отецъ и счелъ нужнымъ принять строгія мѣры противъ этого.

Меня не сейчасъ повели домой и старались успокоить и привести въ порядокъ, чтобы мой разстроенный видъ не напугалъ маменьки и бабушки.

— Зачѣмъ вы, Мишель, устроили противъ меня такую облаву?—

приступила тоже возвращавшаяся на островокъ тетя Сошенька къ отцу.

— А затѣмъ, что я уже нѣсколько разъ просилъ васъ, Софья Александровна, не брать дѣтей въ лодку съ собой, для нихъ это опасно—отвѣчалъ отецъ.

— Какъ вы узнали, что Соня поѣхала со мной кататься въ лодкѣ?

— Спасибо Павушкѣ, онъ прибѣжалъ сказать это мнѣ и людямъ.

— А-а! И тетя Сошенька бросилась къ Павушкѣ и вцѣпилась въ его уши; кровь брызнула у бѣднаго мальчика изъ-подъ ея ногтей.

— Софья Александровна!—вскрикнулъ отецъ и, оттолкнувъ ее, освободилъ плачущаго, окровавленнаго Павушку.

Всѣ бросились къ нему, стали его утѣшать, обмывать окровавленныя уши, а Софья Александровна тихо направилась къ дому.

— Ну, теперь она захандритъ, и мы ее долго не увидимъ,—замѣтила тетя Натали, приглаживая мои разстрепанные волосы.

Но тетя Сошенька не захандрила. У меня къ вечеру отъ волненія и промоченныхъ въ лодкѣ ногъ сдѣлался жаръ, и она, со всѣми другими, ухаживала за мной и, кажется, очень жалѣла, что я, по ея милости, прихворнула.

Все то, что я теперь говорила о тетѣ Сошенькѣ, происходило въ тѣ дни, когда она была въ духѣ; но когда нападала на нее хандра, то картина совсѣмъ перемѣнялась; ее нигдѣ не было видно, комната ея постоянно была заперта на ключъ.

Черезъ конюха узнавали, что она, осѣдлавъ сама лошадь, уѣхала куда-то. Или какая-нибудь дворовая женщина приносила извѣстіе, что барышню видѣли на дорогѣ къ Борисову, или въ Заозерномъ лѣсу, одну, пѣшкомъ, или въ лодкѣ около Терехова; ее стерегли, когда она вернется домой, и когда кому-нибудь удавалось подсмотрѣть, какъ она, крадучись, пробиралась въ свою комнату, то тотъ съ восторгомъ прибѣгалъ объявить это бабушкѣ, за что всегда получалъ нѣсколько денегъ.

И тогда подымались хлопоты.

— Сошенькѣ чаю, обѣдать, — командовала дрожащимъ голосомъ бабушка.

И на верхъ несли полные подносы всякихъ яствъ, лакомствъ и стучали въ дверь Софьѣ Александровнѣ. Бабушка, маменька, тетя Натали, Марья Антоновна, всѣ по очереди подходили къ этой двери и умоляли затворницу впустить людей съ пищей, но отвѣта никакого не было ни на просьбы, ни на слезы, ни на увѣщанія.

— А вотъ я вашу дверь выломаю,—сказалъ разъ отецъ, котораго вся эта возня страшно злила.

— А я брошусь внизъ изъ окошка,—отвѣчала ему изъ-за двери тетя Сошенька.

— Не пугай ее, Мишель, она въ самомъ дѣлѣ бросится изъ окошка,—говорила, дрожа, бабушка, и отецъ, махнувъ рукой, уходилъ и рѣдко вмѣшивался въ хлопоты всѣхъ домашнихъ объ захандрившей Софьѣ Александровнѣ.

Только разъ, когда цѣлый день бабушка безпокоилась, что Сошенька умретъ съ голоду, отецъ выслѣдилъ, что она ѣстъ въ людской у стряпухи, на скотномъ дворѣ у молочницы и въ сосѣднихъ деревняхъ у крестьянъ, куда ѣздила кататься и ходила гулять.

Но была ли она въ духѣ или хандрила, она рѣдко сходила внизъ, когда были гости. Въ первомъ случаѣ, ей тогда носили пищу въ ея комнату.

Вотъ разъ отецъ, вернувшись въ Новотроицкое изъ долгой отлучки, привезъ съ собой своего товарища и друга Тандера и брата его жены, молодаго, красиваго человѣка, Ивана Петровича Ф.

Ф. былъ довольно богатъ и представлялся выгоднымъ женихомъ. Онъ наслышался, что въ Новотроицкомъ есть двѣ барышни, а ему хотѣлось жениться на дѣвушкѣ съ состояніемъ и изъ хорошей семьи.

Съ тетей Натали онъ познакомился, конечно, сейчасъ же, послѣ своего пріѣзда къ намъ; но ему очень хотѣлось увидать и тетю Сошеньку, а она, какъ нарочно, не выходила ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину.

— Я не терплю этихъ жениховъ,—говорила она и оставалась на верху, куда доступъ постороннимъ былъ не мыслимъ.

Иванъ Петровичъ былъ большой шутникъ, ему во что бы то ни стало, хотѣлось взглянуть на невидимку. И вотъ онъ началъ безпрестанно посѣщать конный дворъ, тамъ вошелъ въ дружескія отношенія съ главнымъ кучеромъ и всѣми конюхами.

Слѣдствіемъ этого было то, что ему всякій разъ давали знать, когда Софья Александровна велитъ осѣдлать себѣ лошадь. Одинъ разъ, когда конюхъ, запыхавшись, прибѣжалъ доложить, что, дескать, барышня ѣдетъ кататься верхомъ, Иванъ Петровичъ, посмѣиваясь въ свои красивые, длинные, черные усы, отправился на конюшню, переодѣлся конюхомъ и подвелъ осѣдланную лошадь къ подъѣзду, гдѣ въ амазонкѣ стояла тетя Сошенька. Онъ помогъ ей сѣсть въ сѣдло, вдѣлъ ея ногу въ стремя, поправилъ амазонку и подтянулъ подпругу. Тетя Сошенька только разъ взглянула на этого краснваго конюха, опустила глаза, закусила губы и уѣхала. Возвратясь домой, она сдѣлала ужасную сцену матери и сестрамъ. Она узнала Ф. Вѣрно, она видѣла его изъ окошка съ верху, когда онъ гулялъ въ саду или проходилъ по двору. Послѣ этого, она надолго захандрила, и Иванъ Петровичъ уже болѣе никогда не видалъ ее.

Вскорѣ онъ посватался за тетю Натали и получилъ ея и бабушкино согласіе. Стали готовиться къ свадьбѣ; въ домѣ стояло необычное ожив-

леніе: совѣщались о приданомъ, писали письма въ Петербургъ, изъ Петербурга сыпались письма и посылки, поздравленья, подарки, заказанныя вещи. То и дѣло скакали посланные въ нашъ уѣздный городъ и обратно, пріѣзжали поздравлять родные, знакомые; всѣ были веселы и одушевлены, одна Софья Александровна упорно хандрила и не сходила внизъ.

— Но, Сошенька, что скажутъ всѣ, не видя тебя съ нами?—съ отчаяніемъ говорила бабушка.

— Скажите, что я нездорова,—отвѣчала непокорная дочь, и даже и на свадьбу не явилась она.

А я, маленькая дѣвочка, веселилась ужасно въ этой свадебной атмосферѣ. Большой залъ былъ заставленъ пяльцами и столами, за которыми горничныя шили и вышивали приданое, напѣвая свадебныя пѣсни. Старая ключница имъ безпрестанно носила лакомства: то домашніе медовые пряники, то моченую бруснику съ яблоками, то каленые орѣхи; женихъ всякій разъ, пріѣзжая, дарилъ имъ деньги, а невѣстѣ привозилъ подарки и всѣмъ другимъ барышнямъ конфекты и фрукты.

Поднялись тоже толки, что дать тетѣ Натали въ приданое? Два сына бабушки и моя мать были уже выдѣлены; выдѣлили и тетю Натали, давая ей превосходное имѣніе, Новотроицкое, съ окружающими его деревнями. Чтобы немного уравновѣсить дѣлежъ, потому, что мать моя получила въ приданое совсѣмъ неустроенную усадьбу, а Новотроицкое, въ полномъ смыслѣ, было полная чаша, то бабушка перевела на мое имя Новую деревню. Софью же Александровну боялись еще выдѣлить. Вотъ что по этому поводу писалъ бабушкѣ другъ ихъ дома Х...

«Счастливъ я буду, если вы выслушаете не совѣтъ мой, который слабъ, но гласъ истины, къ коему нѣкогда склоняли слухъ свой.

«Сколько я понимаю изъ письма вашего, то вы свое имѣніе, принадлежащее вамъ по праву благопріобрѣтенности, желаете упрочить или же и упрочили внукѣ вашей, минуя дочь вашу Софью Александровну. Не говорю о средствахъ, какія приняты вами, чтобы перевести имѣніе на деньги и черезъ то удовлетворить Софью А. По моимъ понятіямъ, я убѣжденъ, что имѣніе ваше вы упрочиваете вашей внукѣ. И по законамъ Божескимъ и по человѣческимъ правамъ, дочь должна занимать первое мѣсто у сердца матери; если же не такъ, то изысканы должны быть причины, почему т е п е р ь, а не гораздо прежде, она должна быть лишена правъ своихъ, наказана и поставлена ниже внуки, а тѣмъ отдаленнѣе отъ другихъ сестеръ своихъ!

«Я рѣшительно утверждаю, что слухи, до васъ дошедшіе отъ какой-то Марьи Ивановны, не имѣютъ основанія. Софья Александровна превыше тѣхъ понятій, кои свойственны людямъ, вовсе ей п о с т о р о н н и м ъ, и

конхъ голосъ и мнѣніе, по существу и цѣли дѣлаемаго вами ей предложенія, она должна считать для себя неумѣстными. Сравнивая вознагражденіе другихъ двухъ дочерей вашихъ—я говорю языкомъ истины—Софья А. не имѣетъ еще понынѣ ничего вѣрнаго, ничего для нея упроченнаго отъ сердца матери, кромѣ одного предположенія, и то, какъ видно, шаткаго, взвѣшиваемаго на голосахъ, на мнѣніяхъ, никакими событіями не подкрѣпленныхъ; представляя все это, я нахожу, что есть судьба, которая столько же прихотлива въ дарахъ своихъ, сколько постоянна, и вѣрно то, что рано или поздно, но наступитъ время, что мы должны будемъ сознаться въ несправедливости поступковъ нашихъ. Я страшусь, чтобы вы глубоко не раскаялись. Но чтобы вы вполнѣ почувствовали сладость и успокоились въ сердцѣ вашемъ,—передайте имѣніе безъ всякихъ условій, ограниченностей и оборотовъ дочери вашей Софьѣ А. Нѣтъ вамъ нужды до того,—согласна ли она будетъ на сіе, или нѣтъ: это покажетъ время и убѣжденіе въ совѣсти вашей, что вы сдѣлали для нея все, что могли сдѣлать».

Эти выписки изъ дѣловаго письма показываютъ, что въ семьѣ происходила драма по поводу раздѣла.

Конечно, я, маленькая дѣвочка, не могла понять, что дѣлалось вокругъ меня, но видѣла волненіе родныхъ, слышала таинственныя рѣчи прислуги о чемъ-то касающимся моихъ родителей, бабушки и тетокъ. Какъ бы то ни было, но Софью Александровичу выдѣлили наравнѣ съ сестрами, и что недоставало землею въ ея долѣ, то дополнила бабушка капиталомъ, вложеннымъ на имя Софьи Александровны въ Петербургскій банкъ.

Итакъ, бабушка, какъ король Лиръ, роздала все своимъ дѣтямъ, оставивъ себѣ лишь небольшой капиталъ, намѣреваясь жить то у одной дочери, то у другой. Но и ей, какъ королю Лиру, этотъ раздѣлъ не далъ счастія. Между старшимъ сыномъ ея и двумя сестрами явился непримиримый разладъ вслѣдствіе того, что дочери получили свыше того, что опредѣляется закономъ. Второй мой дядя, Александръ Александровичъ, въ юныхъ годахъ подавалъ много надеждъ, учился превосходно и мечталъ сдѣлаться вторымъ Суворовымъ, но, поступивъ въ Артиллерійское училище, онъ совершенно опѣшилъ. Избалованный мальчикъ, выросшій на деревенскомъ просторѣ, онъ скучалъ и томился въ тѣсномъ школьномъ мірѣ до того, что убѣжалъ изъ училища; молодца скоро поймали и опять водворили въ школу, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ онъ кончилъ курсъ и вышелъ въ офицеры.

Какъ только его выдѣлили, такъ онъ сейчасъ же вышелъ въ отставку и началъ чудить. Ему досталась, между прочимъ, великолѣпная усадьба, въ которой всегда прежде жила его семья и все было устроено на славу. Домъ съ флигелями и службами, сады, оранжереи, паркъ, называемый,

въ честь бабушки, Екатериненвальдомъ,—все было роскошно. Домъ внутри былъ богато убранъ и полонъ дорогими вещами, собранными поколѣніями: картины, мозаика, мебель, фарфоръ.

Взойдя во владѣніе, А. А. сейчасъ же продалъ это имѣніе, которое теперь цѣнится во сто тысячъ рублей серебромъ, за пятнадцать тысячъ ассигнаціями. Книги изъ богатѣйшей библіотеки онъ выбросилъ на дворъ, гдѣ дворовыя крестьянскія ребятишки растащили ихъ. Смѣясь, онъ рѣзалъ ножомъ картины, чтобы онѣ не достались Рыжкову (такъ была фимилія покупателя имѣнія). Фарфоръ разбивалъ, бросая съ балкона, и, наконецъ, совершивъ все это, онъ уѣхалъ за границу. Доѣхалъ онъ до Парижа съ комфортомъ; проживъ тамъ всѣ свои денежки, онъ пустился обратно, на родину, уже пѣшкомъ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, а сообщеніе въ дилижансахъ было довольно дорого. Пройдя всю Германію съ котомкой на спинѣ, туристомъ, онъ на родинѣ поселился въ своемъ небольшомъ еще Крестецкомъ имѣніи.

Передъ свадьбой тети Натали, выдѣлили и тетю Сошеньку. Передали ей бумаги, и бабушка ѣздила съ ней въ передаваемую ей усадьбу Горки, чтобы ввести ее во владѣніе. Вскорѣ насталъ и день свадьбы тети Натали. Мы, кажется, за два мѣсяца до этого дня пріѣхали въ Новотроицкое. Къ этому дню набралось много гостей: нашихъ родныхъ и общихъ знакомыхъ, такъ что весь большой домъ былъ полонъ, какъ улей. Женихъ съ шаферами и съ другими молодыми людьми жилъ во флигелѣ. Можно себѣ вообразить, какое оживленіе стояло въ домѣ: бѣготня, смѣхъ, говоръ, танцы, пѣніе не смолкали до глубокой ночи. Только комнаты Софіи Александровны всегда были заперты, и въ нихъ царила тишина. Она почти что не являлась между гостями. Въ день свадьбы, большое бабушкино трюмо перенесли въ гостиную; въ угловой комнатѣ, передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго накрыли небольшой столъ съ хлѣбомъ и образомъ для благословенія невѣсты и жениха. На верху няня меня одѣвала въ бѣлое кисейное, вышитое платье, а я, сгорая нетерпѣніемъ бѣжать внизъ, все повторяла:—«Скорѣй, няня, скорѣй!»

Вдругъ въ комнату вошла тетя Сошенька, принарядившаяся и въ свѣтломъ платьѣ.

— Пойдемъ, Соня, внизъ,—сказала она и, взявшись за руки, мы спустились внизъ.

Въ большой гостиной передъ трюмо сидѣла невѣста, ее чесалъ домашній парикмахеръ, а кругомъ обступившія барышни подавали шпильки, цвѣты и фату. Между барышнями вертѣлись шафера невѣсты, пріѣхавшіе изъ Петербурга гвардейцы.

— А а, двѣ Софьи пришли!—закричала, увидя насъ, шаловливая княжна У.

— Сошенька! Ахъ, Сошенька! Хочешь подавать шпильки, Сошенька? Вотъ цвѣты возьми. Вотъ фата! —защебетали барышни.

— Ma belle cousine!—подскочилъ къ тетѣ Сошенькѣ гвардеецъ.

Но она всѣмъ очень сухо отвѣчала и не взялась ни за какое дѣло. Подошедъ къ сестрѣ, она ее крѣпко поцѣловала и, ставъ напротивъ нея съ полными слезъ глазами, смотрѣла на одѣваніе невѣсты. Когда тетя Натали была готова, ее повели въ угловую, гдѣ князь У. и г-жа Е. ее благословили. Потомъ началось прощаніе. Тетя Сошенька нѣсколько разъ цѣловала сестру, приговаривая, крестя ее:

— Богъ съ тобой, душечка! будь счастлива, душечка!

Въ церковь тетя Сошенька не поѣхала и въ этотъ день уже не выходила изъ своей комнаты.

На другой день гости начали разъѣзжаться, а дня черезъ четыре уѣхали и молодые въ Тверское имѣніе Ивана Петровича, и все вошло въ обыкновенную колею въ опустѣвшемъ домѣ.

Мы всѣ остались въ Новотроицкомъ, чтобы бабушка не очень скучала и не была бы совершенно одна.

Вотъ въ одно пасмурное утро поздней осени, на всегдашній вопросъ бабушки:—А что Сошенька? ей отвѣчали, что Софья Александровна рано утромъ уѣхала верхомъ съ конюхомъ. Это было такое обычное явленіе, что никого не обезпокоило.

— Видно, Сошенька дѣлается благоразумнѣе,—сказали себѣ домашніе и не тревожились.

Но наступила ночь, а Софья Александровна все не пріѣзжала. Разослали людей искать ее. Насилу уговорили бабушку лечь въ постель. Отецъ мой и мать, Марья Антоновна и Сперанскій всю ночь просидѣли въ угловой комнатѣ, подлѣ ея спальни. Къ утру привезли извѣстіе, что тетя Сошенька проѣхала въ свое имѣніе Горки. Тогда отецъ мой сейчасъ же собрался ѣхать туда и узнать, въ чемъ дѣло. Всѣ въ домѣ немного успокоились, только бабушка, вслѣдствіе тревоги, расхворалась. Черезъ сутки вернулся отецъ и привезъ вѣсть, что тетя Сошенька не намѣрена жить съ матерью и проситъ всѣ ея вещи, рояль, горничную, собакъ и лошадь переслать въ Горки, гдѣ она и останется. Нѣсколько недѣль шли переговоры. Бабушка и маменька ѣздили къ тетѣ Сошенькѣ, но все безуспѣшно.

Такъ Софья Александровна и осталась тамъ жить до конца своей жизни. Вещи ей переслали, но мать и сестры никогда не переставали увѣщевать ее возвратиться къ нимъ.

Въ первый разъ, вскорѣ послѣ отъѣзда тети Сошеньки, отецъ повезъ меня въ Горки изъ Новотроицкаго по первопутку. Я и теперь хорошо помню небольшой, сѣренькій домикъ Горокъ. Мы пріѣхали съ отцомъ и съ няней. Взошедъ въ небольшое свѣтлое зальце съ балко-

номъ, мы остановились, не зная, куда далѣе идти. Къ намъ, какъ пуля, вылетѣла Дуняша, горничная тети Сошеньки, поклонилась низко отцу, бросилась цѣловать меня и няню, потомъ зашептала:

— Не примутъ онѣ васъ, батюшка, Михайло Васильевичъ, не примутъ. Иди, говоритъ, Дуняша,—скажи имъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, я никого видѣть не хочу.

— Ну, мы и уѣдемъ,—отвѣчалъ отецъ.—Пойду къ мужикамъ, авось не выгонятъ, а назадъ ѣхать сейчасъ же нельзя, и лошади устали, и ребенокъ прозябъ, и ѣсть хочетъ.

— Въ избу? Ахъ, нѣтъ, какъ можно! Я стану уговаривать Софью Александровну. Какъ же можно барышню маленькую вести въ избу!

И Дуняша выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, намъ подали молока, яицъ, холодной дичи, принесли самоваръ, но сама хозяйка не показывалась. Я, играя, переходила изъ комнаты въ комнату; вдругъ одна изъ дверей отворилась, и вошла тетя Сошенька; она обняла и расцѣловала меня, усадила подлѣ себя и стала спрашивать про Новотроицкое, про Базановыхъ. Рука объ руку вернулись мы къ отцу. Тетя Сошенька остальное время дня провела съ нами и очень много и горячо о чемъ-то спорила съ отцомъ. Призывали прикащика, отецъ отдавалъ ему какія-то приказанія, и на другое утро, очень рано, мы пустились въ обратный путь. Потомъ разсказывали, что отецъ уговаривалъ тетю Сошеньку вернуться къ матери, но что она объ этомъ и слышать не хотѣла.

— Оставьте меня здѣсь въ покоѣ,—говорила она:—мнѣ здѣсь хорошо. Тамъ, я знаю, я ихъ мучу и сама мучаюсь. Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что опять не вернусь къ нимъ.

Такъ тетя Сошенька и осталась въ Горкахъ. Мы узнавали о ней черезъ донесеніе прикащика и черезъ ея горничную Дуняшу, отъ которыхъ получались подробныя письма о житьѣ-бытьѣ ихъ барышни. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что тетя Сошенька, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Горки, призвала прикащика и, собравъ мужиковъ, объявила имъ, что землею они могутъ владѣть, что ей они должны только платить оброкъ, сколько кто можетъ, что прикащикъ будетъ собирать для нея оброкъ; чтобы во всемъ нужномъ обращались къ прикащику, а чтобы ее оставили въ покоѣ. Затѣмъ зимой она поѣхала съ Дуняшей въ Петербургъ, гдѣ пробыла мѣсяца два.

Сейчасъ же въ Петербургъ полетѣли письма отъ бабушки, маменьки и тети Натали къ роднымъ и друзьямъ, съ просьбою повидать Сошеньку и уговорить ее вернуться къ болѣе нормальной жизни. Отъ нихъ пришли извѣстія, что Софья Александровна живетъ въ хорошей гостиницѣ, часто ѣздитъ въ театры, музеи и картинныя галлереи; много покупала себѣ вещей, книгъ и нотъ; но ни къ кому не ѣздила и ни-

кого къ себѣ не принимала. Одна какая-то родственница внезапно вошла къ ней и застала ее дома; увидя ее, Софья Александровна сейчасъ вскочила и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Потомъ пришла горничная и объявила, что барышня уѣхала. Послѣ этого, всѣ петербургскіе родные и знакомые махнули на нее рукой и не стали добиваться съ нею свиданія.

Слѣдующую весну до насъ дошли слухи, что Софья Александровна приказала себѣ строить домикъ въ лѣсу. Къ концу лѣта, этотъ домикъ въ двѣ комнаты, въ лѣсу, былъ готовъ, и тетя Сошенька перебралась туда съ своими собаками, книгами и роялемъ. Дуняша оставалась жить въ усадьбѣ. Утромъ она приходила къ своей барышнѣ, приносила хлѣбъ, молоко, ставила самоваръ, чистила платье, убирала комнаты и, получивъ приказаніе на день, уходила обратно. Конюхъ сѣдлалъ и приводилъ лошадь, когда она требовалась, Дуняша приносила обѣдъ, потомъ ужинъ, а ночью караульный наряжался изъ деревни, по распоряженію прикащика, къ барышниному дому. Такъ и жила тетя Сошенька до старости. Родные все продолжали писать и ѣздить къ ней, а она продолжала никого не принимать и возвращать назадъ нераспечатанныя письма. Наконецъ, когда къ ней ужъ очень приставали, она бросала изъ оконъ каменьями въ тѣхъ, кто надоѣдалъ ей.

Я еще разъ, дѣвочкой, была въ Горкахъ съ отцомъ и матерью; мы ходили къ лѣсному домику, маменька подошла къ низкому окну и начала упрашивать тетю принять насъ. Тетя Сошенька на все это только повторяла:

— Оставьте меня въ покоѣ, я никого не хочу видѣть.

Еще одинъ разъ ѣздила я къ тетѣ Сошенькѣ, но уже большой дѣвушкой, только что вышедшей изъ института, когда и бабушки и дорогаго отца моего не было на свѣтѣ. Пріѣхавъ домой, по выходѣ изъ института, я услышала, что тетя Сошенька все еще живетъ въ лѣсномъ домикѣ, все, даже еще больше, чуждаясь людей, по зимамъ продолжаетъ ѣздить мѣсяца на два въ Петербургъ. Маменьку, повидимому, этотъ образъ жизни тети Сошеньки сокрушалъ очень. Она со слезами говорила мнѣ о ней, и что она рѣшилась къ ней не писать и не ѣздить. Знакомые разсказали мнѣ, что года два тому назадъ, нѣсколько молодыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, подкутившихъ на охотѣ, ворвались къ ней днемъ, когда не было сторожа, и страшно напугали ее. А что недавно священникъ Горкинскаго прихода донесъ, что она не въ своемъ умѣ, никогда не бываетъ въ церкви, не говѣетъ, и потому ее надо взять въ опеку. Пріѣхала коммиссія свидѣтельствовать умственныя способности Софьи Александровны. На всѣ вопросы она отвѣчала покойно, толково и замѣчательно умно. Ее признали умственно совершенно нормальною и предоставили священнику вразумлять ее. Софья Александ-

ровна выслушала внимательно его длинную витіеватую рѣчь и потомъ отвѣчала тоже очень покойно:

— Я, батюшка, христіанка, и, увѣряю васъ, болѣе христіанка, чѣмъ вы сами. А въ церковь я не хожу потому, что равнодушно не могу видѣть, какая торговля идетъ въ храмѣ Божіемъ, тогда какъ въ Евангеліи сказано, что Спаситель выгналъ всѣхъ торгующихъ изъ храма и столы ихъ опрокинулъ, а у васъ въ церкви мѣняютъ деньги, продаютъ свѣчи и за всякую требу платятъ, какъ за товаръ.

Говорятъ, что священникъ не нашелся, что̀ отвѣчать на это, и ретировался.

Въ первую же осень послѣ моего возвращенія изъ института, къ намъ пріѣхалъ нарочный изъ Горокъ, съ письмомъ отъ прикащика. Старикъ писалъ, что въ одну темную ненастную ночь четыре человѣка, съ завязанными платками лицами, напали на сторожа, связали его, разобрали кровлю лѣснаго домика и черезъ чердакъ спустились въ комнаты, гдѣ убивъ бросившуюся на нихъ собаку, унесли все, что̀ можно было унести цѣннаго. По утру, пришедшіе люди, нашли связаннаго сторожа, разграбленный домъ и безчувственную Софью Александровну. Ее снесли въ усадьбу, послали за докторомъ и за нами. Мы сейчасъ же собрались и поѣхали. Пріѣхавъ въ Горки къ прикащику, мы узнали, что Софьѣ Александровнѣ лучше, что былъ докторъ и не нашелъ ничего опаснаго, что, къ счастію, билеты и большая часть серебра находились у прикащика.

— Только вотъ шкатулочку съ ихъ драгоцѣнностями жаль, что не отдали мнѣ, а то всѣ жемчуга, да брилліанты унесли,—говорилъ съ горемъ честный, преданный старикъ.

Надо сказать, что всѣ родные и знакомые подняли на ноги полицію, чтобы сыскать мошенниковъ, обокравшихъ Софью Александровну. И ихъ нашли—это были охотники и дворовые сосѣдняго богатаго помѣщика. Ихъ засадили въ острогъ, но вещи не отыскались; отыскалась только, гдѣ-то въ полѣ, разрубленная шкатулка изъ-подъ нихъ. Послѣ нападенія на нее, тетя Сошенька задумала оставить Горки и поселиться гдѣ-нибудь не въ такой глуши. Около нашего города Боровичъ, ей очень понравилось небольшое имѣніе, или, лучше сказать, дача, принадлежащая женѣ доктора Пр—ва, бой-бабѣ.

Софья Александровна повидалась съ г-жей Пр—ой, переговорила съ нею о покупкѣ дачи и условилась съ ней въ цѣнѣ.

— Ужъ будьте покойны,—говорила докторша, я и купчую сама сдѣлаю, вамъ стоитъ только выдать деньги, а я вамъ всѣ бумаги привезу на домъ и въ руки отдамъ. Вы мнѣ деньги, а я вамъ купчую.

И въ самомъ дѣлѣ, докторша скоро пріѣхала съ бумагой, прочитала Софьѣ Александровнѣ, что она такая-то, Анисья Михайловна

Пр—ва, за такую-то цѣну продаетъ свою дачу дочери полнаго генерала А. П. К. С., дѣвицѣ Софьѣ Александровнѣ.

— Ну-съ давайте денежки, а я вамъ дамъ купчую, изъ рукъ въ руки, какъ водится,—сказала, смѣясь тривіальнымъ смѣхомъ, докторша.

У Софьи Александровны деньги были приготовлены, она ихъ сейчасъ же принесла, позвала прикащика и Дуняшу, сосчитала всю сумму при нихъ и при докторшѣ и передала ее Пр—вой.

Передавъ деньги, тетя Сошенька хотѣла взять бумагу изъ рукъ докторши, но та, скомкавъ ее бросила въ лицо Софьѣ Александровнѣ, выбѣжала съ хохотомъ изъ дому, бросилась въ свой экипажъ и ускакала съ деньгами прежде, чѣмъ ошеломленная тетя, Дуняша и старый прикащикъ могли понять, что происходитъ. Когда они опомнились, то прикащикъ сейчасъ же полетѣлъ въ городъ подать просьбу и заявить о случившимся.

Началось дѣло, но ни къ чему не привело. Такъ оно и кануло на дно, и тетя Сошенька поплатилась довольно кругленькой суммою за свое желаніе приблизиться къ людямъ. Она стала жить въ усадьбѣ, еще болѣе озлобленная и нелюдимая. Во всѣхъ своихъ непріятностяхъ она винила своихъ родныхъ.

— Они все это подсылаютъ ко мнѣ воровъ и обманщиковъ,—говорила она.

Крестьяне, зная нелюдимость своей барышни, не надоѣдали ей. Они сами отъ себя назначали караульныхъ по ночамъ охранять усадьбу своей барышни. Они любили ее. Она не обременяла ихъ ни оброкомъ, ни работами; а про ея образъ жизни они говорили такъ:

— Барышня спасается и замаливаетъ грѣхи близкихъ своихъ.

Они уважали эту жизнь въ глуши, вдали отъ людей.

Часто они приносили ей ягодъ, грибовъ, яицъ, масла, ставили свои подарки у дверей и уходили, не повидавшись съ ней.

Вскорѣ я вышла замужъ. Мужъ мой, узнавъ о тетѣ Сошенькѣ, хотѣлъ къ ней поѣхать—такъ она заинтересовала его. Но я, напуганная разсказами, что тетя стала бросать камнями и даже стрѣлять въ тѣхъ, кто къ ней подходилъ, отговорила мужа ѣхать въ Горки. Послѣ этого, я мало слыхала о тетѣ Сошенькѣ, не знаю, продолжала ли писать къ ней маменька, но знаю, что она съ нею не видалась.

Долго прожила тетя Сошенька все такой же затворницей и умерла одиноко, такъ же, какъ жила, въ своихъ Горкахъ. И все состояніе ея досталось брату Александру Александровичу.

Послѣ разсказа жены небезъинтересно будетъ разсказать мнѣ и объ Александрѣ Александровичѣ.

Человѣка этого нельзя было признать рехнувшимся, но онъ былъ

оригиналъ и во всякомъ случаѣ человѣкъ ненормальный. Нѣсколько разъ онъ подвергался оффиціальному освидѣтельствованію докторовъ и однажды нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ на испытаніи въ правительственномъ домѣ душевно-больныхъ; но доктора не признавали его помѣшаннымъ.

Возвратившись пѣшкомъ изъ Парижа въ Петербургъ, онъ явился безъ всякихъ средствъ къ жизни, и ему весьма вліятельные родные, занимавшіе высокое положеніе въ общественномъ строѣ, тотчасъ же нашли мѣсто на службѣ; но онъ не удержался и года. Затѣмъ тѣ же родные не одинъ разъ пристраивали его, но все оказывалось тщетнымъ.

Въ характерѣ Александра Самарина было много природнаго юмора. Онъ страстно любилъ литературу, пристально слѣдилъ за нею, перечиталъ все и былъ особенно знакомъ со всѣми отраслями и прежней и новѣйшей французской литературы. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ принялся за переводъ французскихъ романовъ, преимущественно, Польде-Кока, и перевелъ ихъ болѣе половины. Доходя не рѣдко до крайней нужды, онъ обращался тогда къ помощи родныхъ, прося одолжить ему бездѣлицу, и всегда не болѣе 3-хъ или 5-ти руб., отказываясь на отрѣзъ отъ большей ссуды. При этомъ, надо сказать, что онъ не терпѣлъ родныхъ и относился къ нимъ насмѣшливо, иронически; ко мнѣ же онъ относился иначе, хотя я былъ лишь случайнымъ родственникомъ по моей женѣ, его племянницѣ. Нося въ себѣ, какъ я сказалъ, много юмора, онъ постоянно писалъ памфлеты и комическія сцены на своихъ родственниковъ, рисовалъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ и посылалъ эти свои рукописныя произведенія тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ онъ тамъ осмѣивалъ. Но это не мѣшало ему просить тѣхъ же лицъ, чтобы по временамъ они одолжали ему нѣсколько рублишекъ.

Не одни однако родственники изображались въ комическомъ видѣ въ его рукописныхъ сочиненіяхъ, а часто появлялись, вообще, разные эпизоды изъ общественной жизни, и съ этими сочиненіями Самаринъ являлся то къ тому, то къ другому министру въ пріемные дни. Вслѣдствіе этого, его не разъ подвергали освидѣтельствованію докторами относительно умственныхъ его способностей. Наконецъ, онъ надоѣлъ, и его выслали изъ Петербурга, въ 1850 г., въ деревню къ его сестрѣ Фроловской, подъ ея родственный надзоръ. Въ это-то время я и узналъ А. Самарина. Проживъ тамъ мѣсяца 3—4, онъ отправился пѣшкомъ въ Петербургъ и, спустя нѣкоторое время, явился опять въ пріемную министра внутреннихъ дѣлъ, съ своимъ юмористическимъ произведеніемъ о безпорядкахъ, совершающихся въ домахъ терпимости, приложивъ это произведеніе къ форменному прошенію.

Тогда его послали въ Орелъ подъ надзоръ полиціи. Тамъ онъ въ своихъ произведеніяхъ изобразилъ въ комическомъ видѣ губернатора;

за что и былъ удаленъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Спустя нѣкоторое время, онъ отправился опять пѣшкомъ въ Петербургъ; прибывъ туда, онъ сочинилъ себѣ какой-то видъ, къ которому приложилъ накопченую печать конторы виннаго откупа, что нерѣдко практиковалось за отсутствіемъ сюргуча. Эта печать, накопченая лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ, могла съ перваго вида вводить въ заблужденіе при неясномъ оттискѣ, представляясь какъ бы изображеніемъ двухглаваго орла. Съ такимъ видомъ, Самаринъ прожилъ чуть не цѣлый годъ; но наконецъ дѣло обнаружилось. Послѣ того его сослали въ Архангельскъ. Но когда въ Бѣломъ морѣ, во время Крымской кампаніи, появился англійскій флотъ, Самарина препроводили въ Мезень, полагая, что онъ будто-бы можетъ быть вреденъ въ политическомъ отношеніи. Затѣмъ его возвратили въ Архангельскъ, откуда онъ опять, по образу пѣшаго хожденія, появился въ Вологдѣ, гдѣ и былъ задержанъ. Изъ Вологды онъ послалъ прошеніе въ 3-е отдѣленіе о дозволеніи ему возвратиться въ Петербургъ. Дозволеніе послѣдовало, но его тотчасъ же посадили на испытаніе, на нѣсколько мѣсяцевъ, въ домъ умалишенныхъ, находящійся на 11-й верстѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытанія, доктора не признали его помѣшаннымъ. Однако надо сказать, что въ это время уже обнаруживался пунктъ нѣкотораго помѣшательства, который онъ тщательно скрывалъ передъ посторонними: это боязнь, что его постоянно преслѣдуютъ, отчего глаза его блуждали, и вообще замѣтно было на лицѣ выраженіе испуга. Самарина выпустили на свободу, и онъ сталъ пріискивать себѣ переводы; но, потерявъ связи съ издателями грошовыхъ книгъ, онъ не могъ найти себѣ достаточно работы. Между тѣмъ, все-таки перебивался такъ года четыре. Но вотъ умираетъ его сестра Софья, жившая отшельницей въ лѣсу. Ея имѣніе и небольшой капиталъ достаются въ наслѣдство ея брату А. Самарину.

Это имѣніе Самаринъ продалъ такъ же, какъ и великолѣпное Самаринское, за ничтожную сумму, которую спустилъ и опять явился оборванцомъ въ Петербургъ. При этомъ необходимо пояснить, что онъ никогда не роскошничалъ и никогда въ жизни, абсолютно, не пилъ ничего, кромѣ воды и чая, за что, какъ онъ сказывалъ, подвергался, въ бытность свою въ Парижѣ, насмѣшкамъ французскихъ гарсоновъ.

Разъ въ мѣсяцъ или рѣже, Самаринъ являлся ко мнѣ, и всегда съ какимъ-нибудь юмористическимъ произведеніемъ на русскомъ или французскомъ языкѣ. Я давалъ ему нѣсколько деньжонокъ, но онъ, какъ я уже замѣтилъ, ни за что не бралъ болѣе 3 или maximum 5 рублей. Не однажды, видя его въ ужасномъ одѣяніи, я отдавалъ ему старое платье. Между тѣмъ, въ слѣдующій разъ, онъ опять явится въ невозможномъ костюмѣ.

— Зачѣмъ же вы опять такъ одѣты?

— Monsieur,—отвѣтитъ онъ,—un habit comme il faut ne me convient pas.

Такъ какъ Самаринъ сталъ въ послѣднее время часто являться къ родственникамъ,—что не могло быть имъ пріятно,—то я предложилъ положить Самарину онъ каждаго лица извѣстное опредѣленное жалованье въ мѣсяцъ. Всѣ, конечно, охотно согласились и подписали общее соглашеніе, которое составляло сумму, достаточную на наемъ комнаты и на пропитаніе. И когда Самаринъ пришелъ ко мнѣ, то я передалъ ему это соглашеніе, по которому онъ могъ бы являться каждый мѣсяцъ за полученіемъ своего опредѣленнаго жалованья, а не за подаяніемъ. Несмотря на это, всѣ замѣтили, что когда онъ приходилъ за жалованьемъ, то представлялъ по-прежнему видъ оборванца. Тогда порѣшили помѣстить его въ пріютъ за извѣстную плату, чтобы онъ имѣлъ теплый, хорошій уголъ и надлежащую пищу. Въ это время ему было около 70 лѣтъ. Пробывъ тамъ мѣсяца два или три, онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что вышелъ изъ пріюта. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ и онъ пропалъ безъ вѣсти.

Постоянные жители Петербурга могли безпрестанно встрѣчать его на Невскомъ. У него были густые, длинные, курчавые волосы съ просѣдью, покрытые всегда измятымъ цилиндромъ. Онъ ходилъ необыкновенно быстро, осматриваясь и оглядываясь во всѣ стороны, и, непремѣнно зимой и лѣтомъ, съ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ и носилъ свои произведенія.

Аристократъ по рожденію и воспитанію, А. Самаринъ былъ крайній плебей, психическое состояніе котораго, какъ и его сестры Софьи, осталось все-таки загадкой, за исключеніемъ крайней непріязненности къ роднымъ по крови и отчужденія отъ нихъ.

Возвращусь теперь къ Фроловскимъ. Они жили въ большомъ, прекрасномъ домѣ съ отлично устроенной усадьбой, гдѣ живали прежде старики Квашнины-Самарины, переѣзжавшіе изъ одного имѣнія въ другое. У Фроловскихъ мы бывали не часто, потому что ничто не влекло туда. Но съ 1847 года для меня картина перемѣнилась. Съ этого года у Фроловскихъ стала гостить, или почти жить ихъ племянница, Мельгунова, только что вышедшая изъ Екатерининскаго института, на которой я впослѣдствіи и женился.

Надо сказать, что въ Екатерининскомъ институтѣ служила моя тетка. Это была пожилая дѣвушка, отлично образованная, начитанная, очень умная, необыкновенно острая, добрѣйшая и веселая. Многіе родители поручали ей воспитательный надзоръ за своими дѣтьми. Дѣти и всѣ въ институтѣ ее очень любили,—она какъ-то всѣхъ оживляла.

Однажды, въ теплый весенній день, я былъ у тетки въ институтѣ. Мы сидѣли у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Вдругъ посыпали

изъ института дѣвицы въ садъ. Увидавъ мою тетку у окна, большая кучка дѣвицъ подошла къ нему, чтобы переговорить что-то съ ней.

Я замѣтилъ одну дѣвушку необычной красоты, прекраснаго роста, съ изящной фигурой и зеленокаштановыми волосами. Когда дѣвицы отошли, я спросилъ тетку,—кто эта дѣвушка, стоявшая на такомъ-то мѣстѣ и говорившая съ ней.

— Это племянница начальницы Родзянко, по фамиліи Мельгунова, первая красавица предстоящаго выпуска. Ея мать живетъ въ вашихъ валдайскихъ краяхъ.

И вотъ, годъ спустя, эта дѣвушка появляется у Фроловскихъ. До тѣхъ поръ я не зналъ, что она ихъ племянница. Мать ея, вдова, жила верстахъ въ 4-хъ отъ Новотроицкаго, никого у себя не принимала, и потому дѣвушка стала почти постоянно гостить или жить у Фроловскихъ.

Понятно, что мнѣ захотѣлось бывать почаще у Фроловскихъ. Но для этого нужно было имѣть предлоги, такъ какъ я долженъ былъ посѣщать чужой домъ, а не домъ матери дѣвушки. Тогда я сталъ ѣздить въ Валдай безъ всякой нужды. Дорога отъ меня въ Валдай, верстъ 50 длиной, пролегала мимо Новотроицкаго, которое лежало на полдорогѣ; проѣхать мимо знакомаго семейства неловко. Заѣду покормить лошадей; ѣхать далѣе поздно; хозяева оставятъ ночевать, а на другой день, тары да бары, подойдетъ обѣдъ. На обратномъ пути изъ Валдая повторяется то же самое. Фроловскій скоро догадался, что мои поѣздки въ Валдай суть только предлоги, и, полюбивъ меня, всячески способствовалъ задержанію меня у себя.

Однако, дѣло сближенія отношеній между мною и дѣвушкой нисколько не подвигалось впередъ, вслѣдствіе того тона свѣтскихъ приличій, господствовавшихъ въ домѣ г-жи Фроловской, усвоенныхъ ею воспитаніемъ, о которомъ я упоминалъ выше. Оставаться дѣвушкѣ одной съ молодымъ мужчиной считалось неприличнымъ, а о томъ, чтобы прогуляться однимъ въ саду, не могло быть и помину. Не менѣе того, во всей окрестности ходили слухи, что между нами все уже кончено, хотя въ дѣйствительности ничего подобнаго еще не было.

По этому поводу не могу воздержаться, чтобы не разсказать одного курьезно-комическаго эпизода.

Въ одинъ прекрасный день, въ полную весеннюю распутицу, когда нельзя ѣхать ни на колесахъ, ни на саняхъ, и ѣзда по сельскимъ дорогамъ представлялась немыслимой, подъѣхалъ ко мнѣ тарантасъ, и изъ него вылѣзъ начальникъ сосѣдняго участка, нѣкій А—ій. Ни я у него, ни онъ у меня никогда не были; я только встрѣчалъ его раза три или четыре у общихъ знакомыхъ. Онъ былъ въ чинѣ подполковника, лѣтъ на 12 или болѣе старше меня, слылъ за человѣка ограниченнаго, чтобы

не сказать глуповатаго, нѣсколько нахальнаго и имѣлъ манеры низкопробнаго фата, въ родѣ нѣкоторыхъ героевъ Марлинскаго. Черты лица его были не дурны, но выраженіе ограниченности и нахальнаго самодовольства сразу бросилось въ глаза.

Пріѣзду А—аго я крайне удивился.

— Куда это васъ Богъ несетъ въ такую распутицу? вѣроятно, въ Кузнецово къ Семичеву по экстренному дѣлу?

— Нѣтъ, я спеціально къ вамъ съ просьбою.

— Готовъ служить—что прикажете?

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ Фроловскими?

— Да, знакомъ!

— Я хочу съ ними познакомиться; представьте меня.

— Съ удовольствіемъ, только тогда, когда дороги сдѣлаются лучше.

— Нѣтъ, я желалъ бы теперь.

— Нагрянуть въ такую распутицу будетъ не ловко. Отложите до другаго раза.

— Помилуйте, я пріѣхалъ за 70 верстъ. Значитъ, вы не желаете представить меня.

Такъ какъ это былъ намекъ на то, что я опасаюсь и не желаю имѣть конкурента, то я отвѣчалъ:

— Хорошо, хотя это не ловко, поѣдемте, а теперь отдохните съ дороги.

— А завтра будетъ другой предлогъ. Скажите лучше на прямки, что вы опасаетесь конкурента, и А—ій разразился хохотомъ.

Я уже зналъ, что онъ и глуповатъ и нахаленъ, но такой рѣчи не ожидалъ.

— Извольте, поѣдемте сегодня; но вѣдь по настоящей распутицѣ мы проѣдемъ часа четыре и попадемъ часамъ къ 9-ти вечера. Поэтому неловкость нашего несвоевременнаго пріѣзда примите на себя.

— Въ деревнѣ это дѣло обыкновенное.

— Да! но не тогда, когда я долженъ представить васъ въ первый разъ.

Дѣлать было нечего, я приказалъ запрягать лошадей и пошелъ одѣться. Выхожу и вижу А—го въ дорожномъ костюмѣ, невыбритаго, а борода была у него черная, какъ сапогъ.

— Что же, вы еще не одѣлись и не побрились? Надо спѣшить.

— Я поѣду такъ и переодѣнусь и выбреюсь тамъ; хуже пріѣхать забрызганнымъ грязью. Когда пріѣдемъ, вы скажите, чтобы мнѣ отвели комнату.

Это уже было нахальство. Пріѣхавши, я побѣжалъ скорѣе къ хозяину и предупредилъ его, что я привезъ гостя, который проситъ комнату.

Дѣйствительно, мы пріѣхали часовъ въ 9-ть. Хозяева отпили уже чай, и велѣно было, разумѣется, подать свѣжій самоваръ. Ждали А—аго почти $1^1/_2$ часа; наконецъ, является выбритый, въ блестящихъ густыхъ эполетахъ, потряхивая плечами. По образу визита, хозяинъ догадался уже, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не дальнимъ; но когда онъ явился, то съ первыхъ же словъ А—ій выдалъ себя головою.

Онъ тотчасъ же подсѣлъ къ барышнѣ и вздумалъ увеселять ее и всѣхъ анекдотами.

— Вотъ я разскажу вамъ, сударыня, какъ однажды одинъ гусарскій офицеръ пріѣхалъ въ гости къ помѣщику, привезъ съ собою сѣдло съ чепракомъ, чтобы кататься верхомъ съ дочкой, и повѣсилъ его въ передней. Только вдругъ онъ видитъ, что барышня накинула на себя чепракъ и разгуливаетъ, какъ пава, по залѣ, и говоритъ офицеру: «Это вы для меня или для кого другаго привезли такую красивую мантилью?»

Всѣ засмѣялись, и въ то же время удивились такому анекдоту, который А—ій полагалъ разсказать кстати. И вслѣдъ за тѣмъ, опять разсказалъ другой анекдотъ.

— А вотъ другой офицеръ пріѣхалъ тоже къ помѣщику въ Малороссіи и послѣ сытнаго обѣда прохаживается съ барышней по залѣ. Барышня ходитъ и все вздыхаетъ. «О чемъ вы вздыхаете, сударыня?» А она ему въ отвѣтъ: «Ахъ, отстаньте, отвяжитесь,—я просто наилась».

Тогда всѣ разразились гомерическимъ хохотомъ, и А—ій сталъ самодовольно потряхивать эполетами, воображая, что хохочутъ не надъ его глуповатостью, а надъ анекдотомъ, будто бы очень кстати, по случаю его пріѣзда, имъ разсказаннымъ. Словомъ сказать, черезъ $^1/_4$ часа по своемъ появленіи А—ій предсталъ въ настоящемъ своемъ видѣ. И въ это время было множество комичныхъ сценъ, но разсказывать ихъ долго; довольно и тѣхъ, которыя я разсказалъ.

На другой день я звалъ его ѣхать. Но не тутъ-то было. Какіе же хозяева отпустятъ по такой распутицѣ гостей?—сказалъ онъ. И оставался три дня. Я конечно уѣхалъ бы, но не могъ потому, что привезъ его на своихъ лошадяхъ. Видимо, онъ оставался такъ долго для того, чтобы высмотрѣть, не рѣшено ли у насъ съ дѣвушкой Мельгуновой. Убѣдившись, что дѣло между нами еще не рѣшено, онъ черезъ недѣлю пустился опять въ Новотроицкое.

Не доѣзжая верстъ десяти до меня, А—ій приказалъ ямщику повернуть направо, прямо въ Новотроицкое.

— Далеко, баринъ, лошади пристали, поѣдемте на Шегринку, туда ближе, а оттуда возьмете другихъ лошадей.

— Говорятъ тебѣ ступай прямо,—на Шегринку я не поѣду.

Шегринка была мѣстомъ моего жительства.

— Да вы зачѣмъ, баринъ, въ Новотроицкое-то ѣдете?

— А тебѣ что за дѣло?

— Да вѣдь тамъ Шегринскій-то баринъ порѣшилъ!

— Ты почемъ знаешь?

— Какъ же не знать, вѣдь я изъ Шегринки, у насъ всѣ знаютъ.

— Вѣрно ли?

— Вѣрно, баринъ.

— Поворачивай налѣво и ступай въ Великуши, сказалъ А—ій.

Ямщикъ разсказывалъ это мнѣ и не разъ моимъ товарищамъ.—Разскажи-ка, какъ ты обвѣнчалъ А—го,—спросятъ его, и онъ разскажетъ свой разговоръ съ А—имъ, случившійся на поворотѣ дороги.

Надо замѣтить, что А—ій, достигнувъ почти 40 лѣтъ, порѣшилъ какъ можно скорѣе жениться и былъ въ это время—à la recherche d'une promise, во что бы то ни стало. Въ деревнѣ Великуши жила вдова кн. У—ая съ дочкой, которая была пріятельницей съ дѣвушкой Мельгуновой.

Много, если А—ій, навѣстивъ раза два или три Великуши, сдѣлалъ предложеніе дочкѣ и женился на ней.

Фроловскіе, въ началѣ 1850 года, уѣхали, въ Петербургъ, а дѣвушка осталась съ матерью, которая никого у себя не принимала, а потому встрѣча съ ея дочерью могла быть только случайная. И вотъ, мы, всѣ инженеры нашего 6-го участка, получаемъ приглашеніе отъ нѣсколькихъ домовъ изъ Валдая на балы и празднества, имѣющіе быть на масленицѣ. Я разсчитывалъ, что, вѣроятно, встрѣчу тамъ дѣвушку Мельгунову. И дѣйствительно, по пріѣздѣ, я узналъ, что мать привезла дочь, оставила ее въ семействѣ Гордѣевыхъ, а сама возвратилась въ деревню. Первый балъ былъ у проживавшихъ зиму въ Валдаѣ Азарьевыхъ, гдѣ были двѣ дѣвушки сестры, которыя, не будь онѣ очень миніатюрны, могли бы считаться выдающимися по красотѣ. На другой день предстоялъ балъ съ живыми картинами у жандармскаго полковника Виланда, имѣвшаго прелестную дочь, которую ужъ положительно можно было считать красавицей. Она вышла потомъ за Щербакова, о которомъ я тоже упоминалъ выше. Въ живыхъ картинахъ должны были участвовать дочь хозяина, Мельгунова и другія дѣвицы. Картины изображались въ широкихъ, драпированныхъ дверяхъ, выходящихъ въ большую залу. На противоположной стѣнѣ была такая же дверь, ведущая въ кабинетъ. Дамъ было очень много, и онѣ занимали почти всю залу; мужчины же смотрѣли на живыя картины изъ кабинета. Прошли уже двѣ картины, въ которыхъ принимала участіе дочь хозяина, а въ слѣдующей должна была появиться Мельгунова. Въ антракты, декорированная дверь, конечно, закрывалась и распахивалась тогда, когда постановка картины была готова. Картины ставилъ самъ хозяинъ, хорошо рисовавшій. Ждали слѣдующей картины; распахивается дверь, и мы

увидали дѣвушку въ бѣломъ одѣяніи, окруженную пламенемъ. Въ первый моментъ намъ представилось, что картина изображалась съ бенгальскимъ огнемъ; но вдругъ, дѣвушка, какъ будто кѣмъ-то толкнутая, вбѣгаетъ въ залу, вся пылающая огнемъ. Первымъ къ ней успѣлъ броситься мой братъ, Ипполитъ, обхватилъ руками плечи и моментально спустилъ свои руки вдоль всего стана къ полу. Пламя прекратилось, а осталось лишь нѣсколько огненныхъ языковъ отъ сорваннаго тюлеваго одѣянія, и дѣвушка упала безъ чувствъ. Принесли сейчасъ холодной воды, спрыснули обгорѣвшую дѣвушку, и она очнулась.

Когда дѣвушка вбѣжала, горящая въ залу, всѣ дамы бросились для спасенія себя въ переднюю и затѣмъ въ сѣни. Въ залѣ находился только одинъ мужчина Ц—ъ, и, къ его стыду, надо сказать, что онъ, вмѣсто того, чтобы тушить загорѣвшуюся, такъ какъ онъ былъ всѣхъ ближе къ ней, выскочилъ въ сѣни вмѣстѣ съ дамами.

Случился пожаръ слѣдующимъ образомъ: картина должна была изображать даму, собирающуюся ѣхать на балъ и осматривающую себя въ трюмо; а потому на ней было воздушное тюлевое платье. За дверьми, передъ картиной, устроена была, конечно, рампа со свѣчами на полу. Виландъ сталъ устанавливать картину, Мельгунова неловко повернулась, и подолъ ея платья загорѣлся; хозяинъ хотѣлъ тушить, но не успѣлъ потому, что рядомъ стоящая его дочь тоже загорѣлась, тогда онъ распахнулъ двери и толкнулъ Мельгунову въ залу, чтобы ее спасали тамъ, а самъ бросился тушить дочь.

Всего больше обгорѣла Мельгунова, у нея вся внутренняя сторона руки была страшно обожжена, начиная отъ кисти и почти до подплечья. Дочь Виланда, хотя и обожглась, но не опасно; у самого же Виланда была сильно обожжена сплошь вся кисть одной руки.

Понятно, какой поднялся переполохъ; когда Мельгунова очнулась, всѣ старались облегчить ея страданія. Стали таскать ведрами снѣгъ, затѣмъ одинъ принесъ мыло, другой бутылку чернилъ и сталъ, не спроса никого, натирать руку тѣмъ и другимъ. Между тѣмъ, началъ натягиваться страшный пузырь, и натиравшіе руку прорвали его въ томъ мѣстѣ, гдѣ обжогъ былъ менѣе глубокъ, и потому произведенныя ими натиранія причинили такія страданія, что дѣвушка нѣсколько разъ теряла чувства, въ которыя ее приводили, поднося къ носу или нашатырный спиртъ или одеколонъ; хотя на балу былъ докторъ, Торопогрицкій, но онъ, сильно интересуясь въ это время дочерью Виланда, находился при ней и отцѣ.

Видя сумбуръ, происходящій около Мельгуновой, и что нѣтъ головы для распоряженія, я принялъ на себя роль распорядителя, авторитетъ котораго всѣ невольно признали, полагая, конечно, что между мной и Мельгуновой вопросъ былъ уже рѣшенъ.

Я приказалъ принести много полотенцевъ и, намочивъ ихъ ледяною водою, обмоталъ ими руку въ нѣсколько разъ. Страданія облегчились, и часа черезъ два можно было перевезти въ возкѣ больную въ домъ Гордѣевыхъ, гдѣ она гостила. Я просилъ подругъ больной безпрерывно мочить компрессы ледяною водою, и тому, что я дѣлаю распоряженія, онѣ не удивлялись.

На другой день, пріѣхавъ къ Гордѣевымъ, я узналъ, что былъ уѣздный врачъ, который слылъ за коновала и былъ вѣчно пьянъ. Онъ наложилъ на руку какую-то мазь; я увидалъ его, когда пріѣхалъ къ вечеру сдѣлать перевязку, но онъ былъ такъ пьянъ, что языкъ его не вязался. Оказалось, что положенная имъ мазь прилипла къ образовавшейся во всю руку ранѣ. Отъ новой перевязки страданія больной возобновились донельзя. Я поѣхалъ къ Торопогрицкому просить его принять на себя лѣченіе. Торопогрицкій былъ поглощенъ ухаживаніемъ за Виландами и сказалъ, что можетъ пріѣхать только завтра. Пріѣхавъ на другой день, онъ констатировалъ, что началась гангрена и если она не ограничится и достигнетъ до предплечья, до котораго оставалось меньше трехъ пальцевъ ширины, спасенья не будетъ. Читатель можетъ судить о томъ, что произошло во мнѣ. Торопогрицкій сдѣлалъ перевязку изъ другой мази, приказалъ перемѣнить ее къ вечеру, а самъ уѣхалъ за 40 верстъ навѣстить свой лазаретъ, сказавъ, что будетъ завтра.

Подруга Мельгуновой стала дѣлать вечеромъ перевязку, но не смогла и послала за мной. Я сдѣлалъ это съ такой осторожностью, что не возбудилъ страданій. На другой день Торопогрицкій сказалъ, что гангрена не идетъ далѣе и что есть надежда на спасеніе. При такомъ серьезномъ положеніи, онъ сталъ пріѣзжать каждый день, и вскорѣ начали отваливаться куски, которые подверглись пораженію гангреной. Послѣ первой моей удачной перевязки, не возбуждавшей страданій и которая понравилась поэтому больной, она попросила своихъ подругъ призывать всегда меня. Вотъ я сталъ проводить по нѣсколько часовъ около больной. Тогда-то мы и порѣшили между собой дѣло женитьбы.

По этому поводу не могу не помянуть хозяйку дома Анну Васильевну Гордѣеву съ величайшею признательностью. Она знала, что, до этого времени, у насъ не было еще ничего порѣшено, что за мной не было никакихъ правъ на распоряженіе относительно больной; но прекрасное и чуткое сердце Гордѣевой признало за мной это право въ силу того неопредѣленнаго чувства, которое, по ея догадкамъ, я питалъ къ дѣвушкѣ. И потому она, деликатнѣйшимъ образомъ, допускала меня до распоряженій въ ея домѣ, какъ бы роднаго ей и самой больной.

Больная пролежала въ Валдаѣ, въ домѣ Гордѣевыхъ, болѣе мѣсяца, до тѣхъ поръ, пока могла переѣхать къ матери въ деревню; но пере-

вязка руки должна была продолжаться долго. Затѣмъ, когда все зажило, то рука представляла бугры и ямы вслѣдствіе бывшей гангрены, которые сглаживались десятки лѣтъ и по сихъ поръ еще не изгладились совершенно.

Въ концѣ іюля, устроивъ домъ для семейной жизни, мы обвѣнчались на Валдайкѣ въ военной походной церкви, прибывавшей ежегодно изъ разныхъ полковъ Гренадерскаго корпуса, стоявшихъ близъ Новгорода.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Ивана Петровича Корнилова.

2-го іюля въ Петергофѣ скончался почетный опекунъ и членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Корниловъ.

Съ Иваномъ Петровичемъ, на девяностомъ году жизни, скончался еще одинъ изъ послѣднихъ современниковъ эпохи царствованія императора Александра I и его сподвижниковъ и одинъ изъ старѣйшихъ воспитанниковъ Пажескаго корпуса. Въ лицѣ Ивана Петровича сошелъ въ могилу одинъ изъ усердныхъ государственныхъ дѣятелей, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ людей, глубоко преданный своей родинѣ, устно и письменно ратовавшій за ея спокойствіе, честь и славу «за русскую народность, за воспитаніе молодаго поколѣнія въ духѣ и направленіи религіозныхъ, національныхъ и нравственныхъ убѣжденій». Еще недавно Иванъ Петровичъ издалъ: «Очеркъ Исторіи Русской школы», ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена. Маститый старецъ съ пыломъ опытнаго педагога, съ любовью къ дѣтямъ, въ своемъ сочиненіи передаетъ свои воспитательные взгляды на учебно-воспитательное дѣло,— кстати сказать ни однимъ изъ ученыхъ и литераторовъ, говорившихъ по поводу учебной реформы, не затронутыхъ. Онъ говоритъ, что человѣку нужны не одни только научныя знанія, искусства и ремесла, еще болѣе ему нужны твердыя и сознательныя религіозныя вѣрованія. Указывая на печальное вліяніе космополитическаго настроенія государственной политики Россіи въ минувшемъ XIX в., Иванъ Петровичъ говоритъ, что въ дѣлѣ воспитанія и образованія русскихъ юношей не такъ важны тѣ или другія учебныя программы и учебники, сколько личныя качества воспитателей и учителей и духъ и направленіе преподаванія. Высокочтимый старецъ заключаетъ свои наставленія слѣдующими безсмертными словами: «Школа должна представлять какъ бы большую, дружную семью, старшіе члены которой съ любовью и участіемъ должны относиться къ своимъ питомцамъ, а послѣдніе должны

питать къ своимъ наставникамъ чувства благодарности, сердечной привязанности и довѣрія».

Ученая и благотворная дѣятельность Ивана Петровича не ограничивалась его административною службою, ни въ званіи попечителя и педагога, но имъ посвящено было много времени и трудовъ этнографіи, статистикѣ, археологіи; имъ составлены были «Сборники статическихъ и справочныхъ свѣдѣній по министерству народнаго просвѣщенія». Въ Вильнѣ, въ бытность Ивана Петровича попечителемъ округа, подъ его редакціей были изданы: «Виленскій Вѣстникъ» и «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества», имъ введены въ литовскихъ школахъ національные литовскіе учебники; благодаря его ученому содѣйствію, явилось на свѣтъ знаменитое «Туровское Евангеліе» и наконецъ, въ послѣднее время имъ изданы нѣсколько томовъ «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи».

Вспоминая съ почтеніемъ ученую и административную дѣятельность Ивана Петровича, нельзя забыть его теплую сердечность къ людямъ, его чувства истинно русскаго человѣка и христіанина, котораго вся долголѣтняя жизнь была посвящена своей семьѣ и дорогой его родинѣ. Едва-ли не единственный былъ въ Петербургѣ домъ, который, подобно дому Ивана Петровича, привлекалъ бы подъ кровъ свой такое разнообразное общество людей всѣхъ націй, званій и различныхъ профессій. Съ давнихъ временъ субботы Ивана Петровича были любимымъ мѣстомъ, гдѣ сбирались и высокостоящіе сановники, ученые, литераторы, поэты, въ средѣ ихъ можно было встрѣтить и монаха съ Аѳонской горы, и сербскаго митрополита, и сказателя русскихъ былинъ, и знаменитыхъ и скромныхъ братушекъ, жителей Черной горы, нашихъ родныхъ славянъ и пр. Теплый, истинно русскаго боярина пріемъ его и радушной семьи напоминалъ собою ту давнюю русскую старину, когда на землѣ нашей не было ни мѣстничества, ни табели о рангахъ, когда въ именитой русской семьѣ можно было встрѣтить и боярина, и думнаго дьяка, и нетія, и баяна, и витязя князя Краснаго Солнышка, услышать и «славу» и русскія пѣсни... Субботы покойнаго Ивана Петровича ясно напоминали намъ нашу родную старину, наше дорогое прошлое, еще мало забытое и не совсѣмъ забитое новшествомъ; напоминали намъ стараго боярина, привлекавшаго подъ сѣнь своего дома русскихъ людей. Помянемъ же Ивана Петровича теплымъ чувствомъ глубокаго уваженія и выразимъ увѣренность, что имя его будетъ памятно вѣчно на Руси и въ дорогихъ намъ славянскихъ земляхъ... [1]).

Ал. Савельевъ.

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ редакція надѣется помѣстить портретъ И. П.

Россія и папскій престолъ.

III [1]).

Ложное положеніе Димитрія.—„Совѣтъ“, данный духовенству.—Избраніе Игнатія на патріаршій престолъ.—Торжество оффиціальнаго кандидата.—Сговорчивость Игнатія.—Попы Вишневецкаго въ Москвѣ.—Назначеніе Филарета Романова епископомъ.—Крещеніе Марины.—Пожертвованіе львовскому братству.—Іерусалимскій патріархъ Софроній.—Его письмо.—Арабскія лошади.—Предосторожность, соблюдаемая Димитріемъ.—Положеніе полѣовыхъ священниковъ. — Кругъ ихъ обязанностей. — Врачъ Эразмъ Бириши. — Ночная аудіенція.

Въ странѣ столь набожной и богобоязненной, какою была въ то время Россія, для царя было весьма важно поддержать доброе согласіе съ духовенствомъ и заботиться о томъ, чтобы отношенія между церковью и государствомъ ничѣмъ не омрачались. Димитрій вполнѣ понималъ это, держалъ себя во всѣхъ случаяхъ, какъ царь истинно православный, и лишь въ тайнѣ успокаивалъ и ободрялъ католиковъ. Его положеніе было ложное, но онъ умѣлъ справляться съ нимъ съ замѣчательнымъ искусствомъ.

На первыхъ же порахъ ему представился затруднительный вопросъ о патріархѣ. На востокѣ монархъ немыслимъ безъ патріарха. Димитрій сравнивалъ себя съ Цезаремъ, поэтому придавалъ особое значеніе патріаршему сану. Въ началѣ своего поприща, въ Краковѣ, онъ говорилъ о московскомъ патріархѣ, какъ человѣкъ, понимающій значеніе

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1901 г.

этого высокаго духовнаго сана и который не прочь воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. За примѣромъ было не далеко ходить: Димитрій рѣшилъ пойти по стопамъ Бориса Годунова.

Еще до своего въѣзда въ столицу онъ повелѣлъ, какъ намъ извѣстно, низложить патріарха Іова. Первый патріаршій престолъ Россіи не могъ быть занятъ ставленникомъ Бориса; Димитрій рѣшилъ предоставить его человѣку, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣрять. На другой же день послѣ своего водворенія въ Кремлѣ, онъ созвалъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ и «посовѣтовалъ» имъ избрать новаго патріарха. Поводомъ къ этому были выставлены преклонныя лѣта Іова и его слабое зрѣніе. Царь сослался на свои заботы о благѣ церкви, но не упомянулъ ни о наказаніи, ни о возмездіи. Почтеніе, выказанное имъ духовенству, созванному для избранія новаго патріарха, искупало до нѣкоторой степени суровую мѣру, постигшую Іова. Пастыри церкви были убѣждены его доводами; они подпали подъ обаяніе власти новаго монарха. Мысль Димитрія показалась имъ превосходной; они отвѣчали: «рѣшеніе твое мудрое, всемилостивѣйшій государь и великій князь всея Россіи, Димитрій Ивановичъ, будь по-твоему, какъ ты прикажешь». Всѣ эти и послѣдующія подробности приведены нами со словъ очевидца, архіепископа Арсенія, который былъ въ числѣ избирателей и не имѣлъ причины искажать истины [1]).

Во исполненіе царскаго совѣта, духовенство собралось въ Успенскій соборъ, гдѣ, по прочтеніи установленныхъ молитвъ, было приступлено къ избранію новаго патріарха. При первой подачѣ голосовъ былъ избранъ снова Іовъ. Но это была только дань уваженія маститому іерарху, а не серьезное противодѣйствіе царской волѣ. Рѣшеніе это было измѣнено въ томъ же засѣданіи; причины, выставленныя Димитріемъ, были приняты во вниманіе, слѣпой старецъ былъ устраненъ отъ патріаршаго престола и, собравшіеся, какъ бы по тайному уговору, единодушно подали голосъ за Игнатія, архіепископа рязанскаго. Величайшею его заслугою и величайшимъ правомъ на патріаршій престолъ была преданность, выказанная имъ Димитрію. Тотчасъ былъ составленъ и подписанъ протоколъ объ избраніи патріарха, и около 10-го іюля Игнатій былъ возведенъ въ патріаршій санъ. По этому случаю въ Кремлѣ былъ пиръ и были розданы подарки.

— Всѣ епископы,—говоритъ Арсеній,—возвратились по домамъ весьма довольные.

Избраніе Игнатія, несомнѣнно, было побѣдою правительственнаго кандидата на патріаршій престолъ, поэтому Игнатій, будучи избранъ единогласно, предпочиталъ смиренно называть себя «избраннымъ волею

---

[1]) Дмитріевскій, стр. 100—116.

царя». Эти слова ясно показываютъ, кому онъ былъ обязанъ почестями, которыми онъ пользовался, и что воля царя значительно облегчила трудъ избирателей; вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, до какой степени доходило угодничество епископовъ. Впрочемъ, подобное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церкви никого не смущало въ Москвѣ; оно вполнѣ согласовалось съ традиціями Кремля; Димитрію оставалось только идти по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Игнатій былъ именно тотъ человѣкъ, который былъ нуженъ царю. Въ его довольно неясномъ и неуловимомъ нравственномъ обликѣ рѣзко выдѣляются двѣ отличительныя черты: ненависть къ Риму и угодничество царю. Этотъ православный архипастырь былъ заклятымъ врагомъ латинской церкви, чего онъ, впрочемъ, не скрывалъ: въ первомъ же архипастырскомъ посланіи, имъ обнародованномъ по вступленіи на патріаршій престолъ, онъ смѣло поставилъ ненавистныхъ католиковъ наравнѣ съ магометанами и желалъ тѣмъ и другимъ одинаково всякихъ бѣдъ и напастей. Переходя отъ слова къ дѣлу, онъ считалъ своимъ долгомъ ополчиться противъ всякаго стремленія къ единенію съ Римомъ и имѣлъ по этому поводу прелюбопытное столкновеніе съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1605 года, этотъ польскій магнатъ прибылъ въ Москву, чтобы привѣтствовать Димитрія, которому онъ нѣкогда столь дѣятельно покровительствовалъ, и получить отъ него свой должокъ. Какъ ревностный сынъ православной церкви, князь Адамъ явился въ сопровожденіи цѣлой свиты духовенства; его попы, разсчитывая на дружескій пріемъ, смѣло явились въ православную церковь, какъ вдругъ, къ величайшему ихъ изумленію, они не были допущены въ храмъ подъ предлогомъ, будто они напоминали своимъ внѣшнимъ обликомъ западное духовенство, не имѣли на головѣ скуфьи, и ихъ сопровождали пѣвчіе поляки. Попы достали свои скуфьи, поспѣшили надѣть, явились въ церковь и начали совершать службу. Присутствующіе насторожились; они были поражены, они не вѣрили своимъ ушамъ, ихъ смущалъ напѣвъ пѣвчихъ; на скуфьяхъ у поповъ не оказалось символической каемки; «это латинство, соблазнъ»,—восклицали они,—«который не можетъ быть терпимъ!» Объ этомъ былъ извѣщенъ патріархъ; онъ горячо принялся за дѣло, предалъ иноземныхъ поповъ отлученію отъ церкви и приказалъ заключить въ тюрьму ихъ мнимыхъ сообщниковъ. Несчастные были помилованы только благодаря энергичному заступничеству князя Адама Вишневецкаго, которому стоило немалаго труда успокоить гнѣвъ патріарха Игнатія.

Димитрій не протестовалъ противъ дѣйствій патріарха. Враждебное отношеніе его къ католикамъ давало царю возможность успѣшнѣе скрывать свои собственныя чувства; можетъ быть, онъ даже былъ не прочь

стушеваться за нимъ. Это нисколько не стѣсняло свободы его дѣйствій, а въ будущемъ ему нечего было опасаться, такъ какъ угодливость и податливость Игнатія равнялись его ненависти къ Риму. Пришелецъ въ Россіи, онъ переходилъ удивительно легко изъ одного лагеря въ другой; его личныя выгоды не страдали отъ этой частой перемѣны фронта. Признательность была чуждою его византійскому сердцу. Борисъ Годуновъ далъ ему епархію, но онъ покинулъ своего благодѣтеля и предался Димитрію, а впослѣдствіи перешелъ на сторону искателя приключеній, извѣстнаго подъ именемъ Лжедимитрія II.

Когда ему было уже немыслимо оставаться долѣе въ Москвѣ, то онъ переселился въ Польшу. Принятый Сигизмундомъ III съ почетомъ и, получивъ отъ него пожизненную пенсію, онъ позабылъ свое отвращеніе къ Риму, принялъ унію и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Троицкомъ монастырѣ, въ Вильно, живя въ такомъ душевномъ согласіи съ уніатами, что многіе изъ нихъ окружаютъ его ореоломъ святости. Разумѣется, въ 1605 году, послѣдующая судьба Игнатія еще никому не была извѣстна, никто не могъ предсказать тѣхъ перемѣнъ, какія произошли съ нимъ впослѣдствіи, но основныя черты его характера, безъ сомнѣнія, были хорошо извѣстны тому, кто призвалъ его къ исполненію столь высокихъ обязанностей [1]).

Хотя Димитрій могъ вполнѣ положиться на своего патріарха и разсчитывать на его усердіе, но все же онъ считалъ необходимымъ быть почтительнымъ и предупредительнымъ къ духовенству, подтвердилъ дарованныя ему права, приблизилъ его къ себѣ. На всѣхъ торжественныхъ пріемахъ въ Кремлѣ царь бывалъ окруженъ высшими архипастырями церкви, приглашалъ ихъ на пиры и щедро награждалъ; можно было подумать, что вернулись времена богобоязненнаго Ѳеодора Іоанновича.

«Пастыри церкви должны быть совѣтниками монарха», говорилъ Димитрій, «въ ихъ обязанность входило, съ древнѣйшихъ временъ, защищать бѣдныхъ и сирыхъ». Достойно вниманія, что Димитрій не смѣнилъ, при своемъ вступленіи на престолъ, ни одного епископа. Онъ позволилъ себѣ сдѣлать только одно исключеніе, которое послужило на пользу Ѳеодора Романова. Будучи возвращенъ изъ ссылки, этотъ импровизированный монахъ не пожелалъ снять клобука и измѣнить принятаго имъ въ монашествѣ имени Филаретъ. Такъ какъ его жена также была пострижена и жила въ монастырѣ, то ничто не мѣшало ему добиваться митры. Царь возложилъ ее на голову Филарета и, желая дать ему подходящую епархію, смѣстилъ безъ церемоніи митрополита

---

[1]) Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 204, № 92.—Наше собраніе, письмо Лавицкаго отъ 21-го сентября 1605 г.—Theiner, т. III, стр. 325.

ростовскаго Кирилла Завидова. Это было сдѣлано самовольно, вопреки каноническимъ правиламъ, но это было сдѣлано по настоянію епископовъ. Димитрій только сообразовался въ этомъ случаѣ съ ихъ желаніемъ и дѣйствовалъ даже не по своей собственной иниціативѣ [1]).

Епископы, съ своей стороны, видимо, были довольны своимъ новымъ монархомъ, по крайней мѣрѣ они старались показать это. Ихъ чувства были подвергнуты въ скоромъ времени испытанію въ весьма серьезномъ дѣлѣ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Намѣреніе Димитрія жениться на Маринѣ было твердо и непоколебимо; епископы, за исключеніемъ двухъ, съ патріархомъ во главѣ, оказались сговорчивы и изъявили свое согласіе на его бракъ съ иностранкой и католичкой. Дойти до этого значило довести свою снисходительность до крайнихъ предѣловъ! И это происходило въ самомъ сердцѣ святой Руси, въ 1606 году! Димитрій былъ признателенъ епископамъ за ихъ уступчивость и отнесся снисходительно къ тѣмъ двумъ іерархамъ, которые выказали упорство.

Царь скоро понялъ, что, имѣя дѣло съ монахами, нельзя дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, и что ему было необходимо вооружиться терпѣніемъ. Заклятый врагъ монастырей, онъ съумѣлъ подавить въ себѣ это чувство и примѣниться къ обстоятельствамъ, переставъ совѣщаться съ полковыми священниками относительно преобразованій, которыя онъ хотѣлъ ввести въ такъ называемые имъ «притоны тунеядцевъ». Въ сущности говоря, не ему было начинать дѣло, совершенное Петромъ Великимъ. Обнародовать церковный регламентъ было преждевременно, Россія не поняла бы его. Поэтому смѣлый реформаторъ, какимъ мы видѣли Димитрія въ Путивлѣ, сдѣлался въ Кремлѣ самымъ заурядным консерваторомъ; онъ не коснулся монашескаго быта, не сдѣлалъ попытки ввести въ него какихъ-либо измѣненій, не подчинилъ его никакимъ новымъ правиламъ. Даже сокровища, накопленныя монастырями и возбуждавшія вожделѣнія Іоанна III и Іоанна IV, остались неприкосновенны, Димитрій не поддался корыстолюбію. Каковы бы ни были его убѣжденія, онъ ничѣмъ не выказалъ ихъ, но соблюдалъ всенародно обычаи и вѣрованія древнихъ царей, ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру поклониться мощамъ св. Сергія, покровителя г. Москвы. Въ монастырскихъ записяхъ сохранились слѣды щедрыхъ вкладовъ и пожертвованій, сдѣланныхъ Димитріемъ монастырямъ: онъ даровалъ имъ различныя привилегіи и подтвердилъ права, коими они пользовались ранѣе, освободилъ ихъ отъ налоговъ и барщины, далъ имъ разныя льготы и привилегіи для продажи соли и рыбной

[1]) Поповъ, Изборникъ, стр. 194, 241, 276, 410.—Точной даты назначенія Филарета въ Ростовъ не извѣстно.

ловли. Проектъ обложенія монастырей налогомъ въ пользу казны не былъ приведенъ въ исполненіе; по крайней мѣрѣ это не подтверждается никакими документами; впрочемъ, объ этомъ проектѣ упоминаетъ только одинъ нѣмецкій хроникеръ. Вообще, хотя бы Димитрій взялъ дѣйствительно изъ Троицкой Лавры тѣ тридцать тысячъ рублей, о коихъ такъ скорбѣлъ Палицынъ, онъ все-таки велъ себя такъ, что многочисленное въ Россіи монашеское сословіе могло только радоваться на своего молодаго царя [1]).

За границею Димитрія считали даже поборникомъ и щедрымъ покровителемъ православія. Это могло подтвердить прежде всего православное братство во Львовѣ. Ему не хватало денегъ на построеніе церкви; братія вздумала послать уполномоченныхъ къ Димитрію съ просьбою о вспомоществованіи. Какъ извѣстно, въ Польшѣ духовныя братства состояли изъ воинствующихъ православныхъ братій, которые находились въ подозрѣніи у правительства и вели ожесточенную борьбу съ католиками. Поэтому, когда до слуха Сигизмунда III дошло, что Львовское братство послало своихъ сборщиковъ къ Димитрію, то онъ заблаговременно приготовилъ для нихъ кандалы и приказалъ потребовать ихъ выдачи у русскаго правительства. Что отвѣтилъ на это Димитрій королю, намъ не извѣстно, но мы знаемъ достовѣрно, что просьба Львовскаго братства была удовлетворена и что оно получило отъ царя денежное вспомоществованіе [2]).

Восточные патріархи также не упускали случая поживиться на счетъ Московіи. При составленіи бюджета ими всегда принимались въ разсчетъ щедроты московскихъ царей. Какъ было не обратиться къ вновь появившемуся монарху, ниспосланному самимъ Провидѣніемъ и котораго долгъ признательности обязывалъ позаботиться о церкви? Лишь только Софроній, патріархъ іерусалимскій, узналъ о «появленіи» прирожденнаго сына Іоанна IV, онъ тотчасъ поспѣшилъ настрочить ему посланіе, не дожидаясь даже окончанія его похода на Москву. Прекрасный случай къ тому представился самъ собою. У патріарха была тяжба съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ; чтобы уладить дѣло, въ Польшу были отправлены три посланца. Имъ было приказано заѣхать на короткое время въ Кремль и передать Димитрію письмо Софронія.

Посланіе патріарха представляетъ собою превосходный образецъ

---

[1]) Акты Ист., т. II, стр. 71—79, № 59—61, 64. Мухановъ, Сборникъ, стр. 203—205, № 135—137.—Буссовъ, стр. 40.—Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 652, показаніе князя Катырьева-Ростовскаго, по словамъ котораго, Димитрій выселилъ будто бы изъ Чудова монастыря всѣхъ монаховъ. Объ этомъ будетъ говорено далѣе.—Палицынъ, стр. 224.

[2]) Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 279, № 130.—Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 37, V°.

витіеватаго восточнаго слога. Заносясь высоко, патріархъ то паритъ въ небесахъ, то возвращается къ земнымъ дѣламъ, но въ концѣ-концовъ все сводится въ его письмѣ къ цифрамъ. Въ началѣ онъ говоритъ, что вся Палестина возноситъ молитвы къ престолу Всевышняго и благодаритъ Бога за то, что онъ возвратилъ міру драгоцѣнное сокровище, такъ долго сокрытое отъ глазъ, священнаго потомка московскихъ царей. Къ небу возносятся усердныя молитвы о томъ, чтобы Димитрій возвратился въ свои владѣнія безъ кровопролитія и войны, и чтобы, возсѣвъ на престолъ, онъ не позабылъ Святаго Гроба, его величія и того униженія, въ которомъ онъ пребываетъ; чтобы онъ пошелъ по стопамъ Іоанна IV и Ѳеодора, этихъ двухъ великихъ монарховъ, которые облегчили отъ налога двѣ восточныя церкви! Тутъ патріархъ уступаетъ перо дѣловому человѣку: Святой Гробъ отягощенъ долгами, пишетъ онъ; его долги доходятъ до 5.000 экю и за нихъ приходится платить чудовищные 50 процентовъ.

Но это не все: одинъ хитрый должникъ, вмѣсто того, чтобы уплатить Софронію тысячу экю звонкою монетою, далъ ему двѣ арабскія лошади. Это было бы еще полбѣды, но этими великолѣпными лошадьми завладѣлъ князь Адамъ, и патріарху приходится посылать за ними погоню, ибо, возвративъ должнику его долговое обязательство, онъ не имѣетъ возможности получить обратно своихъ денегъ. Толикія бѣдствія не могутъ не вызвать состраданія, пишетъ патріархъ, и этимъ воплемъ заканчиваетъ свое трогательное посланіе. Историку ничего не остается прибавить къ тексту письма его святѣйшества; оно дошло, конечно, по назначенію, такъ какъ оно хранится въ Московскомъ архивѣ [1]).

Несмотря на доброжелательное и справедливое отношеніе Димитрія къ духовенству и пріобрѣтенную имъ славу человѣка истинно православнаго, отношенія между ними были хороши только на первый взглядъ. Патріархъ далъ царю доказательство своей неизмѣнной преданности, но было бы слишкомъ смѣло разсчитывать на что-либо подобное со стороны прочаго духовенства, которое дѣлало только видъ, что оно довольно; его радость была показная; въ глубинѣ души оно было въ оппозиціи царю. Недовѣріе Димитрія къ духовенству увеличилось, когда епископы львовскій и пршемысльскій сдѣлали тайный доносъ на царя и объявили его врагомъ православной церкви [2]). Димитрій чувствовалъ, что почва подъ его ногами не была тверда; онъ тщательно избѣгалъ всего, что могло выдать тайну его отреченія, и принималъ такія предосторожности, о которыхъ онъ и не думалъ во время похода. Эта пе-

[1]) Regel, стр. CIX, 124.

[2]) Нѣмоевскій, стр. 109.—Эти два епископа были: Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстинскій.—Изъ русскихъ епископовъ однимъ изъ главныхъ враговъ Димитрія называютъ Ѳеодосія, епископа астраханскаго.

ремѣна отразилась прежде всего на полковыхъ священникахъ. Они незамѣтно отдалились отъ Димитрія; эта перемѣна совершилась какъ бы сама-собою, въ силу обстоятельствъ, и очень деликатно съ той и съ другой стороны [1]).

Іезуиты легко помирились съ этимъ, такъ какъ они были всецѣло поглощены исполненіемъ своихъ священническихъ обязанностей. Они отправлялись ежедневно пѣшкомъ въ обширное помѣщеніе, служившее имъ походною церковью, гдѣ обѣдня служилась съ музыкою, а по воскресеньямъ послѣ обѣдни говорилась проповѣдь и пѣли молитвы. Вечеромъ солдаты собирались снова въ церковь къ вечернѣ. По вычисленію іезуитовъ, въ Россіи проживало около трехъ тысячъ поляковъ; изъ нихъ многіе были взяты въ плѣнъ во время войны; въ томъ числѣ были еще участники походовъ Баторія, а также переселенцы изъ Ливоніи. Одни изъ этихъ поляковъ остались католиками, другіе приняли православіе; первые оставались безъ духовнаго пастыря въ теченіе пятнадцати, двадцати и тридцати лѣтъ. Видъ католическаго священника вызвалъ въ нихъ самыя дорогія воспоминанія, они чувствовали себя какъ бы на родинѣ и умоляли іезуитовъ не покидать ихъ. Тогда же было рѣшено соорудить костелъ; эта мысль была принята съ восторгомъ.

Отцы-іезуиты встрѣтили въ Москвѣ доктора католика, Эразма Бриши, посланнаго Рудольфомъ II въ 1604 г. къ Борису Годунову. Они сошлись съ нимъ съ перваго же свиданія. Старикъ-докторъ знавалъ Эдмунда Кампіона (Campion) и не скрывалъ своей симпатіи къ сотоварищамъ этого іезуита, замученнаго англичанами. Какъ истый ученый дорожа своими книгами, онъ поспѣшилъ завѣщать іезуитамъ свою библіотеку и подарилъ имъ экземпляръ Тита Ливія.

Такимъ образомъ іезуиты, по самому образу жизни, который они вели, должны были отдалиться отъ царя. Они выжидали, повинуясь инструкціямъ, полученнымъ изъ Кракова; къ тому же ихъ личные взгляды вполнѣ согласовались съ мнѣніемъ ихъ начальника. «Мы далеко отъ Путивля», писали они, намекая на то, что Димитрій отдалялся отъ нихъ; впрочемъ, они не видѣли въ этомъ ни малѣйшаго признака немилости со стороны царя, такъ какъ Димитрій, назначая имъ время отъ времени аудіенцію, принималъ ихъ весьма ласково и радушно, и обѣ стороны изливали свою радость по поводу состоявшагося свиданія. Въ исходѣ 1605 г. іезуиты получили неожиданно приглашеніе явиться во дворецъ. Изъ предосторожности, имъ пришлось отправиться туда ночью. Димитрій встрѣтилъ ихъ какъ въ былое время, бросился имъ на шею, говорилъ, что онъ радъ ихъ видѣть, сравнивалъ свое удоволь-

---

[1]) Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ дневника о. Лавицкаго и изъ писемъ полковыхъ священниковъ.

ствіе съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое онъ испыталъ во время коронованія и при встрѣчѣ съ матерью. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ настроеніемъ царя, священники подали ему записку, въ которой жаловались на стѣсненія, какія имъ приходилось испытывать; они поднесли царю молитвенникъ и нѣкоторыя священныя вещицы, присланныя изъ Кракова. Предъ ними былъ снова тотъ новообращенный католикъ, какого они видѣли въ Краковѣ; Димитрій былъ преисполненъ усердія и ревностной вѣры, приходилъ въ умиленіе при видѣ св. мощей и, прося благословить его, низко склонялъ голову, какъ нѣкогда передъ сраженіемъ. Переходя отъ предмета къ предмету, онъ говорилъ о своихъ планахъ относительно училищъ, о предполагаемомъ посольствѣ въ Римъ, сказалъ одному изъ іезуитовъ, что онъ будетъ сопровождать это посольство, прочиталъ имъ письмо, написанное къ Павлу V, и былъ неистощимъ въ изъявленіи своей признательности и въ похвалахъ. Священники удалились вполнѣ довольные.

Подобнаго рода аудіенціи повторялись мѣсяца черезъ три, четыре; въ промежутокъ между ними царь поручалъ кому-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ подтвердить ксендзамъ поданныя имъ надежды. Намѣренія его неизмѣнны,—говорилъ онъ,—но исполненіемъ ихъ надобно повременить: Борисъ Годуновъ распространялъ объ немъ слишкомъ много клеветы, а православные имѣли слишкомъ много предразсудковъ, чтобы можно было безнаказанно приступить къ нововведеніямъ. Недальновиднымъ ксендзамъ эта медлительность не казалась подозрительной, или заслуживавшей порицанія, тѣмъ болѣе, что царь по-прежнему относился къ нимъ превосходно и не только заботился о томъ, чтобы они имѣли все необходимое, но интересовался даже ихъ походною церковью и какъ въ Путивлѣ посылалъ имъ то матеріи для ризъ, то золотую чашу или драгоцѣнную икону. Іезуиты вооружились терпѣніемъ и понемногу устроивались въ Москвѣ. Они просили прислать имъ изъ Кракова третьяго священника, который помогалъ бы имъ совершать требы, и іезуита, брата Конрада, родомъ изъ Москвы, чтобы объясняться черезъ него съ русскими. Имъ прислали изъ Польши: Духовныя пренія (Controverzes) Беллармина, Анналы Бароніуса, Проповѣди св. Викентія Ферры. Отецъ Андрей усердно изучалъ славянскій языкъ, мечталъ о распространеніи католичества среди русскихъ и, какъ человѣкъ увлекающійся, восклицалъ: «отчего я не московитъ». Его мечты пока ничѣмъ не омрачались.

ГЛАВА II.

Димитрій и папы. 1604—1606.

I.

Дипломатическія миссіи. — Исконная папская политика. — Молчаніе Климента VIII.—Конклавы.—Избраніе Павла V.—Мнѣніе, высказанное Фердинандомъ тосканскимъ и австрійскимъ посланникомъ.—Рангони поручается навести справки о Димитріи.—Депеша 2-го іюля 1605 г.—Она не рѣшаетъ по существу.—Излишній оптимизмъ.—Вліяніе на папскую политику.—Преобладающая мысль Павла V.—Предположеніе о посылкѣ посольства.—Мнѣніе Рангони.—Его переписка съ Димитріемъ.—Луиджи Пратиссоли отправленъ въ Москву.—Письмо Рангони.—Символическіе подарки.—Аудіенція Пратиссоли въ Кремлѣ.—Янъ Бучинскій въ Краковѣ.—Свадебныя треволненія.—Посылка Андрея Лавицкаго въ Римъ.—Депеша кардинала Боргезе.—Письма Павла V.—О. Андрей высказываетъ свое мнѣніе.—Отъѣздъ изъ Рима.—Пріѣздъ Александра Рангони. — Аудіенція въ Кремлѣ. — Запоздалая любезность Димитрія.—Дипломатическіе и военные планы.—Димитрій обѣщаетъ послать посольство.—Сношенія съ Европою.—Николай де-Мелло.—Донесеніе Александра Рангони.—Поссевинъ въ Ватиканѣ.—Его система и иллюзіи.—Миссіонеры кармелиты въ Москвѣ.—Прекрасный пріемъ.—Впечатлѣніе, вынесенное папою.

Не слѣдуетъ забывать, что руководящей мыслію папской политики по отношенію къ московскимъ царямъ была идея о соединеніи церквей. Припомнимъ по этому поводу посланія Сикста IV къ Іоанну III, Григорія XIII къ Іоанну Грозному, инструкціи, данныя Бонумбру (Bonumbre), донесенія Поссевина, и мы увидимъ, что въ папской политикѣ красной нитью проходитъ одна и та же программа, не измѣнявшаяся вѣками въ своихъ главныхъ чертахъ. Папы долгое время толклись безплодно на одномъ и томъ же мѣстѣ, но Павелъ V попробовалъ подвинуть дѣло впередъ.

Удивительно, что до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что въ Римѣ до іюня мѣсяца 1605 г. относились къ Димитрію безучастно. Климентъ VIII не имѣлъ времени, а быть можетъ и желанія такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ. На первое, сдержанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающее письмо Димитрія онъ отвѣчалъ извѣстной уже намъ доброжелательной граматой, умышленно избѣгая въ ней всякаго намека на политику и ограничиваясь только одними благочестивыми пожеланіями; не того хотѣлось Димитрію. Онъ былъ не прочь послѣдовать за папою на пути аскетизма, готовъ былъ повѣдать ему свои «духовныя стремленія», заявить ему о своей преданности, повергнуть къ стопамъ св. престола свою молодость, здоровье и самую жизнь, но съ однимъ условіемъ, чтобы получить за это со вре-

менемъ вознагражденіе и имѣть возможность разсчитывать на помощь папы. Его второе письмо, отъ 30-го іюля, дышетъ такою же почтительною преданностью и преисполнено тѣми же мірскими заботами [1]). На это письмо Клементъ VIII ничего не отвѣтилъ. Его молчаніе можетъ быть истолковано двояко. Быть можетъ, папу предостерегъ отъ разочарованій въ будущемъ его духовникъ и ближайшій другъ, кардиналъ Бароніусъ, извѣстный историкъ, а быть можетъ, Клементъ VIII былъ задѣтъ неловкой фразой, вырвавшейся у Димитрія. Излагая свои просьбы, новообращенный католикъ благодарилъ папу за помощь, которую онъ ему «предлагалъ». Димитрій перепуталъ тутъ роли: проситель дѣлалъ видъ, будто таковымъ былъ на самомъ дѣлѣ папа. Какъ бы то ни было, Клементъ VIII не обмолвился въ отвѣтъ Димитрію ни словомъ въ то время, какъ его застигла смерть въ мартѣ мѣсяцѣ 1605 г.

Немедленно собрался конклавъ, и завязалась ожесточенная борьба между испанской и французской партіей. Побѣда послѣдней была непродолжительна; избранный на папскій престолъ семидесяти-двухлѣтній флорентійскій кардиналъ Левъ XI занималъ его всего двадцать семь дней. На новомъ конклавѣ, который прошелъ столь же бурно, какъ и предъидущій, Франція провела снова своего кандидата; 16-го мая 1605 г. Камиллъ Боргезе смѣнилъ Медичи, принявъ имя Павла V.

Красавецъ собою, высокаго роста, съ величественною осанкою и внушительнымъ видомъ, онъ былъ, сравнительно, молодъ: ему было всего пятьдесятъ два года. Всегда изысканно вѣжливый въ обращеніи, онъ оберегалъ однако ревниво свои права и былъ строгимъ законникомъ. Онъ не имѣлъ большаго знакомства въ римскомъ обществѣ, довольствуясь небольшимъ кругомъ друзей и близкихъ знакомыхъ. Великій герцогъ тосканскій не ожидалъ отъ него ничего хорошаго въ будущемъ и считалъ его неподготовленнымъ къ верховной власти. Не столь дальновидный венеціанскій посланникъ Августинъ Нани, не предвидѣвшій обнародованія знаменитаго интердикта, желалъ Павлу V прожить многія лѣта для вящшаго блага христіанскаго міра. Папа былъ крѣпкаго тѣлосложенія, пользовался прекраснымъ здоровьемъ и страдалъ только ревматизмомъ въ лѣвой рукѣ; онъ дѣлалъ много движенія и кушалъ два раза въ день. Все это предвѣщало долгую жизнь, какъ писалъ венеціанскому дожу Нани, добросовѣстно обо всемъ ему доносившій [2]).

Во время двойнаго избирательнаго періода текущія дѣла въ Ватиканѣ по обыкновенію пріостановились. Кардиналъ дю-Перронъ, уча-

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499. — Rome et Démétrius, стр. 160 № 3.

[2]) Cornet, стр. III—VIII.—Mutinelli, т. III, стр. 16, 17, 18.—Ватиканскій архивъ, шк. XI, т. 121, № XIX, XX; т. 124, № XXIII, XXIV.

ствовавшій въ конклавѣ, писалъ королю французскому Генриху IV: «Вслѣдствіе кончины папы всѣ дѣла здѣсь пріостановились, всѣ заняты исключительно конклавомъ [1]).

Московскій царь не избѣгнулъ всеобщей участи. О немъ никто не думалъ въ то время, какъ папскій престолъ былъ вакантенъ. Зато Павелъ V поспѣшилъ, послѣ своего избранія, серьезно заняться этимъ вопросомъ. Еще въ бытность кардиналомъ, онъ слышалъ въ Ватиканѣ разные толки о претендентѣ, читалъ депеши Рангони и письма полковыхъ священниковъ. Римское общество уже заинтересовалось этимъ необыкновеннымъ принцемъ, и кардиналъ San-Giorgio высказалъ о немъ слѣдующее мнѣніе: «Димитрій заставитъ насъ много посмѣяться, а турокъ заставитъ плакать» [2]). 4-го іюня кардиналъ Валенти поручилъ Рангони навести самыя точныя справки о личности Димитрія, о томъ, какъ смотритъ на него польское общество и какого о немъ мнѣнія король польскій. «Чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе будутъ наведенныя вами справки,—писалъ онъ,—тѣмъ это будетъ пріятнѣе его святѣйшеству». 16-го іюля Рангони была послана вторая, шифрованная депеша, настоятельно требовавшая отвѣта. Валенти получилъ извѣстіе о смерти Бориса Годунова; «успѣхи Димитрія,—писалъ онъ,—походятъ на какое-то чудо, святой отецъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій, его озабочиваетъ будущее. Если страна признаетъ новаго монарха, то что надобно будетъ сдѣлать, чтобы утвердить Димитрія въ католической вѣрѣ и упрочить его преданность папскому престолу?» Рангони просили обсудить этотъ вопросъ и дать на него отвѣтъ [3]); такъ какъ Рангони медлилъ отвѣтомъ, то Павелъ V самъ написалъ 12-го іюля 1605 г. грамату Димитрію. Болѣе податливый, нежели Клементъ VIII, и менѣе сдержанный, онъ счелъ нужнымъ напомнить о себѣ и заручиться симпатіей новообращеннаго католика [4]). Въ исходѣ того же мѣсяца въ Римѣ была, наконецъ, получена съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая депеша Рангони. Написанная 2-го іюля 1605 г. на имя папы, она занимала двадцать семь страницъ большаго формата. Нунцій

---

[1]) Les Ambassades, стр. 382.—Тамъ же, стр. 382, 407, 452, подробности о конклавахъ при избраніи Льва XI и Павла V.

[2]) Vanozzi, т. II, стр. 185, 238—241.

[3]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 1; хранилищ. Боргезе, II, 157, f. 5.—Всѣ депеши, полученныя въ то время въ Римѣ, находятся, за весьма немногими исключеніями, въ отд. Polonia, 173. Томы II, 435 и IV, 233. Хранилища Боргезе представляютъ собою копію съ этихъ депешъ или ихъ краткій пересказъ. Тургеневъ издалъ одни извлеченія изъ этихъ депешъ съ ошибками и пропусками. См. Un manuscrit du Vatican.

[4]) Тургеневъ, т. II, стр. 57, № XXXVII.—Оффиціальныя копіи съ писемъ Павла V (1605—1617) на пергаментѣ, хранятся въ Ватиканскомъ архивѣ, шк. 45, т. I—XII.

былъ не прочь распространиться въ похвалахъ Димитрію; приказаніе, полученное имъ отъ папы, давало къ тому прекрасный предлогъ. Говоря о происхожденіи и предъидущей жизни Димитрія, онъ воспроизводитъ дословно извѣстное уже намъ донесеніе князя Адама Вишневецкаго. Это донесеніе имѣло значеніе оффиціальнаго документа: король Сигизмундъ сообщилъ его сенаторамъ, и оно ходило въ придворномъ кругу по рукамъ. Поэтому нунцій повѣствовалъ о Димитріи съ полной увѣренностью и самъ безусловно вѣрилъ всему тому, что онъ сообщалъ; въ этой удивительной исторіи его ничто не смущало и не удивляло. Такъ какъ личныя его сношенія съ Димитріемъ начались въ апрѣлѣ 1604 г., то, разсказывая о пріѣздѣ претендента въ Краковъ, объ его аудіенціи у короля, объ отреченіи отъ православія и о посланцахъ, прибывшихъ изъ Москвы, онъ говоритъ уже какъ очевидецъ. Начало похода и побѣды Димитрія описаны по письмамъ полковыхъ священниковъ. Все это уже знакомо читателю; разсказывая объ этихъ событіяхъ, мы черпали свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ Рангони, и даже заимствовали нѣкоторыя подробности изъ его донесеній.

Но матеріальный успѣхъ не есть еще доказательство права. Въ странѣ съ наслѣдственной царской властью это право дается только рожденіемъ. Что же думали въ Польшѣ о Димитріѣ? Что могли думать о немъ? Былъ ли онъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV и законнымъ наслѣдникомъ московскихъ царей? Въ этомъ заключалась вся сущность вопроса, а Рангони не отвѣтилъ на это ничего положительнаго. Въ польскомъ обществѣ существуетъ на этотъ предметъ два противуположныхъ взгляда,—писалъ онъ.

Во главѣ скептиковъ стоятъ Замойскій и Янушъ Острожскій, но ихъ взглядъ эгоистиченъ и своекорыстенъ. Большая часть дворянства, въ томъ числѣ воевода краковскій, высказались въ пользу Димитрія. Что касается короля, то онъ далъ претенденту пенсію и одарилъ его подарками; онъ принимаетъ въ немъ большое участіе, обѣщалъ принять его посланниковъ и окажетъ ему, какъ говорятъ, въ случаѣ надобности, помощь войскомъ. Слѣдовало ли заключить изъ этого, что король считалъ Димитрія истиннымъ московскимъ царевичемъ? Нунцій намекалъ на это, но уклонился отъ положительнаго отвѣта. Онъ охотнѣе распространялся о личныхъ свойствахъ молодаго монарха, о его благородномъ, рыцарскомъ характерѣ. Какъ горячо онъ относится къ вѣрѣ, писалъ Рангони, какъ онъ набоженъ! Онъ хочетъ идти противъ турокъ и заботится о соединеніи церквей.

За эту депешу Рангони была высказана 23-го іюля лестная благодарность. Его сообщеніе имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ; папа руководствовался его депешей въ своей дальнѣйшей поли-

тикѣ. Строго говоря, Павелъ V не узналъ изъ нея ничего новаго, но она давала полный обзоръ событій и говорила въ пользу Димитрія.

Существеннымъ недостаткомъ этой депеши былъ ея излишній оптимизмъ. Припомнимъ рѣчи, произнесенныя на сеймѣ, робкія недомолвки Сигизмунда и сопоставимъ съ этимъ то, что писалъ Рангони; выводъ ясенъ самъ собою. Оптимизмъ дипломата былъ тѣмъ прискорбнѣе, что въ Ватиканѣ его не думали остерегаться. Сообщеніе Рангони произвело на папу такое впечатлѣніе, что молодой претендентъ осуществлялъ собою тотъ идеалъ московскаго царя, о которомъ мечтали въ Римѣ: онъ представлялся Павлу V ревностнымъ католикомъ, поборникомъ идеи объ единеніи церквей, человѣкомъ всецѣло преданнымъ папскому престолу, врагомъ ислама, находившимся въ добрыхъ отношеніяхъ съ Польшею и признаннымъ Сигизмундомъ, по крайней мѣрѣ фактически, прирожденнымъ монархомъ. Какъ много соблазнительнаго это сулило въ будущемъ! Павелъ V увлекался мыслію о религіозномъ единеніи со славянами. Въ Ватиканѣ былъ выработанъ цѣлый планъ дѣйствій, для осуществленія котораго было необходимо вступить въ переписку съ московскимъ правительствомъ и обмѣняться посольствами. Немедленно было приступлено къ дѣлу, всѣ истинные сыны католической церкви призывались содѣйствовать этому плану.

4-го августа были разосланы папскія граматы къ королю польскому, кардиналу Маціевскому и воеводѣ Мнишеку. Павелъ V былъ поглощенъ мыслію о необходимости поддержать Димитрія и воспользоваться этимъ орудіемъ, ниспосланнымъ судьбою, чтобы утвердить въ Россіи католичество. Онъ одобрялъ все сдѣланное до тѣхъ поръ, совѣтовалъ удвоить стараніе, просилъ короля оказать Димитрію дѣятельную поддержку, писалъ нунцію, чтобы онъ возбудилъ въ немъ еще большую ревность къ вѣрѣ, а воеводѣ Мнишеку, чтобы онъ руководилъ Димитріемъ и поддержалъ его. Папа выражалъ надежду, что въ такомъ случаѣ въ Москвѣ будетъ вскорѣ провозглашено о соединеніи церквей, и думалъ, по своей собственной иниціативѣ, послать въ Кремль своего представителя.

5-го августа была написана, на всякій случай вѣрительная грамата на имя графа Александра Рангони [1]), но по этому поводу папа считалъ необходимымъ условиться предварительно съ нунціемъ.

Въ принципѣ, Рангони готовъ былъ одобрить всякій планъ, клонившійся къ пользѣ новаго царя. Онъ воспылалъ къ Димитрію нѣжною любовью съ той самой минуты, какъ тотъ палъ передъ нимъ ницъ и онъ возлагалъ на претендента самыя сокровенныя надежды. Новообра-

---

[1]) Тургеневъ, т. II, стр. 61 и сл., № XLI, XLII, XLIII, XLIV.—Архивъ папскаго престола, IV, f. 48. Собственноручная записка Павла V.

щенный католикъ умѣлъ искусно поддержать ихъ и охотно велъ откровенную бесѣду со своимъ духовнымъ пастыремъ. Между нунціемъ и Димитріемъ завязалась переписка. Димитрій, или тотъ, кто писалъ за него письма, обладалъ прекраснымъ слогомъ и умѣлъ говорить полунамеками: къ разсказамъ о походѣ и сраженіяхъ примѣшивались изліянія религіозныхъ чувствъ и порывы самой ревностной вѣры; въ письмахъ Димитрія говорилось о Провидѣніи, о козняхъ дьявола, онъ просилъ Рангони защитить его отъ злыхъ духовъ. Но сквозь благочестивыя метафоры проглядывали также инаго рода просьбы: о защитѣ противъ Замойскаго и Януша Острожскаго, о поддержкѣ у папы, короля и сенаторовъ [1]).

Нунцій принималъ желанія остроумнаго корреспондента близко къ сердцу и вознаграждалъ его своею предупредительностью за холодность и сдержанность Клемента VIII. Политика Павла V болѣе соотвѣтствовала взглядамъ нунція, и онъ поспѣшилъ одобрить мысль о посылкѣ въ Москву посла, а равно и выборъ лица, предназначеннаго на это мѣсто.

Но къ отправленію графа Александра встрѣтилась временно задержка, и сношенія съ Москвою установились инымъ путемъ. Личнымъ довѣреннымъ секретаремъ Рангони былъ аббатъ Лунджи Пратиссоли; нунцій послалъ его къ царю. Поѣздка этого скромнаго человѣка не могла никому внушить опасеній и могла даже пройти незамѣченной. Съ какою цѣлью онъ былъ посланъ въ Кремль, это остается тайною; въ оффиціальныхъ депешахъ его имя не упоминается; данное ему порученіе было конфиденціальное. Быть можетъ, ему было поручено, между прочимъ, намекнуть осторожнымъ образомъ на кардинальскую шапку, о которой Димитрій вскорѣ просилъ для своего покровителя-нунція? Впрочемъ, было бы не вполнѣ добросовѣстно высказать подобное предположеніе, не имѣя на то положительныхъ данныхъ. Въ письмѣ, коимъ былъ снабженъ Пратиссоли, объ этомъ не говорится ни слова, но это письмо должно было служить ему камертономъ: это была побѣдная пѣснь, усиленная дозою аскетизма.

Нунцій еще не писалъ Димитрію послѣ его коронованія; въ письмѣ, посланномъ съ Пратиссоли, онъ далъ волю своему долго сдерживаемому восторгу и излилъ его въ цѣломъ потокѣ текстовъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; тутъ говорилось и о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія и о тайныхъ путяхъ Господнихъ, о божественной справедливости, о благодарности Всевышнему. Подарки, посланные съ прелатомъ, послужили предлогомъ къ сопоставленіямъ религіознаго

[1]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499, III, 90, в, f., 167, 231,— Архивъ папскаго престола, IV, f. 57 V°, 58, 59.—Rome et Démétrius, стр. 158, № 2; стр. 161, № 4; стр. 165, № 7.

свойства: распятіе посылалось Димитрію потому, что его походъ былъ предпринятъ во славу Христа; четки, даваемыя папою въ знакъ отпущенія отъ грѣховъ и называемыя италіанскимъ вѣнцомъ (couronne italienne), принадлежали ему по праву, какъ побѣдителю; латинская библія должна была открыть ему свѣтозарный кругозоръ; развѣ онъ не былъ избранникомъ Божіимъ, подобно величайшимъ царямъ Ветхаго Завѣта? Подобно Давиду и Израилю, онъ будетъ имѣть во всемъ удачу, говорилъ нунцій, до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей миссіи. Отеческая заботливость нунція шла далѣе: онъ подарилъ Димитрію въ Краковѣ образъ Мадонны de la ghiara, чтимой въ Реджіо, и кольцо, которое претендентъ долженъ былъ носить въ честь ея; узнавъ, что эти вещи затерялись, Рангони послалъ ему по второму экземпляру, сопровождая ихъ трогательнымъ увѣщаніемъ. Между всѣми этими афоризмами проскальзываетъ напоминаніе о соединеніи церквей; Димитрій обѣщалъ довершить это, пишетъ нунцій, онъ поклялся въ томъ передъ Богомъ, отъ этого будетъ зависѣть его благополучное царствованіе; впрочемъ, продолжалъ Рангони, не слѣдуетъ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, надобно поступать осторожно и по зрѣломъ размышленіи. Что касается совѣтовъ изъ области политики, то они сводились къ слѣдующимъ двумъ пожеланіямъ: чтобы Димитрій поддержалъ дружбу съ Польшею и питалъ сыновнюю преданность къ вновь избранному папѣ [1]).

Чтобы писать такимъ тономъ, нужно было быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что пишешь. Поэтому это письмо свидѣтельствуетъ если не о проницательности писавшаго, то, во всякомъ случаѣ, о его полнѣйшемъ чистосердечіи и довѣріи къ новообращенному католику. Пріемъ, оказанный его посланному, подтвердилъ справедливость взглядовъ нунція. Пратиссоли не могъ нахвалиться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ.

16-го октября царь принялъ отъ него письмо Рангони и символическіе подарки и въ знакъ своего особаго удовольствія сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Ему были оказаны знаки особаго вниманія. Іезуиты просили чрезъ Бучинскаго позволенія показать Пратиссоли столицу. Димитрій опередилъ ихъ желанія. Онъ разрѣшилъ аббату остановиться въ ихъ домѣ; ему было дозволено выходить, когда онъ пожелаетъ, посѣщать знакомыхъ и принимать ихъ у себя, тогда какъ въ то время дипломаты обязывались сидѣть безвыходно у себя въ домѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. На этотъ разъ было сдѣлано исключеніе. Въ началѣ ноября Димитрій пригласилъ къ себѣ на обѣдъ италіанскаго

---

[1]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499.—Rome et Démétrius, стр. 162, № 5.—Невѣрный переводъ письма въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 218, № 98.

аббата, польскаго посланника Госіевскаго и двухъ іезуитовъ: странные гости за столомъ у московскаго царя!

Пратиссоли выѣхалъ изъ Москвы 22-го декабря, обремененный роскошными подарками. Онъ привезъ Рангони самыя благопріятныя вѣсти; послѣ этого нунцій ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа дѣйствій, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одно довѣренное лицо посланное Димитріемъ въ Краковъ [1]).

Достигнувъ верха почестей и благополучія, Димитрію приходилось все же бороться со всевозможными затрудненіями; онъ воспользовался своими правами «искренняго друга» нунція и отправилъ къ нему съ письмомъ, отъ 15-го ноября 1605 г., преданнаго человѣка—Бучинскаго. Царя тревожили два обстоятельства, въ коихъ вмѣшательство Рангони могло быть полезно. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, какія затрудненія могли возникнуть для польки, которой суждено было возсѣсть на престолъ православнаго царства; впрочемъ, онъ льстилъ себя надеждою, что дѣло уладится и что папа дастъ свое разрѣшеніе. Пусть только Маринѣ будетъ разрѣшено пріобщиться въ день коронованія изъ рукъ патріарха Игнатія, писалъ Димитрій, пусть ей будетъ дозволено посѣщать православныя церкви, поститься по средамъ, и никому не будетъ дѣла до ея душевныхъ убѣжденій. Во-вторыхъ, писалъ царь, всякій разъ, какъ ему приходилось вести оффиціальные переговоры съ поляками, они не давали ему царскаго титула и тѣмъ оскорбляли его. Онъ называлъ себя милостію Божіею царемъ и императоромъ и считалъ оскорбленіемъ, когда Сигизмундъ III дерзко называлъ его великимъ княземъ; Димитрій энергично протестовалъ противъ этого.

Янъ Бучинскій пріѣхалъ въ Краковъ, чтобы передать нунцію все то, чѣмъ царь былъ недоволенъ; протестантъ Бучинскій и высшій сановникъ католической церкви обсуждали эти вопросы совмѣстно, но не пришли ни къ какому заключенію [2]).

Въ бумагахъ Рангони сохранились слѣды происходившихъ между ними по этому поводу переговоровъ; мы находимъ въ нихъ записку о царскомъ титулѣ, безъ даты и подписи, но которая носитъ несомнѣнно отпечатокъ той эпохи: въ ней говорится объ устарѣлыхъ взглядахъ, о смѣломъ нововведеніи. Самый тонкій законовѣдъ не могъ бы лучше защитить передъ судомъ Фридриха Барбароссу и лучше воспользоваться фактами изъ исторіи Византіи. Димитрій основывалъ свои доводы на слѣдующемъ: онъ признавалъ надъ собою только одного Бога, на себя

[1]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499, письма Чижовскаго къ Стрівери отъ 24-го октября и 6-го ноября 1605 г.—Наше собраніе; его же письмо къ тому же лицу отъ 29-го декабря.—Масса, т. II, стр. 152.

[2]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499. Rome et Démétrius, стр. 165, № 7; стр. 167, № 9; стр. 217 № 12.

*

же смотрѣлъ какъ на высшаго законодателя въ государствѣ, до нѣкоторой степени какъ на олицетвореніе закона, и ссылался на право монарховъ принимать какой угодной титулъ. Римская исторія свидѣтельствуетъ, говорилъ онъ, что правители имѣютъ право выбора; его высокій царскій санъ оправдываетъ его притязанія. Московское царство такъ же обширно, какъ царство ассирійское, мидійское и персидское, такъ же могущественно, какъ римская имперія. Можно ли отказать главѣ этой имперіи въ титулѣ, которымъ пользуется татарскій ханъ или который римскіе легіоны давали своему предводителю послѣ побѣды, одержанной надъ врагами? Московскіе монархи имѣли, несомнѣнно, право пользоваться царскимъ титуломъ, право это утверждено хартіями, которыя были признаны императорами и папами. Они не пользовались этими титулами только по простотѣ своихъ нравовъ, но это не лишаетъ права на нихъ. Укоряя мимоходомъ польскихъ королей въ томъ, что они выпрашивали у людей корону, полученную ими отъ Бога, и сдѣлавъ еще нѣкоторыя ссылки изъ области исторической, Димитрій оканчиваетъ свое посланіе слѣдующимъ горделивымъ заявленіемъ: «такъ какъ мы получили благодать царской власти отъ Бога, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ присвоить себѣ то, что принадлежитъ намъ по праву».

Подобными же доводами Бучинскій старался убѣдить Рангони; къ сожалѣнію, эти доводы не были достаточно убѣдительны. Представитель папскаго престола не могъ ничего возвратить противъ классическаго представленія объ императорѣ, естественномъ покровителѣ церкви, получающемъ корону изъ рукъ папы. Но по этой именно причинѣ вопросъ о предоставленіи Димитрію императорскаго титула никогда не обсуждался имъ серьезно. Королевскій или царскій титулъ былъ болѣе доступенъ. И Рангони, знавшій настроеніе польскаго двора, рѣшилъ просить объ этомъ Сигизмунда. Но король упорствовалъ и хотя по временамъ начиналъ колебаться, но въ концѣ концовъ все же ссылался на рѣшеніе сейма и отказывался нарушить его права.

Разрѣшеніе папы, о коемъ Димитрій хлопоталъ для Марины, тревожило нунція гораздо болѣе, нежели вопросъ о громкомъ титулѣ, котораго царь добивался для себя. Относительно причащенія, очевидно, не могло быть сдѣлано никакой уступки; настаивать на строгомъ соблюденіи правилъ было также несвоевременно; казалось, изъ этого затруднительнаго положенія не представлялось выхода. Рангони разыгрывалъ роль рѣшительнаго сторонника свободы въ дѣлѣ религіозномъ и въ этомъ смыслѣ говорилъ о церемоніалѣ священнаго коронованія, ссылаясь на бывшіе примѣры, на бракосочетаніе принцессы Софіи съ Василіемъ I, но изъ всѣхъ этихъ разсужденій нельзя было сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода; принужденный сознаться въ своей несостоятельности, онъ возлагалъ надежды на благоразуміе царя и на рѣшеніе папы.

Въ Москвѣ долго ожидали отвѣта Рангони на письмо Димитрія отъ 15-го ноября 1605 г. Его отвѣтное письмо помѣчено 3-мъ февраля 1606 г. [1]). Тѣмъ временемъ Димитрій вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Павломъ V. Онъ говорилъ Рангони при первомъ же свиданіи о своемъ намѣреніи отправить въ Римъ посольство, съ изъявленіемъ своей покорности папѣ. Въ день коронованія полковымъ священникамъ было сообщено, что одинъ изъ нихъ будетъ посланъ въ Римъ. Но они не придали этому особеннаго значенія. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ объ этомъ посольствѣ не было слуха, можно было подумать, что эта мысль была окончательно оставлена. Но царь не отказался отъ нея. Не особенно заботясь объ объединеніи церквей, онъ любилъ строить планы о лигѣ противъ турокъ, которая дала бы ему возможность играть роль въ Европѣ. Объ этомъ вопросѣ, нѣсколько устарѣломъ и сданномъ уже на западѣ въ архивъ, онъ хотѣлъ побесѣдовать съ папою чрезъ своего уполномоченнаго. Порученіе это было возложено на отца Андрея, неисправимаго оптимиста, который вѣрилъ въ успѣхъ всякаго дѣла. Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ первыхъ числахъ января 1606 г., снабженный инструкціями, которыя были писаны на латинскомъ языкѣ; подъ ними, въ красной строкѣ, стояла подпись: Demetrius Imperator. Вотъ содержаніе этихъ инструкцій:

«Инструкція, данная для памяти отцу Андрею Лавицкому, ордена іезуитовъ, посланному къ святѣйшему отцу Павлу V, первосвятителю Римскому. 18-го декабря 1605 г.

«1. Во-первыхъ, о. Андрей объявитъ его святѣйшеству о нашемъ намѣреніи предпринять войну противъ турокъ и заключить съ этою цѣлью союзы съ нѣкоторыми христіанскими монархами. Онъ будетъ просить его святѣйшество, чтобы онъ, по его при дворѣ пресвѣтлѣйшаго императора римскаго важности, уговорилъ его величество не заключать съ турками мира или какого перемирія, но общій союзъ противъ нихъ.

«2. Чтобы онъ склонилъ къ таковому же священному союзу наияснѣйшаго короля и королевство польское.

«3. Онъ долженъ просить, чтобы его святѣйшество, принявъ во вниманіе намѣреніе наше и державнѣйшаго императора римскаго касательно этой священной войны, упомянулъ объ этомъ на сеймѣ королевства польскаго, на который нами будутъ посланы наши оффиціальные посланники,—и чтобы это было сдѣлано до распущенія сейма.

«4. Онъ заявитъ его святѣйшеству, что, имѣя въ виду эту цѣль, мы рѣшили послать къ пресвѣтлѣйшему императору римскому, сколь возможно поспѣшнѣе, нашего посла. Онъ будетъ просить, чтобы его свя-

[1]) Собр. гос. грам. т. II, стр. 267, № 124.

тѣйшество послалъ въ то же время кого-нибудь къ императору, кто бы обсуждалъ вопросъ отъ имени его святѣйшества, и чтобы это лицо, буде оно пріѣдетъ ранѣе нашего посла, ожидало его.

«5. Онъ заявитъ его святѣйшеству, что у насъ идетъ споръ съ наияснѣйшемъ королемъ польскимъ изъ-за императорскаго титула, отъ коего мы не можемъ легко отказаться, ибо онъ принадлежитъ намъ по праву. Онъ будетъ просить его святѣйшество ознакомиться съ этимъ дѣломъ и произнести о немъ свое сужденіе.

«6. Хотя его святѣйшеству лучше, нежели намъ, извѣстны заслуги по отношенію къ святой римско-католической церкви преславнаго и достопочтеннаго отца іезуита, Клавдія Рангони, епископа и князя Реджіо, нунція папскаго престола при наияснѣйшемъ королѣ польскомъ, но, такъ какъ намъ самимъ извѣстно ревностное усердіе и неусыпное стараніе, съ какимъ его преосвященство защищаетъ святой престолъ, то онъ будетъ просить его святѣйшество отъ имени нашего, чтобы онъ пожаловалъ упомянутому преосвященнѣйшему Клавдію Рангони кардинальское званіе, ибо ничто не можетъ доставить намъ большаго удовольствія, по любви нашей къ его преосвященству, какъ если онъ получитъ нашими стараніями то достоинство, коего онъ заслуживаетъ» [1]).

Помимо этого главнаго документа, отецъ Андрей везъ письма къ папѣ и Рангони, охранный листъ и письмо къ папѣ отъ Іоанна Напроцкаго. Этотъ «приближенный камергеръ» (Chambelan intime) Димитрія, посвященный въ тайну его принадлежности къ католической вѣрѣ, восхвалялъ Павлу V Димитрія, весьма преданнаго, какъ онъ говорилъ, католической церкви и іезуитамъ.

31-го января, въ монастырѣ св. Варвары, среди іезуитовъ и ихъ друзей, произвело большой переполохъ появленіе отца Андрея въ длинной священнической рясѣ, съ широкими рукавами, съ бородою и длинными волосами, съ православнымъ наперснымъ крестомъ. Его разсказы возбудили живѣйшее любопытство. 4-го февраля онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Сигизмундомъ III. Неизвѣстно, что было сказано съ той и съ другой стороны, но посланецъ Димитрія вышелъ изъ Вавельскаго замка въ столь же восторженномъ настроеніи, въ ка-

---

[1]) См. латинскій текстъ въ Rome et Démétrius, стр. 166, № 8.—О посольствѣ Лавицкаго см.: Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 40 v°, 44 v° 45, 49, 51, 62, 67 v°.—Тамъ же, хранил. Боргезе, II, 499, письмо Напроцкаго къ Павлу V.—Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 29-го декабря 1605 г.; его же письмо къ Аквавивѣ отъ 31-го декабря того же года; письма Лавицкаго къ Аквавивѣ отъ 10-го февраля, 18-го и 22-го апрѣля 1606 г.; грамата Павла V, отъ 29-го апрѣля.—Велевицкій, т. II, стр. 104, 111, 113, 121, 122, 140.—Тургеневъ, т. II, стр. 88, № LXXVI.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 231, № 107. Du Perron, стр. 559.

комъ онъ переступилъ его порогъ. Онъ выѣхалъ изъ Кракова, въ сопровожденіи отца Станислава Крыйскаго (Kryski); дорога была ужасная, на пути встрѣтились всевозможныя задержки, страшно замедлившія путешествіе. О. Андрей прибылъ въ Римъ около 18-го марта и былъ принятъ папою.

Павелъ V ожидалъ его дѣйствительно съ нетерпѣніемъ. Удрученный въ то время борьбою съ Венеціей, онъ находилъ отраду въ дѣлѣ Димитрія. Въ то время какъ венеціанскій дожъ, Леонардо Донато, нарушалъ права церкви, изгонялъ іезуитовъ и навлекъ на республику интердиктъ, московскій царь открывалъ іезуитамъ доступъ въ свое государство и дѣлалъ папскому престолу лестныя предложенія. Какое удивительное сопоставленіе! Папа перечитывалъ письмо Димитрія къ Клементу VIII, писанное 30-го іюля 1604 г., и приходилъ отъ него въ восторгъ. Исторія этого новообращеннаго католика казалась ему восхитительной; онъ видѣлъ въ его необычайной судьбѣ перстъ Божій и вѣрилъ въ преданность Димитрія папскому престолу. Въ случаѣ надобности, ревностная полька могла удержать его на пути истины. 7-го января 1606 г. Марина написала папѣ письмо, преисполненное глубоко религіознымъ чувствомъ: когда святые ангелы приведутъ ее въ Москву, писала она,—то она не будетъ думать ни о чемъ иномъ, какъ о единеніи церквей; она будетъ только ожидать повелѣній отъ папы, она сдержитъ свое слово [1]).

Въ томъ же духѣ писали воевода Сендомирскій и кардиналъ Маціевскій. Павелъ V находилъ своевременнымъ послать въ Россію католическихъ епископовъ; онъ возобновилъ Димитрію предложеніе, сдѣланное нѣкогда Піемъ V Іоанну Грозному, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ осуществленія этихъ плановъ.

Отецъ Андрей не могъ разсѣять иллюзій, которыя онъ самъ вполнѣ раздѣлялъ. Приглашенный неоднократно въ Ватиканъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительныя и интимныя бесѣды съ папою, онъ изложилъ ему настоящее положеніе дѣлъ и свои надежды на будущее. На счетъ всемогущества царя въ дѣлѣ религіи и покорности московитовъ онъ не питалъ и тѣни сомнѣнія. Онъ былъ свидѣтелемъ избранія патріарха, услужливости духовенства и на этомъ основаніи составилъ себѣ извѣстное убѣжденіе. Такимъ образомъ дальнѣйшій образъ дѣйствій выяснялся самъ собою: Димитрія было необходимо окружить ревностными католиками, удалить отъ него подозрительныхъ лицъ и затѣмъ ожидать осуществленія обѣщаній, данныхъ въ Краковѣ. Относительно титула, вопросъ былъ рѣшенъ такъ же легко: отецъ Андрей обѣщалъ прислать

---

[1]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499. На оригиналѣ подпись: „obedientissima et devotissima filia et serva Marina“.

такіе документы, которые разсѣятъ всякія недоразумѣнія. Его бойкая откровенная рѣчь произвела на папу сильное впечатлѣніе: отдаленное видѣніе католической Россіи исторгало у него изъ глазъ слезы; онъ такъ полюбилъ іезуита, что хотѣлъ оставить его въ Римѣ и согласился отпустить его лишь подъ условіемъ, что онъ скоро возвратится.

До насъ дошла записка, составленная кардиналомъ Сципіономъ Боргезе, и цѣлый рядъ писемъ, въ коихъ излагаются подробности миссіи, возложенной на о. Андрея. Сципіонъ Боргезе, племянникъ папы и его первый министръ, жилъ въ мірѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ жизнію Кремля. Человѣкъ высоко одаренный, любимецъ римскаго общества, delizie di Roma, какъ его называли, построившій съ замѣчательнымъ вкусомъ виллу, носящую его имя, онъ вѣрилъ въ возвышенныя чувства и радѣлъ о славѣ папскаго престола. Отмѣтимъ одну оригинальную особенность его записки: посланецъ Димитрія къ папѣ превратился въ ней въ посланца папы къ Димитрію.

Всѣ текущіе вопросы были уже, такъ сказать, рѣшены по мѣрѣ возможности. Еще 4-го марта, въ отвѣтъ на депеши Рангони, ему было послано изъ Рима письмо, въ которомъ было высказано рѣшеніе папы относительно войны съ турками, королевскаго титула и даже относительно разрѣшенія, просимаго для Марины. Оставалось только подтвердить сдѣланныя распоряженія и высказать кое-какія похвалы по адресу Димитрія; кардиналъ Боргезе присовокупилъ къ этому въ упомянутой запискѣ маленькое ироническое замѣчаніе на счетъ крестоваго похода противъ турокъ, проповѣдуемаго въ Москвѣ. «Пускай царь первый объявитъ войну,—писалъ онъ, — пускай онъ увлечетъ за собою Европу и покроетъ себя безсмертною славою, тогда польская политика окажетъ ему поддержку при австрійскомъ и польскомъ дворѣ». Относительно недоразумѣнія, которое надобно было уладить съ Сигизмундомъ по вопросу, касавшемуся титула, говорилось, что папскій престолъ беретъ это на себя и смотритъ на этотъ вопросъ какъ на разногласіе личнаго свойства.

Записка ограничивалась этими обнадеживаніями и неопредѣленными обѣщаніями. Въ сущности, Павелъ V рѣшилъ сдѣлать со своей стороны большой шагъ впередъ и старался найти нить, при помощи которой Димитрія можно было бы ввести въ семью монарховъ и дать ему царскій титулъ. Такое рѣшеніе вопроса примирило бы притязанія московитовъ и заносчивость поляковъ. Кремль не имѣлъ бы императора, но имѣлъ бы царя, созданнаго папою.

Но относительно одного пункта Сципіонъ Боргезе хранилъ въ своей запискѣ глубокое молчаніе, не предвѣщавшее ничего добраго: онъ не упоминалъ въ ней ни слова о Рангони и объ его кардинальской шапкѣ. Рѣшившись просить объ этомъ, Димитрій сдѣлалъ неловкость, при-

своивъ себѣ право, принадлежавшее Сигизмунду, не подозрѣвая, какія онъ вызывалъ этимъ затрудненія. Вмѣсто того чтобы указать Димитрію на сдѣланную имъ ошибку, въ Римѣ предпочли обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, сваливъ всю вину на Рангони. Ему было замѣчено, что онъ утомился и нуждался въ отдыхѣ. Депешею, полученною 3-го іюня, Рангони былъ извѣщенъ о томъ, что на его мѣсто назначено другое лицо: столь поспѣшное отозваніе походило на опалу.

Сокровеннаго смысла бесѣдъ, которыя отецъ Андрей велъ съ папою, надобно искать не въ этой запискѣ оффиціальнаго характера, а въ письмахъ Павла V къ Мнишекамъ, которыя служатъ ихъ вѣрнымъ отголоскомъ. Въ этихъ письмахъ служитель Христа забываетъ о политикѣ и думаетъ только о спасеніи душъ. Между папою и Димитріемъ не было заключено, какъ мы уже говорили, никакого договора, папѣ не было обѣщано за его поддержку никакого вознагражденія, но не подлежитъ сомнѣнію, что Димитрій первый выразилъ желаніе позаботиться о соединеніи церквей и добровольно далъ со своей стороны на этотъ счетъ извѣстныя обѣщанія. Поэтому папа обращается въ своемъ письмѣ къ чувствамъ царя, ссылается на письмо отъ 30-го іюля 1604 г., но не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на существованіе какого-либо договора. Идеалъ, къ которому онъ стремился, былъ возвышеннѣе, его желанія шли дальше. Онъ хотѣлъ, чтобы Димитрій обладалъ честолюбіемъ Константина Великаго; твердо убѣжденный въ томъ, что царь былъ всемогущъ въ Кремлѣ, папа совѣтывалъ ему подчинить русскій народъ папскому престолу и возстановить единство церквей. Покончивъ съ этими отвлеченными вопросами, Павелъ V коснулся текущей жизни, предостерегалъ Димитрія относительно протестантовъ; совѣтовалъ не приближать къ престолу еретиковъ, а окружать себя исключительно людьми благочестивыми и осторожными. Значеніе этихъ словъ было достаточно ясно, но въ письмахъ къ воеводѣ Сендомірскому и Маринѣ папа выразилъ свои мысли еще яснѣе: онъ настоятельно рекомендовалъ имъ оо. іезуитовъ и превозносилъ дѣловитость о. Андрея. Въ этихъ письмахъ выяснялась цѣль, которую преслѣдовалъ папа. Его намѣреніе, которое онъ впрочемъ и не скрывалъ, было: устранить схизматиковъ, провести въ Москву іезуитовъ, добиться соединенія церквей,—вотъ о чемъ онъ мечталъ, вотъ къ чему клонились всѣ его старанія.

Въ то время какъ въ Ватиканѣ писались эти письма, отецъ Андрей готовился къ торжественному для него событію. 2-го апрѣля онъ произнесъ въ церкви Іисуса монашескій обѣтъ въ присутствіи отца Аквавивы и хотя имъ не были выполнены всѣ требуемыя для этого условія и онъ не имѣлъ званія доктора богословія, но зато онъ пользовался славою даровитаго проповѣдника. Восемь дней спустя о. Андрей былъ

снова на пути въ Москву. Доѣхавъ до Реканати, онъ заболѣлъ лихорадкою и для излѣченія отправился пѣшкомъ на богомолье въ Лорето, куда его влекло желаніе поклониться святынѣ. Но всѣ его помыслы были обращены къ сѣверу, его рвеніе возрастало при мысли о предстоявшей ему въ Москвѣ жатвы; его увѣренность въ Димитріи была непоколебима. Обидно, что не сохранилось его письма къ Димитрію изъ Морето и подробнаго донесенія, которое онъ обѣщалъ послать папѣ и отцу Аквавивѣ изъ Болоньи. «Я буду писать вамъ,—обѣщалъ онъ,—все то, что̀ я узнаю о «нашемъ» Димитріи». Оба эти документа утрачены для потомства. Но зато сохранилась грамата, посланная Павломъ V 29-го апрѣля 1606 г. съ о. Андреемъ къ католикамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, которую ему было поручено обнародовать; но отцу Андрею не суждено было болѣе увидать Бѣлокаменной.

Три мѣсяца спустя послѣ его отъѣзда прибылъ въ Римъ Александръ Рангони, возвратившійся изъ своего посольства въ Москву чрезвычайно довольный своими успѣхами [1]). Вѣрительная грамата была дана ему, какъ припомнимъ, 5-го августа 1605 г.; въ сентябрѣ мѣсяцѣ нунцій занялъ 1.500 венгерскихъ экю, чтобы покрыть его путевыя издержки. Съ 20-го октября его племянникъ тронулся въ путь, вмѣстѣ съ миссіонерами-кармелитами, о коихъ будетъ рѣчь далѣе. Кардиналъ Боргезе сильно не одобрялъ этой поѣздки; Рангони говоритъ, что противъ нея были также: король и Мнишекъ; отъѣздъ посланнаго былъ даже на нѣкоторое время отложенъ, но когда въ Римѣ произошла перемѣна во взглядахъ, то нунцій поспѣшилъ отправить своего племянника въ Москву. Такъ какъ это могло вызвать неудовольствіе Сигизмунда, то въ Ватиканѣ взволновались и въ догонку черезчуръ ретивому графу были посланы одно за другимъ самыя противорѣчивыя приказанія [2]). Александръ Рангони вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія очень ловко, сдѣлавъ довольно продолжительную остановку въ Смоленскѣ; когда же умы успокоились, то онъ появился 19-го, приблизительно февраля, въ Кремлѣ.

Онъ былъ не только глубоко изумленъ, онъ былъ пораженъ при видѣ бывшаго бѣглаго монаха, превратившагося въ царя, который сіялъ

---

[1]) Витиканскій архивъ, Polonia, 173, t. 3 и сл.; хранил. Боргезе, II, 232, t. 95; II, 499,—Rome et Démétrius, стр. 165, № 6, стр. 168, № 10, стр. 169, № 11, стр. 171, № 12.—Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стриверн отъ 20-го февраля 1606 г.—Неаполь, Нац. библ., X, g., 12, t. 47—56.—Велевицкій, т. II, стр. 98, 120.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 222, № 101.

[2]) Тургеневъ, т. II, стр. 57, № XXXVI, относитъ депешу отъ 28-го января 1606 г. къ 1605 г. и совершенно опустилъ депеши отъ 13-го мая, 10-го и 24-го іюня, 8-го и 15-го іюля 1606 г. Вслѣдствіе этого все касающееся поѣздки графа Рангони представляется совершенно необъяснимымъ.

алмазами и былъ окруженъ боярами и епископами. Димитрій несъ непринужденно бремя своего царскаго величія; онъ подавлялъ имъ окружающихъ и игралъ свою роль съ достоинствомъ. На торжественной аудіенціи, данной графу Александру Рангони, произошло маленькое замѣшательство по поводу соблюденія этикета. Когда графъ заявилъ о томъ, что онъ привезъ письмо отъ папы, то Димитрій поспѣшно протянулъ руку, чтобы взять письмо; но одинъ изъ присутствующихъ предупредилъ царя, взялъ посланіе изъ рукъ графъ Рангони и спасъ этимъ честь отечества. Папская грамота была такимъ образомъ приравнена къ царскимъ грамотамъ, которыя вручаются обыкновенно подчиненнымъ: равновѣсіе было соблюдено. Изъ вящшей осторожности, дабы не оскорбить русскихъ, въ честь посланнаго изъ Рима, явившагося во дворецъ, какъ кажется, въ сутанѣ, не было дано торжественнаго пира. Димитрій просилъ его только принять «отъ чистаго сердца» яства, которыя онъ пришлетъ ему съ царскаго стола.

Дѣйствительно, едва Рангони успѣлъ вернуться къ себѣ, какъ къ нему внесли огромное количество яствъ и напитковъ, которые были поданы на посудѣ, поражавшей своимъ великолѣпіемъ и въ огромныхъ, своеобразнаго вида чарахъ; но ничего не было по вкусу этого тонкаго и избалованнаго гастронома.

Димитрій былъ весьма озабоченъ аудіенціей. Ему показалось, что на лицѣ его бывшаго друга отражалась грусть; онъ опасался, что обстановка, при которой происходила аудіенція, произвела на него удручающее впечатлѣніе. Два приближенныхъ къ царю лица постарались уладить дѣло и разъяснить недоразумѣніе. Сдержанность, съ какою держалъ себя посланный, соблюдалась имъ только для русскихъ, пояснили царедворцы и ради ихъ предразсудковъ была даже пущена въ ходъ извѣстная хитрость; такъ папскій титулъ, изложенный весьма пространно на латинскомъ языкѣ былъ переданъ по-русски кратко словами: «великій священноначальникъ Римскія церкви». Не удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, Димитрій пригласилъ къ себѣ о. Николая и подъ предлогомъ, будто онъ хотѣлъ дать ему нѣкоторыя указанія, царь говорилъ съ нимъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о папѣ, о краковскомъ нунціи и о графѣ Александрѣ. Выборъ слушателя былъ удачный; слова Димитрія были переданы кому слѣдуетъ.

Впрочемъ, царь не даромъ расточалъ свою любезность. Онъ хотѣлъ высказать графу Александру сокровенныя свои желанія и просить его объ одной услугѣ. Онъ тяготился своимъ одиночествомъ въ Москвѣ, задыхался въ Кремлевскихъ стѣнахъ, его влекла Европа, Западъ; за что бы онъ ни взялся, тотчасъ чувствовалъ недостатокъ въ людяхъ способныхъ помочь ему въ выполненіи его плановъ. Ему пришло на мысль,

что изъ Рима могли бы прислать ему способныхъ помощниковъ, и графъ Александръ могъ служить въ этомъ случаѣ посредникомъ.

Царь былъ озабоченъ главнымъ образомъ устройствомъ дипломатической и военной части, для чего у него не было подходящихъ людей. Онъ просилъ папу прислать ему людей образованныхъ, преданныхъ дѣлу, опытныхъ, безупречнаго поведенія. Этимъ иностранцамъ, если бы ихъ выборъ былъ сдѣланъ удачно, онъ обѣщалъ предоставить высшія должности въ Имперіи. Одни изъ нихъ заняли бы мѣста секретарей и совѣтниковъ царя, который поручилъ бы имъ веденіе самыхъ секретныхъ и важныхъ дѣлъ, помимо невѣжественныхъ московитовъ. Другимъ были бы поручены дѣла военнаго вѣдомства, постройка крѣпостей, сооруженіе машинъ, изготовленіе оружія, боевыхъ снарядовъ. Чтобы царя не могли и подвергнуть нареканію въ приверженности къ латинской вѣрѣ, всѣ эти лица должны были быть свѣтскаго званія и, будучи присланы папой, они должны были дѣлать видъ, что пріѣхали по своему собственному желанію.

Димитрій, со своей стороны, обѣщалъ отправить въ Римъ торжественное посольство. Въ глазахъ православныхъ это оправдывалось бы тѣмъ, что папа первый прислалъ къ царю своего оффиціальнаго представителя. При содѣйствіи папы это посольство могло бы установить дипломатическія сношенія Кремля съ иностранными державами: священной Римской имперіей, Франціей и даже Испаніей. Скажемъ кстати, что мысль завязать сношенія съ Пиренейскимъ полуостровомъ пришла Димитрію совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что одинъ португальскій миссіонеръ, по имени Николай де-Мелло (N. Mello), принадлежавшій къ Августинскому ордену, возвращаясь послѣ многолѣтнихъ странствованій на родину, заѣхалъ на короткое время въ Москву. Проведя миссіонеромъ двадцать лѣтъ въ Индіи, онъ возвратился въ 1600 году въ Мадридъ черезъ Персію и Россію. Его сопровождалъ молодой индійскій принцъ. Путешественники возбудили подозрѣніе полиціи Годунова и безъ дальнѣйшихъ околичностей были сосланы, закованные въ кандалы, на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь. Какъ только Димитрій узналъ объ этомъ насиліи, онъ тотчасъ приказалъ возвратить несчастныхъ въ Москву. Когда они пріѣхали, Димитрія уже не было въ живыхъ, но ихъ предупреждали ранѣе о томъ, что на Николая де-Мелло будетъ возложена миссія къ королю испанскому Филиппу III [1]).

Племянникъ нунція не мѣшалъ царю высказывать своихъ желаній,

[1]) Тургеневъ, т. II, стр. 190.—Нахожденіе Мелло въ Соловкахъ подтверждается Соловецкимъ сборникомъ (Казань, Духовн. акад., № 18, l. 7). Я обязанъ этимъ свѣдѣніемъ любезности г. Платонова. Рангони интересовался участью Мелло. Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, III, 90, b. l. 266 V°, 279. Въ Испаніи онъ считается мученикомъ.

отмѣчалъ все сказанное имъ и держалъ себя такъ искусно, что удостоился однѣхъ похвалъ. Въ письмѣ къ Павлу V, врученномъ А. Рангони при его отъѣздѣ, Димитрій выражалъ признательность и сыновнюю преданность. Царь возложилъ также на Рангони сдѣлать отъ его имени дружескія сообщенія королю польскому. Онъ обѣщалъ папѣ оказывать Сигизмунду почтеніе, подобающее отцу, и предоставить папѣ рѣшеніе возникшихъ между ними недоразумѣній.

29-го марта Александръ Рангони и отецъ Гаспаръ Савицкій встрѣтились въ Мирѣ. Савицкій, преисполненный радужныхъ надеждъ, ѣхалъ въ Москву въ сопровожденіи воеводы Мнишека и Марины; графъ Александръ Рангони возвращался изъ Москвы, увозя самыя пріятныя воспоминанія. Остановившись въ Краковѣ на самое короткое время, графъ въ концѣ іюня былъ у ногъ папы и доложилъ ему подробно обо всемъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы послать къ Димитрію людей, о конхъ царь просилъ. По его словамъ, для католической пропаганды широко открывались двери; было весьма важно не впустить въ нихъ еретиковъ. Опасность существовала дѣйствительно, и не шуточная. Бучинскій и Казановскій мечтали о посольствѣ въ Лондонъ, откуда они хотѣли пригласить иностранныхъ инженеровъ; ихъ поддерживали въ этомъ намѣреніи молодые англичане, которые успѣли хорошо устроиться въ Москвѣ и хотѣли доставить заработокъ своимъ соотечественникамъ и роднымъ. Донесеніе, представленное Александромъ Рангони, было оцѣнено папою по достоинству; въ награду за посольство онъ былъ назначенъ состоять при дворѣ въ званіи почетнаго камерарія.

Выслушавъ донесеніе Рангони, папа могъ считать себя вполнѣ посвященнымъ въ текущія дѣла Московіи и могъ рѣшить, какія мѣры ему надлежало принять далѣе. Приблизительно въ то же время пріѣхалъ въ Римъ Поссевинъ, горячій сторонникъ Димитрія; онъ еще болѣе развилъ и дополнилъ планы папы. Онъ пріѣхалъ изъ Венеціи, гдѣ разыгрывались въ ту пору бурныя событія, которыя никто не въ силахъ былъ сдержать. Павелъ V далъ іезуиту аудіенцію; бесѣда, разумѣется, тотчасъ коснулась Димитрія, въ особенности титула, конмъ его величали въ Кремлѣ. Авторъ Moscovia, бывшій представителемъ Григорія XIII при Іоаннѣ Грозномъ, былъ обстоятельно знакомъ съ этимъ вопросомъ, такъ какъ ему пришлось вести по этому поводу оффиціальные переговоры. Онъ далъ папѣ словесныя объясненія и представилъ ему записку. Не смотря на перемѣны, происшедшія въ Москвѣ, система, которой онъ предлагалъ держаться прежде, все еще казалась ему наилучшей. Онъ возлагалъ надежды на два могущественныхъ дѣятеля: на образованіе и свободу. Основать школы, въ которыхъ католики и православные учились бы вмѣстѣ, возбудить въ нихъ соревнованіе, посылать молодыхъ людей для обученія за границу, заботиться о рас-

пространеніи въ странѣ книгъ, добиться позволенія произносить проповѣди, совершать богослуженіе, пріобщать, словомъ, дѣйствовать открыто на глазахъ у всѣхъ и каждаго,—такова была, по мнѣнію Поссевина, цѣль, къ которой надобно было стремиться. Онъ разсчитывалъ на снисходительность Димитрія и на вліяніе Марины. Но забывалъ о средѣ, въ которой новымъ людямъ пришлось бы дѣйствовать. По его мнѣнію, такъ же какъ по мнѣнію отца Андрея, добрые московиты были сговорчивы, съ ними не трудно было поладить, изъ нихъ можно было, какъ изъ расплавленнаго металла, отлить какую угодно форму. Не было человѣка, который могъ бы имъ сказать, что изъ нѣдръ этого, на видъ коснаго, народа выйдутъ со временемъ люди подобные попу Аввакуму и непреклонные въ своихъ убѣжденіяхъ раскольники.

Въ то время какъ Римъ и Москва обмѣнивалась посольствами и вели вышеупомянутые переговоры, только одинъ вопросъ подвергся серьезному обсужденію и былъ рѣшенъ къ обоюдному удовольствію. Папскій престолъ давно уже желалъ обезпечить католическимъ миссіонерамъ, находившимся въ Персіи, свободный проѣздъ черезъ Москву. Хотя Іоаннъ IV выдалъ имъ, по настоянію Поссевина, удостовѣренія на этотъ предметъ, но они оставались мертвою буквою. Николай Мелло, вѣроятно, не зналъ даже объ ихъ существованіи. Миранда и Коста, принятые Годуновымъ, благосклонно не воспользовались ими. Кармелиты, ѣздившіе въ Персію, чтобы основать тамъ миссію, точно также не думали воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ, отправляясь въ Москву въ 1604 г. [1]).

Этихъ кармелитскихъ монаховъ было всего четверо: о. Павелъ Симонъ, изъ генуэзской фамиліи Риварола, о.о. Иванъ и Викентій Таддэ и испанскій дворянинъ Франциск Ріадолидъ Перальта. 30-го іюня 1604 г. Клементъ VIII далъ имъ грамату на имя царя Ѳеодора Іоанновича, скончавшагося въ 1598 г. Въ первыхъ числахъ декабря 1604 г. путешественники прибыли на русскую границу, въ Невель. Они имѣли рекомендательныя письма отъ Сигизмунда III и Льва Сапѣги, ихъ сопровождало нѣсколько человѣкъ поляковъ, и они выдавали себя за священниковъ, состоящихъ при посольствѣ. Это было не особенно остроумно, такъ какъ въ это самое время Димитрій совершалъ

---

[1]) Тургеневъ, т. II, стр. 54, № XXXIII, XXXIV, стр. 59, № XXXVIII.—Hist. gen. Fir. Disc., т. II, стр. 57 и сл.—Римъ, Архивъ Дорія, рукоп. Альдобрандини, VII; письмо о. Павла Симона отъ 23-го января 1605 г.—Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, III, 90, c. f. 19.—Наше собраніе, письма Чижовскаго къ Стривери отъ 16-го и 20-го февраля 1606 г.—Арх. дома Сапѣговъ, т. I, стр. 428, № 527, стр. 429, № 528.—Ваноцци, т. II, стр. 238—241.—Rome et Démétrius, точный снимокъ письма Димитрія къ Павлу V отъ 17-го февраля 1606 г.

свой походъ въ Россію и Польшу. Само собою разумѣется, что кармелитовъ сочли обманщиками и не пропустили черезъ границу. Возвратившись въ Варшаву, они обдумывали тамъ, какимъ способомъ проникнуть въ Россію, когда извѣстныя уже намъ событія разрѣшили самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ ихъ затрудненія. 21-го іюля 1605 г., папа прислалъ имъ грамату на имя Димитрія, а кардиналъ Санъ-Джіорджіо (San-Giorgio), начальникъ персидской миссіи, отозвался о новомъ царѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Этотъ разъ, дѣйствительно, все пошло какъ по-писаному. Выѣхавъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ Александромъ Рангони, кармелиты безпрепятственно переѣхали границу, отдохнули нѣкоторое время въ Смоленскѣ, гдѣ они получали полное содержаніе отъ правительства, наконецъ, были приняты весьма благосклонно въ Кремлѣ и помѣщены въ одномъ домѣ съ іезуитами. Димитрій довелъ свою любезность до того, что выразилъ желаніе, чтобы они остались въ Россіи, построили бы себѣ монастыри, привлекли въ нихъ русскихъ монаховъ и проповѣдывали бы идею о единеніи церквей. Но долгъ повелѣвалъ кармелитамъ ѣхать далѣе. Поэтому они пустились въ путь въ мартѣ мѣсяцѣ. Царь всячески облегчилъ имъ путешествіе и далъ имъ письмо къ «своему брату королю персидскому». Онъ извѣстилъ о происшедшемъ папу, выразивъ ему свое удовольствіе по поводу того, что онъ могъ быть ему пріятенъ.

Никогда еще католическіе миссіонеры не встрѣчали въ Москвѣ столь радушнаго гостепріимства, никогда имъ не оказывали такого вниманія и предупредительности; отнынѣ путь въ Азію былъ для нихъ открытъ. Можно себѣ представить, какое благопріятное впечатлѣніе это произвело въ Римѣ.

Такимъ образомъ все поддерживало въ папѣ благопріятное мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ о Димитріи; ни одна фальшивая нотка не нарушала гармоніи. Краковскій нунцій, польскіе магнаты, іезуиты и кармелиты говорили о немъ въ одинъ голосъ. Самъ царь старался пріобрѣсти его довѣріе своими почтительными письмами, и его поступки были въ полномъ соотвѣтствіи съ его словами. Военная прогулка, совершенная имъ изъ Самбора въ Кремль, была лучшимъ доказательствомъ его царственнаго происхожденія, ибо кто иной, какъ не прирожденный монархъ могъ такъ быстро пріобрѣсти единодушную любовь народа? Павелъ V былъ пораженъ этимъ, онъ предвидѣлъ, что въ Россіи начнется новая эра, всѣ его симпатіи были на сторонѣ Димитрія, но когда имъ былъ затронутъ принципіальный вопросъ, то Павелъ V оказался непреклоненъ.

II.

Димитрій и инквизиція.

Римская и всемірная инквизиція.—Дѣла, подлежащія ея вѣдѣнію.—Собственноручная замѣтка Клемента VIII.—Данное Димитрію разрѣшеніе отъ поста.—Другое разрѣшеніе, предоставленное папѣ.—Примѣръ Сигизмунда III.—Записка кардинала Камилла Боргезе. — Молчаніе инквизиціи. — Волненіе о. Савицкаго.—Онъ хочетъ отказаться отъ возложенной на него отвѣтственности.—Предоставленное папѣ рѣшеніе сомнѣній.—Вѣра предковъ.—Неосязаемая Россія.—Медленность инквизиціи.—Справки, наведенныя на счетъ Савицкаго.—Онѣ вліяютъ на рѣшеніе.—Засѣданіе 13-го октября.—Уклончивый отвѣтъ инквизиціи.—Тройкое разрѣшеніе, просимое для Марины.—Нунцій заявляетъ себя некомпетентнымъ рѣшить этотъ вопросъ.—Обращеніе къ инквизиціи. — Волненіе семейства Мнишекъ. — Собраніе богослововъ у нунція.—Предварительный вопросъ.—Утвердительный отвѣтъ. —Домогательства по одному и тому же вопросу въ Римѣ и въ Москвѣ.—Вопль отчаянія Мнишека.—Засѣданіе 2-го марта 1606 г.—Просьба Димитрія рѣшается голосованіемъ.—Всѣ, за исключеніемъ одного, даютъ отрицательный отвѣтъ.—Дисциплинарный приговоръ.—Депеша Сципіона Боргезе.—Дальнѣйшія дѣйствія Димитрія.—Non possumus.—Легковѣріе.

Подъ сѣнью Ватикана, близъ Кавалледжіерскихъ воротъ, возвышается скромное зданіе римской и всемірной инквизиціи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ инквизиція не имѣла своего прежняго зловѣщаго характера, а представляла собою только духовное судилище, въ которомъ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ папы, кардиналы и богословы, обязанные блюсти интересы католической вѣры и слѣдить за ея неприкосновенностью. Вѣдѣнію инквизиціи подлежали также дѣла о присоединеніи къ католической вѣрѣ иновѣрныхъ монаховъ и всѣ связанные съ этимъ вопросы. Поэтому московскому царю пришлось три раза предстать передъ римскими инквизиторами, разумѣется, не лично, но въ своихъ письмахъ и просьбахъ.

Первое же его письмо, писанное 24-го апрѣля 1604 г., съ изложеніемъ его религіозныхъ взглядовъ, было препровождено въ инквизицію. На обратной сторонѣ латинскаго перевода этого документа Клементъ VIII, отрѣшившійся отъ своего скептицизма, начерталъ собственноручно нижеслѣдующія, полныя довѣрія слова «Ne ringratiamo Dio grandemente, ne daremo voto almeno nella Congregatione del Santo-Officio» [1]). Вознося благодарность Богу за обращеніе Димитрія, папа находился однако въ большомъ затрудненіи.

Новообращенный католикъ тотчасъ послѣ своего отреченія выразилъ два желанія, о коихъ мы упоминали выше. Первое изъ этихъ же-

[1]) Письмо Димитрія.

ланій было удовлетворено немедленно: нунцій Рангони своей собственной властью разрѣшилъ его отъ соблюденія поста. Что касалось второй просьбы, то онъ только обѣщалъ написать объ этомъ въ Римъ; его полномочія не простирались такъ далеко: вопросъ шелъ о причащеніи, въ день коронованія, изъ рукъ православнаго патріарха [1]).

Поспѣшность, съ какою Димитрій хотѣлъ выяснить эти вопросы и получить разрѣшеніе папы, должна была понравиться въ Римѣ. Кардиналъ Санъ-Джіорджіо, на обязанности котораго лежало въ то время веденіе дипломатическихъ переговоровъ, видѣлъ въ этомъ признакъ чистосердечія и былъ того мнѣнія, что это предвѣщало хорошее въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ подлежалъ обсужденію строгихъ членовъ инквизиціи. Они ни мало не были смущены имъ; кардиналы были строгіе законники въ вопросахъ принципіальныхъ, къ тому же у нихъ были въ прошломъ примѣры, на которые они могли сослаться. Не далѣе какъ въ 1593 году, они отклонили просьбу короля польскаго Сигизмунда III, просившаго разрѣшенія принять шведскую корону, съ условіемъ, что она будетъ возложена на него еретическимъ священнослужителемъ. Когда на слѣдующій годъ это событіе стало совершившимся фактомъ, то кардиналы соблаговолили, правда, предать дѣло забвенію и отнестись къ королю снисходительно, но зато ихъ похвалъ удостоилась королева Анна, изъ дома Габсбурговъ, упорно отказавшаяся сдѣлать какую бы то ни было уступку [2]).

Желанія Димитрія превосходили своей смѣлостью просьбу Сигизмунда. Духовные совѣтники папы были поражены ими; ихъ перья забѣгали по бумагѣ, ими было написано по этому поводу нѣсколько записокъ, съ изложеніемъ ихъ взглядовъ, но до насъ дошла только одна изъ нихъ, быть можетъ, самая важная, это—записка кардинала Камилла Боргезе, будущаго папы Павла V [3]). Записка эта, написанная имъ собственноручно, начинена ученостью и изложена по всѣмъ правиламъ самой строгой схоластики. Автора не устрашали самыя отвлеченныя истины, онъ постигъ всѣ тонкости естественнаго права; что касается цитатъ, то въ этомъ отношеніи онъ былъ неистощимъ. Онъ приводитъ одну за другою ссылки изъ сочиненій отцовъ церкви, знаменитѣйшихъ богослововъ, канонистовъ, изъ сочиненій св. Августина и св. Ѳомы, Суареза, Каэтана, Бербозы, Ледесмы, Сильвестра. Приведя самымъ добросовѣстнымъ образомъ тексты изъ этихъ сочиненій и искусно подобравъ ихъ, онъ приходитъ логически къ тому заключенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ разрѣшается прини-

[1]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, III, 90, b, f. 107. Rome et Démétrius, стр. 186, № 12.

[2]) Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 68, f. 469—471.

[3]) Тамъ же, II, 64, 65, f. 22.

мать причастіе отъ всякаго, законнымъ образомъ рукоположеннаго священника, будь онъ еретикъ, или раскольникъ или даже отлученный отъ церкви. Невольно возникаетъ вопросъ: почему бы не сдѣлать въ виду общаго блага то, что разрѣшается сдѣлать въ видахъ пользы частнаго лица? Въ скоромъ времени, какъ мы видѣли, Папа V отвѣтилъ на вопросъ, предложенный кардиналомъ Камилломъ Боргезе, и разсѣялъ всѣ его сомнѣнія. Но въ то время событія не ждали, и инквизиція медлила отвѣтомъ. Рѣшеніе этого затруднительнаго вопроса не было получено своевременно: Рангони еще ожидалъ отвѣта, когда Димитрій уже былъ коронованъ.

Ничто не указываетъ, что царь былъ особенно смущенъ молчаніемъ римскаго верховнаго судилища или что онъ старался побудить его къ отвѣту. Бывшій духовникъ царя, отецъ Гаспаръ Савицкій опасался терзаній его смущенной совѣсти. Нунцій рѣшилъ, что Савицкій долженъ отправиться къ своему духовному сыну въ Москву, расходы по поѣздкѣ о. Савицкаго и его содержанію принимались на счетъ папы; тѣмъ не менѣе, эта поѣздка была сопряжена съ неимовѣрными затрудненіями [1]).

Положеніе было въ высшей степени двусмысленное и ложное, поэтому надобно было дѣйствовать съ крайней осторожностью. Въ самомъ дѣлѣ, Димитрій дорожилъ болѣе, чѣмъ когда-либо, тайною своего отреченія, и этотъ человѣкъ, принявшій втайнѣ католицизмъ, долженъ былъ царствовать надъ православными, жить среди нихъ, не возбуждая ихъ подозрѣній и не вызывая жалобъ, иначе будущее церкви подверглось бы опасности и единеніе съ Римомъ не могло бы осуществиться. Какъ же было дѣйствовать при данныхъ обстоятельствахъ? Какія могли быть сдѣланы уступки? До чего можно было идти въ этомъ отношеніи, не поступаясь своей совѣстью? Всѣ эти вопросы были крайне щекотливы и обоюдоостры. Савицкій не разсчитывалъ, что онъ съумѣетъ справиться съ ними, онъ чувствовалъ себя подавленнымъ страшной отвѣтственностью и, желая снять съ себя это бремя, онъ просилъ папу разрѣшить слѣдующія его сомнѣнія:

1. Возможно ли допустить, чтобы въ то время, когда будутъ идти переговоры о единеніи съ католической церковью, Димитрій причащался изъ рукъ православныхъ священниковъ, коль скоро святость предлагаемыхъ ими даровъ неоспорима?

2. Можетъ ли онъ, подчиняясь народнымъ обычаямъ, присутствовать при богослуженіи и другихъ православныхъ обрядахъ?

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 1 v°.—Архивъ инквизиціи, № IV Dubia aliqua.—До конца настоящей главы всѣ данныя заимствованы главнымъ образомъ изъ этого документа.

3. Будетъ ли ему разрѣшено основывать временно православные монастыри и церкви и дѣлать въ нихъ вклады?

4. Въ случаѣ надобности, имѣетъ ли онъ право дать клятву и какимъ именно образомъ, что онъ соблюдаетъ вѣру своихъ предковъ и что онъ намѣренъ сохранить ее среди своихъ подданныхъ?

5. Можетъ ли онъ клятвенно утвердить привилегіи, клонящіяся ко вреду католической вѣры, и какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ?

6. Можетъ ли ему быть разрѣшено читать, какъ онъ выразилъ на то желаніе, православныя сочиненія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, въ коихъ не встрѣчается прямыхъ нападковъ на католическую церковь, и даже всѣ остальныя, если обстоятельства того потребуютъ?

Для того, чтобы пояснить, чѣмъ именно были вызваны эти вопросы, и указать на ихъ значеніе, отецъ Савицкій присовокуплялъ:

1. Что Димитрій былъ уже католикъ и принятъ въ лоно церкви.

2. Что его обращеніе было тайною для московитовъ и вообще для народа.

3. Что всякая надежда на единеніе будетъ утрачена, и можно будетъ опасаться страшнаго волненія, ежели царь не скроетъ своего отреченія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

4. Что надобно будетъ признать недѣйствительными нѣкоторыя обѣщанія, данныя, какъ говорятъ, Димитріемъ, клятвенно и которыя онъ, разумѣется, не въ состояніи будетъ исполнить, каково напр. обѣщаніе уступить королю польскому Сѣверское княжество или выплатить ему значительныя суммы.

За отсутствіемъ другихъ достоинствъ, записка отца Савицкаго прекрасно изображаетъ его душевное состояніе и сомнѣнія, которыя его терзали.

Онъ исходилъ изъ того же основнаго взгляда, какъ Поссевинъ въ своихъ знаменитыхъ спорахъ съ Іоанномъ Грознымъ; онъ смотрѣлъ на единеніе съ Римомъ не какъ на нововведеніе, а какъ на возвратъ къ вѣрѣ, исповѣданной предками, къ вѣрѣ св. Ольги и Владиміра святаго, которые были оба истинные католики, такъ какъ они жили до окончательнаго отдѣленія церквей. Эта теорія была очень проста, но русскіе упорно не хотѣли признать ее; впрочемъ, ею не рѣшались еще всѣ затрудненія. Савицкій оставался въ неизвѣстности относительно размѣра данной ему власти и тѣхъ уступокъ, какія онъ могъ сдѣлать. Онъ поступилъ крайне добросовѣстно, изложивъ свои сомнѣнія и попросивъ указать, какъ ему надлежало дѣйствовать. Изъ его записки выясняется одинъ практическій вполнѣ опредѣленный взглядъ. Патріотизмъ не затмевалъ его до такой степени, чтобы онъ не могъ понять, что царь, едва вступившій на престолъ, не могъ отдавать цѣлыя области и гра-

*

бить государственную казну. Польскій іезуитъ былъ сторонникъ «нераздѣльной» Россіи, рискуя навлечь этимъ на себя неудовольствіе папы.

2-го іюля 1605 г. Рангони сообщилъ кардиналу Валенти вполнѣ естественныя сомнѣнія будущаго царскаго духовника и просилъ папу благосклонно высказать по этому поводу свой взглядъ. Инквизиція не спѣшила отвѣтомъ; миновали удручающія жары каникулярнаго времени, прошелъ сентябрь, съ его лихорадками, и члены инквизиціи собрались только 13-го октября въ Квириналѣ, на общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ папы. Предварительно были наведены въ монастырѣ іезуитовъ свѣдѣнія о Савицкомъ. Онъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, отвѣчали его сотоварищи, это отличный богословъ, онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ какъ духовный отецъ. Это послѣднее обстоятельство было принято особенно во вниманіе и давало возможность выйти изъ затруднительнаго положенія. Послѣ продолжительнаго совѣщанія было рѣшено не указывать о. Савицкому, какъ ему дѣйствовать, а предоставить его своему собственному умѣнію и опытности. «Пусть онъ перечитаетъ церковные уставы и сочиненія отцовъ церкви, писалъ кардиналъ Миллино Рангони 5-го ноября, и дѣйствуетъ такъ, какъ укажетъ ему совѣсть». Савицкій, конечно, не ожидалъ такого не соотвѣтствовавшаго его ожиданіямъ отвѣта [1]). Онъ считалъ себя довольно свѣдущимъ въ вопросахъ богословія и церковнаго права, его затрудняло примѣненіе ихъ въ данномъ случаѣ, а инквизиція уклонялась отъ какихъ-либо указаній на этотъ счетъ; оставалось дѣйствовать по своему собственному разумѣнію.

Впрочемъ, инквизиціи удалось уклониться такимъ образомъ отъ отвѣта всего нѣсколько мѣсяцевъ. Кардиналы, неоднократно побуждаемые настойчивыми требованіями свѣтскихъ лицъ и нунція, были, наконецъ, вынуждены прервать свое молчаніе и высказать свое мнѣніе. Излагаемые ниже переговоры относятся частью къ 1606 году; хотя они происходили послѣ событій, о которыхъ еще здѣсь не было рѣчи, но, такъ какъ о нихъ естественно упомянуть въ этомъ именно мѣстѣ, то въ виду этого придется нарушить хронологическій порядокъ изложенія.

Марина, заочно обрученная въ Краковѣ съ Димитріемъ, должна была отправиться въ сопровожденіи своего отца къ жениху и короноваться въ Кремлѣ. Димитрій предвидѣлъ затрудненія со стороны религіозной, онъ боялся оскорбить вѣрованія православныхъ, и этотъ вопросъ чрезвычайно озабочивалъ его. Уже 15-го ноября 1605 года Бучинскому, какъ припомнимъ, было поручено испросить у Рангони для

[1]) Архивъ инквизиціи, № IV, f. 102, v°.

Марины разрѣшеніе на три предмета: на счетъ причащенія, въ день коронованія, изъ рукъ православнаго патріарха, посѣщенія православныхъ церквей и соблюденія поста вмѣсто субботы по средамъ. Нунцій счелъ себя не въ правѣ разрѣшить этотъ вопросъ, а предоставилъ высказаться по этому поводу папѣ и совершенно спокойно ожидалъ отвѣта изъ Рима.

Мнишекамъ труднѣе было сохранять спокойствіе. Бучинскій дѣлился съ сендомірскимъ воеводою своими сомнѣніями, и послѣдній сильно тревожился. Безъ сомнѣнія, онъ страстно желалъ видѣть корону на головѣ своей дочери, но онъ не хотѣлъ, чтобы она получила ее цѣною отступничества отъ своей вѣры; онъ видѣлъ только одно средство успокоить свою совѣсть: это получить просимое разрѣшеніе у папы и получить его какъ можно скорѣе и въ наиболѣе опредѣленной формѣ. Воеводѣ пришлось волей-неволей заняться серьезно обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ вѣры. Онъ пригласилъ для этого къ нунцію ученыхъ богословъ: кардинала Маціевскаго, отца Савицкаго и бернардинскаго монаха, отца Ансереніуса, и предложилъ имъ прежде всего вопросъ: «Имѣетъ ли папа, въ силу принадлежащей ему верховной власти, право дать Маринѣ просимое разрѣшеніе?» Всѣ эти ученые люди отвѣчали единогласно въ утвердительномъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, вопросъ сводился къ простому communicatio in sacris съ людьми не католическаго вѣроисповѣданія. Но, продолжали они, подобное общеніе, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ богослововъ, не возбраняется божественнымъ правомъ, все зависитъ отъ церковнаго устава, а въ этомъ отношеніи папа имѣетъ полное право дать просимое разрѣшеніе, лишь бы это не было сопряжено съ соблазномъ, совращеніемъ въ вѣрѣ или какимъ-либо инымъ проступкомъ. Въ виду послѣдняго предположенія, Марина могла бы заявить, принимая причастіе изъ рукъ патріарха, что она не намѣрена перемѣнять вѣры. Это должно было удовлетворить католиковъ и не могло возбудить неудовольствія православныхъ.

Однако, слишкомъ смѣлые богословы были не вполнѣ увѣрены въ своей правотѣ, а тѣмъ менѣе въ успѣхѣ ходатайства. Они совѣтовали сдѣлать одновременно шаги въ Римѣ и въ Москвѣ и обезпечить себя съ той и съ другой стороны. Они предлагали внушить Димитрію, чтобы онъ уступилъ и отказался отъ своей просьбы: ему не возбранялось дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, лишь бы онъ уважалъ свободу другихъ лицъ. На папу ученые мужи совѣтовали дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ: подчиняясь всецѣло его верховной волѣ, надлежало однако выяснить ему поводы, кои настоятельно требовали, чтобы Димитрію было дано просимое разрѣшеніе. Поводы эти были высшаго порядка: говорилось о серьезной надеждѣ упрочить единеніе съ Россіей, о вѣчномъ спасеніи душъ, пріобщенныхъ къ истинной вѣрѣ,

о свободномъ исповѣданіи католической вѣры, о спокойствіи за тѣхъ, кто ее исповѣдуетъ.

Въ этомъ засѣданіи была выработана цѣлая программа, которую удалось провести въ Кремлѣ успѣшнѣе, нежели въ Ватиканѣ. 14-го января 1606 года Рангони препроводилъ въ Римъ протоколъ засѣданія, происходившаго подъ его предсѣдательствомъ. Мнишекъ обратился къ папѣ съ послѣдней, горячей просьбою: онъ обѣщалъ промедлить отъѣздомъ со своей дочерью, говорилъ, что онъ будетъ дѣлать долгія остановки по пути, чтобы только получить своевременно разрѣшеніе папы на тревожившіе его вопросы: это былъ вопль отчаянія.

Эти письма были снова препровождены въ инквизицію, но это верховное учрежденіе не чувствовало, подобно Мнишеку, надобности спѣшить и дало своимъ членамъ время основательно ознакомиться съ дѣломъ. Засѣданіе инквизиціи происходило 2-го марта, подъ предсѣдательствомъ папы. Желаніе послѣдняго исполнить просьбу Димитрія не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ разъ было необходимо принять твердое рѣшеніе. Вопросъ былъ предложенъ на голосованіе, и всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного, дали отрицательный отвѣтъ [1]). Таковъ былъ суровый и лаконическій приговоръ инквизиціи, не подкрѣпленный никакими доводами и не сопровождаемый никакими комментаріями. Онъ имѣлъ смыслъ скорѣе дисциплинарный, нежели строго-богословскій. Поэтому всѣ три вопроса, предложенные Димитріемъ, были слиты въ одинъ, хотя они были не одинаковой важности и допускали различное рѣшеніе.

Два дня спустя, а именно 4-го марта, Сципіонъ Боргезе увѣдомилъ Рангони о результатѣ засѣданія и о самомъ ходѣ дѣла. Кардиналы и богословы подвергли основательному разсмотрѣнію просьбу Димитрія, но не могли придти къ рѣшенію согласному съ его желаніемъ. «Папскій престолъ», писалъ кардиналъ, не желая вдаваться въ догматику и придерживаясь обычаевъ куріи, «не даетъ разрѣшеній подобнаго рода; этому до сихъ поръ не было примѣра. Когда Сигизмундъ III обратился съ подобнаго же рода просьбою во время своего коронованія въ Стокгольмѣ, то ему было отвѣчено въ томъ же смыслѣ» [2]). Итакъ приговоръ былъ рѣшительный и неотмѣнный, но какъ было сообщить его Димитрію?

Нунцію не пришлось взять на себя эту неблагодарную обязанность. Въ то время какъ въ Римѣ перерыли всѣ архивы и на основаніи наведенныхъ въ нихъ справокъ дали неумолимо строгій отвѣтъ, Димитрій неожиданно измѣнилъ свои взгляды. Онъ сдался на убѣжденія, пере-

---

[1]) Архивъ инквизиціи, № IV, f. 86 v°.

[2]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 39 v°.

сталъ настаивать на своихъ просьбахъ, по крайней мѣрѣ на самой щекотливой изъ нихъ: относительно причащенія Марины. Въ восторгѣ отъ этой перемѣны, Рангони поспѣшно набросалъ 18-го марта слѣдующія строки: «секретарь короля встрѣтилъ по пути, проѣздомъ сюда, воеводу сендомірскаго, который ѣдетъ въ Москву. Онъ привезъ мнѣ отъ него поклонъ и передалъ, что великій князь, выслушавъ его объясненія, отказывается отъ своего требованія, чтобы его невѣста причастилась по православному обряду въ день коронованія, какъ онъ просилъ о томъ сперва». Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ покончен.

Димитрій былъ, вѣроятно, единственный изъ московскихъ царей, коего просьбы пришлось выслушивать инквизиціонному суду и коему пришлось испытать его неумолимую строгость. Мысли, которыми обмѣнялись по этому поводу заинтересованныя стороны, и принятыя ими рѣшенія даютъ намъ возможность прослѣдить папскую политику въ самыхъ сокровенныхъ ея помыслахъ. Въ приговорѣ инквизиціоннаго суда отразились сокровенныя убѣжденія Ватикана. Итакъ, изъ тщательнаго сопоставленія документовъ оказывается, что таинственный претендентъ первый обратилъ свои взоры на Римъ и обѣщалъ добровольно позаботиться о соединеніи церквей, что Павелъ V отнесся къ его предложеніямъ съ довѣріемъ и дѣйствительно возлагалъ на него огромныя надежды, но не принесъ ему въ жертву своего долга: когда Димитрій попросилъ у него невозможныхъ уступокъ, то папа отвѣчалъ ему отказомъ. Поступивъ въ этомъ случаѣ твердо и честно, Павелъ V грѣшилъ, быть можетъ, только излишнимъ легковѣріемъ. Но развѣ этимъ не грѣшила въ то время вся Россія?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной.

Одинъ изъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ Кіевской губерніи, въ мартѣ 1862 года, «имѣя въ виду разные ложные слухи и понятія, распространенные между крестьянами, освобожденными отъ крѣпостной зависимости, о новыхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ, которые нерѣдко бываютъ причиною безпорядковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и принимая во вниманіе, что распространеніе такихъ слуховъ и понятій совершается неблагонамѣренными людьми, преимущественно на ярмаркахъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ», призналъ необходимымъ обратиться къ начальнику уѣздной полиціи съ требованіемъ, чтобы на подобныя ярмарки непремѣнно командировался полицейскій чиновникъ съ необходимымъ числомъ прислуги, и чтобы на него возложена была обязанность, «наблюдать за дѣйствіями крестьянъ» и «воспрещать всякіе между ними публичные разговоры объ ихъ свободѣ»...

Губернское присутствіе признало распоряженіе правильнымъ и циркуляромъ сообщило о семъ, для исполненія, всѣмъ начальникамъ уѣздныхъ полицій.

Но вопросъ этотъ былъ представленъ на разрѣшеніе въ столицу. Министерство ни въ общихъ законахъ, ни въ Положеніи 19-го февраля, не нашло запрещенія для крестьянъ публичныхъ разговоровъ о свободѣ, и въ новомъ распоряженіи усмотрѣло стѣсненіе, едва-ли могущее достигнуть цѣли. По его заключенію, неблагонамѣренные люди врядъ-ли рѣшатся публично высказывать свои мысли, что же касается прочихъ обывателей, то они слишкомъ заняты вопросомъ освобожденія для того, чтобы ихъ можно бъ было удержать отъ собесѣдованій. Не должны быть терпимы лишь толки, уклоняющіеся отъ началъ 18-го февраля.

Сообщилъ Алексѣй Мердеръ.

А. С. Шишковъ—защитникъ Россійской академіи.

1.

Письмо А. С. Шишкова—князю А. Н. Голицыну.

28-го августа 1819 г.

Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Въ прошедшихъ засѣданіяхъ Россійской Императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ «Сынъ Отечества» подъ названіемъ критики на изданную отъ ней грамматику обидная для академіи брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, въ какомъ при таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и при томъ донести, что если и впредь журналисты, и всякой, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ ею книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ, браненой, и молчать. Прилагая при семъ бывшія по сему обстоятельству сужденія, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Шишковъ.

Записка Императорской Россійской академіи 23-го августа 1819 г.

Въ засѣданіяхъ академическихъ, сего августа 16-го и 23-го числъ, разсуждаемо было о нижеслѣдующемъ: въ 1794 году Императорская

Россійская академія, приступая къ сочиненію Россійской грамматики, поручила сдѣлать начертаніе оной тремъ членамъ своимъ: протоіерею Іоанну Красовскому, Димитрію и Петру Соколовымъ, подъ руководствомъ его высокопреосвященства Гавріила, митрополита новгородскаго и санктпетербургскаго.

Сіе начертаніе, при сочиненіи коего руководствовались наиболѣе грамматиками Максима Грека и Ломоносова, сперва разсматриваемо было въ Невскомъ монастырѣ въ домѣ преосвященнѣйшаго митрополита Гавріила, особымъ комитетомъ, который составляли, кромѣ помянутыхъ членовъ, еще слѣдующіе: преосвященный Меѳодій (бывшій тогда архимандритомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря), Степанъ Яковлевичъ Румовскій, Иванъ Ивановичъ Лепехинъ (секретарь академіи) и Петръ Борисовичъ Иноходцевъ, а потомъ прочитываемо въ общемъ собраніи академіи.

По утвержденіи начертанія и комитетомъ и академіею приступлено было къ сочиненію грамматики, надъ которымъ трудились три вышеозначенные члены: протоіерей Красовскій и два Соколова. По окончаніи сего сочиненія, до изданія въ свѣтъ, въ собраніяхъ академическихъ было оное двукратно читано, разсматриваемо и поправляемо.

Въ первый разъ грамматика сія издана въ 1802 году, во второй разъ въ 1809; нынѣ же (въ 1819 году), по выходѣ всѣхъ экземпляровъ, напечатана вновь третьимъ тисненіемъ.

При семъ новомъ изданіи журналистъ, издающій журналъ подъ названіемъ «Сына Отечества» [1]), извѣщаетъ о ней публикѣ съ своими хулительными замѣчаніями.

Академія въ собраніи своемъ хотя и удивилась такому самовольному поступку журналиста, однакожъ положила прочитать замѣчанія его съ тѣмъ: 1-е, найдется ли въ нихъ что-нибудь дѣльное и основательное; и 2-е, приличнымъ ли по крайней мѣрѣ образомъ оныя написаны.

По первому положенію она не нашла ничего, кромѣ пустыхъ, несправедливыхъ умствованій, показывающихъ, что правила языка и грамматики господину журналисту мало извѣстны.

По второму весьма видно, что намѣреніе сей брани, названной критикою, состояло не въ усердіи къ языку, но въ желаніи показать, что можно всякому, кто хочетъ, печатать и говорить объ академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою. Словомъ, подать тому примѣръ и образецъ.

Самый первый приступъ его довольно то показываетъ: «Мы начали,— говоритъ онъ,—читать книгу сію (грамматику, сочиненную Россійскою академіею) съ великими ожиданіями, полагая, что найдемъ въ ней

---

[1]) Н. И. Гречъ.

многія перемѣны и новыя правила противъ прежнихъ изданій; но, къ сожалѣнію своему, ошиблись въ семъ предположеніи».

Академія не знаетъ, о комъ говорится здѣсь, мы; кажется, одинъ журналистъ цѣлаго свѣта въ лицѣ своемъ представлять не можетъ.

«Сіе третіе изданіе,—продолжаетъ онъ,—во всемъ подобно первому, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, которыя перемѣнены, и—не къ лучшему. Это насъ изумило».

Кого насъ? и должна ли академія воздерживаться отъ изданія книгъ своихъ, опасаясь изумленія какого-нибудь журналиста?

«Неужели,—говоритъ онъ,—въ продолженіе семнадцати лѣтъ, нельзя было пріискать ничего новаго, хорошаго для исправленія и пополненія столь важной книги, какова грамматика? Не ужели въ сіи 17-ть лѣтъ русскій языкъ, ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шагу? Или полагаютъ, что первое изданіе сей грамматики было non plus ultra совершенства, къ которому нечего прибавить, въ которомъ нечего перемѣнить?»

Жаль, что подобными вопросами отъ журналиста на русскомъ языкѣ дѣлаются шаги, какихъ прежде не примѣчалось. Но г-нъ журналистъ не довольствуется сими первыми и никѣмъ доселѣ не дѣланными шагами; онъ простираетъ ихъ далѣе, продолжая въ непристойныхъ выраженіяхъ изливать на академію слѣдующія хулы, брани, угрозы, насмѣшки и восклицанія:

«Чѣмъ ближе метода ученія къ математической, тѣмъ она совершеннѣе. Въ грамматикѣ Россійской академіи сіе правило выпущено изъ вида».

«Тутъ двѣ ошибки. Не лучше ли было бы, вмѣсто двухъ словъ лице и вещь употреблять одно выразительное: предметъ».

(Такое-то опредѣленіе) «и темно и неправильно». «Прекрасное правило!» (въ насмѣшку, что академія букву *и* почитаетъ составленною изъ двухъ і.).

«Авторы грамматики (т. е. академія) догадываются о томъ, гдѣ кроется истина».

«Упомянемъ и о нескладныхъ предложеніяхъ».

«Мы дописываемъ четвертый листъ, и лишь только дошли до произведенія словъ. Отдохнемъ и, собравшись съ силами, пустимся далѣе».

«Займемся разсмотрѣніемъ Словопроизведенія, и въ этой части находимъ прежній порядокъ, или, лучше сказать, безпорядокъ, и въ ней встрѣчаются правила неполныя, сомнительныя, темныя и совершенно ложныя».

«Возможно ли предписывать такія неосновательныя правила?

Hear! Hear!—восклицанія послушай! послушай! употребляемыя у англичанъ, когда хотятъ обратить вниманіе слушателей на какое-нибудь

странное или нелѣпое предложеніе. Журналистъ обращаетъ сими словами вниманіе читателей на великую, по мнѣнію его, нелѣпость академіи, которая говоритъ, что передъ простыми существительными именами приличіе слога требуетъ и прилагательныя ставить простыя же, т. е. съ простымъ окончаніемъ, какъ напримѣръ: большой палецъ у руки, маленькой домикъ, ветхой сарай, и проч. Ибо въ семъ случаѣ не хорошо бы было сказать: большій, маленькій, ветхій. Журналистъ говоритъ:

«Почему жъ не хорошо, если смѣемъ спросить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности и должны еще спросить разрѣшенія, гдѣ находится предѣлъ употребленія окончаній ый и ой, ій и ей».

Академія опять повторяетъ, что она не знаетъ, о комъ говорится: мы не находимъ. Она видитъ одного журналиста и не можетъ ни по какому приличію располагать себя по его мнѣнію. Впрочемъ, разрѣшеніе, какого требуетъ журналистъ, сказано выше; сказанное читаютъ и учатся, а не переспрашиваютъ о томъ; ибо въ подобныхъ сужденіяхъ объ языкѣ, кто не чувствуетъ приличія слога, того никакая грамматика не научитъ.

Излишне и не достойно выписывать здѣсь всѣ тѣ хулы и брани, которыми журналисту угодно было почтить академію, называя правила ея неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными, и проч. и проч. Послѣ всѣхъ сихъ столько же справедливыхъ, сколько и скромныхъ выраженій, заключаетъ онъ сужденія свои стихомъ Ломоносова:

Что вы, о поздные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?

давая чрезъ то разумѣть, что потомки наши удивляться будутъ невѣжеству академіи.

По прочтеніи сихъ замѣчаній журналиста, академія въ собраніи своемъ сдѣлала себѣ три вопроса:

1-й вопросъ: должна ли академія на сію публикованную противъ ней, подъ названіемъ критики, не дѣльную и грубую брань дѣлать свои возраженія?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Россійская императорская академія, учрежденная Екатериною и Александромъ для наблюденія пользъ языка и словесности, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо когда видитъ въ немъ при недостаткахъ знанія въ языкѣ дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно. Таковое неприличное ей состязаніе съ журналистомъ, даже и между

частными лицами предосудительное, могло бы подвергнуть ее несовмѣстности вдаваться въ пренія со всякимъ, кто захочетъ хулами своими вызывать ее на непристойную съ нимъ брань».

2-й вопросъ: должно ли академія промолчать?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Академіи по означеннымъ выше сего причинамъ не остается, конечно, ничего кромѣ молчанія. Но впрочемъ она съ прискорбностію чувствуетъ, что если подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться, то едва-ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ затруднительно; ибо и отвѣтами своими и молчаніемъ она равному подвергается уничиженію».

3-й вопросъ: Имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и оцѣнкою?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякой можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается болѣе знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ по здравому разсудку нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала подъ названіемъ С ы н а О т е ч е с т в а присвоилъ самъ себѣ сіе право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства; а потому она, не входя въ сужденіе о семъ, полагаетъ только просить президента академіи сіи бывшія въ засѣданіяхъ ея разсужденія приказать записать въ академическія записки и списокъ оныхъ препроводить къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія».

Письмо А. С. Шишкова и записка академіи были предложены княземъ Голицынымъ на обсужденіе главнаго правленія училищъ, которое 9-го октября 1819 г. опредѣлило: «предоставить министру увѣдомить г. президента Россійской академіи, что главное правленіе училищъ, разсуждая о представляемыхъ имъ причинахъ неудовольствія академіи на издателя журнала «Сынъ Отечества», признаетъ, что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ паче на грамматику, не можетъ никому быть возбранено, и въ случаѣ неосновательности сихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію, тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія.—Но что касается до оскорбительныхъ для академіи выраженій и отзывовъ, каковыми наполнены тѣ замѣчанія изда-

телемъ «Сына Отечества»,—то господинъ министръ не преминулъ учинить надлежащаго выговора цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставить сіе на видъ автору, который позволилъ себѣ толь неприличные отзывы на счетъ академіи, и предписалъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было въ печать издаваемо».

2.

Отношеніе кн. А. Н. Голицына попечителю Санктпетербургскаго учебнаго округа.

31-го октября 1819 г. № 33.

Г. президентъ императорской Россійской академіи при отношеніи своемъ отъ 28-го минувшаго августа, доставилъ мнѣ записку о неудовольствіи академіи, касательно напечатанной въ журналѣ: Сынъ Отечества критики на изданную академіею Россійскую грамматику.

Обстоятельство сіе предложено было мною на разсужденіе главнаго правленія училищъ, котораго заключеніе, съ коимъ и я согласенъ, состоитъ въ томъ, что хотя дѣлать примѣчаніе на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ никому быть и возбранено, и въ случаѣ неосновательности сихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія; но оскорбительные для академіи выраженія и отзывы, какими наполнены помянутыя замѣчанія издателемъ «Сына Отечества,» совершенно противны уставу о цензурѣ: слѣдовательно, не могутъ быть никому дозволены, не только въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу.

Вслѣдствіе того, покорнѣйше прошу ваше превосходительство учинить выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатать тѣ замѣчанія, и при томъ не оставьте предписать С.-Петербургскому цензурному комитету, чтобъ впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволяемо не было. Самому издателю журнала «Сынъ Отечества» прошу васъ, поставивъ на видъ таковый противный законамъ поступокъ, объявить, что хотя и запрещено строго цензурѣ о непропускѣ впредь къ напечатанію никакихъ подобно сему оскорбительныхъ на чье-либо лицо замѣчаній и изъясненій, но какъ цензура при многихъ ея занятіяхъ, съ одной стороны, будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ, съ другой же, можетъ иногда по неосторожности ихъ и пропустить: то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности,—и, наконецъ, самый журналъ его должно будетъ запретить.

Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разсказы объ отцѣ.

I.

Встрѣча съ генераломъ Магометъ-Шефи-Шамилемъ въ Кисловодскѣ.—Первое знакомство съ нимъ въ 1860 году, въ Калугѣ.—Встрѣча В. П. Далматова съ Шамилемъ у меня.—Особенное вниманіе горцевъ къ сыну Шамиля.—Имѣніе, пожалованное императоромъ Александромъ II Шамилю-отцу.—Вторая женитьба Магометъ-Шефи.—Служба въ конвоѣ.—Просьба сына Шамиля въ турецкую войну.—Нечаянная встрѣча генерала Шамиля съ императоромъ Александромъ III.—Безвыходное положеніе и услуга портнаго.—Шамиль-самозванецъ въ Парижѣ.

Моя статья въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы», 1898 года, «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу», послужила поводомъ къ новой встрѣчѣ съ сыномъ бывшаго кавказскаго имама, генераломъ Магометъ-Шефи, единственнымъ изъ трехъ сыновей Шамиля, вступившимъ на русскую службу и проживающимъ въ Россіи. Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1899 года, я жилъ въ Кисловодскѣ. Просматримая, однажды, въ «Сезонномъ Листкѣ», списки лицъ, пріѣхавшихъ лѣчиться на минеральныя воды, я прочелъ въ этомъ спискѣ и имя генерала Магометъ-Шефи-Шамиля, прибывшаго въ Кисловодскъ. Такъ какъ я встрѣчалъ его назадъ тому 38 лѣтъ, въ Калугѣ, когда онъ былъ еще 15-ти-лѣтнимъ юношей, то меня очень интересовало, конечно, встрѣтиться съ нимъ вновь—при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Нѣсколько дней спустя, я съ нимъ, дѣйствительно, и встрѣтился. Это произошло такъ. Я и генералъ В. А. Потто сидѣли въ паркѣ и разговаривали о прошломъ Кавказа.

— Вотъ, кто многое могъ бы поразсказать о былыхъ герояхъ Кавказской войны,—сказалъ вдругъ Василій Александровичъ,—и указалъ въ сторону подходившаго къ намъ, еще нестараго, генерала, очень полнаго блондина съ рыжеватою подстриженною бородою, высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ которомъ я никакъ не могъ бы признать того, небольшаго роста, безъусаго юношу, котораго встрѣчалъ въ Калугѣ. Оказалось, это и былъ средній сынъ Шамиля, Магометъ-Шефи.

Василій Александровичъ представилъ насъ другъ другу, и генералъ Шамиль тотчасъ же спросилъ меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», въ прошломъ году, о моемъ отцѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Очень радъ, что съ вами встрѣтился, — сказалъ Магометъ-Шефи,—и имѣю возможность поблагодарить васъ лично за эту статью. Въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго—какъ, напримѣръ, въ статьѣ бывшаго пристава при моемъ отцѣ, полковника Пржецлавскаго.

Генералъ говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ, обыкновенно, говорятъ наши горцы, не бывшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его рѣчь была правильная и округленная. Далѣе онъ продолжалъ:

— Я лѣчился въ прошломъ году морскими ваннами въ Кеммернѣ, и въ это время генералъ С. прислалъ мнѣ книжку журнала съ этою вашею статьей.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, я спросилъ его: помнитъ ли онъ, какъ я и нѣсколько другихъ офицеровъ окружили его въ одной изъ боковыхъ залъ калужскаго дворянскаго собранія и просили вынуть изъ ноженъ и показать намъ кинжалъ?

— Чуть помню,—отвѣчалъ генералъ.

Съ того времени, мы стали, почти ежедневно, встрѣчаться въ Кисловодскомъ паркѣ и разговаривать. Затѣмъ, стали и бывать другъ у друга. Однажды, Магометъ-Шефи засталъ у меня извѣстнаго артиста В. П. Далматова.

— Мы немножко знакомы,—сказалъ генералъ артисту; когда вы были въ Казани, я наслаждался вашею игрою въ театрѣ.

В. П. поблагодарилъ за любезность и прибавилъ:

— А я вамъ, генералъ, былъ очень обязанъ тогда за черкесскій костюмъ. Вашъ сынъ [1]) выручилъ меня, однажды, доставъ вашу черкеску, которая была нужна мнѣ въ одной пьесѣ.

[1]) Сынъ генерала Шамиля живетъ въ Казани же, при отцѣ, состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ и извѣстенъ за большаго любителя театра. И. З.

— Да, да, помню. Сынъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: дай, папа, артисту Далматову свою черкеску; она ему необходима на сценѣ, а ни у кого въ Казани ея нѣтъ. Она вамъ не была мала? — улыбаясь, спросилъ генералъ.

— Какое, мала! пришлось дѣлать складки, — смѣясь, отвѣчалъ г. Далматовъ, мущина, тоже, не худенькій.

Въ концѣ августа, Магометъ-Шефи-Шамиль уѣхалъ изъ Кисловодска. Наступила зима; я жилъ въ Петербургѣ. Однажды, въ рождественскій сочельникъ, я слышу, кто-то въ передней спрашиваетъ служанку, дома ли я? Оказалось, это былъ генералъ Шамиль, разыскавшій меня въ Питерѣ. Онъ пріѣхалъ на цѣлый мѣсяцъ и жилъ въ Офицерскомъ собраніи, на Литейной, гдѣ я потомъ и посѣщалъ его. И вотъ, во время этихъ нашихъ свиданій, какъ и въ Кисловодскѣ же, Магометъ-Шефи-Шамиль разсказывалъ мнѣ очень много о своемъ знаменитомъ отцѣ.

Я нахожу небезъинтереснымъ привести здѣсь часть этихъ разсказовъ—главнымъ образомъ, то, что можетъ служить поправками къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ, какъ о самомъ имамѣ Шамилѣ, такъ и объ его семьѣ, а равно и такія свѣдѣнія, которыя не были напечатаны вовсе.

Но прежде скажу нѣсколько словъ о пребываніи генерала Шамиля въ Кисловодскѣ, такъ какъ это тоже представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ увидятъ читатели.

За все время своего пребыванія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, Магометъ-Шефи-Шамиль былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ человѣкомъ: имъ всѣ пріѣзжіе въ Кисловодскъ очень интересовались, какъ сыномъ человѣка, которому такъ еще недавно принадлежала часть этого Кавказа, который былъ полновластнымъ владыкою горцевъ, имѣвшимъ право на ихъ жизнь и смерть, и который 25 лѣтъ велъ неустанную войну съ Россіей, считавшеюся самымъ могущественнымъ военнымъ государствомъ въ мірѣ. Еще болѣе, чѣмъ пріѣзжіе на воды, интересовались сыномъ Шамиля горцы. Какъ только прошелъ по Кисловодску и сосѣднимъ ауламъ слухъ, что сынъ Шамиля пріѣхалъ на Кавказъ, и объ этомъ узнали ближайшія горскія племена—кабардинцы, карачаевцы и другія,—то вскорѣ же въ аллеяхъ Кисловодскаго парка стали появляться совсѣмъ необычные посѣтители водъ: можно было встрѣтить согбенныхъ уже, но все еще статныхъ и величавыхъ стариковъ-горцевъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, выжидавшихъ возможности взглянуть «на сына Шамиля»... И Богъ вѣсть, какое чувство западало въ душу этихъ былыхъ героевъ, закалившихся въ своей давно минувшей, героической, чисто-легендарной борьбѣ съ Россіей, когда передъ ними проходилъ сынъ ихъ бывшаго духовнаго владыки и неограниченнаго свѣтскаго повелителя,

одѣтый, обыкновенно, въ военную тужурку съ генеральскими погонами!..

Генералъ Магометъ-Шефи не могъ, конечно, не замѣчать этого страстнаго любопытства, возбуждаемаго имъ въ горцахъ. Все дѣло, впрочемъ, только и ограничивалось этимъ безмолвнымъ—и совершенно безвреднымъ—созерцаніемъ: горцы никогда не рѣшались заговорить съ генераломъ, или разспрашивать его о чемъ-нибудь... Самъ генералъ тоже никогда ихъ не останавливалъ и не заговаривалъ съ ними. Разъ только при мнѣ, ему встрѣтилась цѣлая семья довольно, повидимому, богатыхъ кабардинцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, но безъ чадръ у женщинъ, т. е. съ открытыми лицами, состоящая изъ двухъ женщинъ и дѣтей, и онъ заговорилъ съ ними на туземномъ нарѣчіи: спросилъ ихъ, изъ какого онѣ аула и зачѣмъ пріѣхали?.. Оказалось, что кабардинки лѣчились въ Пятигорскѣ, а затѣмъ пріѣхали доканчивать свое лѣченіе въ Кисловодскъ. Самъ Магометъ-Шефи пріѣхалъ на воды изъ Казани, тоже ради лѣченія; онъ пользовался, собственно, эссентукскими водами, которыя пилъ, живя въ Кисловодскѣ и купаясь въ Нарзанѣ. Ничто другое не призывало его на Кавказъ и не связывало съ нимъ.

Изъ всѣхъ его родныхъ проживалъ на Кавказѣ лишь о д и н ъ его шуринъ—Абдурахимъ, женатый на дочери Шамиля, Фатиматъ, давно уже умершей. Абдурахимъ, бывшій тоже на русской службѣ, имѣлъ чинъ подполковника, получалъ пенсію и жилъ «на своемъ хозяйствѣ» въ Кази-Кумухѣ.

У генерала же Шамиля никакого имѣнія на Кавказѣ не было. Его покойному отцу императоръ Александръ II «подарилъ» въ Дагестанѣ (нынѣшняя Дагестанская губернія), въ Аварскомъ округѣ, селеніе (аулъ) Гимры, гдѣ, именно, и родился имамъ, «съ прилежащими къ нему землями»; но съ этимъ высочайшимъ даромъ случилась исторія. Когда Шамиль, въ 1870 году, отправился въ Мекку, то поручилъ управленіе этимъ обширнымъ имѣніемъ своему родственнику (племяннику), Джемалъ-Эдину, съ тѣмъ, чтобы половину доходовъ тотъ бралъ бы себѣ, въ вознагражденіе за труды по управленію имѣніемъ, а другую половину отдавалъ бы на содержаніе сиротъ, дѣтей воиновъ, какъ русскихъ, такъ и черкесовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ во время Кавказской войны. Затѣмъ, прошли долгіе годы; умеръ Шамиль, равно и умеръ и Джемалъ-Эдинъ,—и вотъ, въ этомъ лишь году, генералъ Магометъ-Шефи, пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему высочайше пожалованнаго его отцу имѣнія, находящагося во владѣніи наслѣдниковъ Джемалъ-Эдина. Имѣніе это довольно цѣнное: его пресованные фрукты—персики, абрикосы и пр., въ коли-

чествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, идутъ по всей Россіи, и преимущественно въ Москву и Петербургъ.

Въ настоящее время, генералъ Магометъ-Шефи-Шамиль, продолжая числиться въ Конвоѣ Его Величества, состоитъ въ распоряженіи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и проживаетъ постоянно въ Казани. Въ Казани же Шамиль и женился, такъ какъ его первая жена, Аминатъ, дочь Чохскаго наиба, въ Дагестанѣ, Энькоу-Хаджіо, умерла тоже въ Калугѣ, не перенеся тамошняго климата. Магометъ-Шефи женился на ней еще до своего плѣна, именно въ 1858 году, когда ему, жениху, было всего только 13 лѣтъ, а невѣстѣ—12-ть. Теперешняя супруга генерала Шамиля—дочь именитаго казанскаго мурзы; у нихъ двѣ дочери —красивыя молодыя дѣвушки,—судя по портретамъ, которые мнѣ довелось видѣть у ихъ отца.

Магометъ-Шефи-Шамиль принялъ присягу на вѣрноподданство ранѣе, чѣмъ всѣ остальные члены семьи,—и уже въ 1863 году былъ зачисленъ въ Конвой. Въ сентябрѣ 1866 года, на парадѣ, бывшемъ въ день свадьбы наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, молодой Шамиль подъѣзжалъ, въ качествѣ ординарца отъ Конвоя Его Величества, къ государю Александру II; затѣмъ, вечеромъ, во время торжественнаго бала, въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и старый Шамиль, государь, подойдя къ нему, сказалъ: «я сегодня любовался твоимъ сыномъ—какимъ онъ молодцомъ былъ на конѣ».

Во время послѣдней нашей войны съ турками, Магометъ-Шефи былъ уже полковникомъ. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, онъ, однажды, обратился къ императору съ просьбою—послать его на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію; но покойный Александръ II, съ свойственною ему деликатностью, отказавъ въ просьбѣ, пояснилъ:

— Я не хочу, чтобы ты воевалъ съ единовѣрцами.—И затѣмъ, улыбаясь, прибавилъ: вотъ, подожди войны съ европейцами,—я тебя, тогда, въ первый огонь пошлю.

Не лишенъ также интереса разсказъ генерала Шамиля о милостивомъ отношеніи къ нему и императора Александра Александровича. Пріѣхавъ, однажды, въ Петербургъ изъ Казани въ двухъ-дневный отпускъ, чтобы повидать тяжко больнаго генерала Черевина, ранѣе бывшаго начальникомъ Конвоя, генералъ отправился къ нему въ Царское Село, гдѣ жилъ въ то время и Дворъ. Когда онъ сидѣлъ у больнаго въ спальнѣ, туда неожиданно вошелъ ординарецъ и доложилъ:

— Его величество государь императоръ.

Магометъ-Шефи хотѣлъ-было уйдти въ другую комнату, такъ какъ онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ всего на два дня, не думалъ представляться ни государю, ни военному министру, и даже не имѣлъ съ собою

*

мундира и орденовъ; но генералъ Черевинъ сказалъ, что это невозможно, т. е., чтобы Шамиль какъ бы прятался отъ государя.

Государь, войдя въ комнату, прямо подошелъ къ Магометъ-Шефи:

— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли пріѣхали?

— Только вчера, ваше величество,—отвѣчалъ Магометъ-Шефи.

Государь, пробылъ у больнаго Черевина болѣе получаса и все время былъ очень любезенъ съ Шамилемъ. Такимъ образомъ, необходимо надо было представляться ему оффиціально. Ордена достать было легко; но являлся вопросъ—гдѣ добыть генеральскій мундиръ, который пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немыслимо, такъ какъ надо было представиться въ слѣдующій же день... Въ виду такого безвыходнаго положенія, генералъ Шамиль обратился къ придворному военному портному—не сможетъ ли онъ помочь герою? Портной объявилъ, что въ одинъ день сшить мундиръ никакъ нельзя; но что у него, въ мастерской, имѣется почти законченный, обще-генеральскій мундиръ для государя, которому онъ вовсе не къ спѣху, вслѣдствіе чего онъ, портной, успѣетъ сдѣлать ему новый. Магометъ-Шефи примѣрилъ мундиръ—и онъ, къ изумленію его и портнаго, оказался сшитымъ какъ-будто бы прямо по немъ. Въ этомъ мундирѣ пріѣзжій генералъ и представлялся, а для государя сдѣлали новый.

Но еще болѣе интересный эпизодъ въ жизни генерала Магомета-Шефи случился съ нимъ въ Парижѣ. Онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ графомъ К—ымъ; и вотъ, однажды, пробѣгая «Фигаро», графъ былъ пораженъ публикаціей-рекламой, приглашающей почтеннѣйшую публику посѣтить въ пассажѣ—сообщался адресъ—«сына знаменитаго Шамиля, бывшаго владыки Кавказа, воевавшаго съ русскими варварами въ теченіе сорока лѣтъ»; затѣмъ прибавлялось, что сынъ этотъ, по имени Магометъ-Шефи, имѣетъ множество ранъ и лишь чудомъ спасся отъ смерти во время гунибскаго боя. Въ концѣ прибавлялось, конечно, что это удовольствіе стóитъ всего одинъ франкъ... Нечего, конечно, говорить, какъ глубоко былъ возмущенъ этою публикаціей дѣйствительный сынъ Шамиля, находившійся, по счастію, въ это время въ Парижѣ, и графу К. стоило не малаго труда удержать бывшаго горца отъ немедленной поѣздки къ обманщику, для расправы съ нимъ... Когда чувство перваго пыла негодованія улеглось, полковникъ Шамиль и графъ К. поѣхали по указанному адресу. Заплативъ два франка, они были допущены къ лицезрѣнію «сына Шамиля»... Это былъ громаднаго роста человѣкъ, брюнетъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ и обвѣшанный съ ногъ до головы оружіемъ; по національности, онъ оказался армяниномъ. Черезъ переводчика, знающаго армянскій и французскій языки, онъ изъяснялся съ публикою. Графъ К. обратился къ

нему на французскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполнѣ выдержалъ свою роль посторонняго посѣтителя: онъ спросилъ обманщика прямо по-русски:

— Вы, дѣйствительно, сынъ Шамиля?

Армянинъ, услышавъ русскій языкъ, вначалѣ сконфузился-было немного, но затѣмъ, оправившись, началъ свое безстыдное вранье...

Шамиль взялъ подъ руку графа К., отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Поѣзжайте въ посольство, разскажите посланнику всю эту исторію и попросите немедленно принять мѣры къ арестованію этого обманщика. А я останусь здѣсь и не отойду отъ него ни на шагъ.

Спустя нѣкоторое время, графъ К. вернулся обратно, въ сопутствіи нѣсколькихъ французскихъ полицейскихъ чиновниковъ, и армянинъ былъ тотчасъ же арестованъ и, затѣмъ, препровожденъ въ Россію, на расправу.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ генераломъ Шамилемъ въ Петербургѣ, въ его скромномъ номерѣ въ Офицерскомъ собраніи. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, сильно расхворался и находился, вдобавокъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ извѣстія о внезапной смерти въ Казани одного изъ близкихъ своихъ друзей, генерала П—ина, который, въ послѣднее время, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Офицерскомъ же собраніи и только за недѣлю передъ своею смертью выѣхалъ изъ Петербурга. Между прочимъ, я сталъ разсказывать генералу о томъ сочувствіи, которое возбуждаютъ къ себѣ воюющіе буры—со стороны почти всѣхъ европейскихъ державъ и даже Америки. Шамиль внимательно слушалъ меня и, затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— А вотъ, моему отцу, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никто не помогалъ!..

II.

Поправка къ біографіи Шамиля и его юность.—Его первыя схватки съ русскими.—Его легендарный подвигъ въ Гимрахъ.—Шашка Шамиля.—Невинность Шамиля въ избіеніи аварскихъ хановъ.—Фатализмъ Гамзатъ-Бека и предостереженія Шамиля.—Нападеніе на соннаго Шамиля въ Веденѣ.—Религіозная терпимость Шамиля.—Его намѣреніе уничтожить рабство на Кавказѣ.

Перехожу, затѣмъ, къ тѣмъ дополненіямъ о покойномъ имамѣ Шамилѣ, которыя мнѣ довелось слышать отъ его сына, генерала Магометъ-Шефи.

Нѣкоторые біографы Шамиля сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ, будто бы, пастухомъ козъ въ Дагестанѣ. Это не вѣрно: Шамиль былъ сыномъ аварскаго уздения Денгау-Магомета; мать же его была дочерью аварскаго бека, Пиръ-Будоха; имя ея было Баху-Меседу. Уздень—это именитый гражданинъ, бекъ—дворянинъ, иногда владѣтельный; собственно князей въ Дагестанѣ нѣтъ. И впослѣдствіи, когда Шамиль предсталъ предъ княземъ Барятинскимъ въ 1859 году, онъ самъ назвалъ себя узденемъ: «Я—простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за религію и свободу моего края»,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ своей рѣчи... Воспитаніе Шамиля и обученіе было очень серіозное—для горца: онъ, послѣ первоначальнаго обученія, былъ отправленъ отцомъ въ Унцукуль, къ знаменитому среди горцевъ ученому Джемалъ-Эддину, у котораго и пробылъ съ 12-ти до 20-ти лѣтъ, обучаясь различнымъ наукамъ и, между прочимъ, арабскому языку, философіи и законовѣдѣнію. Въ особенности, юнаго Шамиля плѣняли разсказы о жизни и подвигахъ древнихъ героевъ Греціи и Рима. Вся жизнь его въ тотъ цвѣтущій возрастъ проходила въ занятіяхъ науками и молитвѣ, такъ какъ учитель его былъ, въ то же время, и очень религіозный человѣкъ. Лишь иногда, жизнь молодаго Шамиля разнообразилась боевыми схватками съ русскими, для чего приходилось становиться въ ряды дагестанцевъ, предпринимавшихъ набѣги въ русскіе предѣлы. Онъ обладалъ необычайною физическою силою и былъ очень отваженъ. Его физическая ловкость въ прыганьи и бѣгѣ не имѣла себѣ равныхъ,—и мы далѣе увидимъ, какъ эти, чисто-физическія доблести, въ соединеніи съ феноменальною его силою, спасали, не разъ, ему жизнь. Въ единоборствѣ онъ между своими сверстниками и горцами вообще не имѣлъ равныхъ.

Главныя военныя отличія Шамиля въ рядахъ чеченцевъ начинаются, собственно, съ тридцатыхъ годовъ, подъ начальствомъ перваго имама Кавказа, Кази-Магомета (Кази-Муллы), въ учиненныхъ имъ набѣгахъ на Аварію, преданную, въ лицѣ своихъ хановъ, русскому правительству. Самый же легендарный подвигъ Шамиля, обратившій на него вниманіе всѣхъ горскихъ племенъ, произошелъ, какъ извѣстно, въ Гимрахъ, въ 1832 году, когда Кази-Магометъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отрядомъ барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся съ Шамилемъ и пятнадцатью, самыми преданными ему мюридами, въ башнѣ. И вотъ когда половина мюридовъ были уже перебиты, Кази-Мулла предложилъ Шамилю выскочить съ нимъ изъ башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-Мулла выскочилъ первымъ и былъ тотчасъ же заколотъ штыками. Шамиль же, видя у дверей двухъ солдатъ съ ружьями, готовыми выстрѣлить по тому смѣльчаку, который рѣшится выскочить, подобно Кази-Муллѣ, выпрыгнулъ изъ верхнихъ

дверей башни,—и такъ ловко и далеко, что очутился позади этихъ двухъ и, мгновенно изрубивъ ихъ, погнался за третьимъ солдатомъ, убѣгавшимъ отъ него, нагналъ его и убилъ. Такъ какъ стрѣлять въ Шамиля въ это время никто не рѣшался, потому что кругомъ были солдаты и легко можно было, поэтому, попасть въ своихъ же, то борьба велась лишь холоднымъ оружіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда Шамиль рубилъ на смерть третьяго солдата, къ нему подбѣжалъ четвертый и ударилъ его штыкомъ въ грудь, и такъ сильно, что штыкъ вышелъ въ спину, у правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватилъ шашку въ лѣвую руку [1]), однимъ сильнымъ ударомъ разрубилъ солдату голову и побѣжалъ къ находившимся неподалеку густымъ деревьямъ. Охваченные паническимъ страхомъ и изумленные необычайною силою и отчаяннымъ мужествомъ Шамиля, изрубившаго уже четырехъ человѣкъ, солдаты отхлынули отъ него... Въ этотъ моментъ, вблизи его очутился мюридъ Магометъ-Али, единственный нераненый горецъ изъ бывшихъ въ башнѣ: пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было сосредоточено на Шамилѣ, онъ безпрепятственно выскочилъ изъ башни и съ крикомъ: «Аллахъ! Аллахъ!» явился на помощь Шамилю... Вдвоемъ они добѣжали до деревьевъ и скрылись; но вскорѣ Шамиль, истекая кровью, упалъ въ изнеможеніи, снялъ съ себя шашку и, отдавая ее Магомету-Али, сказалъ: «Сбереги мою шашку; она мнѣ не нужна больше,—я умираю»... Съ этими словами, Шамиль склонилъ голову, и изъ его рта хлынула кровь... Русскіе сочли его убитымъ и оставили въ покоѣ, а Магометъ-Али, отбѣжавъ въ сторону, наблюдалъ за Шамилемъ издали и, съ наступленіемъ вечера, поспѣшилъ къ нему на помощь и перевязалъ ему раны, а ночью отвелъ его въ ближайшій аулъ Унцукуль, гдѣ жилъ тесть Шамиля, Абдулъ-Азисъ, славившійся въ Дагестанѣ, какъ искусный врачъ. Три мѣсяца Шамиль находился между жизнію и смертію, но могучая натура превозмогла,—и онъ понемногу оправился. Раны помѣшали лишь избранію его въ имамы, каковое званіе и перешло къ Гамзатъ-Беку. Шашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, такъ что никто изъ горцевъ не могъ владѣть ею. Эта шашка находится въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ генералъ Шамиль, въ Меккѣ, у старшаго сына Шамиля, Кази-Магомы.

Въ общемъ, Шамиль, по словамъ его сына, Магометъ-Шефи,

---

[1]) Во многихъ описаніяхъ и разсказахъ объ этой памятной для Шамиля и русскихъ битвѣ, утверждается, что Шамиль былъ л ѣ в ш а. Это не вѣрно: генералъ Магометъ-Шефи, передавшій мнѣ всѣ подробности этого эпизода, объяснилъ, что его отецъ могъ рубить одинаково и правою и лѣвою руками—т. е., когда уставала въ бою одна рука, онъ бралъ шашку въ другую руку. И. З.

имѣлъ 19-ть ранъ холоднымъ оружіемъ и три раны пулевыхъ; одна русская пуля такъ и осталась въ немъ навсегда и похоронена вмѣстѣ съ нимъ.

При слѣдующемъ имамѣ (второмъ), Гамзатъ-Бекѣ, въ 1834 году, произведено было нападеніе мюридовъ на Хунзахъ, принадлежащій преданнымъ намъ аварскимъ ханамъ, при чемъ произошло и самое избіеніе этихъ хановъ. Разсказывая объ этомъ кровавомъ эпизодѣ, почти всѣ историки Кавказской войны обвиняютъ Шамиля, внушившаго, будто бы, Гамзатъ-Беку мысль воспользоваться пребываніемъ хановъ въ лагерѣ дагестанцевъ при рѣкѣ Тоботѣ и перебить ихъ, съ цѣлью подчинить своему вліянію аварцевъ и склонить ихъ, затѣмъ, къ газавату—то-есть, къ веденію священной войны противъ русскихъ,—такъ какъ ханскій аварскій домъ былъ главнымъ препятствіемъ введенію газавата въ Аваріи и къ распространенію власти имамовъ въ ея горахъ и аулахъ.

Въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Шамиля,—отецъ его отнюдь не подстрекалъ Гамзатъ-Бека къ избіенію рода аварскихъ хановъ (Шамиль, будто бы, сказалъ Гамзатъ-Беку, когда аварскіе ханы явились въ его лагерь: «Куй желѣзо, пока горячо!..») и не хотѣлъ происшедшей рѣзни. Какъ на доказательство неучастія Шамиля въ этомъ трагическомъ и вѣроломномъ событіи, генералъ Шамиль указываетъ на то обстоятельство, что, когда его отецъ, послѣ убіенія Гамзатъ-Бека, былъ избранъ имамомъ, онъ тотчасъ же приказалъ снести головы всѣмъ тѣмъ, кто, по приказу Гамзатъ-Бека, убивалъ аварскихъ хановъ и ихъ свиту. Равно, онъ приказалъ казнить и тѣхъ аварцевъ, которые потомъ, два года спустя послѣ избіенія ихъ хановъ, убили Гамзатъ-Бека. При этомъ, передавая мнѣ подробности избіенія хановъ, генералъ Шамиль сообщилъ слѣдующую интересную подробность. Когда, съ наступленіемъ ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзатъ-Бека рѣзня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь отъ нападавшихъ на него нукеровъ, которые, зная его за друга Гамзатъ-Бека, хотѣли непремѣнно его убить. Среди самаго пыла битвы, одинъ аварскій бекъ крикнулъ: «Изрубите Шамиля! онъ въ бѣлой чалмѣ»... Тогда Шамиль быстро снялъ съ себя чалму (бѣлую) и надѣлъ ее на перваго, подвернувшагося ему мюрида, а его черную папаху надѣлъ на себя; мюридъ, слышавшій, тоже, крикъ аварца, безпрекословно повиновался Шамилю—и вскорѣ былъ изрубленъ въ куски, а Шамиль остался живъ, получивъ лишь легкую рану шашкой. Какъ извѣстно, вся эта страшная рѣзня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотѣли, по его приказу, взять изъ свиты аварскихъ хановъ лишь одного узденя Буга, жителя селенія Цудахаръ, убившаго когда-то двоюроднаго брата Гамзатъ-Бека, нѣкоего Амира-Али; аварцы отказались выдать Буга, и когда мюриды стали брать его силою, начался споръ,

во время котораго одинъ изъ нукеровъ сдѣлалъ въ мюрида выстрѣлъ; это и послужило сигналомъ къ общей рѣзнѣ между давно уже враждовавшими между собою аварцами, съ одной стороны, и партіею мюридовъ Чечни и Дагестана,—съ другой.

Передъ убійствомъ Гамзатъ-Бека, Шамиль всячески предостерегалъ его отъ возможности со стороны аварцевъ отмщенія за смерть ихъ хановъ: Шамиль совѣтовалъ имаму, между прочимъ, не избирать своей резиденціей аварскій Хунзахъ, а находиться по-прежнему въ Гоцатлѣ; но Гамзатъ-Бекъ не внималъ его совѣтамъ и, какъ бы фатально, шелъ на встрѣчу смерти. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ по этому поводу генералъ Магометъ-Шефи (узнавшій ихъ отъ своего покойнаго отца). Отецъ его, Шамиль, за два дня до убійства, предостерегалъ Гамзатъ-Бека отъ поѣздки, по случаю предстоящаго праздника, въ мечеть; но Гамзатъ, будучи фаталистомъ, отвѣчалъ ему:

— Не боюсь. Будетъ то, что написано мнѣ на доскахъ предопредѣленія.—Посланному же Шамиля, подавшему ему письмо, онъ сказалъ:—Никто не можетъ остановить ангела, если Аллахъ пошлетъ его за душой человѣка...

Получивъ эти отвѣты, Шамиль тотчасъ же отправилъ Гамзатъ-Беку второе письмо, въ которомъ писалъ: «Ты очень слѣпо вѣришь въ предопредѣленіе. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы,—и ты увидишь, что навѣрное погибнешь, хотя бы тебѣ, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лѣтъ». Это второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено въ карманѣ архалука убитаго имама.

Не менѣе трагическіе эпизоды происходили, иногда, съ Шамилемъ и внѣ столкновеній съ партійными врагами въ горахъ и съ русскими отрядами. Такъ, напр., однажды, въ Веденѣ, ночью, произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. Къ нему въ Ведень былъ доставленъ уздень (а не русскій солдатъ, какъ утверждаетъ г-жа Чичагова въ своихъ запискахъ), заподозрѣнный въ желаніи передаться русскимъ, т. е. объявить себя и свое селеніе «мирнымъ». Шамиль приказалъ его ослѣпить, а затѣмъ, посадить, пока, въ глубокую яму, служившую мѣстомъ ареста для виновныхъ. Какъ могъ выбраться оттуда ослѣпленный уздень, какъ могъ онъ подкрасться къ двумъ соннымъ тѣлохранителямъ Шамиля, вздремнувшимъ у входа въ домъ имама и даже, безъ всякаго шума, убить ихъ обоихъ и кто далъ ему кинжалъ,—все это осталось неизвѣстнымъ... Но только жизнь Шамиля висѣла въ эту страшную для него ночь на волоскѣ: убійца, прикончивъ часовыхъ, тихо прокрался въ его спальню и ударилъ соннаго Шамиля, раздѣтаго и безоружнаго, кинжаломъ въ бокъ, нанеся ему, по счастію, не опасную рану. Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силѣ: онъ,

проснувшись, быстро обхватилъ нападавшаго руками и совсѣмъ сдавилъ его въ своихъ могучихъ, желѣзныхъ объятіяхъ, а зубами сталъ грызть его за голову. Когда, наконецъ, прибѣжали къ Шамилю на помощь и онъ разжалъ руки, то на полъ упалъ совсѣмъ уже умирающій человѣкъ, который, спустя нѣсколько минутъ, и испустилъ духъ, унеся съ собою въ могилу тайну оказаннаго ему кѣмъ-то содѣйствія... Шамиль, послѣ этого ночнаго нападенія на него, нѣсколько реформировалъ лишь свой личный конвой, состоявшій изъ двухъ-сотъ тѣлохранителей, набранныхъ, преимущественно, изъ жителей аула Чиркей, питавшаго особую ненависть къ русскимъ.

Въ сферѣ управленія подвластными ему племенами горцевъ и вообще въ администраціи, имамъ Шамиль не былъ особеннымъ фанатикомъ и проявлялъ, иногда, удивительную для магометанина снисходительность къ чуждой ему религіи. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ къ нему въ горы отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны русскихъ властей, открыто отправлять свое богослуженіе въ устраиваемыхъ ими часовняхъ, а также предоставилъ имъ право устраивать и свои скиты—гдѣ пожелаютъ. Онъ даже не бралъ съ нихъ за это право никакихъ налоговъ. По словамъ генерала Магометъ-Шефи, отецъ его хотѣлъ даже освободить всѣхъ рабовъ подвѣдомственныхъ ему горскихъ племенъ; но наибы, владѣтельные «султаны» и беки, прослышавъ объ этомъ, явились въ его резиденцію, въ Веденъ, и прямо угрожали имаму, что если только онъ приведетъ въ исполненіе эту мѣру, то они всѣ примутъ русское подданство—и у нихъ, слѣдовательно, будутъ существовать русскіе порядки съ ихъ крѣпостнымъ правомъ.... Это сообщеніе чрезвычайно интересно и знаменательно.

III.

Столкновеніе Шамиля съ приставомъ Пржецлавскимъ.—Отказъ Шамиля подписать петицію въ пользу поляковъ.—Мщеніе пристава Шамилю, его козни и интриги.—Жалоба Шамиля губернатору Лерхе.—Несостоявшееся прибытіе новаго пристава.—Обращеніе Шамиля къ заступничеству новаго калужскаго губернатора, Спасскаго.—Прибытіе въ Калугу полковника Брока на слѣдствіе.—Увольненіе пристава Пржецлавскаго.—Смертность въ семьѣ Шамиля въ Калугѣ.—Переводъ его въ Кіевъ.—Увольненіе въ Мекку.—Смерть Шамиля.—Его популярность въ Меккѣ и Константинополѣ.—Его записки о войнѣ на Кавказѣ.

По милости полковника Пржецлавскаго, бывшаго приставомъ при Шамилѣ въ Калугѣ же (послѣ А. И. Руновскаго), знаменитый плѣн-

никъ едва не былъ сосланъ въ Вятку. Исторія этого столкновенія между имамомъ и приставомъ не могла быть своевременно опубликована по крайней деликатности Шамиля, не выдавшаго даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой исторіи прошло 37 лѣтъ, представляется возможнымъ огласить истинныя причины, послужившія къ столкновенію, или, скорѣе, ко взаимной ненависти между Шамилемъ и его стражемъ. Объ этихъ «истинныхъ причинахъ» разсказалъ мнѣ генералъ Шамиль, и его разсказъ долженъ, въ то же время, опровергнуть многія неточности и даже, просто, выдумки, занесенныя полковникомъ Пржецлавскимъ въ его «Дневникъ», появившійся въ 1877 году, на страницахъ «Русской Старины».

У пристава Пржецлавскаго произошло, уже на первыхъ порахъ, съ Шамилемъ слѣдующее неудовольствіе. Этотъ приставъ, служившій ранѣе на Кавказѣ, добылъ тамъ отъ какого-то лѣтописца-муллы рукопись на арабскомъ языкѣ «О трехъ имамахъ»—т. е. о Кази-Муллѣ, Гамзатъ-Бекѣ и Шамилѣ; затѣмъ, переведя эту рукопись на русскій языкъ съ цѣлію напечатать ее, онъ далъ переводъ (но не подлинникъ) Шамилю, прося его засвидѣтельствовать своею подписью вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ разсказѣ. Шамиль, не видя въ глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать переводъ Пржецлавскаго. Это и послужило первымъ, хотя еще и не особенно важнымъ, поводомъ къ непріятнымъ отношеніямъ, установившимся между приставомъ и плѣннымъ имамомъ. Объ этомъ неудовольствіи упоминается, между прочимъ, и въ книгѣ г-жи Чичаговой о пребываніи Шамиля въ Калугѣ. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржецлавскаго противу Шамиля, была не та; она заключалась—какъ разсказалъ мнѣ генералъ Шамиль—въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежъ былъ уже подавленъ, а надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржецлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ этомъ мятежѣ, постоянно описывая, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ, Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ «жестокостяхъ» государь ничего не знаетъ и не вѣдаетъ—и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвилъ ему слово за «несчастныхъ...» Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропускалъ всѣ эти подходы пристава мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными разговорами. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о «жестокостяхъ», претерпѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности,

почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подалъ Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста—на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шамиля, а по-русски—для государя. Шамиль, пораженный такою назойливостью, взялъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Въ письмѣ говорилось, приблизительно, вотъ что:... «Четыре года тому назадъ, русскому государю была дарована Богомъ полная побѣда надъ кавказскими горцами, воевавшими болѣе полувѣка съ Бѣлымъ царемъ. По своему величайшему милосердію, государю угодно было забыть о вредѣ и кровопролитіяхъ, учиненныхъ за время войны горскими племенами, а самому имаму—даровать полное прощеніе и осыпать его величайшими благодѣяніями и щедротами. Теперь повторилось-де то же самое: побѣдоносныя войска государя одолѣли возставшихъ поляковъ—и война окончилась. Но послѣдствія побѣды, въ настоящее время, не тѣ, что были 4 года назадъ: т о г д а дагестанцамъ и другимъ племенамъ даровано было прощеніе; т е п е р ь ж е побѣжденныхъ и виновныхъ постигаетъ тяжкая кара: смертныя казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискація имуществъ, и пр. И вотъ, онъ, смиренный старецъ Шамиль, освѣдомившись обо всемъ этомъ, осмѣливается-де обратиться къ сердцу великаго государя и молить его о проявленіи того же великодушія къ побѣжденнымъ полякамъ, какое онъ, государь, проявилъ въ 1859 году къ нему, Шамилю, къ его семьѣ и всѣмъ, воевавшимъ вмѣстѣ съ нимъ напбамъ...» и т. д.

Вотъ смыслъ письма, преподнесеннаго, по разсказу генерала Шамиля, приставомъ Пржецлавскимъ, для подписи, плѣнному его отцу. Дѣло задумано было недурно—въ смыслѣ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ, дѣйствительно несчастныхъ, собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало зналъ характеръ осторожнаго и умнаго Шамиля, если позволилъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего приставника, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь безпокоить государя такими письмами.

Полковникъ Пржецлавскій съумѣлъ, въ это время, не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взялъ съ него обѣщаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую, съ тѣхъ поръ, сталъ питать приставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ, постепенно, но системати-

чески, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждымъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его милостями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія [1]); что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества, и пр.

Шамиль, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и непріятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, попросилъ губернатора Лерхе походатайствовать о смѣнѣ пристава. Вскорѣ, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу деницкъ капитана по фамиліи Семенова, назначеннаго на смѣну Пржецлавскаго, съ письмомъ къ нему, въ которомъ Семеновъ писалъ приставу: «Я назначенъ на ваше мѣсто: примите мои вещи», и пр.; но, спустя нѣкоторое время, стало извѣстно, что полковникъ Пржецлавскій оставленъ, по-прежнему, на своемъ мѣстѣ... Предполагалось, что имъ былъ совершенъ положительный подлогъ, съ цѣлію удержаться на своей должности: по выраженному самимъ Шамилемъ подозрѣнію, впослѣдствіи подтвердившемуся,—Пржецлавскій написалъ, отъ имени имама, письмо въ военное министерство, съ просьбою оставить при немъ, Шамилѣ, прежняго пристава...

Такъ прошло еще два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ по-прежнему, всячески изводить и принижать Шамиля... Тогда имамъ, съ свойственною ему прямотою, обратился прямо къ генералъ-маіору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только-что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, выслушалъ бы его жалобу на приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ, чрезъ переводчика, о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и непріятностяхъ и просилъ

---

[1]) Шамиль получалъ въ это время въ Калугѣ вполнѣ достаточное содержаніе: готовую квартиру въ домѣ Сухотина, экипажъ и 15.000 рублей въ годъ. И. З.

собраніе ходатайствовать объ его смѣнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ и о своемъ отказѣ удостовѣрить рукопись «О трехъ имамахъ», но не упомянулъ все-таки ни однимъ словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія—о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

Собраніе внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля, на первыхъ порахъ, очень неожиданны и непріятны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

Къ счастію для Шамиля, губернскій воинскій начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьею, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого непріятнаго дѣла и всѣ интриги пристава—до подложнаго письма отъ имени Шамиля къ военному министру включительно.

Въ концѣ концовъ, приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ и отъ котораго онъ, не разъ, былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человѣкомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва, иногда, удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ неблагороднымъ врагомъ...

Дальнѣйшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый—сравнительно съ Кавказомъ—климатъ Калуги сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 19-ть имѣвшихся у него ранъ: его исполинская, желѣзная натура стала видимо ослабѣвать... Этотъ климатъ еще сильнѣе и быстрѣе сталъ отражаться на женщинахъ семьи Шамиля: вначалѣ, умерла отъ скоротечной чахотки самая красивая изъ всѣхъ женщинъ семьи Шамиля—Кариматъ, жена старшаго его сына Кази-Магомы; затѣмъ, умерла отъ чахотки же любимѣйшая дочь Шамиля Нафисата, жена Абдуррахмана, и т. д.; вообще, въ Калугѣ, за время десятилѣтняго пребыванія тамъ Шамиля, умерло, всего, семнадцать человѣкъ—изъ семьи и свиты плѣнника,—считая въ томъ числѣ и прислугу. Вольнымъ сынамъ горъ, привыкшимъ къ мягкому горному воздуху и дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ своей родины, было тяжело и душно жить въ Калугѣ... Разъ, Шамиль, будучи въ Петербургѣ, въ 1861 году, просился въ Мекку; но ему дано было понять, что эта просьба преждевременна. Въ бытность же

свою въ томъ же Петербургѣ въ 1866 году, на торжествахъ бракосочетанія цесаревича Александра Александровича, онъ не рѣшился возобновлять свое ходатайство. Наконецъ, въ октябрѣ 1869 года, онъ былъ переведенъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ климатъ былъ все-таки мягче и теплѣе. Затѣмъ, въ началѣ 1870 года, Шамиль, имѣя уже 74 года, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Мекку со всѣмъ своимъ семействомъ—съ женами, дочерьми, зятьями и младшимъ сыномъ Магометомъ, за исключеніемъ двухъ сыновей: Кази-Магомы, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефи, уже служившаго въ то время въ Конвоѣ Его Величества офицеромъ.

Недолго—менѣе года—пожилъ старый Шамиль на волѣ: 4-го февраля 1871 года онъ умеръ, окруженный почти всею своею семьею, такъ какъ и Кази-Магомѣ было потомъ дозволено уѣхать къ умирающему отцу. По разсказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 году, свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 года, поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести, ровнымъ шагомъ, особый поводарь. Случилось, что, въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другаго, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба продвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно расшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль и скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же, на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки.

Популярность Шамиля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, каковыя выпали на долю бывшаго властителя Кавказа. Напримѣръ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили, наконецъ, назначить для Шамиля особые ночные часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за нимъ вслѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы.

Не меньшій почетъ онъ встрѣтилъ и въ Константинополѣ, когда заѣхалъ туда по дорогѣ изъ Одессы. Султанъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, какою удостоивалъ только хедива и царствен-

ныхъ особъ, и при всѣхъ поцѣловалъ его руку; а когда Шамилю доводилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлисы падали предъ нимъ ницъ и лежали распростертые на землѣ все время, пока онъ мимо нихъ проходилъ или проѣзжалъ. Таково было въ глазахъ турокъ и другихъ восточныхъ народовъ обаяніе человѣка, провоевавшаго съ могущественною Россійскою имперіей почти 25 лѣтъ,—въ то время, какъ та же Турція, начиная съ нами свои войны, всегда вынуждаема была заканчивать ихъ невыгоднымъ для нея миромъ—по истеченіи года, или, много-много двухъ лѣтъ.

Объ этой своей войнѣ съ русскими войсками на Кавказѣ имамъ Шамиль, за время своего десятилѣтняго проживанія въ плѣну, въ Калугѣ, составилъ подробныя записки на арабскомъ языкѣ, которыя находятся, въ настоящее время, у его старшаго сына, Кази-Магомы, проживающаго въ Мединѣ.

IV.

Дальнѣйшая судьба родственниковъ Шамиля.—Смерть его женъ, Зайдаты и Шуанаты. — Смерть отъ чахотки дочерей Шамиля и прочихъ родныхъ. — Измѣна Кази-Магомы.—Судьба младшаго сына Шамиля, Магомета.—Трагическая смерть наиба Хаджіо. — Ссылка его убійцъ въ Сибирь. — Поправка къ книгѣ г-жи Чичаговой о Шамилѣ.—Мнимое „скряжничество“ Шамиля по запискамъ пристава Пржецлавскаго. — Гостепріимство генерала Магометъ-Шефи-Шамиля.

Теперь я нахожу небезъинтереснымъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ членовъ семьи Шамиля и близкихъ къ нему лицъ.

Всѣ женщины, жившія съ Шамилемъ въ Калугѣ—его жены, дочери и снохи—въ настоящее время не находятся въ живыхъ. Я уже упоминалъ о смерти красавицы Кариматъ, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты—отъ скоротечной чахотки, приключившейся отъ суроваго, сравнительно съ Кавказомъ, климата Калуги. Точно также и здоровье остальныхъ женщинъ было подорвано десятилѣтнимъ проживаніемъ въ плѣну въ названномъ городѣ. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три мѣсяца и умерла въ маѣ 1871 года, въ Таифѣ, близъ Мекки, и была въ Меккѣ же и похоронена. Шуаната, любимѣйшая жена имама, мужественнѣе всѣхъ другихъ женщинъ перенесла калужскій климатъ, такъ какъ была, по рожденію, армянка, а не жительница горъ; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лѣтъ и умерла въ Константинополѣ въ 1878 году; тамъ же она была и похоронена. Умерли также и

всѣ дочери Шамиля,—Наджаватъ, Фатиматъ, Баху-Меседу и Сафіятъ, а также и жена средняго сына Шамиля, нынѣ генерала Магомета-Шефи,—Аминатъ. Умерли и всѣ зятья Шамиля, кромѣ Амбурахима, о которымъ я упоминалъ выше.

Остались въ живыхъ всѣ три сына Шамиля: старшій Кази-Магома, средній—генералъ-маіоръ Магометъ-Шефи и младшій,—Магометъ, родившійся у Шамиля отъ Зайдаты, въ Калугѣ, въ 1861 году. О старшемъ изъ нихъ, Кази-Магомѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Когда я встрѣчалъ его въ Калугѣ, въ началѣ 1860 года, это былъ громаднаго роста горецъ, немного сутулый и короткошеій, безъ всякой растительности на лицѣ (онъ брился тогда),—что вполнѣ дозволяло видѣть его суровое, непривѣтливое и несимпатичное лицо. Съ нами, молодыми офицерами, онъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ, составляя въ этомъ случаѣ полную противоположность своему другому брату Магомету-Шефи и мюриду Хаджіо, которые были всегда очень привѣтливы и разговорчивы. Не знаю почему, но въ Калугѣ всѣ были увѣрены въ то время, между прочимъ, и въ «преданности» Кази-Магомы,—и эта увѣренность доходила до того, что назначенный, впослѣдствіи, въ Калугу губернскій воинскій начальникъ генералъ-маіоръ Чичаговъ уговаривалъ даже этого угрюмаго горца ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Но послѣдствія, однако, показали, что это были однѣ только иллюзіи и излишняя довѣрчивость, столь свойственныя добродушной русской натурѣ. Да едва-ли и можно было ожидать, чтобы этотъ гордый и самолюбивый горецъ, сынъ всесильнаго и властнаго имама, могъ примириться съ печальною участью военно-плѣннаго... При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Кази-Магома, будучи всего семи лѣтъ отъ роду, былъ уже раненъ русскою пулею [1]) и испыталъ, слѣдовательно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ спльныя физическія мученія, которыя не легко забываются. Затѣмъ, онъ потерялъ въ Калугѣ страстно любимую имъ жену, бывшую первою красавицей Кавказа, Каримать, не вынесшую плѣна въ суровомъ климатѣ. Это едва-ли могло поселить въ сердцѣ Кази-Магомы особую пріязнь и расположеніе къ русскимъ,—въ особенности, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что этотъ человѣкъ, прежде чѣмъ попасть въ Калугу, уже закалилъ себя въ бояхъ, не разъ предводительствуя многочисленными отрядами горцевъ,

[1]) Это было при взятіи русскими войсками у горцевъ аула Ахульго, когда русскими же пулями была убита жена Шамиля гимрянка Джовгарадъ, въ то время, когда она кормила грудью своего сына Санда, который, вскорѣ, былъ тоже убитъ русскою пулею. Шамиль спасся въ это время лишь чудомъ и только благодаря своей отвагѣ и необычайной физической силѣ: онъ спустился по веревкѣ къ обрыву рѣки Койсу, имѣя на плечахъ семилѣтняго раненаго сына, Кази-Магому. И. З.

сдѣлавшихъ даже, подъ его начальствомъ, извѣстный побѣдоносный набѣгъ въ Грузію и Кахетію чрезъ Алазань, въ 1853 году, когда, напавъ на Цинандалы, Кази-Магома взялъ въ плѣнъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, съ ихъ дѣтьми, гувернантками и прислугой; слѣдуетъ помнить и то, что онъ и самъ, какъ старшій сынъ Шамиля, имѣлъ уже въ Дагестанѣ громадную власть и вліяніе. Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени можетъ оправдывать вѣроломный поступокъ Кази-Магомы, совершонный имъ въ 1870 году, когда, будучи отпущенъ изъ Россіи въ Мекку, для свиданія съ тяжко больнымъ отцомъ, онъ, похоронивъ Шамиля, не пожелалъ уже вернуться въ Россію и даже не отпустилъ отъ себя младшаго брата Магомета, а также и никого изъ членовъ семьи Шамиля,— такъ что въ Россіи остались лишь средній сынъ, Магометъ-Шефи и зятья— Абдурахимъ и Абдурахманъ. Мало этого: въ 1877 году, Кази-Магома, состоявшій уже въ турецкой арміи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, обложилъ Баязетъ и требовалъ сдачи этой крѣпости, въ которой оборонялась небольшая часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ мужественнаго капитана Штоквича. Извѣстно, что на это требованіе Штоквичъ отвѣтилъ Кази-Магомѣ слѣдующею фразой: «Кази-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, но не сдавать ихъ»...

Предательство Кази-Магомы усугубляется еще и тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и зятьями, принялъ, 26-го августа 1866 года, въ Калугѣ присягу на вѣрноподданство Россіи. Своимъ вѣроломствомъ Кази-Магома всего больше повредилъ своему младшему брату, Магомету, котораго предполагалось помѣстить въ Пажескій корпусъ и воспитать его такъ же, какъ былъ воспитанъ первенецъ Шамиля, Джемалъ-Эддинъ, взятый въ аманаты и возвращенный впослѣдствіи отцу, въ обмѣнъ на плѣненныхъ княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимѣйшаго мюрида имама, Хаджіо—его казначея, секретаря и вѣрнаго друга, добровольно раздѣлявшаго съ нимъ плѣнъ и десятилѣтнюю жизнь въ Калугѣ [1]). Принявъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Шамилемъ и его семьею, въ 1866 году, присягу на вѣрноподданство, Хаджіо, по отъѣздѣ Шамиля въ Мекку, пожелалъ возвратиться на родину, и русское правительство предложило ему въ управленіе Ункратльское наибство, въ Дагестанской области, въ Бетлинскомъ округѣ, которое онъ охотно и принялъ, такъ какъ самое званіе наиба было очень почетное и соединялось, кромѣ того, съ большою

[1]) Объ этомъ Хаджіо я говорилъ болѣе подробно въ своей статьѣ „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году“ („Вѣстникъ Европы“, кн. августъ 1898 г.). И. З.

самостоятельностью и властью; на Кавказѣ это было нѣчто среднее между маленькимъ губернаторомъ и крупной величины исправникомъ.

На первыхъ же порахъ своего управленія Ункратльскимъ наибствомъ, честный и вѣрный Хаджіо возстановилъ противу себя ту худшую и безпокойную часть населенія, которая продолжала въ-тихомолку заниматься грабежами и разбоями: Хаджіо строго преслѣдовалъ грабителей и, не щадя, выдавалъ ихъ въ руки русскихъ властей на Кавказѣ. Такимъ образомъ, были сосланы въ Сибирь, за убійства и грабежи, нѣсколько вороватыхъ узденей, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія. Тогда, оставшіеся родичи сосланныхъ рѣшили избавиться отъ Хаджіо и, въ то же время, отомстить ему за ссылку своихъ ближнихъ. Для приведенія своего замысла въ исполненіе, заговорщики воспользовались, однажды, пріѣздомъ Хаджіо, по дѣламъ службы, въ одинъ глухой аулъ, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать. Передъ разсвѣтомъ, нѣсколько десятковъ горцевъ окружили саклю, гдѣ спалъ Хаджіо, и старались въ нее проникнуть; но онъ успѣлъ проснуться—и заперся. Сопровождавшій его конвой, ночевавшій у дверей его сакли и на дворѣ, тотчасъ же разбѣжался—отчасти изъ трусости, а отчасти и изъ сочувствія нападавшимъ,—и мужественный наибъ остался въ саклѣ одинъ одинёшенекъ: онъ забаррикадировалъ дверь и окно, оставивъ лишь отверстія для ружья, и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько человѣкъ изъ числа нападавшихъ было имъ, такимъ образомъ, убито и ранено, и это еще болѣе ожесточило разбойниковъ. Наконецъ, Хаджіо разстрѣлялъ всѣ, имѣвшіеся у него ружейные патроны... Нападавшіе замѣтили это, и бросились-было къ дверямъ, но два выстрѣла изъ револьвера, почти въ упоръ, положили еще двухъ смѣльчаковъ... Толпа отхлынула, и рѣшила зажечь саклю. Но едва только имъ это удалось, какъ храбрый наибъ, распахнувъ дверь, выскочилъ изъ сакли и, съ обнаженною шашкою въ рукахъ, ринулся въ толпу нападавшихъ... Не прошло и минуты, какъ нѣсколько разбойниковъ были изрублены, но, въ то же время, подъ многочисленными ударами шашекъ и кинжаловъ, палъ и Хаджіо,—и толпа, звѣрски умертвивъ его, надругалась, затѣмъ, надъ его трупомъ...

Всѣ виновники этого убійства вѣрнаго слуги русскаго правительства были судимы и сосланы въ Сибирь. Такъ погибъ самый мужественный и храбрый изъ бывшихъ мюридовъ Шамиля и самый преданный ему другъ!...

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько поправокъ къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, появившимся о Шамилѣ въ печати. Такъ, напр., въ книгѣ г-жи Чичаговой—«Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи»,—авторъ, описывая важное историческое событіе, совершившееся въ Гунибѣ 25-го августа 1859 года, когда имамъ Шамиль отдался въ плѣнъ русскимъ

войскамъ,—говоритъ слѣдующее: «....Прапорщикъ Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ обезоружить Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе..... такъ какъ обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову». И далѣе: «Князь Барятинскій, находившійся въ полуторѣ версты отъ аула Гунибъ, сидѣлъ въ рощѣ, на покатости горы, на камнѣ. Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамповскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ душѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Шагахъ въ шести отъ князя, Шамиль остановился. Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь струсилъ. Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Робко, пугливо, озирался онъ вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ земною жизнію....»

Говорить о трусости Шамиля можетъ только авторъ-женщина... Слово «страхъ» было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа,—и если уже, разъ, зашла рѣчь объ этомъ непохвальномъ чувствѣ, то Шамиль скорѣе всего могъ бы заподозрѣть въ немъ тѣхъ, кто такъ желалъ, чтобы онъ предсталъ «обезоруженный»... И ему ли, храбрѣйшему изъ храбрыхъ, пристало бояться «разстаться съ жизнію»,—когда онъ видалъ смерть, лицомъ къ лицу, безсчетное количество разъ—и въ сраженіяхъ съ русскими, и въ междоусобныхъ битвахъ!....

Проживъ двѣ зимы въ Калугѣ—въ то время, когда тамъ жилъ Шамиль,—я и многіе другіе слышали, не разъ, отъ находившагося при особѣ Шамиля, въ качествѣ пристава, А. И. Руновскаго, закаленнаго кавказскаго воина, что Шамиль говорилъ впослѣдствіи, что онъ рѣшилъ заколоть себя, на глазахъ князя Барятинскаго, при первомъ оскорбленіи, если бы таковое ему нанесли,—и самымъ, конечно, тяжкимъ оскорбленіемъ было бы отобраніе отъ него оружія... Къ счастію для Шамиля и къ чести для побѣдителей, приказъ гр. Евдокимова не былъ исполненъ.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1899 года, я видѣлъ въ тамошнемъ военномъ музеѣ «Храмъ Славы» интересную картину перваго представленія плѣннаго Шамиля князю Барятинскому. Чувство невольной жалости къ плѣнному герою вызываетъ въ зрителѣ эта картина... Интересна въ ней, между прочимъ, слѣдующая подробность: почти рядомъ съ вооруженнымъ Шамилемъ, стоящимъ потупивъ голову, виденъ, съ мрачнымъ лицомъ, Голіафъ-горецъ, тѣлохранитель имама, босой, одѣтый въ рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная

рѣшимость видна на лицѣ этого удальца: кажется, что, шевельни только его повелитель пальцемъ, или скажи хотя одно слово,—и вся эта блестящая толпа побѣдителей и ихъ свита будутъ моментально снесены съ лица земли... И Богъ вѣсть, конечно, что̀ бы произошло, если бы Шамилю показалось въ это время, что ему наносится оскорбленіе...

Вторую, не менѣе серіозную, поправку я долженъ сдѣлать по поводу записокъ пристава Пржецлавскаго, печатавшихся въ «Русской Старинѣ». Между прочими дурными качествами, которыми такъ щедро надѣлилъ г. Пржецлавскій своего знаменитаго плѣнника, онъ говоритъ, что это былъ жалкій старикъ, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этихъ эпитетовъ, въ примѣненіи ихъ къ Шамилю, столь очевидна, что едва-ли даже и подлежитъ опроверженію. Я могу лишь, относительно мнимаго скряжничества Шамиля, привести слѣдующій фактъ. Его положительная щедрость—т. е. чувство совершенно противоположное скряжничеству—была, во время его жизни въ Калугѣ, такъ убыточна для его семьи и домашняго обихода, что мѣстныя власти вынуждены были, по просьбѣ его казначея Хаджіо, принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію назойливости калужскихъ нищихъ, постоянно караулившихъ домъ Сухотина, гдѣ жилъ Шамиль, ожидая его выхода на прогулку. Шамиль имѣлъ обыкновеніе подавать имъ то, что попадалось подъ руку въ его кошелькѣ—была ли то ассигнація, или золотой, или серебряный рубль (бывшіе въ то время въ обращеніи); и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ подаетъ такъ много, то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Я не могу подать нищему мѣдную монету, потому что можетъ случиться, что ему въ тотъ день никто другой не подастъ ничего... Чѣмъ же, тогда, онъ будетъ сытъ въ этотъ день?....

Этимъ я и закончу мою настоящую статью, прибавивъ къ ней лишь нѣсколько строкъ о томъ гостепріимствѣ, которое я примѣтилъ и въ сынѣ Шамиля — генералѣ Магометъ-Шефи. Ужь кажется, какъ нелегко быть гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ въ номерѣ гостиницы, да еще, напр., въ Кисловодскѣ, на курортѣ, но генералъ Шамиль ухитрялся и тутъ подчивать и принимать съ необычайнымъ радушіемъ, при чемъ ему лично приходилось исполнять роль хозяйки—разливать чай, рѣзать хлѣбъ и пр. Или, напр., никакія силы не могли отклонить и уговорить Магомета-Шефи, чтобы онъ не снималъ съ вѣшалки пальто гостя и не подавалъ бы его самъ. На мои укоризны по этому поводу генералъ отвѣчалъ очень серіозно:

— Гость — твой господинъ, а ты — его слуга, — это говорилъ мнѣ покойный отецъ, и я, услуживая вамъ, исполняю, между прочимъ, его завѣтъ и приказъ. **Ив. Захарьинъ (Якунинъ).**

Барклай-де-Толли при вступленіи его въ должность военнаго министра.

Письмо его графу Ив. Вас. Гудовичу.

24-го января 1810 г. № 1.

По непремѣнной волѣ государя императора, вступя въ управленіе военнымъ министерствомъ, я первымъ долгомъ себѣ поставляю покорнѣйше просить вашего сіятельства удостоить меня полной откровенности вашей. Сколь ни тягостно бремя возложенныхъ на меня обязанностей, но чрезъ сношеніе съ знаменитою, по достоинствамъ и заслугамъ, особою вашего сіятельства, мнѣ лестно будетъ имѣть всегда богатые способы къ скорому достиженію предполагаемой цѣли. Неограниченно желаніе мое имѣть честь заслужить вашу довѣренность; я не упущу ни одного случая доказать сіе на опытѣ, и тогда токмо почту себя счастливымъ, когда ваше сіятельство, кромѣ обыкновенныхъ сношеній по дѣламъ службы, удостоивать меня будете чрезъ письма ваши откровеннымъ объясненіемъ мнѣній вашихъ о положеніи военныхъ дѣлъ.

Примите, милостивый государь, искренное увѣреніе мое въ совершенномъ почтеніи и усердной преданности, съ каковыми чувствами и навсегда честь имѣю быть и проч. [1]).

---

[1]) Такія же письма написаны были Тормасову, кн. Волконскому и друг. лицамъ.

Записка Александра Ивановича Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 году князю А. Н. Голицыну.

Въ письмѣ отъ 2-го января 1817 года Александръ Ивановичъ Тургеневъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому копію съ указа императора Александра I министру финансовъ, отъ 30-го декабря 1816 года, о производствѣ В. А. Жуковскому пенсіона по четыре тысячи рублей въ годъ. «Взирая со вниманіемъ на труды и дарованія извѣстнаго писателя, штабсъ-капитана Василья Жуковскаго, обогатившаго русскую словесность отличными произведеніями, изъ коихъ многія посвящены славѣ россійскаго оружія,—читаемъ въ этомъ указѣ—повелѣваю, какъ въ ознаменованіе моего къ нему благоволенія, такъ и для доставленія нужной при его занятіяхъ независимости состоянія производить ему въ пенсіонъ по четыре тысячи рублей въ годъ изъ суммъ Государственнаго казначейства [1])».

Указъ этотъ состоялся по всеподданнѣйшему докладу тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына [2]), передъ которымъ ходатайствовалъ за Жуковскаго его другъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Безъ сомнѣнія, имъ была написана и передана князю Голицыну нижепомѣщаемая записка [3]), которую послѣдній, вѣроятно, и представилъ государю.

«Радуйся, другъ: ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу во второй половинѣ 1817 года [4]).— Я чув-

---

[1]) Остафьевскій Архивъ, т. I, Спб. 1899, стр. 67.

[2]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. Гротомъ, т. III, Спб. 1885, стр. 79.

[3]) Записка эта печатается по современной копіи, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ его сыномъ Павломъ Васильевичемъ въ 1884 году Императорской Публичной Библіотекѣ.

[4]) Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу, Москва. 1895, стр. 171.

ствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо—независимость, и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно. Я теперь въ службѣ и долженъ служить по совѣсти. И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—твое! Не довольно того, что смолоду мы товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоцѣнное чувство благодарности къ своему брату!»

Вотъ записка Тургенева:

«Г. Жуковскій, всѣмъ извѣстный своими стихотвореніями, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ молодыхъ людей, кои себя совершенно посвятили наукамъ и словесности. Получивъ воспитаніе въ пансіонѣ Московскаго университета, онъ, по желанію своихъ родственниковъ, вступилъ въ гражданскую службу; но не долго могъ ею заниматься: семейственныя надобности и недостаточное состояніе принудили его оставить Москву и удалиться въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Живучи въ уединеніи, онъ все время употреблялъ на труды литературные и въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ сдѣлать себѣ имя въ словесности. Во всѣхъ его произведеніяхъ, какъ оригинальныхъ, такъ и тѣхъ, кои написаны въ подраженіе нѣмецкимъ и англинскимъ стихотворцамъ, просвѣщенные любители литературы тогда же замѣтили необыкновенный поэтическій талантъ, воображеніе блистательное и не менѣе блестящую живость слога, вездѣ одушевляемаго благородными, возвышенными чувствами, которыми отличается характеръ автора. Но происшествія 1812-го года должны были открыть новое поприще для его службы и вмѣстѣ дать новое направленіе и новую силу его дарованіямъ. Воспламененный воззваніемъ монарха къ народу, онъ позабылъ разстроенное состояніе свое, слабое здоровье, незнаніе военной службы и бросился, въ восторгѣ усердія, на ратное поле [1]). Тамъ, видя, какъ постепенно глазамъ смертныхъ открывались тайныя дѣйствія Провидѣнія, видя чудесную храбрость русскихъ воиновъ, чудесную гибель враговъ, опасность отечества и возникшую изъ оныхъ славу, онъ выражалъ глубокія чувства души своей въ стихахъ тѣмъ болѣе прекрасныхъ, что они написаны, такъ сказать, при громѣ великихъ происшествій, въ виду огней непріятельскихъ и въ рядахъ тѣхъ героевъ, коихъ онъ воспѣвалъ, какъ участникъ трудовъ ихъ и близкій свидѣтель ихъ подвиговъ. Сіи обстоятельства, безъ сомнѣнія, прибавили силы и оригинальности его извѣстному стихотворенію: Пѣвецъ въ станѣ воиновъ; драматическая форма и необыкновенныя красоты сего сочи-

[1]) Жуковскій вступилъ въ ряды Московскаго ополченія 12-го августа 1812 года, въ чинѣ поручика.

ненія сдѣлали славу онаго почти народною славою въ нашей арміи. Между тѣмъ г. Жуковскій и въ исправленіи возложенной на него должности успѣлъ заслужить вниманіе начальства и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени [1]). На границѣ остановила его опасная и продолжительная болѣзнь [2]), а нечаянное несчастіе почти въ то же время лишило денегъ, составлявшихъ послѣдній остатокъ его имущества. Съ ними онъ потерялъ и средства продолжать службу. Но по крайней мѣрѣ мыслями и обѣтами повсюду слѣдовалъ за торжественнымъ походомъ нашихъ войскъ и радостные восторги патріота изображалъ блистательно кистію поэта. Можно смѣло сказать, что славныя событія нашего времени ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ не были описаны такъ прекрасно, какъ на русскомъ; и симъ мы обязаны единственно г. Жуковскому. Въ своемъ послѣднемъ стихотвореніи онъ представляетъ пѣвца русскихъ воиновъ на Кремлѣ, поющаго пѣснь освобожденія среди гражданъ московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отчизну, и въ самый тотъ день (25 декабря), когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностію колѣна предъ Промысломъ, спасшимъ чрезъ нее всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.

«Но талантъ г. Жуковскаго во всей полнотѣ цвѣта и силы; онъ обѣщаетъ новые успѣхи и, конечно, безъ дерзости можетъ предпринять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣки въ словесности; влекомый желаніемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначать время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣняется яснымъ свѣтомъ исторіи [3]). Позволительно думать, что совершеніе столь великаго труда [4]), кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благопріятныхъ, особливо независимости отъ нуждъ недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ г. Жуковскаго, сія независимость можетъ быть доставлена единственно чрезъ помощь отъ престола. Даръ отъ руки державной послужитъ для него и награжденіемъ прежнихъ заслугъ въ литературѣ, и поощреніемъ къ новымъ важнѣйшимъ предпріятіямъ, а знакъ столь лестнаго вниманія будетъ имѣть благотворное дѣйствіе на самый талантъ стихотворца, ибо долженъ въ глазахъ его еще возвысить цѣну занятій, одобряемыхъ мудрымъ монархомъ».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) И чиномъ штабсъ-капитана.

[2]) Сильная горячка, которою Жуковскій занемогъ въ Вильнѣ, въ ноябрѣ 1812 года.

[3]) Эпоха Владиміра Великаго.

[4]) Какъ извѣстно, задуманная Жуковскимъ поэма „Владиміръ“ не была имъ осуществлена.

Императорскій цензоръ.

Отношеніе князя А. Н. Голицына попечителю Санктпетербургскаго учебнаго округа.

3-го ноября 1820 г. № 3576.

Замѣчено мною, что состоящій при С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ цензоръ Спада на просматриваемыхъ имъ книгахъ подписываетъ себя императорскимъ цензоромъ (Censeur Impérial), чего никакимъ постановленіемъ ему не позволено, и другіе цензоры такъ не подписываются. Посему я обязываюсь просить ваше превосходительство запретить г. Спадѣ сіе впредь, приказавъ ему подписываться, по примѣру другихъ членовъ онаго комитета, просто цензоромъ.

Высочайшее повелѣніе Государственному Совѣту о камеръ-юнкерѣ Танѣевѣ.

21-го января 1820 г.

Коллежскому совѣтнику камеръ-юнкеру Танѣеву повелѣваемъ быть помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департаменту военныхъ дѣлъ, съ производженіемъ ему изъ Государственнаго Казначейства опредѣленнаго по сему званію жалованья по три тысячи рублей въ годъ и съ сохраненіемъ при немъ настоящихъ его окладовъ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

II [1]).

Министерство А. С. Шишкова.—Цензурный уставъ 1826 г.—Докладъ министра.—Неудобства устава.—Изданіе новаго въ 1828 г.—Оставленіе Шишковымъ министерства народнаго просвѣщенія.

Адмиралу Шишкову, остававшемуся министромъ народнаго просвѣщенія и по вступленіи на престолъ императора Николая I, казалось, по общему направленію и духу его мыслей, что нравственность общественная и русская литература падаютъ. А такъ какъ тому и другому причиною недостатокъ надзора со стороны высшей власти, зависящаго столько же отъ законоположеній, сколько и отъ личности исполнителей, то онъ и рѣшилъ, что ему, какъ министру народнаго просвѣщенія, необходимо принять самыя дѣятельныя мѣры къ пресѣченію зла. Средствомъ къ этому онъ призналъ составленіе новаго цензурнаго устава и принялся за этотъ трудъ тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ, что самъ императоръ Николай I, съ самаго вступленія на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на эту часть.

Для исторіи этого устава у насъ есть въ рукахъ два документа: во 1-хъ, всеподданнѣйшій докладъ, при которомъ Шишковъ представилъ въ 1826 году свой проектъ на высочайшее утвержденіе и, во 2-хъ, его записки.

Въ докладѣ министръ высказывался такъ: «Уставъ о цензурѣ въ Россіи изданъ въ 1804 году, онъ не чуждъ былъ несовершенствъ, не-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1901 года.

разлучныхъ съ первымъ опытомъ систематическаго въ семъ родѣ постановленія, изъ коихъ главнѣйшими почесться могутъ неполнота и неопредѣленность нѣкоторыхъ статей. Убѣжденный въ необходимости усовершенствованія устава о цензурѣ, еще въ 1815 г. представлялъ я въ государственный совѣтъ мнѣніе свое (по званію члена совѣта), въ которомъ изъяснялъ, что существующая нынѣ цензура весьма недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, нравамъ и просвѣщенію. Причины, которыя я приводилъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, состояли въ слѣдующемъ: первое, малое число людей, употребленныхъ собственно для цензурнаго дѣла, не могущихъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнять всю громаду издаваемыхъ книгъ; второе, недостатокъ предписанныхъ имъ правилъ, коими бы могли они руководствоваться и которыя должны быть составлены съ великою подробностью и разсмотрительностью, дабы не только не отнимали у сочинителей свободы писать и разсуждать, но одобряли бы оную, и питали, преграждая въ то же время пути къ изданію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество. Наконецъ, третій недостатокъ существующей доселѣ цензуры находилъ я въ томъ, что она не имѣетъ довольно доступа и голоса къ защитѣ или одобренію хорошей и къ остановкѣ или обличенію худой книги. Въ заключеніе я предлагалъ кратко мысли мои, на какомъ основаніи долженствовала быть утверждена цензура въ Россіи. Мнѣніе мое не обратило на себя вниманія тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло сіе до 1820 года, когда министерство народнаго просвѣщенія поручило составленіе проекта цензурнаго устава ученому комитету при главномъ правленіи училищъ. Вступивъ въ управленіе сего министерства, я нашелъ проектъ устава о цензурѣ конченнымъ, но по разсмотрѣніи моемъ оказался онъ далеко не достигающимъ до желательнаго въ семъ случаѣ совершенства, а потому, сдѣлавъ замѣчанія, я обратилъ его для исправленія въ ученый комитетъ. Одно изъ первыхъ попеченій вашего императорскаго величества, по восшествіи на престолъ, было составленіе новаго устава о цензурѣ. Повинуясь сей волѣ, я представилъ вашему величеству новый проектъ устава о цензурѣ, составленный подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ [1]), и, удостоившись получить въ руководство изъявленіе высочайшей воли

[1]) Въ „Запискахъ Шишкова“ читаемъ: „я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья, заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то директора канцеляріи моей, князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества“.

о перемѣнѣ нѣкоторыхъ главныхъ въ немъ основаній, я поспѣшилъ исполнить сіе въ точности».

Въ «Запискахъ Шишкова» мы находимъ нѣсколько подробностей, дающихъ иной колоритъ этому дѣлу. Здѣсь говорится, что въ первый же докладъ свой, по вступленіи на престолъ императора Николая, Шишковъ обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Государь, позвольте мнѣ напередъ доложить вамъ о себѣ самомъ. Ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ императоромъ по дѣламъ весьма не маловажнымъ, вамъ неизвѣстны, а потому и почитаю я за должное вашему величеству обо всемъ оном донести, дабы имѣли вы полное о томъ свѣдѣніе.

Государь позволилъ, и тогда Шишковъ разсказалъ всѣ свои прежнія сношенія и дѣйствія, и изложилъ свой сбразъ мыслей. «Императоръ, казалось, былъ доволенъ моею съ нимъ откровенностью, приказалъ мнѣ написать новый цензурный уставъ и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принялъ».

Изъ этого ясно, что, собственно говоря, предначертаній самого императора Николая I въ этомъ дѣлѣ вовсе не было, и онъ только одобрилъ образъ мыслей Шишкова, почему и поручилъ ему написать новый уставъ.

Въ чемъ же состояла главная сущность, характеръ и физіономія этого устава, въ чемъ заключалось отличіе его отъ прежняго, найденнаго недостаточнымъ?

Во-первыхъ, уже самый объемъ былъ совершенно иной: уставъ 1804-го года заключалъ въ себѣ всего только 47 параграфовъ, тогда какъ проектъ Шишкова возросъ до 230 параграфовъ, т. е. имѣлъ объемъ въ пять разъ большій противъ прежняго. Изъ одного этого можно заключать, что новый уставъ отличался несравненно большею полнотою сравнительно съ старымъ и представлялъ законоположенія о такихъ предметахъ, которые прежде были оставлены вовсе безъ регламентаціи, или же правила о которыхъ были разсѣяны по разнымъ отдѣльнымъ постановленіямъ правительства, накопившимся съ 1804 по 1826 годъ. Такимъ образомъ, кромѣ многочисленныхъ статей, касавшихся производства дѣлъ и сношеній, во всѣхъ инстанціяхъ цензурнаго вѣдомства, а также установлявшихъ правила объ опредѣленіи, увольненіи и пенсіонахъ служащихъ, новый уставъ содержалъ въ себѣ: подробныя правила для руководства цензоровъ; изложеніе правъ и обязанностей книгопродавцевъ, содержателей библіотекъ для чтенія, типографій и литографій; правила о вѣдомостяхъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ; особыя правила о еврейскихъ книгахъ, такія же объ адвокатскихъ голосахъ и другихъ статьяхъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, наконецъ, правила объ отвѣтственности цензоровъ и вообще

лицъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ о печати (типографщиковъ, книгопродавцевъ, разнощиковъ и т. д.).

Все это были постановленія новыя, соотвѣтствовавшія мысли адмирала Шишкова о необходимости положить предѣлъ неполнотѣ и неопредѣлительности стараго устава.

Затѣмъ, имѣя въ виду малочисленность лицъ, употребляемыхъ для цензурнаго дѣла и потому не могущихъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнимать всю громаду издаваемыхъ книгъ, адмиралъ Шишковъ значительно увеличилъ штатъ. Такъ, наприм., въ С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, переименованномъ въ Главный цензурный комитетъ, вмѣсто прежнихъ трехъ цензоровъ положено шесть; вмѣсто прежнихъ 1.200 р. оклада въ годъ цензора округовъ С.-Петербургскаго и Московскаго стали получать по 4.000 р., цензора прочихъ двухъ (т. е. Виленскаго и Дерптскаго) по 3.000 р. и т. д.

Одною изъ самыхъ главныхъ особенностей новаго цензурнаго устава было учрежденіе верховнаго цензурнаго комитета изъ трехъ только членовъ, а именно: министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Комитетъ этотъ назначался, какъ сказано въ уставѣ, «для пособія министру народнаго просвѣщенія въ разрѣшеніи важнѣйшихъ по цензурѣ дѣлъ и высшаго руководства цензоровъ». Новое установленіе должно было имѣть въ виду три главныхъ задачи: заботиться о наукахъ и воспитаніи юношества, пещись о нравахъ и внутренней безопасности и, наконецъ, «направлять общественное мнѣніе согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Комитетъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакихъ сношеній, и дѣла поступали въ него не иначе, какъ или по высочайшему повелѣнію, или по назначенію министра народнаго просвѣщенія. Къ этому законъ прибавлялъ, что «окончательному разсмотрѣнію комитета подлежатъ дѣла по цензурѣ, требующія соображеній въ государственномъ видѣ, какъ по отношенію къ внутреннему устройству Россіи, такъ и внѣшнихъ ея сношеній», и съ этою цѣлію онъ не только наблюдалъ за дѣйствіями всего вообще цензурнаго вѣдомства и долженъ былъ составлять, ежегодно, наставленіе цензорамъ, всякій разъ вносимое на высочайшее утвержденіе, но еще имѣлъ, въ числѣ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей, долгъ изыскивать средства «къ изъятію изъ обращенія въ народѣ вредныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, сочиненій, если бы таковыя оказались въ числѣ изданныхъ до сего времени».

Мы видѣли выше, что Шишковъ въ своемъ докладѣ указывалъ на необходимость такого устава, который бы не отнималъ у сочинителей свободы писать и разсуждать, но, напротивъ, одобрялъ бы оную и питалъ. Къ сожалѣнію, въ самомъ уставѣ не было и тѣни такихъ мѣръ,

которыя могли бы вести къ этой цѣли, а напротивъ, въ немъ встрѣчается не одно постановленіе въ смыслѣ противномъ. Такъ, напримѣръ, по уставу 1804 года, если цензоръ находилъ въ представленной ему рукописи мѣста, противныя цензурнымъ постановленіямъ, то онъ обязанъ былъ (§ 16), отнюдь не дѣлая въ нихъ самъ собою никакихъ поправокъ (хотя бы даже дѣло шло о мѣстахъ, противныхъ закону Божію, правленію, нравственности и личной чести гражданина) и обозначивъ только такія, отсылать рукопись къ издателю, съ тѣмъ, чтобы тотъ самъ перемѣнилъ или исключилъ ихъ. Въ уставѣ 1826 года совсѣмъ другое. Тутъ цензору именно дано право (§ 60), «для сокращенія дѣлопроизводства», замѣнять самому одни слова другими, или вымарывать нѣкоторыя выраженія. Правда, законъ предоставлялъ издателю принять или не принять подобныя перемѣны, но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ жаловаться цензурному комитету, а тотъ представлять дѣло на усмотрѣніе министра, то все это вмѣстѣ образовывало такую цѣпь затрудненій и проволочекъ, которая давала весьма мало надежды на какой-либо успѣхъ. Съ другой стороны, точно также мало могла благопріятствовать «одобренію и питанію писателей» та статья новаго устава, которая простирала свою опеку и попечительность не только на содержаніе, но даже и на языкъ сочиненія. «Сочиненія и рукописи на языкѣ отечественномъ (§ 154), въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей, не пропускаются къ печатанію безъ надлежащаго, со стороны сочинителей, или переводчиковъ, исправленія». Чистота языка дѣло такое условное, спорное и вполнѣ даже произвольное (особливо если мы вспомнимъ ту продолжительную и странную борьбу, которую самъ Шишковъ велъ противъ языка новѣйшихъ русскихъ писателей), что, конечно, въ рукахъ цензора была вся власть притѣсненія, а на писателя ложились затрудненія и хлопоты, отбивавшія всю охоту издавать что-либо въ свѣтъ.

Въ уставѣ 1804 года были указаны, въ немногихъ словахъ, сочиненія, могущія подлежать частному измѣненію, или полному запрещенію: тутъ, установлялось только, что не должно быть пропускаемо «ничего противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина». Новый уставъ находилъ такое указаніе слишкомъ лаконическимъ и недостаточнымъ для того времени, къ которому онъ относился: то, что могло еще быть пригоднымъ въ первыхъ годахъ настоящаго вѣка, являлось уже вполнѣ неудовлетворительнымъ четвертью столѣтія позже. Въ этотъ періодъ совершилось столько новыхъ событій, государственныя и общественныя отношенія на столько измѣнились, что надо было подумать о чемъ-нибудь болѣе разумномъ и опредѣленномъ въ цензурѣ, и въ этомъ отношеніи,

безъ сомнѣнія, новый уставъ былъ совершенно правъ, когда съ несравненно большею, противъ устава 1804 года, подробностью исчислялъ тѣ предметы, на которые новая цензура должна была обращать самое тщательное свое вниманіе. Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ новомъ уставѣ предусмотрительность опеки простиралась уже такъ далеко, что загромождала печать стѣсненіями, можно сказать, на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, въ новомъ уставѣ впервые было высказано то правило, что «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается» (§ 141), «запрещенію подлежатъ сочиненія, въ которыхъ, для привлеченія къ какимъ-либо тайнымъ обществамъ довѣрія, ложно утверждается, что существовали они въ самой якобы глубокой древности», и къ этому разряду были тутъ же причислены сочиненія магическія, астрологическія и кабалистическія (§§ 145—146); далѣе запрещались: § 149: «творенія, гдѣ, подъ предлогомъ защиты или оправданія одного изъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, порицается другое»; а слѣдующимъ параграфомъ равнымъ образомъ запрещался пропускъ въ печать «всѣхъ вообще отрывковъ изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющихъ полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной, или по крайней мѣрѣ безвредной цѣли»; § 169: «всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія, или измѣненіи правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ и состояніямъ государственнымъ, если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ»; § 170: «все противное обнародованнымъ началамъ Священнаго союза, его актамъ и постановленіямъ»; наконецъ, § 171: «разсужденія, гдѣ предлагаются неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству».

Но всего замѣчательнѣе были особенности новаго устава въ отношеніи къ сочиненіямъ литературнымъ и научнымъ. Мнѣнія, понятія и требованія адмирала Шишкова выразились здѣсь съ наибольшею силою, и при томъ съ такою плодовитостью изложенія, что иногда законодательныя статьи превращались въ небольшіе трактаты, или, по крайней мѣрѣ, цѣлыя разсужденія. Такъ, напримѣръ, § 176 требовалъ отъ цензора, при пропускѣ произведеній словесности, чтобъ въ нихъ «сохранялась въ особенности чистая нравственность и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія»; § 178 говорилъ: «Если сочинитель, описывая послѣдовавшія въ разныхъ государствахъ противъ законной власти возмущенія, старается, прямо или косвенно, оправдывать виновниковъ оныхъ и закрывать происшедшія отъ того преступленія, ужасы и злосчастія цѣлыхъ народовъ; если всѣхъ сихъ горестныхъ послѣдствій не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ, то

сочиненіе его, осуждаемое справедливостью и человѣчествомъ, подвергается строгому запрещенію». § 179: «Таковому же жребію подвергается всякое историческое сочиненіе, въ которомъ посягатели на законную власть, пріявшіе справедливое по дѣламъ ихъ наказаніе, представляются какъ жертвы общественнаго блага, заслуживавшія лучшую участь». § 180: «Общая или частная исторія народовъ, а также историческіе отрывки и разсужденія, которыя по образу изложенія повѣствуемыхъ происшествій и по связи другихъ, приводимыхъ въ нихъ обстоятельствъ, обнаруживаютъ неблагопріятное расположеніе къ монархическому правленію, строго запрещаются». § 181: «Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію, и коихъ содержаніе противно правиламъ сего устава». § 190: «Что касается до дидактическихъ, умозрительныхъ сочиненій о нравахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напримѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобныя, отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію». § 192: «При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ, цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Примѣчанія и переходы сіи обыкновенно доводятъ до заблужденія и ни мало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ». § 193: «По отношенію къ медицинскимъ наукамъ, въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни. А потому и поставляется въ обязанность цензоровъ, чтобы они тщательно отсѣкали въ разсматриваемыхъ ими сочиненіяхъ и переводахъ всякое къ тому покушеніе».

Сверхъ всего этого, заботливость Шишкова простиралась даже на такія мелочи, какъ книгопродавческіе каталоги и объявленія о новыхъ книгахъ, относительно которыхъ предписывалось цензору наблюдать по возможности, чтобъ приписываемыя имъ, т. е. объявляемымъ книгамъ, «похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не могли быть чрезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣтать книги, незаслуживающія ихъ вниманія» (§ 157).

Наконецъ, не излишне еще указать на § 138 устава, которымъ навсегда лишался права издавать повременныя сочиненія, какъ самъ собою, такъ и въ товариществѣ съ другими, всякій издатель, которому однажды запрещено было издавать повременное изданіе.

Таковы главныя черты цензурнаго устава 1826 года, и, безъ сомнѣнія, трудно согласиться, чтобъ этотъ уставъ ободрялъ сочинителей и «не отнималъ у нихъ охоты писать». Не должно, впрочемъ, удивляться, что уставъ, сочиненный княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ и адмираломъ Шишковымъ, былъ утвержденъ императоромъ почти вслѣдъ за его вступленіемъ на престолъ, безъ всякаго измѣненія и безъ замѣчаній: затрудненія и заботы тогдашней тревожной эпохи легко объясняютъ то обстоятельство, что Николай I, довѣрясь монархической преданности и испытанной Александромъ I опытности Шишкова, утвердилъ проектъ, не поручивъ никому предварительно разсмотрѣть его. Поспѣшимъ прибавить, что молодой императоръ не замедлилъ отступиться отъ новаго своего закона тотчасъ же, какъ только ему доказана была его несостоятельность и несовершенность. Результатомъ этого было высочайшее повелѣніе составить новый уставъ, что̀ повлекло за собою негодованіе автора и, наконецъ, выходъ его изъ министерства.

Любопытныя подробности этого дѣла извѣстны изъ разсказа самого Шишкова. Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ, что его цензурный уставъ былъ «оклеветанъ, и внушено государю императору, якобы уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя нынѣшнимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый комитетъ, которому поручено было составить цензурный уставъ для иностранныхъ книгъ, но комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для россійскихъ книгъ цензурный уставъ. Критика сія, весьма скудоумная, сочиненная, повидимому, сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣдѣнію, а можетъ быть и по злобѣ на меня, опровержена возраженіями предсѣдателя цензурнаго комитета, генералъ-маіора Карбонье́ и моими, въ особой тетради написанными. Я имѣлъ повелѣніе присутствовать въ семъ комитетѣ, но, видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или, лучше сказать, противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ моемъ къ государю императору [1]) все то сказано, что сказать надлежало, и что

[1]) Въ письмѣ своемъ отъ 12-го декабря 1826 года Шишковъ жаловался императору на клеветниковъ и порицателей его устава, и старался защитить

послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей, и столько же надѣющихся на свое уполномоченіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства. По сей причинѣ просилъ я государя императора позволить присутствовать въ комитетѣ, вмѣсто меня, г. Карбоньѐ, донося при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго цензурнаго устава отвѣтствовать, дѣльно ли выкинута старая и полезна ли или нѣтъ вводимая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ преніяхъ прошло болѣе полугода въ совершенномъ молчаніи, комитетъ даже не собирался и ничего не дѣлалъ. Казалось, это отложено и предано забвенію, но вдругъ вышелъ указъ, по которому на мѣсто стараго цензурнаго устава учрежденъ новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ министерства народнаго просвѣщенія уволенъ».

Новый уставъ, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ высочайше утвержденъ 22-го апрѣля 1828 года и не далѣе какъ на другой день, т. е. 23-го апрѣля, адмиралъ Шишковъ уволенъ, по его прошенію отъ должности, «по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью». Уставъ же распубликованъ 17-го мая. Собственно для сохраненія внѣшняго приличія и чтобы не слишкомъ бросалась въ глаза столь внезапная отмѣна едва только вышедшаго устава 1826 г., въ указѣ, при которомъ изданъ былъ новый, приводились особенныя тому причины: «Соображеніе,—говорилось въ немъ,—дѣлъ, производимыхъ по цензурѣ, учрежденной для разсматриванія книгъ, внутри государства печатаемыхъ, съ дѣлами по цензурѣ книгъ иностранныхъ, показало необходимость соединить обѣ сіи части, нынѣ въ вѣдѣніи двухъ разныхъ министерствъ состоящія, въ одно управленіе и дать оному въ руководство правила общія, изъ самаго существа цензуры извлеченныя.

«Обративъ на сіе особенное вниманіе... Мы повелѣли составить полный уставъ о цензурѣ, долженствующій замѣнить во всѣхъ частяхъ изданныя до нынѣ по сему предмету узаконенія».

Новый уставъ измѣнилъ въ прежнемъ в с е: и цѣль цензуры, и ея образованіе, и данныя въ руководство ея дѣйствій правила, и самую внѣшность формы.

Въ отношеніи к ъ ц ѣ л и, цензура уже не поставлена судьею достоинства или пользы разсматриваемаго сочиненія. Она только отвѣчаетъ на вопросъ: не вредна ли книга? И весь кругъ ея вѣдомства ограничивается простымъ, рѣшительнымъ на этотъ вопросъ отвѣтомъ.

его, доказывая, что онъ былъ самою вѣрною защитою вѣры, престола, отечества и частныхъ лицъ противъ демагогіи, буйства, своемудрія и вольнодумства. Но это письмо осталось безъ отвѣта.

*

Въ отношеніи къ образованію, на мѣсто верховнаго цензурнаго комитета изъ министровъ, отвлекавшихся занятіями своихъ частей, учреждено Главное управленіе цензуры, составленное изъ людей спеціальныхъ, такъ что по этой части остались лишь двѣ инстанціи: упомянутое Главное управленіе и мѣстные цензурные комитеты.

Въ отношеніи къ образу дѣйствія, смѣсь мелкихъ и многословныхъ правилъ устава 1826 года замѣнена, по примѣру устава 1804 года и прежнихъ цензурныхъ правилъ, нѣсколькими общими, главными началами.

Наконецъ, въ отношеніи къ внѣшней формѣ, 230 параграфовъ устава 1826 года замѣнены всего 117-ю, такъ какъ изъ числа 158 параграфовъ новаго устава 40 посвящены были правиламъ объ иностранной цензурѣ, которыхъ прежній нисколько не касался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLII [1]).

Дѣйствія Левенштерна въ тылу непріятеля. — Возвращеніе маршалу Удино ящика съ захваченными крестами Почетнаго Легіона. — Поступокъ полковника Препделя. — Отправленіе захваченныхъ фургоновъ съ деньгами въ Берлинъ.

Я воспользовался своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Зонненвальде, чтобы просмотрѣть письма и депеши, захваченныя у курьеровъ, и наиболѣе важныя изъ нихъ сохранилъ, съ намѣреніемъ передать ихъ генералу Винценгероде, остальныя же отдалъ почтмейстеру, у котораго я остановился, приказавъ отослать ихъ черезъ сутки послѣ моего отъѣзда въ главную квартиру Удино.

Я оставилъ себѣ серебряный сервизъ и ящикъ съ краснымъ виномъ и тутъ же роспилъ нѣсколько бутылокъ.

При письмахъ, которыя посылались на имя французскихъ офицеровъ, находилось нѣсколько свертковъ съ золотомъ, которое я также оставилъ себѣ, хотя мнѣ было немного совѣстно присвоить ихъ и лишить бѣдныхъ офицеровъ денежной помощи, которой они ожидали, быть можетъ, съ нетерпѣніемъ, но дѣлать было нечего, деньги эти перешли ко мнѣ въ карманъ; они меня нисколько не стѣсняли, такъ какъ это было золото, но и не доставили мнѣ никакого удовольствія; я былъ слишкомъ богатъ въ то время.

Приложивъ свою печать къ ящику съ крестами Почетнаго Легіона и патентами на нихъ, я передалъ его подъ росписку почтмейстеру, написалъ письмо маршалу Удино и приказалъ послать ему этотъ ящикъ, также черезъ сутки послѣ моего отъѣзда. Одинъ командорскій крестъ Почетнаго Легіона предназначался, сколько мнѣ помнится, саксонскому генералу барону Герсдорфу.

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1901 г.

Вотъ письмо, которое было написано мною маршалу Удино:

«Г. маршалъ! Счастье благопріятствовало мнѣ, и я нахожусь въ настоящее время на вашей коммуникаціонной линіи. Мнѣ удалось захватить ящикъ, содержащій 250 крестовъ Почетнаго Легіона съ патентами на нихъ, которые предназначались для доблестныхъ воиновъ, имѣющихъ честь служить подъ вашею командою. Не желая лишать ихъ справедливо заслуженной награды, честь имѣю препроводить ихъ вашему превосходительству. Доблестные воины возбуждаютъ симпатію во всякой арміи. Это поощреніе усугубитъ ревность вашихъ солдатъ, а это въ свою очередь увеличитъ славу тѣхъ, конмъ придется съ ними сражаться.

«Примите и проч. баронъ Левенштернъ, командующій летучимъ отрядомъ въ тылу французской арміи».

Зонненвальдъ, 20-го августа 1813.

Я не рѣшилъ еще окончательно, какой путь мнѣ слѣдовало избрать, чтобы присоединиться къ нашей арміи. Я имѣлъ обыкновеніе никогда никому не сообщать своихъ мыслей и плановъ. Всѣ окружающіе знали, что, сѣвъ на лошадь, я уже ни съ кѣмъ не разговариваю; направо, налѣво, прямо—были единственныя слова, которыя я произносилъ. Я требовалъ отъ подчиненныхъ безусловнаго, пассивнаго повиновенія, и мнѣ удавалось этого достигнуть своимъ отношеніемъ къ казакамъ: я раздѣлялъ съ ними всѣ лишенія и на бивуакѣ держалъ себя весело и непринужденно.

Забравъ на почтѣ всѣхъ лошадей, я приказалъ запречь ихъ въ мои повозки двойное число; кромѣ того я забралъ всѣ телѣги, какія я только могъ достать, чтобы размѣстить въ нихъ плѣнныхъ.

Было необходимо обмануть мѣстныхъ жителей относительно того, въ какомъ направленіи я хотѣлъ идти со своимъ отрядомъ. Съ этой цѣлью, я заявилъ о своемъ намѣреніи догнать армію маршала Блюхера и двинулся по дорогѣ къ Лузаціи. Проѣхавъ съ версту по непроходимому лѣсу, такъ что жители не могли меня видѣть, я повернулъ вправо и, имѣя проводникомъ весьма толковаго лѣснаго стражника, выѣхалъ въ ту же ночь на большую дорогу между Зонненвальдомъ и Дрезденомъ. Я рѣшился вернуться тою же дорогою, по которой я ѣхалъ наканунѣ, разсчитавъ, что непріятель будетъ искать меня всюду, кромѣ той дороги, по которой я прошелъ. Какъ опытный охотникъ, я поступилъ такъ, какъ дѣлаютъ старыя лисицы, преслѣдуемыя сворою собакъ, которыя нерѣдко поворачиваютъ обратно, чтобы вѣрнѣе скрыть свой слѣдъ.

Увеличивая постоянно число упряжныхъ лошадей и не жалѣя денегъ, я добрался, не имѣвъ ни одной стычки съ непріятелемъ, до одной большой деревни, гдѣ я остановился на ночь.

Я боялся идти на Герцбергъ и Швейницъ, опасаясь, чтобы коменданты Торгау и Виттенберга не преградили мнѣ путь. Этотъ маршъ, занявшій 48 часовъ, удался какъ нельзя лучше, я не встрѣтилъ нигдѣ ни живой души. Я далъ своему отряду отдохнуть нѣсколько часовъ въ великолѣпномъ лѣсочкѣ и въ это время изготовилъ донесеніе, но не могъ послать его, не зная, свободна ли Ютербокская дорога.

Въ томъ пунктѣ, гдѣ мы находились, начинается равнина, простирающаяся до Ютербока. Непріятель могъ примѣтить меня издалека и совершить какой угодно маневръ, въ особенности же могъ опредѣлить, какъ велики были силы, коими я располагалъ. Слѣдовательно, чтобы обмануть его, приходилось прибѣгнуть къ какой-либо хитрости.

Погода стояла жаркая, почва пересоха; я воспользовался этимъ, чтобы увеличить облако пыли, которое должно было скрыть отъ непріятеля численность нашего маленькаго отряда. Я приказалъ связать пучки соломы, которыя казаки тащили за собою, привязавъ ихъ къ веревкѣ. Это подняло такую пыль, что не было возможности опредѣлить, состояла ли моя колонна изъ казаковъ или изъ регулярной кавалеріи; судя по протяженію, на которое тянулось облако пыли, можно было подумать, что колонна состояла изъ 4 или 5 тысячъ человѣкъ.

Чтобы еще лучше обмануть непріятеля, я поставилъ впереди колонны лейбъ-гренадеръ, съ ихъ мѣховыми шапками, и остальныхъ плѣнныхъ, которые ѣхали позади облака пыли; если бы непріятель приблизился довѣрчиво къ этой яко бы дружественной колоннѣ, то я воспользовался бы этимъ, чтобы застигнуть его врасплохъ; а если бы случилось, что намъ на встрѣчу попался одинъ изъ нашихъ отрядовъ, то я поспѣшилъ бы вывести его изъ заблужденія.

Я не выслалъ впередъ развѣдчиковъ и авангарда, полагаясь исключительно на свое зрѣніе. Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли часто вспоминалъ, что въ то время какъ я состоялъ при немъ адъютантомъ, въ 1812 г., онъ чаще пользовался моими глазами, нежели своей превосходной зрительной трубой, которую императоръ оставилъ ему, уѣзжая въ Полоцкъ.

Маршъ, совершенный нами по этой высохшей равнинѣ, занялъ цѣлыхъ два дня; высланные къ намъ непріятелемъ развѣдчики, подошедши къ намъ слишкомъ близко, были окружены и взяты въ плѣнъ.

Наконецъ, я добрался до Ютербокскихъ высотъ и нагналъ страхъ на полковника Пренделя, который принялъ насъ за непріятельскую колонну. Я произвелъ тревогу по всей его линіи, и онъ, по своему обыкновенію, уже собрался отступать.

Я былъ несказанно радъ, увидавъ его казаковъ, съ которыми я тотчасъ вошелъ въ сношеніе при помощи сигналовъ, и поспѣшилъ по-

слать офицера, чтобы успокоить Пренделя и узнать названіе отряда, съ коимъ я соединился.

Съ этого момента для меня уже не было опасности; когда пыль наконецъ улеглась, то Прендель увидѣлъ къ своему величайшему изумленію, что онъ испугался призрака.

Я бодро дефилировалъ со своими плѣнными и повозками чрезъ Ютербокъ и сталъ позади его, чтобы дать отдохнуть моему отряду и написать донесеніе.

Я подмѣтилъ на лицѣ Пренделя неудовольствіе и зависть. Онъ зналъ, что я везу съ собою деньги, но ничего не спросилъ меня и сдѣлалъ видъ, что это ему неизвѣстно. Онъ совѣтовалъ мнѣ дать отдохнуть казакамъ, предложивъ взять на себя всѣ заботы о моей безопасности, разстановку ведетовъ и т. д. Я и самъ былъ бы не прочь отдохнуть, но, зная, что это былъ человѣкъ въ высшей степени хитрый, я недоумѣвалъ, какъ объяснить его предупредительность, и мнѣ пришло на умъ, что за этой кажущейся любезностью кроется какая-нибудь западня.

Я сталъ бивуакомъ въ разстояніи одной версты отъ него и былъ занятъ составленіемъ подробнаго донесенія о моихъ дѣйствіяхъ генералу Винценгероде и графу Орурку, какъ вдругъ ко мнѣ прискакалъ одинъ изъ офицеровъ Пренделя, служившій прежде подъ моимъ начальствомъ, и сообщилъ, что Прендель намѣренъ произвести ночью ложную тревогу, сдѣлать видъ, будто на него напалъ непріятель, броситься на мой бивуакъ и захватить во время переполоха ящикъ съ деньгами, чтобы приписать себѣ впослѣдствіи заслугу, что онъ спасъ его отъ непріятеля, и тѣмъ пріобрѣсти право на эти деньги при дѣлежѣ.

Предупрежденный такимъ образомъ, я успѣлъ принять мѣры и разстроить его гнусный планъ.

Прендель въ тотъ же вечеръ посѣтилъ меня, выпилъ стаканъ пунша и видѣлъ, что у меня были зажжены бивуачные огни. Я прикинулся спокойнымъ, но какъ только онъ уѣхалъ, я отослалъ мои повозки подъ прикрытіемъ полка Ребреева, за версту отъ лагеря, а самъ остался съ Поповымъ 13-мъ на бивуакѣ, приказавъ поддерживать какъ можно лучше огни.

Уѣзжая, Прендель замѣтилъ, гдѣ именно стояли фургоны, и даже просилъ меня показать ихъ. Послѣ его отъѣзда я велѣлъ поставить на то же мѣсто пустыя повозки, въ которыхъ были перевезены плѣнные и ихъ вещи.

Прощаясь со мною, Прендель пожелалъ мнѣ доброй ночи и прибавилъ:

— Отдыхайте спокойно эту ночь, ваши казаки нуждаются въ отдыхѣ; намъ нечего опасаться, такъ какъ мои развѣдчики возвратились, не встрѣтивъ непріятеля.

Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю его словамъ, и мы разстались; онъ, вѣроятно, посмѣивался надъ шуткой, которую собирался сыграть со мною, а я смѣялся въ душѣ надъ его алчностью и далъ себѣ слово не пощадить его на слѣдующій день.

Къ двѣнадцати часамъ ночи все было готово. Мое сокровище было спрятано въ надежномъ мѣстѣ, а я стоялъ верхомъ передъ полкомъ Попова. Въ два часа ночи, на бивуакѣ Пренделя послышались выстрѣлы изъ пистолета и адскій топотъ: прямо на мой бивуакъ неслось во весь опоръ человѣкъ 200 или 300 бугскихъ казаковъ, съ Пренделемъ во главѣ.

Завидѣвъ меня, онъ закричалъ мнѣ, чтобы я спасалъ повозки, такъ какъ непріятель напалъ на его позицію и преслѣдуетъ его по пятамъ.

— А я всажу вамъ пулю въ лобъ, если вы тотчасъ не остановитесь,—закричалъ я въ отвѣтъ.

Убѣдившись, что я не былъ расположенъ шутить, и что его планъ не удался, Прендель закричалъ казакамъ, чтобы они остановились, постарался собрать ихъ и сказалъ:

— Ну такъ, идемте съ нами и прогонимъ вмѣстѣ непріятеля!

— Вернитесь-ка въ свою кровать,—отвѣчалъ я, смѣясь, — я тоже лягу спать.

Такъ окончилась продѣлка, затѣянная этимъ выкрестомъ.

На разсвѣтѣ я получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе присоединиться къ корпусу генералъ-адъютанта Чернышева, такъ что Прендель избѣгнулъ моихъ насмѣшекъ, но его ночная экспедиція не осталась тайною; это былъ единственный подвигъ, коимъ онъ могъ похвастать во всю свою жизнь, и этотъ подвигъ навѣрно заставилъ бы его покраснѣть, если бы человѣкъ, исполнявшій всю жизнь обязанности шпіона, не утратилъ способности краснѣть за свои поступки.

Я никогда не могъ понять, почему генералъ Винценгероде благоволилъ къ нему. Единственною его заслугою было то, что онъ исполнялъ въ Вѣнѣ и Парижѣ обязанности шпіона и то не особенно удачно.

Это былъ человѣкъ совершенно необразованный, не имѣвшій никакихъ познаній; это отражалось, разумѣется, на свѣдѣніяхъ, которыя онъ сообщалъ, такъ какъ онъ не могъ дать имъ надлежащаго освѣщенія; онъ не говорилъ какъ слѣдуетъ ни на одномъ языкѣ и походилъ на тѣхъ странствующихъ тирольцевъ, которые торгуютъ канарейками. Онъ былъ дѣйствительно уроженецъ Тироля; въ силу этого, Винценгероде, вѣроятно, и покровительствовалъ ему какъ соотечественнику.

У Пренделя хватало смѣлости дѣлать такія дѣла, за которыя ему грозила висѣлица, если это было выгодно ему въ матеріальномъ отношеніи, но онъ не могъ хладнокровно слышать свистъ пули.

За него долго исполнялъ всѣ обязанности его подчиненный полков-

никъ Чеченскій, человѣкъ замѣчательно храбрый, а Прендель ловко умѣлъ приписать всю заслугу себѣ.

Онъ былъ очень хитеръ, но его чисто-жидовская хитрость и изворотливость не подходила для человѣка военнаго, поэтому какъ только онъ поступилъ подъ начальство графа Воронцова, его роль бы съиграна. Послѣ Лейпцигскаго сраженія онъ былъ назначенъ комендантомъ г. Лейпцига.

Я познакомился съ нимъ въ 1809 г. въ Галиціи, въ главной квартирѣ князя Сергѣя Голицына; онъ былъ тогда поручикомъ, но уже занимался шпіонствомъ. Князь Голицынъ былъ доволенъ доставленными мною свѣдѣніями, попросилъ меня прочитать замѣтки Пренделя, провѣрить ихъ и сдѣлать по поводу ихъ свои замѣчанія. Просматривая эти замѣтки, я увидѣлъ, что онъ былъ совершенно неспособенъ разобраться въ томъ, что ему говорили мѣстные жители, и не могъ отличить пустыхъ сплетень отъ необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній. Съ нимъ обходились такъ, какъ онъ того стоилъ; онъ никогда не удостоивался чести быть приглашеннымъ къ столу кн. Голицына и не былъ принятъ въ обществѣ молодыхъ офицеровъ, составлявшихъ штабъ этого генерала.

Можно себѣ представить поэтому мое изумленіе, когда я увидѣлъ его въ 1813 г. полковникомъ, командующимъ превосходнымъ отрядомъ, изъ трехъ казачьихъ полковъ, и убѣдился, что генералъ Винценгероде вѣрилъ въ него какъ въ оракула.

Благополучно избѣгнувъ опасности, я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы мои повозки и фургоны не подверглись новой опасности, которая, какъ это ни покажется странно, могла угрожать намъ скорѣе въ дружественной средѣ, нежели въ тылу непріятельской арміи.

Такъ какъ эти тяжелые фургоны чрезвычайно стѣсняли дѣйствія легкой кавалеріи, то я рѣшилъ отправить ихъ въ Потсдамъ, а оттуда въ Берлинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ уволить меня въ двухдневный отпускъ, чтобы самому съѣздить въ Берлинъ, гдѣ я хотѣлъ отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ принять необходимыя мѣры предосторожности относительно захваченныхъ мною денегъ.

Князь Сергѣй Волконскій, которому я писалъ объ этомъ, отвѣчалъ:

«Генералъ баронъ Винценгероде поручилъ мнѣ передать вамъ его желаніе, чтобы вы продолжали еще нѣсколько дней командовать вашимъ отрядомъ, но если состояніе вашего здоровья настоятельно требуетъ поѣздки въ Берлинъ, то передайте командованіе слѣдующему за вами въ чинѣ. Во всякомъ случаѣ, генералъ надѣется, что вы не оставите командованіе въ настоящую минуту, когда готовятся великія событія; генералъ не хочетъ и не можетъ обойтись безъ васъ и съ трудомъ могъ бы замѣнить васъ.

«Его превосходительство поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить вамъ его благодарность за блистательное исполненіе возложеннаго на васъ порученія.

«Что касается дальнѣйшихъ дѣйствій вашего отряда, то всѣ инструкціи, данныя генералу Чернышеву, касаются также и васъ».

Сколько я ни размышлялъ, не было возможности уѣхать. Съ одной стороны, надобно было оберегать золото и позаботиться объ обезпеченіи своей будущности, съ другой стороны, дѣло шло о славѣ и чести. Я хотѣлъ и долженъ былъ присутствовать при сраженіи. Поэтому, поручивъ охрану военной кассы подполковнику Барнекову, я далъ ему конвой изъ 50 казаковъ и положился на волю Провидѣнія.

Пройдя не болѣе версты, Барнековъ прислалъ сказать мнѣ, что его упряжныя лошади не въ силахъ болѣе тащить фургоны по пескамъ и онъ не ручается, что ему удастся достигнуть Потсдама, откуда начиналась шоссейная дорога; кромѣ того въ четверти верстахъ отъ дороги, по которой онъ ѣхалъ, показался непріятель; словомъ, ему грозила величайшая опасность и предстояли непреодолимыя препятствія.

Я зналъ Барнекова за человѣка храбраго въ бою, но не подозрѣвалъ, что онъ могъ такъ быстро потерять голову при первомъ же затрудненіи. Поэтому я поспѣшилъ ему на помощь, съ однимъ полкомъ и, прогнавъ, по пути, изъ одной деревни два непріятельскихъ эскадрона, которые заняли ее, чтобы имѣть тамъ обсерваціонный постъ, я явился къ нему, какъ снѣгъ на голову, собралъ въ окрестныхъ деревняхъ крестьянскихъ лошадей и, пустивъ въ ходъ деньги и угрозы, приказалъ впречь въ каждую повозку по 20 лошадей; дѣло пошло на ладъ.

Я сопровождалъ обозъ до большой дороги, которая идетъ въ Бѣлицы (Beliz), а затѣмъ поспѣшно возвратился на свой постъ и началъ тревожить непріятеля, надѣясь, что если сраженіе будетъ проиграно нами, то Барнековъ съумѣетъ принять надлежащія мѣры, чтобы поспѣшно проѣхать черезъ Берлинъ и двинуться къ Шпандау.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ весьма любезно сообщилъ мнѣ о томъ, что мое сокровище благополучно миновало Бѣлицы, гдѣ находилась его главная квартира.

Всѣ диспозиціи, сдѣланныя шведскимъ королевскимъ принцемъ, свидѣтельствовали о томъ, что онъ намѣревался дать сраженіе маршалу Удино.

Мы были къ этому готовы. Мнѣ было приказано тревожить лѣвый флангъ непріятеля и дѣйствовать совмѣстно съ генераломъ Чернышевымъ.

Мои фургоны съ деньгами были между тѣмъ далеко не въ безопасности, но я объ этомъ болѣе не думалъ.

XLIII.

Сраженіе при Гросбееренѣ.—Исторія фургоновъ.—Трагикомедія.

Въ сраженіи при Гросбееренѣ, маршалъ Удино былъ разбитъ союзными войсками; побѣда осталась за шведскимъ королевскимъ принцемъ, хотя онъ командовалъ войскомъ, съ которымъ не успѣлъ еще ознакомиться.

Берлинъ былъ спасенъ: эта проститутка, какъ называли ее прусскіе генералы, вернулась къ добродѣтели. Генералы Бюловъ и Тауенцинъ покрыли себя славою.

Корпусъ Винценгероде и шведы не принимали почти никакого участія въ этомъ сраженіи; въ этотъ день дѣйствовали только отдѣльные отряды Чернышева, графа Орурка и мой отрядъ, взявшій въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ и спасшій Люкенвальде отъ разграбленія. Вся честь побѣды принадлежала шведскому королевскому принцу и пруссакамъ.

Маршалъ Удино былъ вынужденъ отступить къ Виттенбергу и Торгау.

Лишь только я убѣдился въ нашей побѣдѣ и въ томъ, что непріятельская армія начала отступать, я воспользовался позволеніемъ генерала Винценгероде съѣздить въ Берлинъ.

Я послалъ полкъ Ребреева къ прусскому генералу Гиршфельду. Въ моемъ распоряженіи остался только полкъ Попова, которому я приказалъ посылать донесенія генералу Чернышеву, а самъ уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы устроить нѣкоторыя дѣла, безотлагательно требовавшія моего присутствія въ этомъ городѣ.

Пообѣдавъ по пути въ Бѣлицахъ у генерала Чернышева, я пріѣхалъ къ 9 часамъ вечера въ Потсдамъ и въ ту же ночь былъ въ Берлинѣ.

Мнѣ стоило немало труда розыскать маіора Барнекова: я объѣздилъ всѣ гостиницы и нашелъ его наконецъ въ гостиницѣ Чернаго Орла, на Дѣнковской площади, у нѣкоего г. Матьё.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ чрезвычайномъ волненіи, какъ человѣкъ, котораго только-что постигло большое несчастье. Я былъ пораженъ. Трепеща за свои деньги, участь которыхъ все время озабочивала меня, когда я не былъ занятъ исполненіемъ своихъ обязанностей на полѣ битвы, я поспѣшно спросилъ его:

— Гдѣ фургоны?

— Благодаря Бога они еще здѣсь,—отвѣчалъ онъ,—но не на долго; я только-что получилъ отъ коменданта г. Берлина приказаніе препроводить ихъ къ нему завтра же, отдавъ ихъ на храненіе въ ордонансъгаусъ.

— Только-то,—возразилъ я, въ восторгѣ, что я еще обладаю этимъ сокровищемъ. Посмотримъ,—продолжалъ я,—кто будетъ владѣть ими, тотъ ли, кто взялъ ихъ въ тылу французской арміи, или тѣ, кто хотятъ взять ихъ въ гостиницѣ Чернаго Орла.—Нельзя терять ни минуты. Кто владѣлецъ гостиницы?

— Французъ.

— Хорошо; съ нимъ можно будетъ столковаться, онъ не прочь будетъ заработать кое-что, мы должны быть съ нимъ откровенны, позовите его сюда.

Появился г. Матьё; это былъ толстенькій, маленькій, кругленькій человѣкъ съ веселымъ, честнымъ лицомъ.

— Хотите заработать 1.000 экю, г. Матьё?

— Съ удовольствіемъ!

— Такъ слушайте; позаботьтесь о томъ, чтобы къ двумъ часамъ ночи вся ваша прислуга, до послѣдняго человѣка, легла спать; затѣмъ предоставьте въ мое распоряженіе уголокъ на чердакѣ или въ подвалѣ, гдѣ хотите, лишь бы уголокъ былъ укромный и дайте слово молчать о томъ, что вы увидите.

— Вы пугаете меня,—сказалъ Матьё,—въ чемъ дѣло?

— Ничего особеннаго; черезъ сутки вы можете, если захотите, разсказать всему Берлину то, что вы видѣли.

— Извольте, даю слово молчать.

— Отлично, а я съ своей стороны даю вамъ слово, что завтра, въ десять часовъ вечера 1.000 экю будутъ у васъ въ карманѣ; вотъ 25 луидоровъ въ задатокъ.

Въ два часа ночи, убѣдившись въ томъ, что въ домѣ всѣ спали, Матьё повелъ меня на чердакъ и указалъ на маленькій чуланчикъ, передъ которымъ висѣло для просушки бѣлье; я тотчасъ приказалъ казакамъ разгрузить мои фургоны и перенести боченки съ серебромъ въ указанное мѣсто. Мои молодцы работали усердно и успѣли перенести за ночь всѣ 75 боченковъ. Трудъ былъ не легкій, такъ какъ чердакъ находился въ четвертомъ этажѣ. Когда все было окончено, я приказалъ набрать на дворѣ кирпичей, дровъ, все, что можно было найти тяжелаго. Все это было набросано кое-какъ въ фургоны; привѣсивъ къ нимъ замки, ключи отъ коихъ передалъ мнѣ арестованный казначей, я приставилъ къ нимъ часовыхъ, какъ будто фургоны имѣли для меня необычайную важность, затѣмъ я съ аппетитомъ поужиналъ и спокойно легъ спать, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Все, что я дѣлалъ по вдохновенію, оказывалось всегда удачно; читатель увидитъ далѣе, какъ хорошо, что я поступилъ именно такъ, не потому, чтобы я былъ виноватъ, присвоивъ себѣ эти деньги, которыя принадлежали мнѣ по праву, такъ какъ я завладѣлъ ими съ оружіемъ въ

рукахъ, но если бы эти деньги попали въ руки пруссаковъ, то мнѣ было бы трудно получить ихъ обратно, вотъ этихъ-то хлопотъ я и хотѣлъ избѣжать. Самое лучшее держать при себѣ то, что имѣешь.

На слѣдующій день ко мнѣ явился адъютантъ русскаго коменданта, генерала Ножина (Nogine), поручикъ баронъ Будбергъ. Онъ передалъ мнѣ отъ имени своего начальника, что генералъ-губернаторъ Берлина, графъ Лестокъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ допустилъ, чтобы военная касса находилась не подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, и приказалъ немедленно исправить эту важную ошибку.

— О какой кассѣ говорите вы, г. адъютантъ?—спросилъ я.—Мнѣ кажется, что все это приснилось г. генералъ-губернатору и г. коменданту. Я имѣлъ удовольствіе доставить жителямъ Берлина пріятное зрѣлище, пославъ сюда тысячу человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ великолѣпныхъ гренадеръ саксонской гвардіи. Это были первые плѣнные, взятые послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій; я захватилъ, правда, еще нѣсколько курьеровъ и нѣсколько фургоновъ, но еще не имѣлъ времени взглянуть, что́ именно въ нихъ содержится. Какъ бы то ни было, эти фургоны принадлежатъ мнѣ; а осмотрю ихъ, когда буду имѣть время, и сдѣлаю съ ними, что захочу. Будьте такъ любезны, передайте г. коменданту слово въ слово все сказанное мною и попросите его оставить меня въ покоѣ, такъ какъ я очень нуждаюсь въ отдыхѣ.

Адъютантъ не хотѣлъ сдаваться и имѣлъ неосторожность посовѣтовать мнѣ добровольно препроводить фургоны въ штабъ, говоря, что «генералъ-губернаторъ не изъ тѣхъ людей, съ коими можно шутить».

— Я нисколько не шучу,—возразилъ я,—и говорю вполнѣ серьезно. Позавтракайте со мною, мнѣ это будетъ весьма пріятно, но избавьте меня отъ своихъ совѣтовъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь; я ни съ кѣмъ не совѣтовался, когда атаковалъ французскій отрядъ и захватилъ обозъ, составляющій предметъ нашего разговора. Прошу васъ, баронъ, позавтракать со мною и прекратить этотъ разговоръ.

Адъютантъ, строго относившійся къ своимъ обязанностямъ, отказался отъ завтрака и уѣхалъ.

Вскорѣ явился самъ комендантъ и спросилъ меня, дѣйствительно ли я намѣренъ довести его до крайности.

— Исполняйте свой долгъ, генералъ,—сказалъ я,—я исполнилъ свой.

Положеніе становилось съ каждымъ часомъ опаснѣе. Комендантъ уѣхалъ, чтобы переговорить съ графомъ Лестокомъ. Нельзя было терять присутствіе духа; дѣло принимало дурной оборотъ.

Предвидя возможность быть выданнымъ г. Матьё и предполагая, что въ домѣ могъ быть произведенъ обыскъ, я отправился къ одному маклеру, который взялся доставить мнѣ такое количество золота, какое

ему удастся собрать въ часъ. Прельщенный куртажемъ, который я ему обѣщалъ, онъ дѣйствовалъ такъ проворно, что привезъ мнѣ очень скоро 5.000 луидоровъ и 3 тысячи дукатовъ и увезъ серебро въ боченкахъ на таковую же сумму.

Я спряталъ это золото подъ матрасъ, въ надеждѣ, что мою постель постѣснятся обыскивать. Лишь только была окончена эта первая операція, какъ появился отрядъ пруссаковъ; къ моимъ фургонамъ были приставлены часовые, и гостиница была оцѣплена.

Я уже не могъ болѣе размѣнивать деньги; между тѣмъ народъ сталъ собираться на площади, передъ моимъ домомъ, недоумѣвая, чего хотятъ отъ меня, и полагая, что я совершилъ какое-нибудь преступленіе.

Я одѣлся не спѣша и отправился къ генералъ-губернатору съ жалобою на то, что со мною поступали такъ безцеремонно; я просилъ его объяснить, почему задерживаютъ мою собственность, и требовалъ удовлетворенія за нанесенное мнѣ оскорбленіе, ибо гостиница, въ которой я остановился, держалась въ осадномъ положеніи, тогда какъ я пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы поправить свое здоровіе, расшатанное трудами боевой жизни.

Графъ Лестокъ принялъ меня крайне нелюбезно и сказалъ мнѣ чрезвычайно рѣзко:

— Какъ смѣли вы, милостивый государь, забравъ кассу, не препроводить ее немедленно въ штабъ? Знаете ли, милостивый государь, что за это офицера могутъ разжаловать?

— Я не знаю вашихъ законовъ, ваше превосходительство, но по нашимъ законамъ я правъ; этого съ меня довольно. Я не пришелъ просить милости, но удовлетворенія; меня болѣе всего удивляетъ, что ваше превосходительство ставите мнѣ въ вину, что я посмѣлъ отнять кассу у непріятеля въ то время, какъ его королевское величество, вашъ монархъ, пожаловалъ мнѣ крестъ за военныя заслуги, а его величество шведскій королевскій принцъ выразилъ мнѣ свое одобреніе въ этомъ приказѣ.

Я подалъ ему приказъ.

— Послѣ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ публично,—продолжалъ я,—я не достоинъ ни того, ни другаго.

Говоря это, я сорвалъ съ шеи крестъ и положилъ его на столъ вмѣстѣ съ дневнымъ приказомъ королевскаго принца, который я все еще держалъ въ рукѣ, присовокупивъ, что я возьму то и другое обратно только тогда, когда мнѣ будетъ дано блестящее удовлетвореніе за столь постыдное обращеніе, какому я подвергся въ Берлинѣ.

— Васъ тяготитъ, кажется, ваша шпага, — сказалъ генералъ-губернаторъ,—я прикажу посадить васъ подъ арестъ.

— Моя шпага поражала враговъ моего монарха, но если она мо-

жетъ доставить вамъ удовольствіе, то я отдаю ее вамъ—и съ этими словами я отстегнулъ ее отъ пояса.

— Не спѣшите,—сказалъ онъ,—оставьте ее при себѣ, ступайте и не отлучайтесь изъ дома до полученія отъ меня дальнѣйшихъ приказаній.

Я вышелъ, почтительно поклонившись и оставивъ на столѣ крестъ и бумаги.

Во мнѣ кипѣла кровь при мысли о томъ, какъ со мною поступили въ тотъ моментъ, когда берлинскія газеты, начальство и всѣ вообще восхваляли мой образъ дѣйствій и превозносили оказанныя мною услуги. Вмѣсто того чтобы отдохнуть, мнѣ приходилось воевать съ нашими союзниками, чтобы сохранить то, что было взято мною у непріятеля; мнѣ приходилось хладнокровно выслушивать, какъ такой почтенный генералъ, какъ графъ Лестокъ, говорилъ мнѣ: «вы грабите и разоряете нашу страну, справедливость требуетъ, чтобы и мы что-нибудь взяли отъ васъ». И это говорилось въ то время, когда мы вывели Пруссію изъ того ложнаго и унизительнаго положенія, въ какомъ она находилась. И это говорилъ тотъ самый Лестокъ, который такъ доблестно сражался при Эйлау съ остатками прусской арміи и нашелъ пріютъ въ нашей арміи послѣ пораженія при Іенѣ, Магдебургѣ, Любекѣ и т. д.

Я не напомнилъ ему объ этомъ, но затаилъ злобу въ своемъ сердцѣ. Значитъ, пруссаки уже не считали насъ освободителями, какъ до Люценскаго сраженія, а смотрѣли на насъ какъ на грабителей, и кто же говорилъ это? Генералъ-губернаторъ Берлина! Этотъ взглядъ усвоили со временемъ весьма многія лица, при томъ въ разныхъ слояхъ общества.

Какъ только я вернулся въ гостиницу, ко мнѣ явился начальникъ штаба генерала Лестока съ требованіемъ передать ему ключи отъ фургоновъ, чтобы составить инвентарь ихъ содержимаго въ моемъ присутствіи.

Я засмѣялся и сказалъ:

— Передайте генералу Лестоку, что я прошу его поискать ключи тамъ, гдѣ я взялъ фургоны, т. е. между великой арміей Наполеона и арміей, находящейся подъ командою Удино. Въ минуту опасности я не могъ думать о ключахъ, къ тому же мнѣ не приходило въ голову, что мнѣ придется давать отчетъ генералъ-губернатору Берлина.

Недовольный моимъ отвѣтомъ, начальникъ штаба отправился съ докладомъ къ графу Лестоку, который приказалъ снять караулъ отъ гостиницы и взять фургоны силою. Я этому не противился, да и не могъ бы этого сдѣлать, если бы хотѣлъ, но я этого именно не хотѣлъ, чтобы имѣть право посмѣяться надъ ними. Тѣмъ не менѣе для вида я протестовалъ, заявивъ, что у меня возьмутъ фургоны только силою.

Фургоны были взяты буквально приступомъ; генералъ-губернаторъ

прислалъ сказать мнѣ, чтобы я явился къ нему въ штабъ, куда отвезли фургоны, чтобы присутствовать при ихъ вскрытіи и составленіи инвентаря.

Я отвѣчалъ, что если онъ требуетъ меня только для этого, то я не пойду въ штабъ, никто въ мірѣ не заставитъ меня быть свидѣтелемъ столь несправедливаго и самовольнаго поступка, ибо если въ фургонахъ находятся, какъ предполагаетъ генералъ, деньги, то онѣ принадлежатъ мнѣ по праву, но это мнѣ не извѣстно, такъ какъ я былъ занятъ все время составленіемъ списка плѣнныхъ, который я имѣлъ честь представить ему, и разборкою денегъ и писемъ, взятыхъ у кабинетскихъ курьеровъ Наполеона; поэтому я не успѣлъ осмотрѣть содержимое фургоновъ, въ которыхъ можетъ находиться серебро такъ же точно, какъ тамъ могутъ быть сапоги и штаны.

Какъ только фургоны были увезены и караулъ снятъ, я тотчасъ занялся вновь размѣною серебра на золотую монету и, не бывъ Ротшильдомъ, или Штиглицомъ, установилъ въ тотъ день курсъ на золото.

Алчность прусскихъ властей была такъ велика и они были такъ твердо увѣрены въ томъ, что мои сокровища находились еще въ фургонахъ, что имъ и въ умъ не пришло сдѣлать у меня обыскъ.

Между тѣмъ, не теряя времени, я послалъ курьера къ генералу Винценгероде, находившемуся въ Тельтовѣ, и написалъ князю Сергѣю Волконскому, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ, передавъ ему все случившееся со мною. Я просилъ князя Волконскаго поспѣшить въ Берлинъ, чтобы спасти меня изъ когтей генерала Лестока и его штаба и дать мнѣ полное удовлетвореніе. Но пока пріѣхалъ бы князь Волконскій или кто-нибудь посланный генераломъ Винценгероде, мнѣ приходилось бороться одному.

Узнавъ о моемъ отказѣ присутствовать при вскрытіи фургоновъ и дать ключи, генералъ-губернаторъ велѣлъ разломать фургоны топоромъ.

Приближалась развязка этой комедіи; заключительная ея сцена обѣщала быть столь же смѣхотворной, сколь несправедливы были требованія, предъявленныя мнѣ властями города Берлина.

Весь штабъ былъ въ полномъ сборѣ, чтобы присутствовать при составленіи протокола. Надѣвъ на носъ очки, заложивъ перо за ухо, аудиторъ собирался писать. Удары топора учащались, наконецъ, крышка одного изъ фургоновъ отлетѣла. Всѣ присутствующіе кинулись къ нему, чтобы взглянуть хотя однимъ глазомъ на столь желанное золото. О ужасъ, о изумленіе! Въ фургонѣ оказались только кирпичи, камни, солома и куски дерева. Тогда кинулись ко второму фургону, стали ломать его съ такою же яростью, даже съ еще бо̀льшимъ остервенѣніемъ. Въ немъ оказалось то же самое! Третій фургонъ былъ взломанъ съ бо̀льшимъ хладнокровіемъ; всѣ уже начали подозрѣвать истину.

Я при этомъ не присутствовалъ, какъ я уже сказалъ, но лица, видѣвшія эту сцену, передавали мнѣ, что было преинтересно видѣть, какъ всѣ эти штабные офицеры онѣмѣли отъ изумленія, переглянулись, ни слова не говоря, и разошлись съ вытянутыми лицами, одни—раскраснѣвшись отъ досады, другіе—поблѣднѣвъ отъ стыда.

Слухъ объ этомъ приключеніи разнесся вскорѣ по городу. Всѣ были за меня, объ этомъ говорили и въ салонахъ принца Фердинанда и супруги принца Вильгельма, гдѣ я удостоился на слѣдующій день весьма любезнаго пріема. Когда же я появился вечеромъ въ большой ложѣ, предназначенной для иностранцевъ, то публика выказала мнѣ знаками свое сочувствіе.

Вскорѣ пріѣхалъ князь Сергѣй Волконскій, посланный генераломъ Винценгероде съ грознымъ письмомъ къ графу Лестоку.

Генералъ Винценгероде возлагалъ на генералъ-губернатора отвѣтственность за оскорбленіе, нанесенное офицеру, только-что отличившемуся блистательнымъ образомъ на полѣ битвы.

Вручая это письмо графу Лестоку, князь Волконскій говорилъ такъ горячо и такъ хорошо разъяснилъ ему, какія серьезныя послѣдствія могъ имѣть его самовольный поступокъ по отношенію меня, что Лестокъ, на зная, что дѣлать, просилъ его уладить это дѣло, сказавъ, что онъ готовъ дать мнѣ письменное удовлетвореніе. Онъ присовокупилъ, что онъ былъ обманутъ русскимъ комендантомъ, генераломъ Ножинымъ, который былъ всему виною.

Ножинъ былъ тотчасъ смѣщенъ и только по моему настоянію получилъ другое назначеніе.

Генералъ-губернаторъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Препровождаю при семъ вашему высокоблагородію оставленные у меня предметы и радуюсь тому, что происшедшее между нами недоразумѣніе (differend), возникшее, впрочемъ, не по моей винѣ, окончательно выяснилось.

«Примите, г. полковникъ, увѣреніе и пр. Лестокъ».

Берлинъ 26-го августа 1813 г.

Одержавъ побѣду, я не чувствовалъ уже ни малѣйшей злобы ни противъ графа Лестока, ни противъ русскаго коменданта, который явился ко мнѣ съ извиненіемъ. Мы роспили съ нимъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго и, чтобы доказать ему, что все мною забыто, я одолжилъ ему нѣсколько тысячъ рублей, въ которыхъ онъ нуждался, чтобы вступить въ бракъ.

Если онъ позабылъ возвратить ихъ мнѣ, это его дѣло; не онъ первый, не онъ послѣдній.

XLIII.

Пріемъ у шведскаго королевскаго принца.—Сцена съ генераломъ Винценгероде.—Примиреніе.—Графъ Воронцовъ.—Чернышевъ.—Князь Кудашевъ.

Побѣда, одержанная нами при Гросбееренѣ, у самыхъ, такъ сказать, воротъ Берлина, дала моимъ друзьямъ возможность пріѣхать въ этотъ городъ, чтобы выразить мнѣ участіе по поводу моихъ удачъ.

Въ числѣ этихъ лицъ были Левъ Нарышкинъ, баронъ Паленъ, князь Сергѣй Волконскій, Пашковъ, князь Лопухинъ, Ржевскій, Панкратьевъ и нѣкоторые другіе.

Я провелъ въ Берлинѣ шесть дней, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Уходя изъ дома по утру, я бралъ въ карманъ горсть дукатовъ и успокоивался только, истративъ ихъ до одного.

Письмо, полученное мною отъ князя Сергѣя Волконскаго, положило конецъ этой разсѣянной жизни. Онъ писалъ, что я нуженъ генералу Винценгероде и что онъ недоволенъ моимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ Берлинѣ.

Прибывъ вечеромъ въ Потсдамъ, я заболѣлъ лихорадкою и, несмотря на это, отправился на слѣдующій день въ Трейенбризенъ, гдѣ находилась главная квартира шведскаго королевскаго принца.

Я немедленно явился ему. Обо мнѣ доложилъ графъ Левенгельмъ, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Было уже семь часовъ вечера. Принцъ принялъ меня очень любезно въ постели, на которой онъ имѣлъ обыкновеніе лежать какъ можно больше, такъ какъ горизонтальное положеніе было ему полезно.

Онъ похвалилъ меня за блестящія дѣйствія, коими я началъ эту кампанію, и высказалъ надежду, что я окончу ее не менѣе блистательно.

Я имѣлъ несказанное удовольствіе встрѣтить у него нашего посланника, добраго и прекраснаго генерала Сухтелена, и моего друга, князя Кудашева, только-что пріѣхавшаго изъ арміи.

Этотъ молодой храбрый генералъ точно такъ же, какъ и я, смѣло проѣхалъ по всей коммуникаціонной линіи непріятеля, но только позади Дрездена по ту сторону Эльбы, такъ что ему пришлось переплыть рѣку. Онъ привезъ намъ извѣстія изъ главной арміи, которая выступила изъ Богеміи, имѣя во главѣ императора и короля прусскаго.

Мнѣ было очень интересно увидѣться съ нимъ, такъ какъ мнѣ предстояло совершить подобную же экспедицію. Я долженъ былъ доставить императору извѣстія о положеніи нашей арміи, поэтому я спѣшилъ въ главную квартиру барона Винценгероде, чтобы получить отъ него надлежащія инструкціи.

Но происшедшая между мною и генераломъ Винценгероде пренепріятная и совершенно неожиданная сцена заставила отложить мою командировку, которая состоялась нѣсколько дней позднѣе. Я понялъ, что во мнѣ нуждались, и это придало мнѣ нравственную силу, которая была мнѣ необходима для исполненія всѣхъ возлагавшихся на меня порученій.

Я уѣхалъ изъ Трейенбризена, осыпанный милостями шведскаго королевскаго принца, и вскорѣ былъ въ главной квартирѣ барона Винценгероде.

Мнѣ вышли на встрѣчу Левъ Нарышкинъ и князь Сергѣй Волконскій, относившіеся ко мнѣ всегда дружелюбно. Они предупредили, что главнокомандующій былъ взбѣшенъ противъ меня.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я. Я нечего не боюсь, у меня совѣсть чиста, и я вошелъ въ кабинетъ барона Винценгероде, твердо рѣшивъ постоять за себя.

У него было много посѣтителей, онъ ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по залу, красный, какъ ракъ, и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, не отвѣтилъ на мой поклонъ и продолжалъ говорить со своимъ начальникомъ штаба, генераломъ Ренни. Я не трогался съ мѣста и стоялъ, опираясь на саблю, твердо и рѣшительно, готовясь выдержать предстоявшую грозу.

Вдругъ, главнокомандующій быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ съ живостью:

— Что вы дѣлали такъ долго въ Берлинѣ?

— Я полагаю, это извѣстно вашему превосходительству, такъ какъ я отправился туда съ вашего разрѣшенія.

— Почему вы не донесли мнѣ о томъ, что вами взята у непріятеля денежная касса?

— Я посылалъ объ этомъ донесеніе вашему превосходительству и весьма сожалѣю, если оно не было получено вами; росписка въ отправленіи его находится у меня въ карманѣ.

— Я не получалъ его; это позоръ, что я, главнокомандующій, узнаю о дѣйствіяхъ моихъ офицеровъ отъ шведскаго королевскаго принца. Какъ осмѣлились вы донести объ этомъ непосредственно самому его королевскому высочеству?

— Слова вашего превосходительства показываютъ, что вами получены невѣрныя свѣдѣнія. Я послалъ донесеніе только вашему превосходительству и генералу графу Орурку и никогда въ жизни не писалъ шведскому принцу.

— А между тѣмъ самъ принцъ разсказалъ о вашихъ послѣднихъ подвигахъ моему адъютанту Ржевскому, поручивъ ему поздравить меня.

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что слова королевскаго принца говорятъ въ мою пользу, а отнюдь не противъ меня. По всей вѣроятности, слухъ о моей экспедиціи дошелъ до королевскаго принца; мнѣ было пріятно, чтобы его высочество услыхалъ объ этомъ отъ васъ, ваше превосходительство, но кажется, я не могу на это надѣяться.

— Вы позволяете себѣ говорить дерзости.

— Никоимъ образомъ, ваше превосходительство; я осмѣлился только сказать слово въ свою защиту, тѣмъ болѣе, что я незаслуженно подвергаюсь обвиненію.

Генералъ, человѣкъ очень вспыльчивый, не могъ успокоиться. Обратившись уже не ко мнѣ, а ко всѣмъ присутствующимъ, онъ повторилъ:

— Какъ осмѣлиться не донести мнѣ; это преступленіе, заслуживающее наказанія, я не оставлю это такъ.

И, обратясь ко мнѣ, онъ присовокупилъ:

— Вы злоупотребили моимъ довѣріемъ, я велю посадить васъ подъ арестъ, отдамъ васъ подъ судъ.

— Ваше превосходительство, вы вольны поступить, какъ желаете. Я никогда не злоупотреблялъ довѣріемъ, коимъ вы удостоили меня, и нынѣ заслуживаю этого довѣрія болѣе, чѣмъ когда-либо. Я покоряюсь своей участи, я не избалованъ судьбою, но я замѣчу вашему превосходительству, что тому, кто жертвуетъ жизнью и здоровьемъ, служа его величеству, нашему монарху, не особенно пріятно видѣть, что его труды такъ вознаграждаются.

— Вы смѣете еще разсуждать!—вскричалъ генералъ, чуть не кидаясь на меня.

— Когда же мнѣ и высказать свое мнѣніе, ваше превосходительство, какъ не въ тотъ моментъ, когда надо мною тяготѣетъ столь несправедливое обвиненіе?

— Если бы вы мнѣ написали, я выхлопоталъ бы вамъ награду; а теперь я отдамъ васъ подъ судъ!

— Вашему превосходительству лучше всѣхъ извѣстно, что я не привыкъ получать награды. Я служу, исполняю свой долгъ ради своего собственнаго удовлетворенія; мои подчиненные, которымъ придется, быть можетъ, отъ этого потерпѣть, скоро утѣшатся, такъ какъ я имѣю возможность смягчить ихъ горе.

Я вывелъ генерала изъ себя. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, показывая этимъ, что я не имѣю болѣе ничего сказать. Произнести еще хотя одно слово было бы дерзостью съ моей стороны.

Я не могъ себѣ представить, чѣмъ окончится вся эта исторія, и какимъ образомъ мнѣ удастся убѣдить генерала Винценгероде въ томъ, что я не былъ виновенъ и что я не писалъ шведскому королевскому принцу; допустивъ даже, что принцъ далъ бы мнѣ письменное удосто-

вѣреніе въ томъ, что онъ не получалъ отъ меня никакого донесенія, генералъ Винценгероде никогда этому не повѣрилъ бы.

Я не рѣдко выказывалъ присутствіе духа въ тѣхъ случаяхъ, когда многіе потеряли бы голову, но никто не въ состояніи оградиться отъ черепицы, которая случайно свалится на голову.

Итакъ, я стоялъ въ почтительной позѣ среди толпы, наполнявшей зало, ожидая, чѣмъ разразится обрушившаяся на меня буря.

Въ этотъ моментъ явился ординарецъ шведскаго королевскаго принца, который приглашалъ генерала къ себѣ.

Я удалился, донельзя огорченный тѣмъ, что со мною такъ грубо обошелся генералъ, даже не русскій по происхожденію и неоднократно мѣнявшій австрійскій мундиръ на нашъ.

Нѣсколько успокоившись, я сталъ думать, что дѣлать дальше; продолжать службу въ этомъ корпусѣ, очевидно, было невозможно; тутъ моя пѣсенка была спѣта.

Я рѣшилъ оправиться къ главнокомандующему русской арміи, Барклаю де-Толли, въ штабѣ коего я все еще числился и который относился ко мнѣ всегда очень благосклонно.

Принявъ это рѣшеніе, я окончательно успокоился и приказалъ подать себѣ завтракъ. Въ эту минуту вошли ко мнѣ князь Сергѣй Волконскій и Левъ Нарышкинъ. Я подумалъ, что они пришли утѣшать меня, но Волконскій сказалъ: «Вы опять уѣзжаете?»

— Да,—отвѣтилъ я,—въ главную квартиру.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—вотъ приказъ генерала Винценгероде; вамъ приказано снова принять начальство надъ вашимъ отрядомъ и отправиться немедлено къ графу Воронцову, командующему авангардомъ.

— Какимъ образомъ совершилось это чудо!—воскликнулъ я.

Волконскій разсказалъ мнѣ, что когда я вышелъ, то генералъ Винценгероде спросилъ своего начальника штаба и князя Волконскаго, не попало ли мое донесеніе случайно въ его канцелярію, въ которой царствовалъ настоящій хаосъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать всѣ служившіе въ корпусѣ Винценгероде.

Когда эти господа отвѣчали отрицательно, то мои пріятели князь Лопухинъ и камергеръ Петерсонъ, видя, что генералъ Винценгероде нѣсколько успокоился, осмѣлились напомнить ему, что онъ дѣйствительно получилъ отъ меня донесеніе въ тотъ моментъ, когда онъ садился на лошадь, чтобы присутствовать въ сраженіи при Гросбеереиѣ, и что онъ спряталъ его, не читая и даже не распечатывая, въ карманъ своего мундира.

Онъ тотчасъ приказалъ подать мундиръ и нашелъ въ немъ мое донесеніе нераспечатаннымъ.

Такъ какъ это былъ человѣкъ честный, то онъ поспѣшилъ испра-

вить свою ошибку и, уѣзжая съ королевскому принцу, поручилъ князю Волконскому извѣстить меня объ этомъ.

Итакъ все окончилось благополучно; на начальство не полагается сердиться; къ тому же моя честь была возстановлена публично, и никто не могъ сомнѣваться въ моей правотѣ.

Передъ тѣмъ какъ уѣхать, я отправился къ генералу Винценгероде, который уже находился при шведскомъ королевскомъ принцѣ.

Я засталъ ихъ возлѣ вѣтреной мельницы, откуда вся окрестная мѣстность была видна, какъ на ладони. Оба генерала сошли съ лошади, и принцъ объяснялъ Винценгероде диспозицію войскъ для сраженія при Деневицѣ, которое произошло два дня спустя.

Выслушавъ словесныя приказанія генерала, я поспѣшилъ къ графу Воронцову.

Мнѣ пришлось первый разъ служить съ этимъ молодымъ генераломъ, съ коимъ судьба не сталкивала меня ранѣе. Онъ жилъ на какой-то фермѣ и былъ такъ же простъ въ обращеніи, какъ блестящъ на полѣ битвы. При немъ состояли графъ Оруркъ и генералъ Александръ Бенкендорфъ.

Графъ Воронцовъ зналъ меня только по слухамъ, но, повидимому, былъ доволенъ имѣть меня подъ своимъ начальствомъ. Я далъ себѣ слово оправдать его довѣріе.

Я пробылъ у него не болѣе четверти часа, такъ какъ онъ приказалъ мнѣ тотчасъ принять начальство надъ моимъ бывшимъ отрядомъ, коимъ командовалъ временно генералъ Рылѣевъ, который, по словамъ графа Воронцова, постоянно терялъ непріятеля изъ вида.

Я тотчасъ отправился къ Рылѣеву, передалъ ему приказаніе Воронцова и, оставивъ его одного на бивуакѣ, два часа спустя сообщилъ уже графу Воронцову извѣстія о непріятельской арміи. При этомъ я препроводилъ къ нему 50 конныхъ егерей, взятыхъ мною въ плѣнъ.

Графъ Воронцовъ былъ въ восторгѣ и приказалъ мнѣ отправиться въ Косвигъ, на Эльбѣ, къ генералу Чернышеву, который долженъ былъ дать мнѣ дальнѣйшія инструкціи.

Я уѣхалъ, успѣвъ предварительно увѣдомить графа Воронцова о франговомъ движеніи, которое совершалъ маршалъ Ней, слѣдовавшій по направленію къ Ютербоку.

Пыль, оказавшая мнѣ такое содѣйствіе во время моей экспедиціи въ тылу французской арміи, помогла мнѣ и въ этомъ случаѣ; по облаку пыли, которое вздымалъ непріятель, я могъ вывести заключеніе о численности колоннъ, двигавшихся въ этомъ направленіи, и вполнѣ точно опредѣлить, въ какомъ именно направленіи онѣ двигались.

Генералъ Чернышевъ далъ мнѣ слѣдующее письменное приказаніе:

«Вслѣдствіе приказанія, полученнаго мною отъ его превосходитель-

ства генерала барона Винценгероде, согласно инструкціи его королевскаго высочества принца шведскаго, вы должны отправиться со всевозможною поспѣшностью на лѣвый берегъ Эльбы, чтобы потревожить непріятеля, взять контрибуцію съ жителей, овладѣть скотомъ и доставить извѣстія въ главную квартиру, пройдя чрезъ непріятельскую армію.

«Что касается контрибуціи, то вы должны вести точный списокъ всего вами забраннаго и донести объ этомъ какъ можно скорѣе, такъ какъ все должно быть взято за счетъ арміи.

«Предлагаю вамъ поэтому сообразоваться съ данными вамъ инструкціями и исполнить такимъ образомъ желаніе его королевскаго высочества и его превосходительства барона Винценгероде; предупреждаю васъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вы одни будете отвѣтственны въ томъ, ежели эти приказанія не будутъ въ точности выполнены. Какъ только вамъ удастся войти въ сношеніе съ аванпостами главной арміи, вы пошлите къ главнокомандующему донесеніе о состояніи нашихъ войскъ, которое должно быть вамъ хорошо извѣстно, такъ какъ вы только-что видѣли генерала Винценгероде, который, вѣроятно, говорилъ съ вами объ этомъ. По установленіи сношеній съ главной арміей, вы тотчасъ пришлите мнѣ опытнаго офицера съ 50 солдатами, который сообщитъ мнѣ о положеніи, въ которомъ находится главная армія.

«Вы предпишете этому офицеру соблюдать на обратномъ пути всѣ предосторожности, какія будутъ приняты вами при слѣдованіи туда».

Перлерицъ, близъ Виттенберга, 5-го сентября 1813 г.

Прочитавъ внимательно эту инструкцію, я замѣтилъ, что такъ какъ порученіе, возлагаемое на меня, имѣетъ троякую цѣль: 1) взять контрибуцію; 2) потревожить непріятеля и 3) доставить извѣстіе въ главную армію, то это взаимно противорѣчитъ одно другому, ибо самая важная цѣль—пробраться къ главной арміи—требуетъ соблюденія величайшей тайны и величайшей быстроты движеній и не можетъ быть достигнута, если страна будетъ обложена контрибуціей и если я буду тревожить непріятеля.

— Я понимаю,—отвѣчалъ генералъ Чернышевъ,—что вамъ придется преодолѣть большія трудности, но я не могу измѣнить инструкцій; я передалъ ихъ вамъ буквально въ томъ видѣ, какъ онѣ даны мнѣ королевскимъ принцемъ и генераломъ Винценгероде.

— Попробуемъ,—отвѣчалъ я;—постараюсь сдѣлать все, что можно, но на нѣтъ и суда нѣтъ.

Однако, я твердо рѣшилъ прежде всего достигнуть главной арміи и заняться контрибуціей, какъ дѣломъ второстепеннымъ.

Но она интересовала, повидимому, генерала Винценгероде болѣе всего, такъ какъ едва я успѣлъ пріѣхать въ Косвигъ, какъ онъ пред-

писалъ мнѣ снова собрать какъ можно болѣе контрибуціи и захватить въ особенности какъ можно болѣе скота, водки и овса.

Всякій, кому приходилось вести партизанскую войну, легко пойметъ, какъ стѣснительно было это предписаніе и какъ несовмѣстимы были подобнаго рода приказанія съ главной цѣлью возложеннаго на меня порученія: либо я долженъ былъ, съ быстротою молніи, доставить императору свѣдѣнія о нашей арміи, въ такомъ случаѣ я не могъ быть поставщикомъ съѣстныхъ припасовъ; либо императоръ не нуждался въ моихъ свѣдѣніяхъ, въ такомъ случаѣ я могъ заняться сборомъ контрибуціи.

Тотъ, кому поручается дѣйствовать на коммуникаціонной линіи непріятеля и въ его тылу, долженъ прежде всего заручиться симпатіями мѣстныхъ жителей. А можно ли этого достигнуть, облагая ихъ реквизиціями! Дѣйствуя такимъ образомъ, не достигнешь цѣли, а только потеряешь время.

Къ счастью, я былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія прибытіемъ адъютанта генерала Чернышева, который пріѣхалъ въ ту же ночь и передалъ мнѣ приказаніе повременить съ моей экспедиціей и отправиться немедленно къ Чернышеву въ Виттенбергъ. Это приказаніе было вызвано пріѣздомъ изъ главной арміи князя Кудашева.

Этому храброму молодому генералу не суждено было возвратиться къ своимъ пенатамъ, онъ поплатился жизнью за свою храбрость.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О непечатаніи масонскихъ пѣсенъ и другихъ сочиненій.

Отношеніе кн. А. Н. Голицына управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

29-го іюня 1821 г. № 1964.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера, и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію, вовсе печатаемы не были, а цензурные комитеты не дозволяли бъ къ напечатанію пѣсней таковыхъ и другихъ сочиненій, хотя бы на нихъ и не означалось того, что они издаются отъ масонскихъ обществъ, коль скоро, по содержанію ихъ, довольно примѣтно, что они принадлежатъ къ симъ обществамъ.

О таковой высокомонаршей волѣ предложивъ цензурнымъ комитетамъ къ надлежащему исполненію, честь имѣю сообщить о томъ къ свѣдѣнію вашего сіятельства, по главному начальству вашему надъ всѣми типографіями въ государствѣ.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго [1].

24.

М. Я. Мудровъ—доктору Энгольму [2].

26-го января 1880 г. Вильна [3].

Среди жалкихъ остатковъ моей библіотеки я нашелъ, наконецъ, сокровище, ничтожное для васъ, милостивый государь: ибо самое-то сокровище, накопленное благодаря опытности на поляхъ сраженій, находится въ васъ самихъ. Да возвратитъ вамъ Милосердный Богъ зрѣніе!

Читайте эту книгу и работайте; потому что все то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для меня. Какое для меня счастіе въ томъ, что я нашелъ въ васъ такую же любовь къ военной медицинѣ, что̀ и во мнѣ, но усовершенствованную продолжительнымъ опытомъ.

Для всякаго другого я пожалѣлъ бы сообщать книги, подобныя этой; но что касается васъ,—то и я, и книги мои—всѣ къ вашимъ услугамъ. Ваша ревность къ службѣ и доброта по отношенію ко мнѣ вынудили меня сказать эту истину, даже не говорящую въ мою пользу. По чувствамъ моего сердца я скажу вамъ даже болѣе. Оставьте безъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1901 г., іюль.

[2]) Илья Ивановичъ, докторъ медицины, писатель, впослѣдствіи д. с. совѣтникъ, членъ Медицинскаго совѣта (род. въ 1763 г., ум. въ 1838 г.).

[3]) Возвращаясь изъ-за границы, чтобы занять каѳедру въ Московскомъ университетѣ, Мудровъ въ концѣ 1807 года былъ задержанъ, по распоряженію начальства, въ Вильнѣ, гдѣ находился главный военный госпиталь нашей арміи, среди которой свирѣпствовала диссентерія. Энергичными мѣрами Мудровъ воспрепятствовалъ дальнѣйшему распространенію болѣзни; за это онъ получилъ чинъ надв. сов. и награду въ 2.000 р. изъ Кабинета.

вниманія глупую и злонамѣренную критику, побѣдите ложный стыдъ и начните давать намъ уроки военной медицины; вы первый будете давать ихъ въ нашемъ дорогомъ отечествѣ; вамъ одному я уступаю эту честь, ибо я намѣренъ самъ давать такіе уроки въ Москвѣ и тогда буду вашимъ преемникомъ [1]). Генералъ-штабъ-докторъ Формей (Formey) [2]) въ Берлинѣ давалъ ихъ дважды въ недѣлю, и всѣ военные медики были обязаны на нихъ присутствовать.

Если, однако, вы этого не пожелаете дѣлать, то я прошу васъ, м. г., во имя дружескаго расположенія, которымъ вы меня всегда удостоиваете, не открывать моей тайны. Ибо, питая большую любовь къ этой отрасли знаній, я боюсь, что кто-нибудь похититъ мою мысль, чтобы лишить меня чести явиться первымъ у насъ военнымъ профессоромъ. Но сдѣлайте меня вторымъ въ ряду, ибо тогда я буду лучше, чѣмъ стоя первымъ, то-есть, я буду въ состояніи сказать только о томъ, что вы сдѣлали или что скажете при всей богатой одаренности вашего сердца и ума.

Нижайшій слуга Мудровъ [3]).

На оборотѣ: господину Энегольму, генералъ-доктору и кавалеру.

25.

Записка М. Я. Мудрова объ его паціентѣ Стромиловѣ.

(1809—1819 г.).

Все, что можетъ быть гласнымъ о г. Стромиловѣ отъ моего лица, есть слѣдующее. На совѣтѣ положено было, чтобъ г. Стромилову пользоваться сельскимъ воздухомъ, для поспѣщенія къ выздоровленію. Чтобъ приняли на себя таковую тягость, я просилъ людей почтенныхъ, честностію и добродушіемъ заслужившихъ всю мою довѣренность и уваженіе, а именно—Марѳу Яковлевну Кроткую и Михаила Петровича Смирнова. Первую, которая называетъ мать г. Стромилова своею благодѣтельницею,

---

[1]) По возвращеніи въ Москву, Мудровъ дѣйствительно началъ чтеніе курса гигіены и лекцій по болѣзнямъ, встрѣчающимся въ дѣйствующихъ войскахъ, а въ 1809 году издалъ книгу „О пользѣ и предметахъ военной гигіены".

[2]) Іоганнъ-Людвигъ Формей (р. въ 1766 г., ум. въ 1823 г.), извѣстный прусскій врачъ, до 1796 года служилъ военнымъ врачемъ въ прусской арміи, въ 1797 г. былъ назначенъ членомъ военнаго медицинскаго совѣта, затѣмъ—съ 1804 г.—докторомъ главнаго штаба прусской арміи; оставилъ много сочиненій по медицинѣ.

[3]) Письмо писано по-французски.

второго—родного дядю. Ихъ просилъ я взять г. Стромилова на свое попеченіе для того, что онъ дома употреблялъ вредныя вещи и лѣкарства.

Болѣзнь г. Стромилова произошла отъ того, что онъ нѣкогда былъ отравленъ и отъ сего получилъ гипохондрію и недовѣріе и иногда теряетъ и память. Сумасшествія же въ немъ я не нахожу. А что касается до домашнихъ и семейныхъ дѣлъ, то мнѣ, доктору, равно какъ и духовнику, воспрещается отвѣтствовать публично объ оныхъ, а, напротивъ, должно объ нихъ, смѣю указать,—забывать. Полиція же сама объ ономъ лучше меня знаетъ. Ежели же полиція находитъ законнымъ взять по симъ дѣламъ отъ опеки отвѣтъ, то да благоволитъ прежде отнестись къ его высокопреосвященству, дабы онъ благоволилъ отобрать свѣдѣнія отъ духовниковъ какъ г. Стромилова, такъ и жены его—о ихъ грѣхахъ: тогда и я буду просить его благословенія нарушить мои докторскія обязанности, которыя преимущественно состоятъ въ томъ, что врачъ, лѣча въ домѣ или имѣя простое только знакомство, ежели увидитъ или услышитъ что-нибудь такое, что не должно быть разглашено,—о томъ будетъ, какъ о тайнѣ, молчать.

Что же касается до сравнительнаго состоянія здравія г. Стромилова, бывшаго и настоящаго, то мнѣ, какъ врачу и другу, также не слѣдуетъ о моемъ больномъ и другѣ давать сужденіе. Мое дѣло есть—только лѣчить и помогать гдѣ бы онъ ни былъ, а для судебнаго дѣла есть къ тому закономъ опредѣляемыя власти, то-есть, члены Конторы, которые могутъ его и нынѣ свидѣтельствовать и съ мнѣніемъ отнестись [къ] полиціи о настоящемъ его состояніи, которое, безъ сомнѣнія, есть лучшее, въ чемъ могутъ свидѣтельствовать бывшіе при послѣдней консультаціи г. инспекторъ Цемшъ [1]) и г. докторъ Шнаубертъ и господинъ Ивановъ, правитель оберъ-полиціймейстерской канцеляріи; на консультаціяхъ г. Пеккена [2]) не было.

26.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ [3])—М. Я. Мудрову.

21-го марта 1813 г. Г. Молога.

Милостивый государь Матѳій Яковлевичъ! Книгѣ, возвращенной вами, я много обрадовался; она одна почти сохранилась изъ всей моей

[1]) Иванъ Христіановичъ Цемшъ (род. въ 1766 г., ум. въ 1830-хъ годахъ), съ 1808 г. бывшій инспекторомъ Московской медицинской конторы.

[2]) Матвѣй Христіановичъ Пеккенъ (род. въ 1755 г., ум. въ 1819 г.), докторъ медицины, профессоръ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи.

[3]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. въ 1744 г., ум. въ 1817 г.), д. т. совѣтникъ, извѣстный своею любовью къ собиранію памятниковъ отечественной старины, открывшій „Слово о полку Игоревѣ“ и написавшій „Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго россійскаго Тмутараканскаго княженія“ (С.-Пб. 1794 г.) по поводу найденнаго на Тамани извѣстнаго камня съ надписью XI вѣка.

библіотеки [1]). Вы изъявили чрезъ . . . . . [2]) желаніе получить отъ меня рисунокъ на Тмутороканскій камень [3]) и имѣете намѣреніе заказать по оному г. Кампіони [4]) сдѣлать мраморный обращикъ, который бы служить могъ накладкою на бумаги. Охотно исполняя волю и желаніе ваше, препровождаю при семъ онаго рисунокъ съ примѣчаніемъ; покорно прошу заказать г. Кампіони два: одинъ себѣ, а другой для меня. Я надѣюсь, что Кампіони не ошибется сдѣлать, ибо онъ прежде для меня дѣлалъ таковые и, вѣроятно, еще помнитъ.

«Съ почтеніемъ пребыть честь имѣю вамъ, м. г., покорнѣйшій слуга графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ».

Примѣчаніе [5]). Камень долженъ быть по рисунку, которой здѣланъ по маштабу, тутъ же приложенному; маштабъ должно начертить на исподи камня. На камнѣ должна назначена быть трещина и двѣ выдолбленныя ямки, по величинѣ, на рисункѣ показанныя. Камень должно здѣлать изъ бѣлаго мрамора, а книги—одна на другую положенная—изъ краснаго или изъ другого цвѣтного мрамора; на книгахъ надписи показаны на рисункѣ.

27.

М. И. Невзоровъ [6])—М. Я. Мудрову.

22-го іюля 1814 г.

М. Г. Матвѣй Яковлевичъ! Сегодня я получилъ отъ Ивана Влади-

---

[1]) Она, какъ извѣстно, сгорѣла во время пожара Москвы въ 1812 году.

[2]) Мѣсто заклеено сургучемъ.

[3]) Рисунокъ его находится въ „Изслѣдованіи“ Мусина-Пушкина и въ „Письмѣ къ графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 г.“ А. Н. Оленина (С.-Пб. 1806 г.).

[4]) Орнаментальный скульпторъ Сантинъ Петровичъ Кампіони (род. въ 1774 г., ум. 27-го января 1847 г.), въ 1795 г. проживавшій въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ свою мастерскую и исполнялъ заказы по украшенію многихъ общественныхъ и частныхъ зданій мраморными, бронзовыми и др. работами („Русскій Біографич. Словарь“, изд. Историч. обществомъ, т. Ибакъ—Ключаревъ, стр. 445).

[5]) Писано собственноручно; орѳографія подлинника соблюдена.

[6]) Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (род. 1763 г., ум. въ 1827 г.), масонъ, издатель журнала „Другъ юношества“ (1807—1815 г.), питомецъ Московскаго университета, а затѣмъ на средства „надзирателя“ русскихъ масоновъ Ив. Влад. Лопухина слушавшій лекціи въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ, съ 1801 года находился членомъ въ Канцеляріи Московскаго университета „для употребленія по дѣламъ учености“, затѣмъ—инспекторомъ надъ репетиторами и репетиціей университетскихъ учениковъ, помощникомъ цензора печатаемыхъ въ Университетской типографіи книгъ (1803 г.), членомъ

міровича [1]) письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ меня, что онъ отъ васъ получилъ письмо, въ которомъ вы извѣщаете его, что «я пишу и подаю бумаги въ видѣ настоящихъ извѣтовъ, кои никому не вредны и не опасны кромѣ меня», что Павелъ Ивановичъ [2]) будто четыре мѣсяца тщетно старался меня примирить, но, наконецъ, по моему же настоянію собственному, принужденъ онъ былъ мои бумаги формально препроводить въ правленіе и требовать отвѣтовъ, коихъ послѣдствіе ни къ чему иному, какъ ко вреду и стыду моему же» и проч. Иванъ Владиміровичъ пишетъ, что онъ не знаетъ, какія это бумаги. Я, какъ подаватель, а вы, какъ деканъ и членъ Правленія, конечно, знаемъ, что это за бумаги, потому отвѣта и отъ васъ съ прочими требуютъ; и потому о существѣ ихъ толковать намъ съ вами нечего. Но что касается до утвержденія вашего, что они должны обратиться къ стыду моему и вреду, но таковыми угрозами я совѣтую вамъ и вмѣстѣ Павлу Ивановичу, по приказанію котораго отнеслись къ Ивану Владиміровичу, такимъ образомъ стращать пятилѣтнихъ мальчиковъ, которые ни въ вещахъ, ни объ образѣ производства дѣлъ въ Россіи никакого понятія не имѣютъ. Вѣдь меня много пристыдить и большой вредъ мнѣ сдѣлать безъ Сената и безъ государя императора нельзя, а тамъ вѣдь еще будутъ также разспрашивать, изслѣдовать и нашему брату христіанину будетъ ему еще поле говорить; и думать надобно, что по моимъ показаніямъ учинятъ слѣдствіе гораздо другимъ образомъ, не-

---

училищнаго комитета при университетѣ и смотрителемъ за одѣяніемъ казенныхъ учениковъ и строеніемъ университетскихъ домовъ,—съ 1805 г. состоялъ начальникомъ Университетской типографіи. За 7 лѣтъ управленія ею, Невзоровъ доставилъ Университету «до 200.000 р. сверхъ самой большой суммы, какую только платили Университету послѣдніе содержатели типографіи". Несмотря на весьма полезную, вполнѣ самоотверженную и совершенно безкорыстную службу, Невзоровъ, по проискамъ ректора университета И. А. Гейма, уже съ 1813 г. преслѣдовавшаго его „по поводу медленности въ отчетахъ и типографскихъ ошибокъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", и попечителя Московскаго учебнаго округа П. И. Голенищева-Кутузова, 19-го февраля 1815 г. „былъ, по словамъ Невзорова, самовластно отрѣшенъ отъ должности начальника типографіи и отставленъ отъ Университета" министромъ гр. А. К. Разумовскимъ. Въ предлагаемомъ письмѣ ясно выражается негодованіе Невзорова на всѣ тѣ нападки и обвиненія, которыя такъ щедро сыпались на него въ это время со стороны его недоброжелателей и о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво разсказываетъ въ своемъ извѣстномъ „Посланіи къ О. А. Поздѣеву" („Библіограф. Записки" 1868 г., № 21, столб. 655 656, 657, 658).

[1]) Лопухинъ (род. въ 1756 г. ум. въ 1816 г.), „благодѣтель" Невзорова.

[2]) Голенищевъ-Кутузовъ (род. въ 1756 г., ум. въ 1829 г.), въ это время попечитель Московскаго учебнаго округа и сенаторъ, прославившійся своими доносами на Карамзина и его „Исторію".

жели какъ все теперь старается с....ть все это съ Сущовымъ [1]), Лазаревымъ [2]) и подобными мошенниками. А такимъ образомъ все это можетъ еще обратиться къ вашему стыду. Вѣдь это неоспоримо, что вы изъ казармныхъ денегъ пятьдесятъ тысячъ выпросили, а куда ихъ дѣли,—неизвѣстно, ибо за бумагу изъ нихъ Колокольникову (на что онѣ именно взяты) ничего не плачено, а что онѣ не цѣлы, то явствуетъ изъ ордера, даннаго мнѣ г. Геймомъ [3]), гдѣ онъ, приказывая дѣлать примѣрную смѣту на 1813 годъ, именно велитъ имѣть въ виду и означенныя пятьдесятъ тысячъ казармныхъ денегъ. Извѣстно, только, кажется, изъ нихъ двѣ тысячи, которыя вы, за четыре дня до входа французовъ въ Москву, изволили дать Павлу Ивановичу на посылку въ губернскія гимназіи нужныхъ эстафетовъ, въ томъ числѣ и въ Смоленскъ, который около мѣсяца былъ уже занятъ непріятелемъ. Что за три или за четыре мѣсяца въ 1812 году, считая съ апрѣля или съ мая по августъ, вы типографскимъ чиновникамъ и рабочимъ людямъ не давали жалованья [4]), это также явно изъ расходной 1812 года типографской суммы книги; этого также ни Лазаревъ, ни Сущовъ, ни подобное имъ г... о замазать не можетъ, ибо моей росписки тамъ нѣтъ. Что вы явно преслушались опредѣленія Комитета господъ министровъ и, слѣдственно, высочайшаго указа, въ выдачѣ награжденія типографскимъ чиновникамъ и разнымъ людямъ,—это также явно изъ опредѣленія вашего іюля 29-го дня 1813 года, съ котораго мнѣ дана выписка. Что вы мнѣ за представленіе мое, повелѣваемое государевыми указами противъ вышеозначеннаго 29-го іюля опредѣленія сдѣлали самовластно и беззаконный выговоръ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что вы

---

[1]) Андрей Сущовъ, тит. совѣтникъ, въ 1814 г. занималъ должность помощника начальника типографіи, то-есть, Невзорова; съ 1816 г. въ Мѣсяцесловахъ онъ уже не значится.

[2]) Григорій Ивановичъ Лазаревъ находился на службѣ при Московскомъ университетѣ съ 1769 г. сперва въ чинѣ подканцеляриста, а съ 1778 г. состоялъ „казначеемъ у прихода и расхода денежной казны“ (формуляръ). Въ 1814 году имѣлъ чинъ колл. совѣтника.

[3]) Иванъ Андреевичъ Геймъ (род. въ 1758 г., ум. въ 1821 г.) въ это время былъ ректоромъ университета.

[4]) Въ своемъ „Посланіи къ О. А. Поздѣеву“ („Библіограф. Записки“ 1858 г., № 21, столб. 657) Невзоровъ говоритъ, что онъ „при вступленіи непріятеля въ Москву, изъ повиновенія начальству жертвовалъ жизнію своею и пожертвованіемъ на жалованье чиновникамъ и рабочимъ людямъ типографскимъ, которымъ господа члены Университета, истративши всѣ типографскіе расходы,—на что, мнѣ неизвѣстно,—не хотѣли выдать даже заслуженнаго жалованья и заработанныхъ денегъ, изъ слѣдующихъ мнѣ за 1809, 1810, 1811 и 1812 годы процентныхъ денегъ собственныхъ 6.000 рублей, при совершенномъ своемъ неимуществѣ, спасъ отъ расхищенія типографію... “

бездѣльника Колокольникова къ ущербу казеннаго интереса защищали самымъ наглымъ и для меня примѣрно притѣснительнымъ образомъ,—это также явно изъ данныхъ вами мнѣ выписокъ съ опредѣленій, а тѣмъ вы сами признали его бездѣльникомъ,—что также вы мнѣ сообщали чрезъ выписки. Что вы въ пользу типографіи послѣ французовъ по сію пору еще ничего не сдѣлали,—это также видно, хотя у васъ и давно есть предписанія, но кажется по всему, что, протягивая годъ отъ году, типографскими доходами по-маленьку думаете замазать свои расхищенія казенныхъ денегъ, въ томъ числѣ и пятьдесятъ тысячъ казармныхъ денегъ, которыя, по-вашему, законно вамъ выданы, и вы, будто законно, ихъ на эстафетовъ, на поѣздки и можетъ быть на другое кое-что истратили. Но вѣдь въ Сенатѣ или какой-нибудь нарочно наряженной коммиссіи должно было бы показать все на-чисто, и нынѣшнія ваши замолки вѣрно не годятся.

Вотъ, милостивый государь, случиться можетъ, что и по юриспруденціи міра сего мое дѣло не такъ-то совсѣмъ отчаянно. Я думаю, мой любезнѣйшій Матвѣй Яковлевичъ, всего лучше такъ, какъ-бы можно было вамъ меня запереть, какъ сумасшедшаго! Да то бѣда, что, кажется, еще вамъ такой самодержавной власти не дано!

Что касается до другого письма, написаннаго вами собственно къ Павлу Ивановичу, которое онъ видно какъ публикуетъ,—то оно показываетъ, что Богъ обуеваетъ мудрость міра сего, и что, наконецъ, Вавилонъ дѣлается самъ проповѣдникомъ своего безчестія. Что министръ не имѣетъ власти употреблять по своему произволенію казенныхъ денегъ; что деньги, выданныя по высочайшему указу на поправленіе казармъ, нельзя употреблять на поправленіе Пансіона безъ такового же высочайшаго указа,—это также правда. Да если бы и у государя исходатайствовано было сіе позволеніе,—такъ я осмѣлился бы еще тогда сказать, что государю императору сдѣлали неправильное представленіе, и онъ обманутъ; ибо, оставивши собственно Университетъ, который, конечно, по существу своему и по заведенію важнѣе Пансіона, стараться на счетъ казенный устроить дѣла частныхъ людей значитъ противиться и волѣ государя, и благу общему. Какъ можно бросать академическую гимназію и другія нужды казенныя, а стараться только о Благородномъ пансіонѣ, а для поправки казенныхъ нуждъ употреблять доходы другіе, съ обидою казны и бѣдныхъ лицъ! Впрочемъ, на это есть государевъ указъ, что министры не могутъ и не должны самопроизвольно вступаться въ производство дѣлъ, и мѣста, повинующіяся имъ, въ такомъ случаѣ отвѣтствуютъ. Что касается до Павла Ивановича,—онъ никогда не мирилъ меня съ вами, а что вы кругомъ виноваты, то явно изъ того, что вы со многими поданными отъ меня бумагами сидите, какъ пойманные и какъ нечего вамъ дѣлать—то молчите. Въ заключеніе сего я

опять повторю: «Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри, яко снѣдаете домы вдовицъ,—лишнее пріимете осужденіе». Имѣю честь быть вашъ покорный слуга М. Невзоровъ.

28.

Никол. Филип. Павловъ [1])—Ив. Ерм. Великопольскому.

21-го мая 1859 г. Москва.

Я очень радъ, любезнѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, получивъ отъ васъ вѣсть и узнавъ, что скоро могу имѣть удовольствіе видѣть васъ. Но случай, по которому вы отнеслись ко мнѣ, показываетъ, что вамъ не было ни времени, ни охоты слѣдить за моей литературной дѣятельностью въ послѣднее время. Помилуйте, да развѣ я занимаюсь критикой и разсужденіями чистаго искусства? Мое ли это дѣло? А не за свое дѣло я не возьмусь. На меня стали бы пальцами указывать, да и не чувствую особенной потребности подвизаться на этомъ поприщѣ. Смѣю сказать, что на моемъ литературномъ поприщѣ я дѣйствовалъ до сихъ поръ безукоризненно въ томъ отношеніи, что всегда писалъ единственно о томъ, что меня глубоко трогало за душу и въ чемъ я принималъ искреннее участіе и головой, и сердцемъ. Но современенъ ли «Олегъ» г. Аксакова [2]), или нѣтъ, истинная ли эта пародія, или ложная—это не входитъ въ область тѣхъ литературныхъ явленій, которыя разрѣшить достало бы у меня умѣнья: съ этимъ я не сладилъ бы. Ко мнѣ уже много относилось и журналистовъ, и литераторовъ съ подобными просьбами, но я всѣмъ отказывалъ и не рѣшался принимать на себя труда не по силамъ.

Не забудьте же завернуть ко мнѣ, какъ будете въ Москвѣ: вспомнимъ старину и кое-о-чемъ потолкуемъ. Н. Павловъ.

29.

ЭПИГРАММА

На день рожденія Харитона Андреевича Чеботарева, которую приноситъ ему въ знакъ своей истинной благодарности, почтенія и любви П. С.

[1]) Извѣстный писатель (род. въ 1805 г., ум. въ 1864 г.), переводчикъ, поэтъ, авторъ повѣстей и журналистъ; въ это время онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русскаго Вѣстника“, помѣщая въ немъ публицистическія статьи.

[2]) „Олегъ подъ Константинополемъ“, драматическая пародія въ стихахъ К. С. Аксакова, изданная въ С.-Пб. въ 1858 г., но находившаяся въ рукахъ И. Е. Великопольскаго уже съ 1840 года.

Въ послѣдній годъ вступилъ ты онаго теченья,
Которое свершилъ Израиль на пути,
Отъ Фараонова исшедъ порабощенья,
Въ обѣтованную страну дабы войти;
Дѣянія жъ твои являютъ то неложно,
Что въ духѣ ты сей путь давно уже прошелъ:
Сражался, побѣдилъ враговъ своихъ возможно,
Уже блаженную страну въ себѣ обрѣлъ.
Ты насъ во семъ пути примѣромъ поставляешь,
Ученьемъ истиннымъ и жизнію своей
И тѣмъ часовъ своихъ минуты исчисляешь,—
Такъ что жъ твой цѣлый годъ?—сихъ множество частей.

(1785 г.?)

30.

А. Евреинова—М. Я. Мудрову.

Благодарю, благодарю изъ глубины души, наилучшаго изъ человѣковъ, за его примѣрное добродушіе, которое находитъ рѣдкое удовольствіе дѣлать добро и утѣшать огорченныхъ. Да вознаградитъ васъ самъ Богъ за все, что вы сдѣлали для меня: я не въ силахъ этого сдѣлать. Помните, что я знаю вамъ цѣну, и ничего столько не желаю, какъ имѣть когда-нибудь счастье доказать это не словами. Я далеко буду, когда вы станете это читать, но ни разстояніе, ни время не истребитъ моей привязанности, моей благодарности къ человѣку такому, какихъ я мало знаю! Простите! да благословитъ васъ Господь Богъ! Вспомните и меня иногда! А я, покуда жива, все буду та же: все буду почитать Матвѣя Яковлевича наилучшимъ изъ человѣковъ! Ѣду сейчасъ; грустно такъ, что.... ну! Простите! Со всѣми чувствами приверженности и благодарности пребуду на всю жизнь, вамъ покорная и истинно преданная А. Евреинова.

Modèle de bonté, ami de la sagesse,
Un seul mot suffirait pour faire ton portrait.
Devoué aux souffrants tu les soulages sans cesse,
Renonçant à toi-même, tu oublies tes bienfaits;
On te trouve partout, où la douleur t'appele;
Vois, lis, et tu diras, le portrait est fidèle!

Не хорошо, но справедливо! Прощайте. О, будьте счастливы!

На оборотѣ: Его высокоблагородію Матвѣю Яковлевичу Мудрову.

Сообщ. **Б. Л. Модзалевскій.**

*

Высочайшій рескриптъ генералъ-поручицѣ Рахмановой съ замѣчаніемъ объ излишности ея совѣтовъ.

20-го ноября 1816 г. № 236.

Елисавета Петровна! Въ обширномъ государственномъ управленіи нельзя довольно обращать вниманія на охраненіе благосостоянія общественнаго и частнаго. Учрежденіе злоупотребленій, вредящихъ тому и другому, дѣлаетъ необходимыми неупустительныя удостовѣренія, по первымъ объ нихъ извѣстіямъ. И такъ, въ послѣдствіе письма вашего отъ 22-го октября, предоставляю самимъ вамъ разсудить: возможно ли мнѣ было, не нарушая справедливости, не употребить осмотра въ имѣніи вашемъ, получа донесеніе о непозволенной тамъ торговлѣ заповѣдными товарами, вопреки узаконеній? Невинность не должна оскорбляться сею мѣрою: подобные осмотры есть единое средство, служащее къ ея оправданію и къ открытію мнѣ истины. Послѣ сего надѣюсь я, что вы удостовѣритесь, что совѣты, въ письмѣ вашемъ мнѣ преподаваемые, по меньшей мѣрѣ излишны, и что твердо знаю, въ чемъ состоятъ мои обязанности.

Къ біографіи Я. Ѳ. Головацкаго.

(Всеподданнѣйшій докладъ виленскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Потапова).

По высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества, въ 22-й день марта 1862 г. послѣдовавшему, учреждена въ Вильнѣ коммиссія для разбора древнихъ актовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Штатъ ея первоначально предполагался въ 12.472 р. [1]); по возникшимъ въ Сѣверо-западномъ краѣ безпорядкамъ, дѣло это пріостановилось и только въ 1864 году, по распоряженію графа Муравьева, коммиссія открыла свои дѣйствія 17-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кукольника, назначеннаго съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества; членами состояли: статскій, нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Никотинъ, соборный священникъ Пщолко и архиваріусъ центральнаго архива коллежскій совѣтникъ Горбачевскій. Спустя 10-ть мѣсяцевъ коммиссія успѣла издать 1 томъ актовъ Гродненскаго земскаго суда, до 50 листовъ печати. Затѣмъ, по ходатайству бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Корнилова, на мѣсто Кукольника назначенъ былъ коллежскій ассесоръ Безсоновъ, но выборъ этотъ оказался неудачнымъ; въ теченіе полутора лѣтъ его предсѣдательствованія въ коммиссіи, она ничего не сдѣлала, а потому, по увольненіи его, исправленіе должности предсѣдателя поручено 6-го сентября 1866 г. дѣйствительному статскому совѣтнику Никотину. Въ годъ и 4 мѣсяца завѣдыванія его коммиссіею

[1]) Должность предсѣдателя по мундиру и пенсіи V класса.

она успѣла напечатать: 1) хронологическія таблицы для ученыхъ пособій при изслѣдованіи древнихъ актовъ, составленныя членомъ комиссіи Горбачевскимъ — 12 листовъ печати; 2) ревизію королевскихъ пущъ великаго княжества Литовскаго — Воловича, до 50 листовъ и 3) второй томъ актовъ Брестскаго земскаго суда до 50 листовъ. Кромѣ того приготовлено къ печати: 1) управленіе королевскими лѣсами, до 20 листовъ; 2) выбрано изъ книгъ Брестскаго земскаго суда болѣе 1.500 актовъ, изъ коихъ списано 225, что составитъ болѣе 75 листовъ печати; 3) разсмотрѣно и выбрано изъ книгъ Гродненскаго городскаго суда до 1.200 заглавій актовъ.

22-го декабря 1867 г. по высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ иностранный подданный, уніатскій священникъ, бывшій профессоръ Львовскаго университета Головацкій, съ содержаніемъ въ 3.000 руб. По настоящему случаю священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго считаю повергнуть на высочайшее благовоззрѣніе вашего императорскаго величества слѣдующее: археографическая коммиссія есть правительственное учрежденіе, важность котораго для края въ ученомъ и политическомъ отношеніи неопровержима, разработка драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ тѣмъ болѣе необходима, что, при постоянномъ стремленіи польской партіи къ насильственному подавленію искони русскаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ начала и къ присвоенію себѣ незаконныхъ правъ на оный, древніе акты будутъ служить наглядными свидѣтелями прошедшаго и вызовутъ изъ вѣковаго уничиженія и забвенія русскую бытовую старину, съ ея историческимъ прошлымъ. Къ подобному учрежденію правительство должно питать неограниченную довѣренность, а потому предсѣдателемъ коммиссіи не можетъ быть австрійскій подданный, уніатъ, носящій даже ксендзовскую одежду; тѣмъ болѣе, что членами въ ней состоятъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ и православный протоіерей; при томъ пребываніе его не только въ Вильнѣ, мѣстѣ жительства митрополита Литовскаго Іосифа, но и въ цѣломъ краѣ не умѣстно, такъ какъ по благотворному руководству преосвященнаго совершилось великое событіе нашей исторіи, сгладившее имя уніата со всей сѣверо-западной окраины нашего дорогаго отечества. Не посягая на ученую извѣстность Головацкаго, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ жертвовать религіозно-политическою стороною настоящаго дѣла и полагалъ бы необходимымъ предоставить ему другое назначеніе внѣ предѣловъ Сѣверо-Западнаго края.

На подлинномъ написано: «высочайше повелѣно войти въ соглашеніе съ г. министромъ народнаго просвѣщенія о перемѣщеніи профессора

Головацкаго изъ Вильны съ сохраненіемъ содержанія». 10-го апрѣля 1868 г. генералъ-адъютантъ Потаповъ.

Представленіе Потапова не имѣло послѣдствій. Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій до самой своей кончины оставался по-прежнему предсѣдателемъ Виленской археографической коммиссіи и директоромъ публичной библіотеки и музея.—Онъ много послужилъ своими учеными трудами русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ 1868 году Я. Ѳ. Головацкій перешелъ, по давнишнему своему желанію, изъ уніи въ православіе и принялъ русское подданство.

Сообщилъ **Ив. Пет. Корниловъ.**

Отношеніе тайнаго совѣтника Новосильцова князю А. Н. Голицыну о доставленіи списка книгъ, напечатанныхъ Синодальною типографіею съ 1801 по 1806 г.

23-го марта 1808 г. № 169.

Издатель журнала «Rusland unter Alexander I», академикъ Шторхъ, намѣренъ помѣстить въ оном сочиняемое имъ «Обозрѣніе Россійской литературы въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ XIX столѣтія». Для сочиненія сего обозрѣнія нужно ему, между прочими пособіями, имѣть полное извѣстіе о книгахъ, которыя въ теченіе сихъ пяти лѣтъ, то-есть съ 1801 до 1806 года, были печатаемы въ Синодальной типографіи.— По сему покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать сообщить мнѣ, для доставленія г-ну Шторху, полный реестръ всѣмъ книгамъ, такъ и мелкимъ сочиненіямъ, которыя въ продолженіе сего времени вышли изъ Синодальной типографіи. Впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, честь имѣю быть и проч.

Постановленіе о торжествѣ брачнаго сочетанія ихъ императорскихъ высочествъ государя великаго князя Константина Павловича съ государынею великою княжною Анной Ѳеодоровной 1796 года.

Къ назначенный день брако сочетанія въ среду, сего февраля 13, по данному въ 8 часовъ утра изъ Санктъ-Петербургской крѣпости сигналу выстрѣломъ изъ 5-ти пушекъ всѣ здѣсь находящіеся полки лейбъ-гвардіи, артиллерійскія, полевыя и протчія воинскія команды поставлены будутъ въ строевомъ порядкѣ по площади противъ Зимняго дворца и вдоль по улицамъ, прикосновеннымъ къ той площади.

Въ 10-мъ часу поутру съѣдутся во дворецъ обоего пола придворные и протчія до пяти классовъ особы тожъ и чужестранные министры. Дамы въ русскомъ, а кавалеры въ цвѣтномъ платьѣ и какъ скоро всѣ ихъ императорскія высочества изволятъ прибыть во внутренніе покои ея императорскаго величества и какъ скоро соизволитъ она начать шествіе въ церковь, тогда изъ адмиралтейской крѣпости дано о томъ будетъ знать выстрѣломъ изъ 21 пушки, и шествіе имѣетъ быть при соблюденіи установленнаго порядка, что предшествующія предъ ея императорскимъ величествомъ идутъ по два въ рядъ, младшіе напереди, а слѣдующія за оной по двѣ-жъ въ рядъ, старшія напереди. Слѣдующимъ порядкомъ:

1-е, оберъ церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ ихъ знаками.

2-е, гофмаршалы ихъ императорскихъ высочествъ, ихъ же камеръюнкеры и камергеры.

3-е, камеръ-юнкеры и камергеры ея императорскаго величества.

4-е, члены учрежденнаго совѣта и первенствующіе придворные чины.

5-е, оберъ-гофмаршалъ и правящій должность гофмаршала съ ихъ жезлами.

6-е, ея императорское величество, имѣя на главѣ малую корону и въ императорской мантіи, шлейфъ несутъ шесть камергеровъ, а конецъ одинъ изъ камергеровъ, находящійся въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, по правую сторону. Немного впереди дежурный генералъ-адъютантъ, а по лѣвую—оберъ-камергеръ.

7-е, ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ съ государынею великою княгинею.

8-е, ихъ императорскія высочества государь великій князь Александръ Павловичъ съ государынею великою княгинею.

9-е, ихъ императорскія высочества государь великій князь Константинъ Павловичъ съ обрученною его невѣстою,

10-е, ихъ императорскія высочества государыни великія княжны.

11-е, штатсъ дамы, камеръ-фрейлина фрейлины ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, а генеральша Ренне идетъ за фрейлинами великой княгини Елисаветы Алексѣевны, а за нею фрейлины новобрачной невѣсты.

У дверей церкви все духовенство во облаченіи встрѣтятъ ея императорское величество и ихъ императорскихъ высочествъ со крестомъ и святою водою и, благословя ихъ пришествіе, препровождаютъ ихъ до ихъ мѣстъ.

При пѣніи псалма, приличнаго сему пришествію, ея императорское величество, взявъ за руку ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, сонзволитъ повесть и поставить на вѣнчальное мѣсто, приготовленное противъ царскихъ дверей и покрытое малиновымъ бархатомъ, предъ амвономъ. На налоѣ положится святое евангеліе и крестъ, по сторонамъ налоя на двухъ серебряныхъ геридонахъ вѣнцы на золотыхъ блюдахъ.

Потомъ начнется совершаться благословленіе брака обыкновеннымъ порядкомъ восточныя церкви.

Вѣнцы держать будутъ надъ его императорскимъ высочествомъ оберъ-камергеръ Шуваловъ, надъ ея императорскимъ высочествомъ генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ.

Прежде вѣнчанія въ ектеніяхъ до евангелія возглашать ея императорское высочество великою княжною, а по евангеліи великою княгинею.

По совершеніи сего таинства ихъ императорскія высочества новобрачныя, сошедъ съ мѣста, а за ними ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ, государыня великая княжна и протчія особы императорской фамиліи приносятъ достодолжную благодарность ея императорскому величеству, потомъ отправленъ будетъ благодарной молебенъ.

При пѣніи «Тебе Бога хвалимъ», по данному отъ дежурнаго генералъ-адъютанта сигналу, начнется пальба съ обѣихъ крѣпостей и отъ стоящихъ въ строю войскъ троекратной бѣглой огонь, а по церквамъ колокольный звонъ, которой три дня продолжаться будетъ. По окончаніи «Тебе Бога хвалимъ» и по отпускѣ протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе, при чемъ первенствующій архіерей, осѣнивъ крестомъ, съ протчимъ духовенствомъ подносятъ всей императорской фамиліи поздравленія, потомъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами возвращается тѣмъ же порядкомъ во внутренніе покои и, проходя чрезъ Кавалергардскую комнату, изволитъ принять поздравленіе отъ чужестранныхъ министровъ, а ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня, возвратясь къ себѣ, изволятъ тожъ у себя принять поздравленія отъ членовъ Синода и чужестранныхъ министровъ.

Какъ скоро кушанье на столъ поставлено будетъ, потомъ отъ оберъ-гофмаршала, гофмаршала, оберъ-церемоніймейстера, церемоніймейстера доложено будетъ,—изволитъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами идти съ тою жъ церемоніею къ столу, которой имѣетъ быть въ Егорьевской залѣ. Для высочайшихъ особъ императорской фамиліи на тронѣ подъ балдахиномъ; для первыхъ 4 классовъ фигурные столы по правую сторону трона, а по лѣвую таковые жъ столы для кавалеровъ тѣхъ же классовъ. Служатъ во время обѣденнаго стола ея императорскому величеству оберъ-камергеръ и оберъ-гофмейстеръ. А протчіе первенствующіе чины ея двора находятся тожъ на тронѣ; ихъ императорскимъ высочествамъ государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ ихъ дежурные камергеры, обоимъ государямъ великимъ князьямъ и государынямъ великимъ княгинямъ ихъ двора камергеры, а государынямъ великимъ княжнамъ ея императорскаго величества камеръ-юнкеры, стоя не на тронѣ, а внизу около трона по правую сторону, кавалеры ея императорскаго величества, а по лѣвую кавалеры ихъ императорскихъ высочествъ, а на срединѣ противъ самаго трона оберъ-гофмаршалъ, правящій должность гофмаршала, оберъ-церемоній-мейстеръ и церемоніймейстеръ.

Кушанье носить пажамъ и подавать метръ-дотелю, а на столъ оное ставить, принявъ отъ метръ-дотеля одному изъ камергеровъ ея императорскаго величества, а другому изъ ея жъ камергеровъ оное раздавать; питье подносятъ ея императорскому величеству одинъ изъ камергеровъ, находящійся въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ихъ императорскимъ высочествамъ государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ камергеры ея императорскаго величества, обоимъ государямъ великимъ князьямъ и обѣимъ государынямъ великимъ княгинямъ ихъ

двора кавалеры, а государынямъ великимъ княжнамъ камеръ-юнкеры ея императорскаго величества.

Во время стола при питіи за здравіе будетъ пальба съ обѣихъ крѣпостей и при томъ играть на трубахъ, бить литавры, а именно:

Его императорское высочество государь цесаревичъ изволитъ зачать здравіе ея императорскаго величества при выстрѣлѣ изъ 51 пушки.

Ея императорское величество изволитъ произнести здравіе: 1-е, ихъ императорскихъ высочествъ государя цесаревича и государыни великой княгини; 2-е, государя великаго князя Александра Павловича и государыни великой княгини; 3-е, ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ; 4-е, всѣхъ государынь великихъ княженъ каждое особенно при выстрѣлѣ изъ 31 пушки.

По окончаніи стола возвращаются ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами тѣмъ же порядкомъ во внутренніе покои. Въ 5 часовъ по полудни будетъ балъ для чужестранныхъ министровъ и россійскихъ знатныхъ обоего пола особъ въ новомъ залѣ. При окончаніи бала, какъ скоро доложено будетъ оберъ-церемоніймейстеромъ, что экипажи для кортежа къ отшествію въ Мраморной дворецъ готовы и какъ скоро всѣ получатъ повелѣніе собираться къ отъѣзду, такъ скоро всѣ пойдутъ садиться въ кареты, а потомъ и ихъ императорскія высочества, въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера, оберъ-гофмаршала, правящаго должность гофмаршала и первенствующихъ придворныхъ чиновъ изволятъ идти на парадную лѣстницу, а за ними штатсъ-дамы и генеральша Ренне и отправится въ Мраморной дворецъ съ нижеслѣдующимъ на концѣ сего церемоніала приложеннымъ кортежемъ.

Отшествіе ихъ императорскихъ высочествъ изъ Зимняго дворца въ Мраморный.

Въ началѣ за нѣсколько времени изволятъ отъѣхать съ своимъ придворнымъ штатомъ ихъ императорскія высочества государь великій князь Александръ Павловичъ и государыня великая княгиня Елисавета Алексѣевна, кои будутъ принимать новобрачныхъ въ Мраморномъ дворцѣ. За ними, какъ скоро повелѣніе получитъ оберъ-церемоніймейстеръ, пойдутъ садиться въ кареты по порядку церемоніймейстеръ, кавалеры ихъ высочествъ новобрачныхъ, кавалеры ея императорскаго величества, и какъ скоро они сядутъ по мѣстамъ и о томъ доложено будетъ, то изволятъ шествовать его императорское высочество государь цесаревичъ и государыня великая княгиня съ новобрачными, имѣя предъ собою оберъ-церемоніймейстера, гофмаршала, оберъ-гофмаршала

и первенствующіе чины двора ея императорскаго величества, а за ними штатсъ-дамы и генералъ-поручица Ренне.

Кортежъ слѣдуетъ нижеслѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Рейтъ пажъ, а за нимъ два ѣздовыхъ конюха верхами.

2-е. Команда лейбъ-гусаровъ верхами съ обнаженными саблями.

3-е. Ясельничей верхомъ.

4-е. Въ должности церемоніймейстера камеръ-юнкеръ ея императорскаго величества въ двумѣстной каретѣ, имѣя двухъ вершниковъ напереди и два лакея у кареты.

5-е. Два гофъ-фурьера верхами.

6-е. Двѣ четверомѣстныя кареты для кавалеровъ ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, у каждой по одному лакею пѣшихъ, наблюдая обыкновенный порядокъ, чтобъ младшіе ѣхали напереди, а старшіе назади.

7-е. 9-ть четверомѣстныхъ каретъ для камеръ-юнкеровъ и для камергеровъ ея императорскаго величества, имѣя тожъ у каждой кареты по одному лакею пѣшихъ, при томъ наблюдая тотъ же порядокъ, чтобъ младшіе садились въ передовыя кареты, а старшіе за ними.

8-е. Одна карета для камергеровъ въ чинѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

9-е. Одинъ литаврщикъ и два трубача верхами.

10-е. Тайный совѣтникъ Сакенъ съ оберъ-церемоніймейстеромъ; предъ ними два вершника, по сторонамъ два пѣшихъ лакея и у колеса конюхъ верхомъ.

11-е. Оберъ-гофмаршалъ съ правящимъ должность гофмаршала тожъ съ двумя вершниками; по сторонамъ два лакея пѣшихъ и ихъ ординарцы верхами.

12-е. Двѣ кареты каждая съ двумя вершинниками и у каждой по сторонамъ два лакея пѣшихъ. Въ первой сядутъ оберъ-егермейстеръ и оберъ-гофмейстеръ, имѣя у колеса своихъ ординарцевъ, во второй оберъ-камергеръ и оберъ-шталмейстеръ, имѣя тожъ у колеса своихъ ординарцевъ.

13-е. Гофъ-штабъ-квартермистръ верхомъ, за нимъ шесть скороходовъ, четыре камеръ-лакея и восемь лакеевъ пѣшіе.

14-е. Гофмейстеръ пажеской верхомъ, за нимъ восемь пажей и 2 камеръ-пажа верхами жъ.

15-е. Унтеръ-шталмейстеръ, а за нимъ два рейтъ-пажа верхами.

16-е. Въ парадной каретѣ, заложенной осьмью лошадьми, ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня съ новобрачными, предъ каретою сядутъ на ремняхъ два пажа, по сторонамъ у кареты для поддержанія пойдутъ по два гайдука и у каждой цуговой лошади по одному конюху, у кареты по правую сторону

поѣдетъ камергеръ ея императорскаго величества, а полѣвую камергеръ ихъ высочествъ новобрачныхъ верхами, а за ними тѣ, коимъ повелѣно будетъ отъ его императорскаго высочества государя цесаревича быть при его свитѣ.

17-е. Конвой Конной гвардіи, что на караулѣ съ ихъ офицеромъ съ обнаженными палашами.

18-е. Три кареты для штатсъ-дамы, предъ каждою по два вершника и по два пѣшихъ лакея по сторонамъ.

19-е. Карета для генералъ-порутчицы Ренне съ двумя вершниками и по одному лакею пѣшихъ по сторонамъ.

20-е. Запасная карета для его императорскаго высочества государя цесаревича, а другая для его кавалеровъ, въ которыхъ онъ возвратиться изволитъ.

Сему кортежу ѣхать отъ крыльца Зимняго дворца, что на Невѣ, вдоль по набережной и, подъѣзжая къ Мраморному дворцу, выѣзжать сквозь задній дворъ въ переулокъ, что между Мраморнымъ дворцомъ и дома графини Скавронской, и тѣмъ же порядкомъ объѣзжая около дому вицъ-адмиральши Рибасъ, становиться каретамъ одной за другою, начиная отъ заднихъ воротъ Мраморнаго дворца, кои въ переулкѣ.

Во время переѣзда къ Мраморному дворцу въѣзжаютъ лишь на передней дворъ Конная гвардія и команда лейбъ-гусаровъ, и то по отданіи чести ихъ императорскимъ высочествамъ, тотчасъ возвращаются по своимъ мѣстамъ: лейбъ-гусары въ свои квартиры, а конвой Конной гвардіи въ Зимній дворецъ, равномѣрно и карета свадебная ея императорскаго величества, всѣ пѣшіе и конные возвращаются по домамъ, кромѣ вершниковъ и лакеевъ, кои стоятъ назади, понеже всѣмъ изволяется тѣмъ же порядкомъ возвратиться въ Зимній дворецъ, гдѣ будутъ ихъ ожидать ихъ собственные экипажи, а какъ скоро съѣдутъ конвой Конной гвардіи и команда лейбъ-гусаровъ, то на мѣсто оныхъ выѣзжаютъ лишь экипажи государя цесаревича, государя великаго князя Александра Павловича и ихъ свиты.

Обо всемъ, что до свѣдѣнія какого-либо мѣста или команды или особы слѣдуетъ, сообщено будетъ о томъ отъ оберъ-церемоніймейстера.

Всѣмъ ливрейнымъ служителямъ быть въ парадной ливреѣ, а какъ сіе происходить будетъ въ вечеру, то имѣть по примѣру протчихъ выѣздовъ тѣмъ, кому слѣдуетъ, зажженные факелы.

На другой день, въ четвергъ по утру, въ 10 часовъ въ Мраморномъ дворцѣ подносятъ ихъ императорскимъ высочествамъ новобрачнымъ поздравленія какъ духовныя, такъ и свѣтскія обоего пола особы первыхъ пяти классовъ и потомъ отправятся ихъ императорскія высочества въ Зимній ея императорскаго величества дворецъ, къ обѣденному столу, которой будетъ въ Кавалергардской комнатѣ, къ которому приглашены

будутъ штатсъ-дамы, первыхъ двухъ классовъ особы и знатные придворные чины.

Во время стола служить будутъ ея императорскому величеству, государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ камергеры ея императорскаго величества, обоимъ великимъ князямъ и великимъ княгинямъ ихъ дворовъ кавалеры, при столѣ будутъ пить здравіе ихъ высочествъ новобрачныхъ при выстрѣлѣ 31 пушки; въ вечеру будетъ балъ въ старой галлереѣ и ужинъ въ новой залѣ за фигурными столами для четырехъ классовъ обоего пола и чужестранныхъ министровъ по билетамъ. Предъ баломъ ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня изволятъ принять поздравленія отъ всѣхъ знатныхъ обоего пола особъ.

Того жъ вечера въ 4 часа по полудни чужестранные министры приносятъ свои поздравленія ихъ императорскимъ высочествамъ новобрачнымъ въ Мраморномъ дворцѣ.

Въ пятницу отдохновеніе.

Въ субботу, въ 10 часовъ по утру, соберутся въ Зимній ея императорскаго величества дворецъ обоего пола знатныя особы въ 12 часовъ предъ обѣдомъ. По сигналу изъ 5 пушекъ даны будутъ народу жареные быки и виноградное вино. Потомъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами со всѣмъ придворнымъ штатомъ изволитъ ѣхать въ Мраморной дворецъ, гдѣ у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ будетъ обѣденной столъ, при которомъ остаются тѣ особы, которыя будутъ приглашены отъ ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ; здоровье ея императорскаго величества при выстрѣлѣ изъ 51-й пушки. Ея величество (произнесетъ): 1) здравіе государя цесаревича и государыни великой княгини 2) государя великаго князя Александра Павловича и его супруги, 3) ихъ высочествъ новобрачныхъ, 4) государынь великихъ княженъ каждой особенно при выстрѣлѣ изъ 31 пушки.

Въ воскресеніе отдохновеніе.

Въ понедѣльникъ изволитъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами идти въ апартаменты государя цесаревича и государыни великой княгини къ обѣденному столу, при которомъ останутся тоже лишь тѣ особы, кои будутъ приглашены, и соблюдается при ономъ о здравіяхъ тотъ порядокъ, какой былъ въ субботу у ихъ высочествъ новобрачныхъ и того жъ вечера будетъ у государя цесаревича и у государыни великой княгини балъ.

Во вторникъ отдохновеніе.

Въ среду, то-есть 20 февраля, обѣденной столъ у ихъ императорскихъ высочествъ государя великаго князя Александра Павловича и государыни великой княгини, при которомъ тоже остаются лишь тѣ, кои къ столу будутъ приглашены, и соблюдается при ономъ о здравіяхъ тотъ же

порядокъ, а въ вечеру у ихъ же высочествъ балъ въ обыкновенное время.

Въ четвергъ отдохновеніе.

Въ пятницу, 22-го февраля, маскарадъ для дворянства и купечества.

Въ субботу отдохновеніе.

Въ воскресеніе балъ въ старой галлереѣ и ужинъ по билетамъ для первыхъ 4 классовъ особъ и чужестранныхъ министровъ въ новомъ залѣ.

Въ понедѣльникъ на сырной недѣлѣ отдохновеніе.

Во вторникъ, 26-го февраля, фейерверкъ на Невѣ рѣкѣ противъ Зимняго дворца, на которой могутъ съѣзжаться тѣ обоего полу особы, кои ѣздятъ ко двору, и чужестранные министры, которымъ и собираться въ часовъ [1]).

При всѣхъ обѣденныхъ столахъ у его императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ (будетъ) играть камерная, вокальная и инструментальная музыка.

Обѣ крѣпости и городъ будутъ иллюминованы, а именно: февраля 13, 14, 16, 24 и февраля-жъ 26 числа.

Въ день бракосочетанія, то-есть въ среду, февраля 13, играть на трубахъ и бить литавры, кои поставлены будутъ въ комнатѣ, гдѣ присутствуетъ совѣтъ, при входѣ ея императорскаго величества въ церковь, къ столу въ Мраморную галлерею и при обратныхъ ея шествованіяхъ во внутренніе ея покои.

Сообщилъ **И. Парійскій.**

[1]) Часъ не обозначенъ.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

библіотека; телескопъ; комната, гдѣ столъ подъемный. За обѣдомъ: пангармоникъ и польской Екатерины. Въ Берлинъ. Ужинъ у Модена.

23 (4). У великой) к(нягини). У гр. Шуваловой: письмо Самойловой [1]). Об(ѣдалъ) у Волхонской. Балъ у принца Августа [2]); принцесса Радзивиллъ [3]).

24 (5). Поутру дома. Гулялъ. Обѣдалъ дома съ Герман(омъ), Олсуфьев(ымъ), Крейт(ономъ), Пер(овскимъ). Вечеръ у Гуфланда.

25 (6). Поутру у обѣдни. Голуб(ая) лента. Каминъ. Обѣд(алъ) у Волхонской. Въ театрѣ. У короля. Roi des fèves. Грёбенъ: о Ансильонѣ и принцѣ Карлѣ. За столомъ разговоръ съ M-e Bock. Въ театрѣ: Donna Diana [4]).

26 (7). Обѣд(алъ) у в(еликой) к(нягини). Поутру визиты. Разговоръ съ Радзивилломъ [5]). Въ театрѣ: Chaperon rouge [6]).

27 (8). Гулялъ. Обѣд(алъ) дома. Въ театрѣ: Скупой [7]). Ужин(алъ) дома съ Германомъ и Олсуфьевымъ.

28 (9). У в(еликой) к(нягини). Обѣд(алъ) дома. Въ театрѣ: Fluch и Segen [8]) и Das letzte Mittel [9]). У гр(афа) Грёбена. Ла-Мотъ-Фукэ.

29 (10). Обѣд(алъ) у короля. Дома. Письма къ Сашѣ [10]).

30 (11). Гулялъ въ дождикъ съ Олсуфьев(ымъ) и Адлербергомъ. Обѣдъ у Ягора. Вечеръ у Германа.

31 (12). Дома. Боленъ глазами. (Балъ у Алопеуса).

1821.

1 (13) генв(аря). Дома. Боленъ глазами.

2 (14). Боленъ; дома; обѣд(алъ) съ Пер(овскимъ), Герм(аномъ) и Олсуфьев(ымъ).

3 (15). Боленъ. Об(ѣдалъ) съ Перовск(имъ). Стихи [11]).

---

[1]) Графини С. А. Самойловой.

[2]) У прусскаго принца Августа.

[3]) Принцесса прусская Фридерика-Доротея-Луиза (р. 1770 † 1837), дочь прусскаго принца Фердинанда, была замужемъ за княземъ Антономъ Радзивилломъ (р. 1775†1833). Князь А. Радзивиллъ былъ прекрасный музыкантъ и портретистъ.

[4]) Комедія (съ испанскаго Донъ Августина Морето) Веста (C. A. West,— псевдонимъ драматическаго писателя Іосифа Шрейфогеля (Schreyvogel, р. 1768†1832).

[5]) См. выше, прим. 3-е.

[6]) Le petit chaperon rouge, опера Боельдьё.

[7]) Комедія Мольера.

[8]) См. выше, стр. 95, прим. 15-е.

[9]) Комедія г-жи Вейссентурнъ (о ней см. выше, стр. 76, прим. 9-е).

[10]) Къ А. А. Воейковой.

[11]) Какіе именно—неизвѣстно.

4 (16). Боленъ. Об(ѣдалъ) съ Пер(овскимъ) и Крейтон(омъ). Споръ. Въ банѣ.

5 (17). Дома. Обѣд(алъ) съ Олсуфьев(ымъ). Ужинъ съ Олсуфьев(ымъ). У в(еликой) княгини.

6 (18). На площа(ди) парадъ [1]). Обѣд(алъ) дома. Johannit. ord [2]). Въ театрѣ. Глупая піеса L. M. F. [3]) и глупой балетъ.

7 (19). Писалъ къ Сашѣ [4]) и Тург(еневу) [5]). У в(еликой) к(нягини). У M-elle Wildermeth. Вечеръ у герцога Кумберландск(аго). Ла-Мотъ-Фукэ и Шатобріанъ [6]).

8 (20). Гулялъ въ Thiergarten. Прекрасное утро, которое подѣйствовало на душу. На долго ли? Богъ знаетъ. Но отъ чего этотъ приливъ и отливъ? Можно ли быть въ такой зависимости отъ луча солнечнаго? И это возвращеніе хорошаго безъ твоего вѣдома не есть ли доказательство, что оно въ тебѣ и что требуетъ только отъ тебя понужденія, чтобы пробудиться и быть всегда пробужденнымъ. Если утро ясное можетъ дать душѣ болѣе нравственнаго достоинства, какъ будто противъ ея воли, то почему не можетъ того же свободная воля? Но воля живетъ дѣятельностію, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производитъ въ одно время и унынiе душевное и истребляетъ бодрость. Можно ли жить съ такимъ унынiемъ? Надобно или истребить его (а истребить его иначе нельзя, какъ уничтоживъ его причину, слѣдовательно лѣнь), или не жить. То, что болѣе всего меня лишаетъ бодрости, есть мысль о моемъ теперешнемъ несовершенствѣ: вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ утратѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно отказаться отъ потеряннаго и сказать себѣ, что настоящее и будущее мое. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ бы могъ и долженъ бы быть; я никогда не дойду къ тому, къ чему бы могъ дойти, если бы

---

[1]) По случаю дня коронаціи короля Фридриха-Вильгельма III.

[2]) Прусскій орденъ.

[3]) Т. е. Ламотта-Фукэ.

[4]) Къ А. А. Воейковой.

[5]) Этого письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу нѣтъ въ числѣ напечатанныхъ въ книгѣ „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“.

[6]) Знаменитый французскій писатель (р. 1768†1848), въ то время бывшій французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Жуковскій остался очень доволенъ знакомствомъ съ Шатобріаномъ. „Жуковскій видитъ и хвалитъ Шатобріана“—писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 10-го марта 1821 года (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 304).

пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени. Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ той дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если бы не истратилъ безумно полжизни на ничто; рѣшись искать того, что еще можетъ быть твоимъ, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаяваться отъ неудачъ. Достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи: достиженіе не отъ него зависитъ. Я могу еще имѣть религію, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно потому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливость объ этой ложной наружности устремляетъ вниманіе только на самого себя и лишаетъ возможности видѣть, слышать и пользоваться другими.—Я шелъ по улицѣ и остановился передъ печатнымъ объявленіемъ, приклееннымъ къ стѣнѣ одного дома; оно окружено было множествомъ отрывковъ старыхъ и новыхъ, оставшихся отъ объявленій, которыя были въ разное время приклеены на томъ же мѣстѣ: одни были свѣжи, другіе стары, третьи совсѣмъ истлѣли и позеленѣли отъ сырости. Это картина свѣта. Здѣсь все для прохожаго, для души человѣческой. Все, и въ частной и въ общественной жизни; самыя общества, вѣка, имперіи и народы не что иное, какъ эти объявленія для проходящаго. Читай и пользуйся. Міръ существуетъ только для души человѣческой. Богъ и душа вотъ два существа; все прочее—печатное объявленіе, приклеенное на минуту. Это сравненіе можно бы распространить.

9 (21). Дома. Обѣд(алъ) съ Герм(аномъ) и Моденомъ. Вечеръ дома.

10 (22). Дома. Гулялъ въ Thiergarten съ Германомъ. Обѣд(алъ) дома. Въ театрѣ: Die Drillinge [1]), Fluch und Segen [2]).

11 (23). Бобовый праздникъ.

24. У в(еликой) княг(ини). Въ театрѣ новомъ. Съ Германомъ гулялъ. Обѣд(алъ) дома съ Перовск(имъ), Герм(аномъ), Моденомъ. Ввечеру несравненная Альцеста [3]).

13 (25). Рожд(еніе) госуд(арыни) Е(лизаветы) Алек(сѣевны). У

---

[1]) См. выше, стр. 96, прим. 2-е.

[2]) См. выше, стр. 95, прим. 15-е.

[3]) См. выше, стр. 77, прим. 1-е

Мекленбургскаго [1]). Репетиція [2]). Перп [3]). Вечеръ дома; читалъ Lalla Rookh [4]).

14 (26). Поутру репетиція. Обѣд(алъ) у Волхонск(ой). Отелло [5]). Lalla Rookh. Павловъ [6]).

15 (27). Несравненный праздникъ [7]).

16 (28)—19 (31). Не записывалъ. Концертъ у Радзивилъ. Отъѣздъ в(еликаго) князя, 17 (29).

20 (1 февраля), четвергъ. Боленъ. Въ банѣ.

21 (2). Боленъ—31 (12), понедѣль(никъ).

30 (11). Повтореніе праздника [8]). Въ первый день вышелъ. Наканунѣ у великой княгини.

31 (12). Гулялъ. У Ансильона. У в(еликой) к(нягини). Домой. У Модена.

1 (13) [февраля]. У в(еликой) к(нягини). Она больна. Стихи M-elle Stegemann [9]). Обѣдалъ дома. Написалъ стихи [10]).

2 (14). У в(еликой) к(нягини). Урокъ. У Гуфланда. Пѣнье. У M-elle Wildermeth. Дома. Танкредъ [11]).

3 (15). У в(еликой) княгини. Урокъ. Разг(оворъ) о Лалла Рукъ.

---

[1]) У герцога Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго (см. о немъ выше, стр.76, прим. 7-е).

[2]) Репетиція живыхъ картинъ, представленныхъ на праздникѣ 15-го (27-го) января, о чемъ см. ниже.

[3]) Т. е. чтеніе „Перп“ Томаса Мура.

[4]) Извѣстную поэму Томаса Мура.

[5]) Шекспира.

[6]) Затѣмъ въ дневникѣ приведены (въ англійскомъ подлинникѣ) тридцать два стиха изъ Лалла Рукъ.

[7]) Великолѣпный праздникъ съ живыми картинами на сюжетъ поэмы Т. Мура „Лалла Рукъ“, въ которыхъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна изображала Лалла Рукъ, а великій князь Николай Павловичъ Алириса; остальныя роли были исполнены принцами и принцессами прусскаго королевскаго дома. Декораціи для этихъ сценъ были написаны Шинкелемъ, а музыка — Спонтини; аріи были исполнены извѣстнѣйшими пѣвицами: Мильдеръ, Шульцъ и Зейдлеръ. Описаніе этого праздника см. у Гримма, Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland, 2-e Auflage, Erster Band (Leipzig. 1866), стр. 143—146.

[8]) Повтореніе праздника 15-го (27-го) января. Первое представленіе было дано въ тѣсномъ кругу избраннаго общества; на этомъ второмъ представленіи присутствовало болѣе многочисленное общество (до 3 тысячъ человѣкъ) (см. Гриммъ, назв. сочиненіе, т. I, стр. 146).

[9]) Дочери прусскаго патріота и поэта Фридриха-Августа Штегемана (Stägemann, р. 1753†1840), Гедвиги, богато одаренной умственными способностями и привлекавшей къ себѣ чарующею прелестью характера.

[10]) Какіе именно—неизвѣстно.

[11]) Опера Россини.

Обѣд(алъ) у велик(ой) княгини. Принцъ Карлъ и концертъ. Живописецъ. Домой. Переводъ стихо(въ) Chênedollé [1]).

4 (16), пятница. У M-elle Wildermeth. Долженъ былъ обѣдать у Гуфланда, но попалъ къ королю. Ифигенія въ Авлидѣ [2]).

Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Тебѣ приносятъ онміамъ,
Тебя гремящимъ славятъ пѣньемъ;
Я одинокъ въ углу стою,
Какъ жизнью, полонъ я тобою
И жертву тайную мою
Я приношу тебѣ душою [3]).

Руссо говоритъ [4]): il n'y a de beau que ce qui n'est pas! Прекрасно только то, чего нѣтъ! Это не значитъ: только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно, такъ сказать, намъ является единственно для того, чтобъ намъ сказаться, оживить, возвысить душу, но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно. Оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, счастіе, поэзія, самое несчастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго. И весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремленіе—это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности! Прекрасно только то, чего нѣтъ! Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ и что для тебя гдѣ-то существуетъ! И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе отчего

---

[1]) Французскій поэтъ Charles Chênedollé (р. 1769†1833). Между извѣстными въ печати стихотвореніями Жуковскаго за 1820 годъ нѣтъ переведенныхъ изъ Chênedollé; не сохранилось перевода Жуковскаго изъ этого поэта и въ бумагахъ, пожертвованныхъ Импер. Публичной Библіотекѣ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ.

[2]) Опера Глюка.

[3]) Это стихотвореніе напеч. въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго, стр. 10, и въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 284.

[4]) Эти мысли Жуковскаго (со словъ „Руссо говоритъ“ и кончая словами: „путеводителями на землѣ“), въ одной изъ его тетрадей сопровождающія стихотвореніе Лалла Рукъ и помѣченныя тамъ 6 (18) марта, напечатаны въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 306—307. Текстъ, находящійся въ дневникѣ Жуковскаго, представляетъ лишь самыя незначительныя отличія отъ печатнаго текста.

бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія! Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго, оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду.

Это справедливо! Эта прощальная звѣзда на нашемъ темномъ небѣ есть знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣ(стѣ) того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ! Звѣзда на темномъ небѣ, она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ изъ дали и нѣкоторымъ образомъ сближаетъ съ тѣмъ небомъ, съ котораго неподвижно намъ свѣтитъ! Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ; наша душа въ лучшія минуты бытія открываетъ сіи звѣзды, которыя не даютъ и не должны давать полнаго свѣта, но, украшая наше небо, знакомя съ нимъ, служатъ въ то же время и путеводителями на землѣ.

5 (17). У в(еликой) к(нягини). Живописецъ. Портретъ. М-е Kleist; цѣпочка. Переводъ моихъ стиховъ [1]). У графини Трухзесъ: о великой княгинѣ и императрицѣ; встрѣча великой княгини съ императрицею. Le prince royal. Письмо отъ Тургенева. Обѣдалъ съ Тюменомъ [2]). Въ редутѣ [3]). М-е Stich [4]).

6 (18), воскресенье. У обѣдни. Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: Maria Stuart [5]). Поутру у Л(а) М(отъ) Ф(укэ).

7 (19), понедѣльникъ. У в(еликой) княг(ини). Въ музеумѣ. У Шамбо. Въ театрѣ: Армида [6]). Кронпринцъ и круглый столъ.

8 (20), вторникъ. У в(еликой) княг(ини). Минуты счастья и чистаго, высокаго наслажденія. Обѣд(алъ) у в(еликой) кн(ягини). Ввечеру у Гуфланда съ Л(а) М(отъ) Фукэ. У М-е Kleist.

9 (21), среда. У M-elle Wildermeth. Обѣ(далъ) у Модена. Совер-

---

[1]) Быть можетъ, стиховъ „Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла Рукъ".

[2]) Вѣроятно, съ поручикомъ фонъ Тюменомъ (von Thümen), который въ февралѣ 1819 года былъ посланъ въ Петербургъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и черезъ котораго императрица Марія Ѳеодоровна отправила 22-го апрѣля 1819 года письмо къ королю (см. Bailleu, Briefwechsel König Friedrich Wilhelm's III mit Kaiser Alexander I, Leipzig, 1900, стр. 385).

[3]) Въ редутѣ (redoute), т. е. маскерадѣ, который былъ въ театрѣ.

[4]) Извѣстная актриса (см. выше, стр. 96, прим. 8-е).

[5]) Шиллера.

[6]) Опера Глюка.

шенные контрасты въ положеніяхъ. Въ театрѣ: Mädchen von Marienburg [1]). Глупость.

10 (22), четвергъ. Поутру у в(еликой) к(нягини). Обѣдалъ у Алопеуса. Шатобріанъ. Ввечеру былъ у п(ринцессы) Александрины. Разгов(оръ) съ Розомъ [2]) и Брюлемъ. Живописецъ и журналъ его жены.

11 (23), пятница. Поутру у принц(ессы) Александрины. Подарки. Стихи Гуфланда. Принцесса Радзивилъ. Ввечеру: Фернандъ Кортецъ [3]). Ужиналъ дома съ Тюменомъ и Перовскимъ.

12 (24) суббота. У в(еликой) к(нягини). M-elle Wildermeth о стихахъ. Живописецъ. У переплетчика. У великой княг(ини). Berganin. Schadow. У принцессы Радзивилъ: полупринцъ [4]) (Schöler [5]). Witzleben [6])). Ввечеру дома. Чтеніе съ Перовскимъ.

13 (25), воскресенье. Важны(й) разгов(оръ) съ M(-lle) W(ildermeth). Le positif [7]). Ввечеру у Мекленбургскаго на балѣ.

14 (26), понедѣльн(икъ). Письма къ Малиновскому [8]) и Дуняшѣ [9]) Обѣд(алъ) у Модена. Въ театрѣ: J(ean) de Paris [10]). Съ Перовскимъ поправлялъ [11]).

15 (27), вторникъ. У в(еликой) к(нягини). Портретъ Л(алла) Рукъ. Обѣд(алъ) у в(еликой) княгини. Хохотал(и). Принцъ Карлъ.—Въ концертѣ. Alexanders Fest [12]).—Письмо отъ принцессы Радзивилъ.

Середа, 16 (28) [13]). Поутру у графини Трухзесъ. У переплетчика. Дома.

О прежнихъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Скажи съ любовью: были [14]).

---

[1]) Драма Краттера.

[2]) Англійскій посланникъ въ Берлинѣ.

[3]) Опера Спонтини.

[4]) Князь Антонъ Радзивиллъ былъ, какъ извѣстно, женатъ на прусской принцессѣ Лунзѣ.

[5]) Фридрихъ фонъ Шёлеръ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

[6]) Вѣроятно, Johann-Wilhelm-Karl-Ernst von Witzleben (†1837), въ то время генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ прусскаго короля.

[7]) Т. е. положительное.

[8]) Вѣроятно, къ Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому (†1840), въ то время управляющему Московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[9]) Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

[10]) Опера Боельдье.

[11]) Какіе-нибудь свои стихи.

[12]) Ораторія знаменитаго Генделя.

[13]) Подъ этимъ числомъ въ дневникѣ Жуковскаго написано начало (стихи 1—50) его перевода „Перн и Ангелъ“; затѣмъ переводить „Перн“ Жуковскій продолжалъ каждый день по 6 (18) марта, какъ это видно изъ дневника.

[14]) Первый стихъ сначала читался такъ:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ;

Нѣтъ и были какая разница! Въ первомъ—потеря, въ послѣднемъ—воспоминаніе. Нѣтъ значитъ исчезли; были значитъ оставили слѣдъ свой. Прекрасная жизнь тѣхъ, которыхъ мы лишились, освѣщаетъ для насъ и землю и жизнь нашу! Рѣшительная минута разлуки миновалась: они навѣки преданы воспоминанію, за нихъ уже не страшишься; недоумѣнія кончились; ихъ будущее не приводитъ въ трепетъ; печаль объ нихъ изъ страданія обратилась въ благодѣтельную для сердца любовь; можешь всѣмъ дѣлиться съ ними свободно: ихъ образъ равно свѣтелъ для насъ и при нашемъ счастіи, и при нашемъ несчастіи; ни то, ни другое уже не измѣнитъ ихъ жребія; но и въ томъ и въ другомъ они съ нами, воспоминаніемъ, всегда неизмѣннымъ, когда не измѣнимся мы сами, возвышающимъ душу въ счастіи, ободряющимъ ее въ несчастіи—такое воспоминаніе есть для насъ совѣсть.

Ваша умирающая мать [1]) не могла дочитать того письма, которое получила отъ васъ [2]) на смертной постели—такъ было сильно чувство материнской любви и материнскаго счастія, наполнявшее душу ея въ эту минуту! Ей недостало жизни для нѣсколькихъ строкъ—но эти недочитанныя строки имѣютъ святое, пророчественное знаменіе. Онѣ какъ-будто означаютъ всю вашу жизнь—безъ нея и все для нея! Но эта чистая жизнь уже безъ нарушенія будетъ радовать материнскую душу, смерть уже не придетъ ее отозвать отъ этой радости. Въ минуту предчувствія сказала она: «Wenn gleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, so wird sie doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, was ich durch sie gelitten habe, und sie wird sagen: Sie duldete viel und harrte aus im Dulden.

Послѣдніе два стиха первоначально были написаны въ такой редакціи:

Не съ грустью говори: на свѣтѣ ихъ ужъ нѣтъ,
Но съ благодарностью: они на свѣтѣ были.

Это четырехстишіе напечатано въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго (изд. 9-е, т. II, стр. 352) съ датою 13 іюля 1821 года и помѣщено въ началѣ статьи Жуковскаго „Воспоминаніе“, въ которую вошло, съ небольшими сокращеніями и незначительными перемѣнами, написанное Жуковскимъ въ его дневникѣ 1821 года подъ 16 (28) февраля. Эта статья „Воспоминаніе“ печатается въ Сочиненіяхъ Жуковскаго подъ 1848 годомъ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. VI, стр. 127—129).

[1]) Королева Луиза.

[2]) Великой княгини Александры Ѳеодоровны, въ то время принцессы Шарлотты. 13-го іюля н. ст. былъ день ея рожденія, который она принуждена была проводить въ разлукѣ съ своею матерью; по этому поводу принцесса Шарлотта написала письмо королевѣ Луизѣ, трогательное по выраженнымъ въ немъ чувствамъ дѣтской любви. Это письмо пришло къ королевѣ, уже больной; ея сестра, принцесса Фридерика, нѣсколько разъ принималась читать (ей это письмо, но, видя волненіе королевы, не могла дочитать ей его до конца см. Adami, Luise Königin von Preussen, 13 Auflage, 1890, стр. 366—367).

Dann wünsche ich nur, dass sie zugleich sagen möge: Aber sie gab Kindern das Dasein, welche besserer Zeiten würdig (zu sein) wagen, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben!» [1]).

На ея часть досталось: желаніе великаго и величіе въ страданіи; но дѣтямъ своимъ завѣщала она свои надежды и исполненіе прекрасныхъ своихъ желаній.

Іоаннъ, ученикъ и товарищъ Спасителя, видѣлъ Его улетѣвшимъ на небо; глаза его подняты къ этому небу, сокрывшему всѣ его блага— но въ этихъ глазахъ не печаль разлуки, не томительное нетерпѣніе оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви къ улетѣвшему, какъ будто къ присутственному; Онъ уже не на землѣ, но Онъ былъ на ней; Своимъ преображеніемъ Онъ познакомилъ съ таинствомъ неба, но Своею любовію, Своими страстями познакомилъ съ величіемъ жизни; небеснымъ Онъ озарилъ житейское; и не чудесное видѣніе неестественнаго представляется взору молодаго Іоанна; онъ спокойно наполненъ воспоминаніемъ, не томящимъ, не отлучающимъ отъ земнаго, но тихимъ, сладко задумчивымъ, вполнѣ удовлетворяющимъ душу. Онъ смотритъ на небо, какъ на обитель удалившагося друга, и не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему въ наслѣдство, для совершенія воли Учителя, какъ благо, но вѣритъ, любитъ и уповаетъ! И слышитъ отвсюду голосъ: «Спаситель твой живъ».—Воспоминаніе о такой матери, какова была ваша, есть чувство Іоанна, смотрящаго на небо [2]).

17 (1 марта), четвергъ.

18 (2), пятница. У M-elle Вильдерметъ. У герцог(ини) Кумберландской. Гнезенау [3]). M-e Berg [4]). Ввечеру въ театрѣ: Альцеста [5]). Вечеръ

---

[1]) Т. е. Хотя потомство и не назоветъ моего имени среди именъ знаменитыхъ женщинъ, но все-таки, послѣ того, какъ ему станутъ извѣстны бѣдствія нынѣшняго времени, оно будетъ знать, сколько я чрезъ нихъ страдала, и оно скажетъ: Она терпѣла много и вытерпѣла до конца. Но я хочу, чтобы въ то же время оно сказало: но она дала бытіе дѣтямъ, которыя дерзаютъ быть достойными лучшихъ временъ, стремились къ нимъ и наконецъ ихъ достигли.

[2]) Послѣдняя фраза была сначала написана въ такой редакціи: „Послѣ Божества самое божественное есть мать. И что можетъ быть благодѣтельнѣе воспоминанія о такой матери, какова была ваша; но это воспоминаніе есть чувство Іоанна, смотрящаго на небо".

[3]) Извѣстный прусскій генералъ, а впослѣдствіи фельдмаршалъ, графъ Августъ-Вильгельмъ-Антонъ фонъ Гнейзенау (Gneisenau, p. 1760 † 1831); въ то время онъ занималъ (съ 1818 года) постъ губернатора Берлина. Жуковскій и въ этомъ мѣстѣ дневника и далѣе вездѣ пишетъ его фамилію: Гнезенау.

[4]) Фридерика-Каролина фонъ Бергъ († 1826), рожденная Haeseler, статсъ-дама и большая пріятельница королевы Луизы, впослѣдствіи написавшая о ней воспоминанія; въ то время она была оберъ-гофмейстериною герцогини Кумберландской.

[5]) См. выше, стр. 77, прим. 1-е.

у герцога Кумб(ерландскаго). Новой инструментъ. За ужиномъ: Фокъ и Бело [1]). М-е Berg.

19 (3), суббота. Поутру гулялъ. Переводилъ. Обѣд(алъ) у княгини Волхонской съ ужасною скукой. Ввечеру у Гуфланда: его сынъ [2]), его невѣстка; ужинъ; разговоръ; отецъ его зятя; его жена [3]).

20 (4), воскресенье. Въ церкви: проповѣдь Thermain [4]). Обѣд(алъ) у в(еликой) княгини. На балѣ у короля. Кронпринцъ, Брюль, Розъ [5]).

21 (5), понедѣль(никъ). У в(еликой) к(нягини). Кронпринцъ. Гулялъ. У Гензеля [6]). Обѣдалъ у Роза. Разговоръ объ Англіи. Нѣмцы и англичане. Вечеръ дома. Письмо отъ Саши [7]). Перев(одилъ) Пери.

22 (6), вторникъ. У Алопеуса. Платеръ. Л(а)-М(отъ)-Фукэ. Ввечеру въ концертѣ.

23 (7), середа. У в(еликой) к(нягини). Сашино письмо: какая розница. Мальтицъ [8]). Ввечеру Моденъ и Германъ.

24 (8), четвергъ. Обѣдъ у короля. Послѣ обѣда и вечеръ дома.

25 (9), пятница. Поутру у в(еликой) к(нягини). Отдалъ книги. Письма отъ Саши и Маши [9]). Завтракъ у Радзивила. Послѣ обѣда дома: Моденъ. Шахматы [10]).

26 (10), суббота. Поутру съ M-lle Wildermeth въ Шарлоттенбургѣ: прежде у в(еликой) к(нягини). Роза. Кастелянъ. Монументъ. Занавѣсъ. Ясмины. Кипарисы. Сводъ: вѣнки, стукъ дверной, свѣтъ. Послѣднія минуты, Verklärung; не нужно стараться узнать, что и гдѣ душа послѣ смерти. Святая пятница и погребеніе принца. Обѣд(алъ) дома съ Перовскимъ. Ввечеру въ концертѣ: Sampson [11]).

27 (11), воскресенье. У обѣдни. Гулялъ съ Перовскимъ. Обѣдалъ

---

[1]) Не Беловъ ли? См. ниже, подъ 7 (19) марта.

[2]) Эрнстъ Гуфеландъ, тоже врачъ и сельскій хозяинъ. Онъ былъ женатъ на M-lle Hermbstädt (см. автобіографію Гуфеланда, напечатанную въ „Deutsche Klinik“, 1863 г., № 25, стр. 241).

[3]) Вторая жена Гуфеланда, рожденная Трошель (см. тамъ же).

[4]) Фамилія этого лица написана Жуковскимъ невѣрно. Извѣстный протестантскій проповѣдникъ Францъ Theremin (р. 1780 † 1846) былъ въ то время придворнымъ проповѣдникомъ; впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ Берлинскаго университета. Его проповѣди изданы въ 1817—1841 гг. въ девати томахъ подъ заглавіемъ: „Creuz Christi“.

[5]) Англійскій посланникъ въ Берлинѣ (см. выше, стр. 103, прим. 2-е).

[6]) Вѣроятно, у Вильгельма Гензеля (р. 1794 † 1864), живописца, принимавшаго участіе въ походахъ 1813—1815 годовъ.

[7]) Отъ А. А. Воейковой.

[8]) См. выше, стр. 78, прим. 4-е.

[9]) А. А. Воейковой и М. А. Мойеръ.

[10]) Подъ этимъ числомъ помѣщенъ, кромѣ перевода нѣсколькихъ стиховъ „Пери“, переводъ небольшого отрывка изъ „Орлеанской Дѣвы“.

[11]) Ораторія Генделя.

дома. Въ театрѣ: Le bourru bienfaisant [1]). Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще отъ всѣхъ и за вся.

28 (12), понедѣльникъ. Дома. Переводилъ. Об(ѣдалъ) у в(еликой) к(нягини). Вечеръ у M-e Kleist. [Посл(ѣ) об(ѣда) гулялъ]. M-elle Steg(e)man(n). Lauer. Тикъ. Bayer.

1 (13) [марта], вторникъ. У в(еликой) к(нягини). Разговоръ о 10 марта, о монументахъ; о причастіи. Прекрасное слово ея: религія.— Кронпринцъ. Обѣдалъ у Модена съ Тюменомъ. Вечеръ у M-elle Wildermeth съ M-e de Castillon.

2 (14), середа. Поутру въ библіотекѣ. Об(ѣдалъ) у Модена. Въ театрѣ: Preciosa [2]).

3 (15), четвергъ. Поутру у в(еликой) к(нягини). Письма корол(евы). Nicolayskirche. Обѣд(алъ) у Ягора. Въ театрѣ: Cosi fan tutte [3]).

4 (16), пятница. Поутру гулялъ въ Thiergarten. Обѣд(алъ) у Ягора съ Моденомъ. Въ театрѣ.

5 (17). Поутру гулялъ. Обѣдалъ дома. Вечеръ у Радзивила: дѣтскій маскерадъ. Tableaux: Лалла Рукъ; Ивангое; Фаустъ; Zauberring. Танцы.

6 (18), воскресенье. Обѣд(алъ) у короля. Кончилъ Пери. Пріѣздъ в(еликаго) князя. Въ театрѣ: Беньовскій [4]).

7 (19), понедѣльникъ. Пріѣздъ Перовскаго. Обѣдъ у короля. Разгов(оръ) съ кронпринцемъ о Беньовскомъ [5]). Ввечеру у принцессы Радзивилъ. Мольеръ и Беловъ [6]). У в(еликой) княгини. Альбомъ и Лалла Рукъ.

8 (20), вторникъ. Поутру у в(еликой) к(нягини). Чтеніе Пери. Слово великаго князя: «Достойно своего предмета». Обѣдъ у в(еликой) княгини; подлѣ милаго Гуфланда. Вечеръ у герцогини Кумберландской съ Шатобріаномъ: разговоръ о франц(узской) исторіи. Картины Фридриха: Погребенье; Взморье съ начинающеюся бурею и рыболовами; Шалашъ посреди туманнаго поля; Четыре времени дня; Видъ ночью въ туманѣ съ набережной и звѣзды; Удаляющійся корабль; Горы съ туманомъ; видъ; Дерево, черезъ которое свѣтитъ вечеръ, и усаживающіяся птицы.

---

[1]) Комедія итальянскаго писателя Карла Голдони (р. 1707 † 1793).

[2]) Текстъ П.-А. Вольфа; музыка Карла-Маріи Вебера.

[3]) См. выше, стр. 85.

[4]) Graf Benjowsky, драма Августа Коцебу.

[5]) См. предыдущее прим. 4-е.

[6]) Вѣроятно, Gustav-Friedrich-Eugen von Below (р. 1791 † 1852), въ то время офицеръ прусскаго генеральнаго штаба, впослѣдствіи флигель-адъютантъ короля Фридриха-Вильгельма IV и генералъ.

9 (21). Поутру у Шуваловой. Гензель [1]). Нейдорфъ. В(еликая) княгиня и рисованье. Венцель.

10 (22), четвергъ. У принца Вильгельма. Обѣдалъ дома съ Перовскимъ и Германомъ. Вечеръ у Гуфланда [2]).

11 (23), пятница. Поутру у Шпикера. У Шатобріана: о его Исторіи [3]); о томъ, какъ писать исторію; les bonnes lettres. Обѣдъ у Модена. Въ театрѣ: Tancrède [4]).

12 (24), суббота. У в(еликой) княг(ини). У генерала Гнезенау. Обѣд(алъ) у Алопеуса [восш(ествіе) на прест(олъ)]. Вечеръ дома.

13 (25), воскресенье. Поутру гулялъ. Обѣдалъ дома. Вечеръ въ собач(ей) комедіи и дома.

14 (26). Утро дома. Гулялъ. Обѣдъ у M-lle Wildermeth. Вечеръ дома.

15 (27), вторникъ. У в(еликой) княг(ини). Пожарскій. Разговоръ съ в(еликимъ) княз(емъ).

16 (28), середа. Гулялъ съ Германомъ. Кюсси. Обѣд(алъ) у Модена. Въ Dom: Todesfeier. Прогулка въ Тиргартенъ. Вечеръ у Грёбена: Röder [5]), Hoffmann, M-e Lestock, M-e Gröben.

17 (29). У в(еликой) княгини: стихи на Grf. Voss [6]). Обѣд(алъ) дома съ Чарыковскимъ. Поутру ходилъ съ Шамбо на башню. Вечеръ у Tronchin: Le tailleur de S. S. Le naufrage [7]). Les rendez-vous bourgeois [8]).

18 (30). Праздникъ. У вел(икой) княг(ини). Съ Волх(онскою) Вильд(ерметъ) и Шув(аловою) на мѣсто. Проповѣдь. Ясность. Видъ. Тюменъ. За обѣдомъ музыка. Вечеръ въ Thiergarten: дорога съ фонарями, аллея, ручей.

19 (31). Поутру у Радзивила. У M-e Kleist. Обѣд(алъ) у Волхонской. Тюменъ. Гулялъ въ Thierg(arten) съ Пер(овскимъ) и Адлерб(ергомъ).

20 (1 апрѣля). Дома. Обѣд(алъ) у вел(икаго) князя. За стол(омъ) графъ Шлиппенбахъ и Ансильонъ. Въ театрѣ: Весталка [9]).

---

[1]) См. выше, стр. 106, прим. 6-е.

[2]) Съ этого числа почти каждый день Жуковскій занимался переводомъ „Орлеанской Дѣвы".

[3]) О сочиненіи Шатобріана „Essai historique, politique et moral sur le révolutions anciennes et modernes, considérées avec leurs rapports avec la révolution Française".

[4]) Опера Россини.

[5]) Вѣроятно, прусскій генералъ Фридрихъ-Эбергардъ фонъ Рёдеръ (р. 1768 † 1834).

[6]) Быть можетъ, на извѣстную оберъ-гофмейстершу прусскаго двора графиню фонъ Фоссъ (см. выше, стр. 75, прим. 13-е, и стр. 80, прим. 1-е).

[7]) См. выше, стр. 67, прим. 5-е.

[8]) Опера-буффъ, слова Гофмана, музыка Николо.

[9]) См. выше, стр. 78, прим. 6-е.

21 (2), понедѣльникъ. Обѣдъ у короля. Послѣ обѣда гулялъ. Tösanderie. Вечеръ дома. Доканчивалъ Іоанну [1]).

22 (3), вторникъ. У в(еликой) к(нягини). Альбомъ. Обѣд(алъ) дома Въ театрѣ: Орфей [2]), Paul et Virginie [3]). Уж(иналъ) дома.

23 (4), середа. Весь день дома. Переписывалъ Іоанну. Послѣ обѣда на минуту у Вильдерметъ.

24 (5), четвергъ. Весь день дома. Переписывалъ Іоанну. Балъ и портной.

25 (6), пятница. У в(еликой) княг(ини). Гензель [4]). У герцога Мекленбургскаго: входъ черезъ потаенную дверь. Орфей.

26 (7), суббота. У вел(икой) княг(ини). Гуфландъ. Обѣдалъ дома. Послѣ гулялъ въ Thiergarten. У Mad(e)m. Wildermeth съ Клейстъ. У Гуфланда. Вечеръ съ Перовскимъ: Бехереръ, его сынъ.

27 (8), воскресенье. У Шадцека. Обѣд(алъ) дома. К(нязь) Гагаринъ [5]).

28 (9). Обѣдалъ у Гнезенау: Гумбольд(т)ъ [6]), его жена и дочери. Поутру съ к(нземъ) Гагар(инымъ) у Рауха. Ввечеру Jungfrau [7]). M-e Stich.

29 (10), вторникъ. Обѣд(алъ) у Алопеуса. Балъ у Мекленбургскаго. Въ Thiergarten съ Перов(скимъ).

30 (11). Обѣдалъ у короля. Ввечеру гулялъ въ Thiergarten. Встрѣча.

31 (12), четвергъ. Обѣдалъ у Модена, который возвратился изъ Дрездена. Письма отъ Олсуфьева [8]) и Саши [9]). Гулялъ въ Thiergarten. Лунная прекрасная ночь. Игрища.

1 (13) [апрѣля], пятница. Поутру. У переплетчика. Прогулка съ Ансильономъ. У к(нязя) Гагарина. У M-e Bock; горницы пр(инцессы) Луизы; Könег; о королевѣ: обнимать! Принцесса Луиза, принцъ Аль-

---

[1]) Т. е. Орлеанскую Дѣву.

[2]) Опера Глюка.

[3]) Балетъ, музыка котораго написана Конрадиномъ Крейцеромъ (Kreutzer, р. 1782 † 1849).

[4]) См. выше, стр. 106, прим. 6-е.

[5]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ (р. 1782 † 1837), товарищъ Жуковскаго по Университетскому благородному пансіону. Кн. Гагаринъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности (онъ былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ; совѣтникомъ посольства въ Римѣ, а потомъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и Мюнхенѣ).

[6]) Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, знаменитый языковѣдъ (р. 1767 † 1835); онъ былъ женатъ на Каролинѣ фонъ Дахреденъ.

[7]) Т. е. былъ въ театрѣ, гдѣ давали Jungfrau von Orleans, Шиллера.

[8]) Василія Дмитріевича (см. выше, стр. 96, прим. 5-е).

[9]) А. А. Воейковой.

брехтъ: телѣжки. Ніенштетъ [1]). Обѣд(алъ) у кронпринца; за столомъ подлѣ графа Бранденбурга [2]). Въ театрѣ: Iphigenie in Aulis [3]). Ужинъ съ Перов(скимъ): разговоръ о Вяземскомъ.

2 (14), суббота. Дома. У герцогини Кумберл(андской): въ театрѣ. Шатобріанъ. Le ci devan(t) j(eune) h(omme) [4]). Le dîner de Madelon [5]).

3 (15), воскресенье. Поутру у обѣдни. К(нязь) Гагаринъ. Обѣд(алъ) у в(еликой княгини); за столомъ съ Брюлемъ; послѣ обѣда съ Гагаринымъ. Въ концертѣ: Graun Tod Jesu [6]). Въ Потсдамъ.

Страстная недѣля.

Потсдамъ, 4 (16) апрѣля. Поутру принялся было читать Fichte Die Bestimmung des Menschen. Прежде всего пошелъ къ великой княгинѣ; дожидался ее нѣсколько времени: прекрасныя горницы, отдѣланныя съ большимъ вкусомъ изъ дерева изъ корельской березы и ясени, съ этрурскими украшеніями; въ одной замѣтенъ столъ мозанковой работы. Великая княгиня показала мнѣ свою горницу. Мы пошли къ заутрени, часамъ и обѣднѣ. Видѣть ее на колѣняхъ есть чувствовать набожность: она ничего не дѣлаетъ для виду! Зато ея простыя движенія всегда трогаютъ, и въ этотъ разъ для меня было понятно это значеніе молитвы: Да исправится молитва моя, яко кадило, предъ Тобою! Это голосъ чистой, прямо набожной души. Возвратясь, я принялся было читать Fichte Die Bestimmung des Menschen, но вздумалъ, что терять времени не должно, и отправился въ Санъ-Суси смотрѣть галлерею. Маленькой Емиль, Пульмановъ [7]) сынъ, былъ моимъ проводникомъ: говорливый и умный мальчикъ. По терассамъ Санъ-Суси мы пошли прямо въ галлерею. Прекрасное зданіе съ величественными бѣлыми цѣльными мраморными колоннами; стѣны изъ giallo antico и изъ мрамора, также и паркетъ. Галлерея одна изъ лучшихъ по выбору. Большая часть картинъ Рубенсовы и Вандиковы. Воскресеніе Лазаря Рубенса несравненно: величіе мирное, божественно-человѣческое Іисуса Христа;

---

[1]) См. выше, стр. 84, прим. 1-е.

[2]) Графъ Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургъ (р. 1792 † 1850), сынъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II отъ морганатическаго брака его съ графинею фонъ Дёнгофъ. Въ то время онъ былъ полковникомъ, а впослѣдствіи генераломъ и министромъ-президентомъ.

[3]) Опера Глюка.

[4]) См. выше, стр. 95, прим. 10-е.

[5]) Комедія французскаго писателя Désaugiers (р. 1772 † 1827).

[6]) Слова къ этому музыкальному произведенію Карла-Генриха Грауна (р. 1701 † 1759) написаны Карломъ-Вильгельмомъ Рамлеромъ (1725 † 1798). Жуковскій, какъ извѣстно, перевелъ въ 1818 году эту кантату Рамлера.

[7]) Сынъ живописца Пульмана.

ожившій, но еще носящій признаки смерти Лазарь, котораго первый взглядъ Спаситель; Марѳа и Марія, одна трепеща радость(ю) (о) благодѣяніи Спасителя, другая—стремленіемъ къ Лазарю; Души дѣтей, убитыхъ въ Виѳлеемѣ; Благословеніе Исава Ливенсово; Іо и Юпитеръ съ головою Прюдона; Марсъ и Венера Аннбала Карачи: сила физическая; Св. фамилія, Рафаелева лучшаго времени; Спящая Венера Тиціанова; Голова апостола Петра Гвидо Рени; Угрызеніе змѣй Анниб(ала) Карачи; Силенъ и вакханки Клодъ Лорреня и Пуссеня; Голова Спасителя, Рафаеля; Бѣгство въ Египетъ Корречія; Искушенія Антонія Теньера. Картины показывалъ живописецъ Пульманъ съ флегмою привычки. Изъ галлереи пошелъ я въ Санъ-Суси, чтобы взглянуть на ту горницу, въ которой умеръ Фридрихъ Великій. Frédéric est mort le [1]); il n'a cessé regner que la veille, сказалъ Мирабо: лучшая похвала, какую только можно сказать о государѣ, если принять слово regner въ его великомъ смыслѣ. Бродя въ Санъ-Суси, я опоздалъ къ обѣду. В(еликой) к(нягинѣ) было досадно, что я видѣлъ С(анъ)-С(уси) безъ нея, и мы послѣ молитвы туда отправились. Я съ Перовскимъ и Тюменомъ. Мы нашли ихъ на терассѣ, съ которой видъ прелестный; потомъ взошли всѣ вмѣстѣ на куполъ С(анъ)-Суси. Потомъ пошли въ Kavalierhaus. Тамъ есть круглая мраморная зала, въ которой во время лѣтняго преб(ыванія) въ Потсдамѣ все семейство собиралось; есть двѣ горницы, въ которыхъ жила в(еликая) к(нягиня); изъ нихъ прямо ходъ въ садъ. Еще остались надъ ея постелею вѣнки; и въ ея кабинетѣ вѣнокъ съ ея вензелемъ подъ ея рисункомъ Кунцендорфа. Милое, уединенное мѣсто, похожее своею привлекательною простотою на ея чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши [2]), пожить воспоминаніемъ моего прошлаго и еще другаго прошлаго, которое мнѣ неизвѣстно, но знакомо. Мѣсто, гдѣ жила прекрасная душа, свято. Изъ Kavalierhaus мы пошли въ Бельведеръ, и съ кронпринцемъ я зашелъ на куполъ. Возвратились въ Потсдамъ черезъ Neue Palais. Ввечеру ходили вмѣстѣ съ Перовскимъ подсматривать луну на Brauhausberg, но луна не разсудила намъ показаться, а вышла послѣ, когда появился и Моденъ; зато лягушки и чибесы довольно повеселили насъ.

5 (17), вторникъ. Въ первый разъ прочиталъ Сашино письмо. Нынче день ненастный и холодный; мои намѣренья бродить по Санъ-Суси не сбылись. У обѣдни былъ король; вчера былъ кронпринцъ: онъ пріѣзжалъ нарочно для этого изъ Берлина. Обѣд(алъ) у в(еликой) к(нягини). Послѣ обѣдни в(еликая) кня(гиня) играла на фортопіано отрывки изъ

---

[1]) Фридрихъ скончался (17-го августа 1786 г.); онъ пересталъ царствовать только наканунѣ.

[2]) А. А. Воейковой.

Грауна [1]); а по окончаніи молитвы читала вмѣстѣ со мною обѣдню. Вечеръ дома. Передъ обѣдомъ былъ у Шуваловой [2]): мы разговаривали о Шлифенѣ [3]).

6 (18), середа. Нынѣшнюю ночь Яковъ [4]) занемогъ, и я долго не могъ заснуть; посылалъ за докторомъ и прочее. Поутру послѣ заутрени ходилъ вмѣстѣ съ Адлербергомъ въ Санъ-Суси опять посмотрѣть галлерею и повидаться съ милымъ моимъ мѣстомъ, которое трогаетъ своими воспоминаніями: время было холодно ясное. Во время вечерни, отдавая в(еликой) к(нягинѣ) молитву, я увидѣлъ въ ея рукахъ другаго рода молитвенникъ: письма ея матери! Какая прелестная, трогательная мы(сль) обратить въ молитву, въ очищеніе души, въ покаяніе—воспоминаніе о матери! И что же въ этой книжкѣ! Ея мысли, ея чувства, въ самыя тяжкія минуты жизни наполнявшія и утѣшавшія душу ея! Вотъ настоящая, чистая набожность! Какъ мало этого возвышающаго въ обрядѣ нашего говѣнія—вмѣсто того, чтобы входить въ себя, воспоминать прошедшее, объяснять его для себя, мы только развлекаемъ себя множествомъ молитвъ, хвалебными пѣснями, ничтожными въ сравненіи съ Тѣмъ, Кого онѣ хвалятъ, и мало говорящими сердцу. Мнѣ кажется, для этого времени должно бы соединить въ одно все, что для насъ важно! Должно бы заготовить для себя нѣсколько вопросовъ, относящихся до вѣры и до жизни нашей; возобновить вкратцѣ все, что составляетъ религію нашу, слѣдовательно, сдѣлать для себя извлеченіе всего важнѣйшаго въ Святомъ Писаніи; пройти это все въ отношеніи къ нашей жизни! Что же касается до молитвы—то довольно одной, къ которой нечего прибавить: Отче нашъ! Въ обѣднѣ же нашей заключены всѣ таинства религіи: Твоя отъ Твоихъ—вотъ все христіанство! Эти слова безъ исключенія можно примѣнить ко всѣмъ обстоятельствамъ нашей жизни! Чтобы кончить нынѣшній день лучше, и я перечиталъ въ моей Лалла Рукъ то, что написано было в(еликою) к(нягинею), и написалъ кое-что свое. Elle est ma religion! Il n'y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure [5]).

7 (19), четвергъ. Въ 10 часовъ, послѣ причастія, вмѣстѣ съ Германомъ, Перовскимъ, Моденомъ и Адлербергомъ ходилъ я въ Санъ-Суси. Избави, Господи, отъ товарищей, когда хочешь что видѣть или чѣмънибудь насладиться! Скучная и досадная прогулка; но за нее вознагра-

---

[1]) См. выше, стр. 110, прим. 6-е.

[2]) У фрейлины великой княгини, графини Е. П. Шуваловой.

[3]) Графъ Шлиффенъ (Schlieffen), за котораго впослѣдствіи вышла замужъ графиня Е. П. Шувалова, былъ адъютантомъ принца прусскаго Вильгельма.

[4]) Слуга Жуковскаго.

[5]) Т. е. Она моя религія! Нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ чувствовать чистымъ сердцемъ красоту чистой души.

и 18 раненыхъ. Результатомъ этого сраженія было занятіе города Хайлара, съ его огромными жизненными припасами.

Вторая побѣда русскихъ, при Якши, 11-го августа, отдала въ наши руки всю западную часть Манчжуріи, до горнаго хребта Большой Хинганъ. Сраженіе 11-го августа разыгралось съ замѣчательной точностью, согласно съ предположеннымъ планомъ. Одновременно, въ $6^3/_4$ час. утра, былъ открытъ артиллерійскій огонь съ фронта, и послѣдовалъ ударъ въ правый флангъ пѣхотой. Черезъ 50 минутъ непріятель дрогнулъ и обратился въ бѣгство, преслѣдуемый шестой Терской сотней охранной стражи.

Разсказавъ о подвигахъ добровольца рядоваго Алексѣя Стародубова и казака Буторина, авторъ описываетъ бивуакированіе отряда на Якшахъ Казачьихъ.

Далѣе авторъ описываетъ движеніе отряда впередъ, на Большой Хинганъ, развѣдки китайской позиціи и взятіе Хингана. «Въ семь съ половиной часовъ утра удачные выстрѣлы нашей батареи заставили замолчать непріятельскую артиллерію, успѣвшую сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ. На позиціи у китайцевъ поднялась страшная суета, въ особенности потому, что какъ разъ въ это время раздался огонь трехъ казачьихъ баталіоновъ, обошедшихъ правый флангъ. Китайскія орудія спѣшно снялись съ позиціи и потянулись къ главному перевалу, къ кумирнѣ... Не долго продолжался бой. Дружныя и одновременныя усилія русскихъ, направленныя съ нѣсколькихъ сторонъ, сдѣлали свое дѣло. Китайцы дрогнули... Генералъ сдѣлалъ распоряженіе относительно общаго перехода въ наступленіе всего отряда. Началось преслѣдованіе».

Дѣйствія Хайларскаго отряда получили слѣдующую оцѣнку начальства: 23-го іюля командующій войсками Приамурскаго военнаго округа телеграфировалъ: «По картѣ не успѣваю слѣдить за орлинымъ полетомъ Хайларскаго отряда. Поздравляю съ побѣдой и лихимъ занятіемъ Хайлара. Слава Забайкальскому казачьему войску! Слава и поклонъ его наказному атаману; Хайларскому казачьему отряду и его предводителю ура!!! Гродековъ».

Въ слѣдующей главѣ приведены списки георгіевскихъ кавалеровъ Хайларскаго отряда.

Въ заключительной главѣ, говоря о русской военной власти въ Манчжуріи, генералъ Орловъ, между прочимъ, замѣчаетъ: Побѣдивъ китайцевъ и занявъ Манчжурію, русскіе, по обыкновенію, выказали чрезвычайное великодушіе. Они относились съ уваженіемъ не только къ собственности, чести покоренныхъ жителей и щадили ихъ жизнь, но еще принялись за умиротвореніе страны. Говорятъ о звѣрствахъ и грабежахъ русскихъ. Эти разговоры не что иное, какъ обобщеніе отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, которые возможны на войнѣ всегда и у всякаго народа. Но вообще русскіе въ своемъ великодушіи даже пересаливали.

По мнѣнію генерала Орлова, необходимо теперь же раздѣлить Манчжурію на извѣстное число частей, во главѣ которыхъ поставить русскихъ военныхъ губернаторовъ; они управляли бы ввѣренными имъ областями и рядомъ съ китайской полиціей учредили бы свою, русскую. Тогда жизнь страны не могла бы укрыться отъ наблюденія. А между тѣмъ держать въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія необходимо прежде всего для того, чтобы прекратить развившееся за послѣднее время до громадныхъ размѣровъ разбойничество въ странѣ. То тамъ, то сямъ появляются шайки хунхузовъ, которые совершаютъ не столько нападенія на русскіе посты, сколько имѣютъ въ виду грабежъ населенія. Во время военныхъ дѣйствій 1900 года русскіе отряды нигдѣ не налагали ни реквизицій, ни контрибуцій; между тѣмъ, населеніе должно нести соотвѣтственныя повинности. При обычной обстановкѣ съ нихъ собирали эти повинности китайскія власти по приказаніямъ правительства изъ Пекина. Собранныя деньги идутъ въ карманы чиновниковъ, которые пользуются благопріятной обстановкой и тѣмъ, что русскія власти не пожелали вмѣшаться въ управленіе страной. Если бы подати собирались русскими, то получилось бы солидное воспособленіе тѣмъ расходамъ, которые намъ теперь приходится нести.

Для поддержанія курса русскихъ денегъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, наравнѣ съ бумажками выпускать для уплаты китайцамъ китайское серебро въ ямбахъ (слиткахъ), котораго было очень много въ нашихъ рукахъ. Но всѣ мѣропріятія финансоваго характера, по взиманію податей, относительно упорядоченія торговли, а также полицейскаго характера можно провести въ Манчжуріи лишь тогда, когда управленіе страною будетъ находиться въ нашихъ рукахъ, когда повсюду будутъ русскія власти.

Въ послѣсловіи авторъ объясняетъ появленіе въ свѣтъ своей книги въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Когда я возвратился изъ похода въ Манчжурію, западная половина которой была покорена Хайларскимъ отрядомъ, многіе разспрашивали меня о подробностяхъ нашей боевой и походной жизни. Я разсказывалъ, читалъ въ разныхъ городахъ публичныя лекціи и все-таки всѣхъ не удовлетворилъ».

Таково содержаніе новой книги генералъ-маіора Н. А. Орлова.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

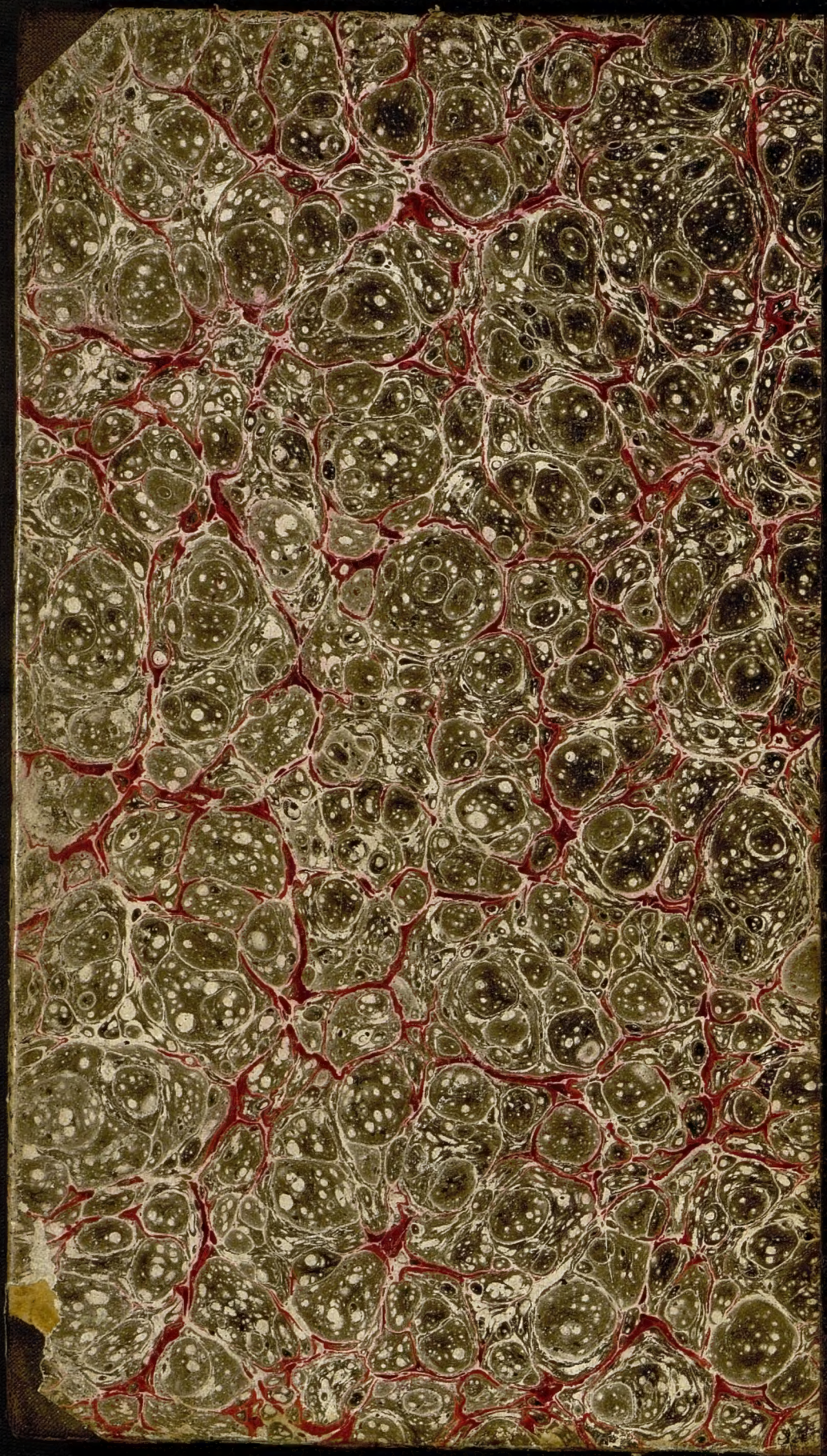
I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала безплатно.

Издатель С. Зыковъ. **Редакторъ Н. Дубровинъ.**